

БЮФ

БИБЛИОТЕКА
ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БИБЛИОТЕКА ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Генри
Каттнер

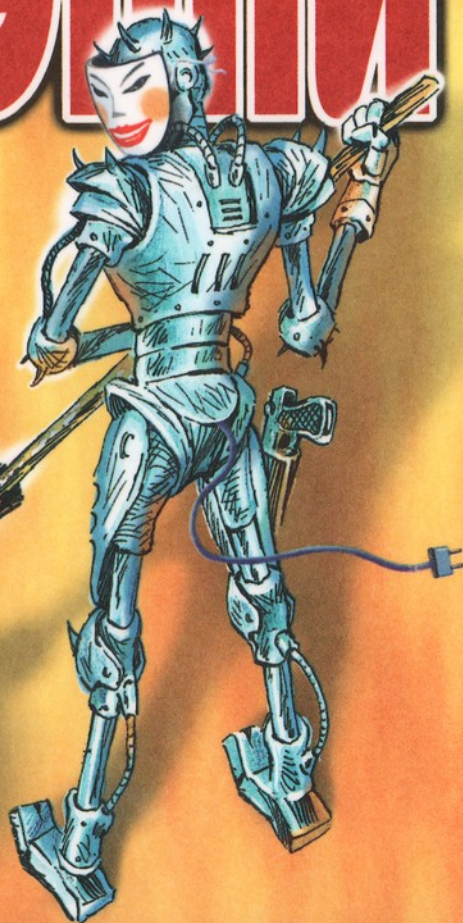
Хэппи Эн

Генри Каттнер

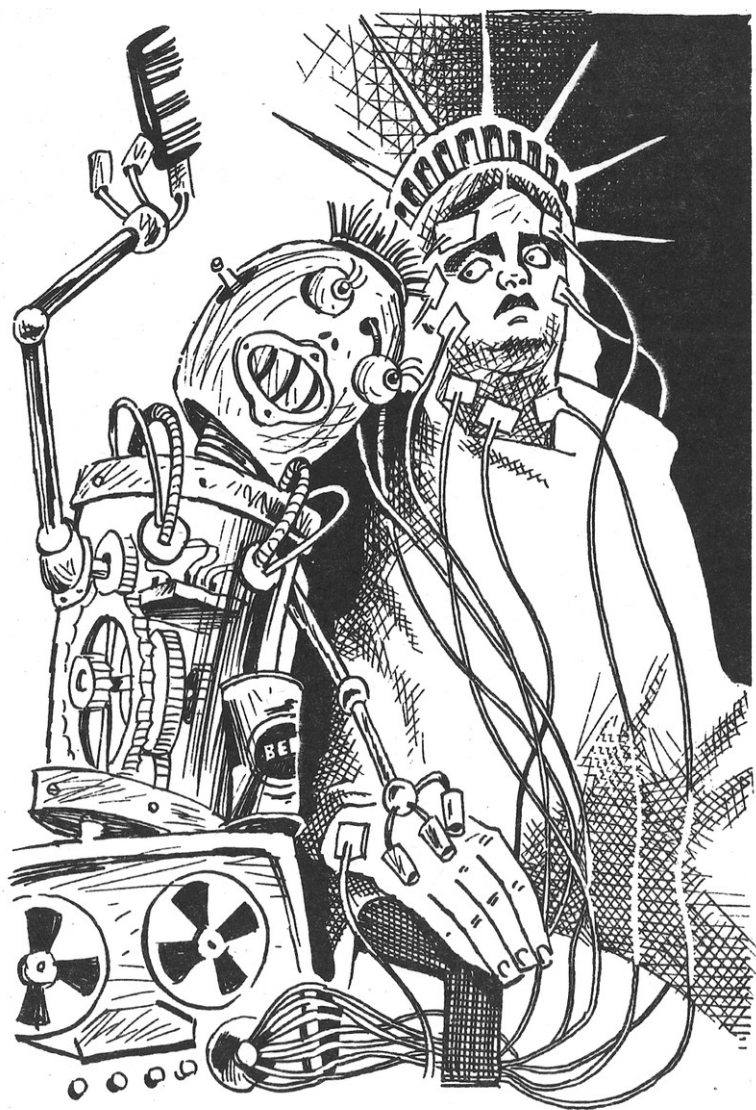
ХЭППИ

ЭН

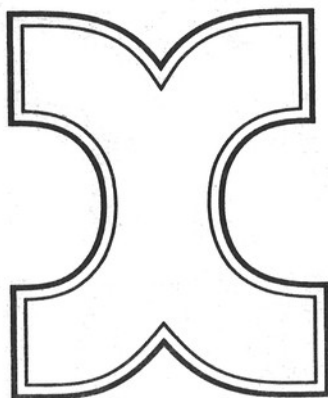

БИБЛИОТЕКА ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Генри
Каттнер

Сборник
фантастических
рассказов

Москва
АРМАДА
АРМАДА-ПРЕСС
1999

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(7)-445я5
К 29

Художник
В. Кривенко

ISBN 5-7632-0809-9

© Художественное оформление,
АРМАДА-ПРЕСС, 1999
© АРМАДА, 1999

НИМБ

Младшего ангела вряд ли можно было упрекнуть в ошибке. Ему вручили новенький, ярко светящийся нимб и отправили на некую планету. Преисполненный гордости от столь важной миссии, он старался точно следовать полученным указаниям. Младшему ангелу впервые доверили причислить человека к лику святых.

Он снизился над Землей, определил, где находится Азия, и опустился у входа в пещеру, затерянную высоко в Гималаях. С бешено бьющимся от волнения сердцем ангел вошел в нее, чтобы материализоваться и вручить святому монаху заслуженную награду. Тибетский аскет Кай Юнг вот уже десять лет сидел неподвижно и размышлял о возвышенном. Когда-то он провел десять лет стоя на верхушке столба — это преумножило его заслуги перед Господом. Последние годы он жил в пещере отшельником, отрекшись от наслаждений плоти.

Младший ангел переступил порог и замер: он явно попал не по назначению. В пещере стоял сильный запах перегара. Небожитель с ужасом взглянул на маленького пьяного человечка с морщинистым лицом, сидевшего у костра и с радостной ухмылкой жарившего кусок козлятины. О, ужас! — это был воплощенный порок.

Конечно, ангел был не слишком сведущ в земных делах. Ему было невдомек, что же заставило монаха пасть так низко. На самом деле отшельника сбила с пути истинного большая бутылка вина, забытая у входа в пещеру безвестным паломником. Монах поддался соблазну... потом еще раз... и еще... и теперь, без всякого сомнения, уже не мог претендовать на звание святого.

Младший ангел задумался. Ему были даны вполне определенные указания, но... этот пьяный нечестивец просто недостоин нимба! Тут монах громко икнул и налил себе вина. Это стало последней каплей: ангел гневно взмахнул крыльями и полетел прочь из пещеры.

Потом случилось вот что. В одном из западных штатов Северной Америки есть городок Тиббет. И можно ли винить ангела, слетавшего туда и после недолгих поисков обнаружившего человека, который вполне созрел для причисления к лику святых? Звали его, судя по табличке на двери маленького домика, К. Янг.

«Видно, я неправильно понял,— подумал младший ангел,— мне говорили о Кае Юнге. Но это Тиббет, так что все верно. Он и есть тот самый человек. Значит, быть по сему. Ну-ка, где у меня нимб?»

Мистер Янг сидел на краю кровати и, опустив голову, мрачно размышлял. Печальное было зрелище, что и говорить. Через некоторое время он встал и, не прерывая раздумий, начал одеваться. Затем побрился, умылся и спустился завтракать.

Джилл Янг, его законная супруга, сидела загородившись газетой и не спеша потягивала апельсиновый сок. Она была маленькой, достаточно привлекательной женщиной средних лет, давно оставившей бесплодные попытки разобраться в жизни. Ведь жизнь, по мнению Джилл, была чересчур сложна и постоянно преподносила самые невероятные сюрпризы. Так что проще было оставаться в стороне и принимать все как есть. Потому-то она и не стала, например, выводить веснушки, а на голове ее мужа беспрепятственно появилось немало седых волос.

Голова мистера Янга, о которой еще не раз пойдет речь, прошедшей ночью претерпела некоторые изменения. Впро-

чем, сам он об этом пока не подозревал. Жена пила апельсиновый сок и рассеянно рассматривала рекламу какой-то дурацкой шляпки.

— Привет, Мерзавка! — поздоровался Янг. — Доброе утро.

Он имел в виду конечно же не жену, а маленькую собачонку, которая व्यюном вертелась у ног хозяина и пришла в совершенный восторг, когда ее почесали за ухом. Уткнувшись мордой в ковер, она поползла по комнате, урча от удовольствия. Когда это занятие ей наскучило, собака (ее полное имя, кстати, было Настырная Мерзавка) принялась биться головой об пол, словно хотела выколотить из нее остатки мозгов.

Наконец мистер Янг отвернулся от привычной сцены к столу, сел, развернул салфетку и, что-то одобрительно пробурчав, принялся завтракать.

И вдруг заметил, что жена внимательно, с каким-то странным недоверчивым выражением лица его разглядывает. Янг быстро вытер рот салфеткой, но Джилл все так же пристально смотрела на него.

Украдкой бросив взгляд на свою рубашку, он решил было, что она, возможно, не вполне безупречна, однако пятен от соуса и яиц не заметно. Снова взглянув на жену, устремившую взор чуть выше его головы, Янг тоже поднял глаза.

Джилл слегка вздрогнула.

— Что это такое, Кеннет? — прошептала она.

Янг пригладил волосы.

— Э-э, что именно, дорогая?

— Эта штука у тебя на голове?

Он быстро ощупал макушку.

— На голове? Что ты имеешь в виду?

— Она светится, — объяснила Джилл. — Ради Бога, что ты с собой сотворил?

Мистер Янг ощутил легкое раздражение.

— Ровным счетом ничего. Просто мужчины, знаешь ли, склонны лысеть.

Джилл нахмурила брови и отпила сока. Потом, с любопытством посмотрев на мужа, проговорила:

— Кеннет, я хочу, чтобы...

— Что?!

Она показала пальцем на зеркало.

Янг с сердитой гримасой поднялся и взглянул на свое отражение. Вроде бы ничего особенного: он уже много лет видел в зеркале это лицо. Не слишком запоминающееся, но, с другой стороны, и не уродливое. Обычная гладко выбритая физиономия.

Но с нимбом она выглядела жутковато.

Светящееся белое кольцо размером с блюдце неподвижно висело сантиметрах в десяти над макушкой. Пощупать его оказалось невозможно, и Янг зачарованно смотрел, как рука несколько раз прошла сквозь световой ореол.

— Это н-н... нимб,— прошептал наконец несчастный и, повернувшись, немигающими глазами уставился на жену.

Тут сияющее украшение в первый раз заметила Настырная Мерзавка и чрезвычайно им заинтересовалась. Она, конечно, и представления не имела, что это за штука, но почему-то решила непременно попробовать ее на вкус.

Мерзавка села и тихонько заскулила. Никто не обращал на нее внимания. Тогда она громко тявкнула, подпрыгнула и попыталась забраться к хозяину на колени, чтобы затем добраться до нимба и вцепиться в него зубами. Непонятная штуковина не выглядела опасной, так что игра вполне стояла свеч.

Янг схватил собаку за загривок, отнес в соседнюю комнату и швырнул на ковер; затем вернулся и вновь уставился на жену.

После долгой паузы Джилл наконец изрекла:

— Нимбы бывают у ангелов и святых.

— Разве я похож на ангела? — раздраженно возразил Янг.— Это... это просто научный феномен. Как... помнишь, ты девочка, у которой сама собою раскачивалась кровать... Ты читала об этом?

Джилл, оказывается, читала:

— Она сама ее раскачивала.

— А вот я — не сам,— уверенно заявил Янг.— Да и как это можно сделать? Впрочем, многие вещи могут светиться сами по себе.

— Да-да. Гнилушки, например.

Янг поморщился и потер голову.

— Ну, спасибо, дорогая. Помощи от тебя...

— Нимбы бывают у ангелов,— вновь зачарованно прошептала Джилл.

Новоиспеченный святой опять повернулся к зеркалу.

— Извини, дорогая, не угодно ли тебе на минутку заткнуться? Я и так перепуган до чертиков...

Джилл зарыдала и выскочила из комнаты. Вскоре стало слышно, как она тихо разговаривает с собакой.

Янг залпом, не чувствуя вкуса, проглотил остатки кофе. Честно говоря, на самом деле он был не так уж сильно испуган. Случай был странным, сверхъестественным, но ни в коем случае не ужасным. Вот если бы выросли рога — тогда просто кошмар. Ну, а нимб, что ж... Регулярно читая воскресное газетное приложение, мистер Янг уверился, что наука может объяснить все загадки. Он слышал, что даже мифы имеют вполне научное обоснование. Эти размышления до такой степени утешили беднягу, что он ощутил в себе достаточно сил, чтобы пойти на работу.

Янг надел котелок. К несчастью, нимб оказался слишком велик, и шляпа превратилась в цилиндр, верхняя часть которого светилась белым светом.

— Дьявол! — вскричал несчастный и стал рыться в гардеробе. Перепробовав все шляпы, он убедился, что нимб не вмещается ни в одну. Появиться же со светящейся головой в переполненном автобусе было выше его сил.

Вдруг Янг заметил в дальнем углу шкафа что-то большое и пушистое. Он с отвращением повертел в руках огромный меховой колпак, служивший когда-то деталью бесследно исчезнувшего маскарадного костюма. В последнее время колпак с успехом служил подстилкой для Мерзавки.

Тем не менее эта штука вполне скрывала нимб. Янг осторожно напялил колпак и повернулся к зеркалу... Пропшептав короткую молитву, он отворил дверь и выскользнул из дома.

Выбирать из двух зол не так-то просто. За время короткой поездки на работу, напоминавшей ночной кошмар, Янг не раз мучительно думал, что, пожалуй, ошибся. Он

жаждал сорвать проклятый колпак и швырнуть его себе под ноги, но никак не мог на это решиться. Забившись в угол автобуса, несчастный внимательно изучал свои ногти и хотел только одного — поскорее умереть. Он слышал шепот, приглушенный смех и всем телом ощущал любопытные взгляды.

Наконец маленький мальчик беззастенчиво потревожил кровоточащую душу Янга своим невинным розовым пальчиком.

— Мама,— пронзительно закричал он,— посмотри на этого смешного дядю!

— Милый,— ответил женский голос,— милый, не кричи.

— Что у него на голове? — не унимался маленький мучитель.

Последовала длинная пауза. И наконец шепот:

— Честно говоря, я не знаю.

— Зачем он это надел?

Мать не отозвалась.

— Ма-а-ма-а-а!!

— Да, солнышко.

— Он сумасшедший?

— Веди себя тихо! — попыталась урезонить его мать.

— Но что? это? такое?!

Янг почувствовал, что больше не вынесет, поднялся и, устремив взор в пустоту, с достоинством двинулся к выходу. Добравшись до задней площадки, он сделал вид, что не заметил удивленного взгляда кондуктора.

Когда автобус притормозил, Янг вдруг почувствовал, что на плечо легла чья-то рука, и, вздрогнув, обернулся.

Мамаша малыша, нахмурившись, смотрела на него.

— Ну? — резко спросил он.

— Да вот Билли... я стараюсь ничего от него не утаивать...— нерешительно вымолвила женщина.— Что же все-таки у вас на голове?

— Борода Распутина! — рявкнул Янг.— Он мне ее завещал.

Бедняга пробкой выскочил из автобуса и постарался затеряться в толпе.

Это оказалось не так-то просто — многие были не на шутку заинтересованы необычным головным убором. К счастью, до офиса было уже недалеко. Хрипло дыша, Янг ввалился в лифт, бросил убийственный взгляд на мальчишку-лифтера и сказал:

— Девятый этаж.

— Извините, мистер Янг,— бесстрастно произнес тот,— у вас на голове...

— Знаю,— последовал торопливый ответ.

Лифтер умолк. Но как только пассажир вышел из кабины, мальчик широко улыбнулся, а уже через несколько минут говорил уборщику:

— Видал мистера Янга?

— Нет. А что?

— Пьян в стельку!

— Что?! Хорош врать!

— Разрази меня гром, пьян как сапожник, клянусь!

Тем временем новоосвященный мистер Янг подошел к кабинету доктора Франча: по счастью, знакомый врач работал в том же здании. Ждать пришлось не долго — настороженно взглянув на странный головной убор, медсестра исчезла за дверью и буквально через секунду пригласила пациента войти.

Доктор Франч, высокий рыхлый человек с большими желтыми усами, энергично вскочил из-за стола навстречу посетителю.

— Заходите, заходите. Как самочувствие? Все в порядке, надеюсь? Позвольте вашу шляпу.

— Погодите,— сказал Янг, отстраняя врача.— Понимаете, у меня на голое что-то странное.

— Рана, порез, ушиб? — не понял его доктор.— Сейчас починим!

— Я здоров,— пробормотал Янг.— Только вот, видите ли... у меня... гм... нимб.

— Нимб, говорите? — Франч рассмеялся.— Держу пари, вы его недостойны.

— А-а-а, черт возьми! — завопил несчастный, срывая колпак.

Доктор отскочил на шаг. Потом осторожно приблизился и попытался дотронуться до светящегося ободка — разумеется, тщетно.

— Чтоб меня... Да-а, странно,— вымолвил он наконец.— И вправду похож, а?

— Вот я и хочу узнать: что это за штука?!

Франч задумчиво пощипал усы.

— Н-ну, вообще-то вопрос слегка не по моей части. Может, физик вам скажет... А он снимается?

— Нет, конечно. Его даже и потрогать нельзя.

— Ага. Понял. М-да, хотелось бы услышать мнение специалиста. А пока что, ну-ка...— Доктор стал громким голосом отдавать распоряжения.

Через некоторое время сердце, температура, кровь, слюна и кожа Янга были тщательно исследованы. Никаких отклонений не наблюдалось.

— Вы здоровы как бык. Приходите-ка завтра в десять — я соберу консилиум.

— А... а... избавиться от него, что же... нельзя?

— Сейчас лучше не стоит. Это явно что-то радиоактивное. Возможно, придется прибегнуть к лучевой терапии.

Краем уха слушая бормотание врача об альфа- и гамма-излучении, Янг разочарованно натянул свой неописуемый колпак, вышел из кабинета и побрел на рабочее место.

Рекламное агентство «Атлас» слыло самым консервативным из всех рекламных агентств. Два седоусых брата основали фирму еще в 1820 году. Респектабельные седые усы и сейчас могли бы послужить достойной его эмблемой. Совет директоров крайне неодобрительно относился ко всяческим нововведениям. Контракты на рекламу радиопередач стали заключаться только в 1938 году, когда боссы пришли наконец к выводу, что радио явилось в мир всерьез и надолго.

Однажды подающий надежды вице-президент лишился своего места только из-за того, что надел красный галстук.

Янг проскользнул в свою комнату, которая, по счастью, была пуста, упал в кресло и, сдернув колпак, некоторое время с отвращением его разглядывал. Тот казался теперь еще отвратительнее, чем утром,— начал линять и явственно отдавал псиной.

Убедившись, что нимб по-прежнему на месте, Янг приступил к работе. Но судьба продолжала преподносить сюрпризы: дверь распахнулась и вошел Эдвин Г. Кипп, президент агентства «Атлас». Янг тут же нырнул под стол.

Кипп был маленьким, безукоризненно одетым человеком с огромным чувством собственного достоинства. Он носил пенсне и галстук-бабочку, что придавало ему облик живого ископаемого.

— Доброе утро, мистер Янг, — произнес президент. — Э-э... где же вы?

— Доброе утро, — отозвался невидимый Янг. — Извините, я завязываю шнурок.

Кипп промолчал, только тихонько кашлянул в кулак. Шло время. Под столом было тихо.

— Мистер Янг?

— Я... еще здесь, — прохрипел бедолага. — Совсем запутался. Шнурок, я имею в виду. Вы хотели поговорить со мной?

— Да.

Кипп с нарастающим нетерпением ждал. Признаков скорого появления Янга не наблюдалось. Президент подумал, что, возможно, имеет смысл заглянуть под стол, однако, с ужасом представив, сколь неподобающе будет выглядеть такой способ ведения деловых разговоров, наконец сдался и сообщил:

— Только что звонил мистер Девлин. Он вскоре прибудет и хотел бы, судя по его словам... э-э... осмотреть город.

Невидимый Янг выдавил невразумительное «угу». Девлин — один из самых престижных клиентов. Или, точнее говоря, был до прошлого года, когда, к неудовольствию Киппа и совета директоров, вдруг стал вести дела с другой фирмой.

Президент продолжал:

— Он сказал, что испытывает сомнения по поводу нового контракта. Поначалу он намеревался заключить его с компанией «Уорлд», но потом мы решили, что этот вопрос целесообразно будет обсудить лично. Для этого он и приезжает в наш город. — Кипп доверительно понизил голос: — Хочу уведомить вас, что мистер Девлин заявил мне о своем

намерении иметь дело с менее консервативной или, как он выразился, «менее нудной» фирмой. Сегодня мы вместе ужинаем, и я постараюсь убедить его, что агентство «Атлас» — именно то, что ему нужно. Тем не менее,— Кипп снова кашлянул,— надо быть дипломатами. Поэтому я поручаю вам развлекать сегодня днем мистера Девлина.

Последние слова президента были встречены судорожным всхлипом:

— Я плохо себя чувствую. Я не могу...

— Вы больны? Нужен врач?

Врача Янг отверг, но и из-под стола не вылез.

— Нет, я... но я хочу сказать...

— Вы ведете себя весьма странно,— с нажимом произнес Кипп,— послушайте, мистер Янг. Я не хотел пока сообщать, но... Одним словом, ваша кандидатура обратила на себя внимание совета директоров. На последнем совещании мы, после некоторого обсуждения, решили предложить вам пост вице-президента фирмы.

Под столом воцарилось молчание.

— Вы пятнадцать лет достойно работали в агентстве. На вашей репутации нет ни малейшего пятнышка. Поздравляю вас, мистер Янг!

Президент шагнул к столу, протягивая руку. Навстречу вынырнула другая, ответила на пожатие и быстро исчезла.

Снова тишина. Янг упорно не покидал своего убежища. Кипп наконец понял, что ему остается только ухватить мистера Кеннета Янга за шиворот и силой вытащить из-под стола. Неодобрительно хмыкнув, он вышел из комнаты.

Несчастный выбрался на свободу, растирая затекшую спину. Ну и дела! Развлекать Девлина с нимбом над головой? И не развлекать нельзя, а то вопрос о вице-президентстве автоматически отпадет — Янг слишком хорошо знал, где работал.

Прервав ход его мыслей, на верхней полке шкафа внезапно возник ангел.

Шкаф был не очень высок, и небесный гость сидел довольно тихо, свесив вниз ноги и сложив крылья. Ослепительно белые одежды ангела и в особенности ярко сия-

ющий нимб вызвали у Янга чувство непреодолимого отвращения.

— Это конец,— тихо и обреченно произнес несчастный.— Пусть нимб — лишь следствие массового гипноза, но когда начинаешь видеть ангелов...

— Не пугайся,— ответил пришелец.— Я вполне реален. Глаза Янга медленно наливались кровью.

— Еще чего! Определенно, я разговариваю с пустым местом. Это шизо... шизо... как ее там? Сгинь!

Ангел, явно смутившись, покачал ногой.

— Прямо сейчас не могу. Откровенно говоря, я совершил непростительную ошибку. Ты, верно, заметил небольшой нимб...

Бедняга горестно усмехнулся:

— Да уж. Заметил.

Не успел ангел продолжить, как отворилась дверь и в комнату заглянул Кипп. Но, увидев что Янг занят, поспешно пробормотал «Извините!» и исчез.

Ангел задумчиво пригладил свои золотые кудри.

— Значит, так. Твой нимб был предназначен совсем другому человеку. Тибетскому монаху. Но стечение обстоятельств привело к тому, что я ошибочно причислил к лику святых тебя. Так что...— Ангел сделал красноречивый жест рукой.

Янг был ошеломлен.

— Я не вполне...

— Монах... ну, в общем, согрешил. А грешник не имеет права носить нимб. И как уже было сказано, я по ошибке отдал его тебе.

— Но ведь тогда ты можешь забрать его назад? — Янг просиял, но ангел отрицательно покачал головой.

— Боюсь, что нет. Я справлялся у ангела-хранителя Книги Судеб. Ты прожил безупречную жизнь и честно заслужил право на нимб.

Несчастный вскочил и замахал руками:

— Но... но...

— Да пребудут с тобой вовеки мир и благословение,— напутствовал его ангел и исчез.

Янг снова рухнул в кресло и потер занывший от боли висок. Тут отворилась дверь, и на пороге появился Кипп. К счастью, нимб в эту секунду оказался прикрыт рукой.

— Прибыл мистер Девлин,— сообщил президент.— Гм-м... а кто это был там, на шкафу?

Янг был настолько раздавлен, что, не сумев придумать что-нибудь более правдоподобное, пробормотал:

— Ангел.

Кипп удовлетворенно кивнул:

— Да, конечно... Что?! Вы сказали — ангел?! Ангел... О Боже! — Президент, заметно побледнев, выскочил из кабинета.

Янг мрачно взглянул на меховой колпак. Злосчастный головной убор по-прежнему лежал на столе и, казалось, слегка покачивался под его ненавидящим взглядом. Жизнь с нимбом на голове казалась лишь чуть-чуть более невыносимой, чем с этим ужасным колпаком. Страдалец яростно грохнул кулаком по столу.

— Я этого не вынесу! Я... я не должен...

Внезапно он замолчал и удивленно улыбнулся.

— Так ведь и не буду... все прекрасно! Я не намерен терпеть! Если монах остался без нимба, значит, его не может носить ни один грешник! — Круглое лицо Янга исказила сатанинская гримаса. — Тогда — я стану грешником! Нарушу все заповеди, все...

Он запнулся, ибо смог припомнить только одну: «Не возжелай жены ближнего твоего». Бедняга представил себе жену соседа — некую миссис Пудинг, слоноподобную особу лет пятидесяти, с лицом, напоминающим подгоревший пирог. Нет, эту заповедь нарушать решительно не хотелось.

Но возможно, и один настоящий грех заставит ангелы Гыстренько примчаться обратно и забрать нимб? Какие преступления считаются незначительными? Янг задумчиво наморщил лоб.

В голову ничего не приходило, и страдалец решил пойти прогуляться — глядишь, и представится удобный случай согрешить. Преодолевая отвращение, он натянул на голову колпак и уже дошел было до лифта, как услышал вдруг привычный голос, громко его приветствующий. По коридору

быстро шел полный мужчина; Янг понял, что это мистер Девлин.

Эпитет «полный» был для мистера Девлина слишком слабым. Он был, скорее, пухлый: ноги, стиснутые снизу темно-желтыми ботинками, вырывались затем на свободу в виде мясистых лодыжек, далее следовали необъятные бедра, все более и более утолщавшиеся по мере продвижения взгляда к умопомрачительному животу мистера Девлина. В профиль этот человек напоминал апельсин, страдающий слоновой болезнью. Над воротником вздымалась бесформенная гора плоти, в которой Янг с трудом разглядел черты человеческого лица.

Таков был Девлин, несшийся по коридору, словно мамонт, сотрясая каблуками пол.

— Вы — Янг! — прохрипел он, тяжело дыша. — Чуть не упустили меня, да? А я ждал в конторе. — Девлин замолчал и заинтересованно посмотрел на колпак. Потом, стараясь соблюсти приличия, деланно рассмеялся и отвел глаза. — Ну, я горю нетерпением!

Янг понял, что попал прямехонько между Сциллой и Харибдой: если не удастся должным образом развлечь Девлина — прощай пост вице-президента. Но на голову свинцовым обручем давил нимб. В мозгу вертелась единственная мысль: нужно во что бы то ни стало избавиться от этого святого дара. А там уж можно будет рассчитывать на дипломатию, да еще если повезет немного... Принимать гостя в таком виде никак нельзя. Кипп сочтет это хамством — один колпак чего стоит!

— Извините, — простонал Янг. — Срочное поручение. Я скоро вернусь.

Девлин хрипло расхохотался и крепко ухватил его за руку:

— Ну уж нет! Показывайте мне город! Прямо сейчас! — В воздухе разнесся отчетливый запах винного перегара, и тут Янг нашел выход!

— Ладно, — согласился он наконец, — пойдемте. Внизу есть бар, так что выпьем немного, а?

— Вот теперь дело говоришь! — одобрительно воскликнул мистер Девлин и дружески хлопнул несчастного по спине, отчего тот чуть не упал. — О, вот и лифт пришел!

Они вошли в переполненную кабину. Янг страдальчески закрыл глаза, но все равно чувствовал сверлившие его любопытные взгляды. Он впал в какое-то оцепенение и очнулся лишь на первом этаже, когда Девлин выдернул его из лифта и потащил в ближайший бар.

План был таков: вливать в объемистое нутро мистера Девлина порцию за порцией и терпеливо ждать возможности незаметно ускользнуть. Но как немедленно выяснилось, в стройной схеме обнаружился изъян: Девлин не захотел пить в одиночку.

— Одну мне, одну тебе, — настаивал он. — Все честно. Давай еще по разику.

В силу известных обстоятельств Янг не мог отказываться. Но самое неприятное заключалось в том, что поглощаемый Девлином алкоголь равномерно распределялся по всем клеткам его обширного тела. Так что он весьма долго продолжал пребывать все в том же слегка приподнятом состоянии. А вот бедный Янг, мягко выражаясь, наклюкался.

Несчастный тихо сидел за столом, с трудом удерживая в поле зрения своего спутника. Кроме того, Янг продолжал размышлять о нембе, перебирая в воспаленном мозгу различные грехи: поджог, ограбление, диверсия, убийство. Он попытался было умыкнуть у официанта мелочь, но тот был начеку и лишь слегка улыбнулся, поставив на стол бокал с новой порцией.

С неприязнью посмотрев на этот бокал, наш герой вдруг решился и, с трудом встав с места, поплелся к выходу. Девлин немедленно уцепился за его руку:

— Что случилось? Давай еще...

— Я должен кое-что сделать, — отрешенно проговорил Янг. Он выхватил у прохожего трость и так устрашающе замахал ею, что тот счел за благо ретироваться. Янг мрачно озирался по сторонам.

— Какие еще дела? — громко запротестовал Девлин. — Показывай мне город.

— Очень важные! — Янг пристально посмотрел на мальчишку, который остановился было на углу, но, явно заинтересовавшись странным головным убором, медленно подходил ближе. Он чертовски напоминал маленького негодяя из автобуса.

— Важные дела? — не отставал Девлин. — Подумаешь! Ну какие, например?

— Например, избить ребенка, — отрывисто бросил Янг и, размахивая тростью, ринулся к растерянному мальчишке. Тот заорал и помчался прочь. Янг несколько метров преследовал его, но потом столкнулся с фонарным столбом, оказавшимся на редкость жестким и неуступчивым. Столб преградил дорогу и, несмотря на все усилия и красноречивую жестикуляцию преследователя, не желал отходить в сторону.

Мальчишка давно уже исчез за поворотом. Наградив столб сильным ударом трости, Янг повернул обратно.

— Боже правый, что ты творишь? — изумился Девлин. — Вот, уже и фараон на нас тарашится. Пошли отсюда!

— Что я творю? — усмехнулся Янг. — Разве не ясно? Я хочу совершить грех.

— С-совершить грех?

— Именно.

— Почему?

Янг выразительно постучал пальцем по колпаку, но Девлин неверно истолковал его жест:

— Ты псих?

— Заткнись! — заорал Янг в приступе внезапной ярости и швырнул трость под ноги проходившему мимо президенту соседнего банка. Тот тяжело рухнул на асфальт, но поднялся без видимых телесных повреждений. Однако его чувство собственного достоинства было уязвлено.

Янг тут же подбежал к зеркальной витрине магазина и стал самым невероятным образом вертеть свой колпак, пытаясь приподнять его и посмотреть (да так, чтобы никто не заметил!), на месте ли нимб. Наконец, громко выругавшись, бедняга повернулся и, бросив презрительный взгляд на президента банка, подхватил Девлина под руку и повлек прочь.

На ходу Янг бубнил:

— Надо согрешить... по-настоящему согрешить. По большому счету. Сжечь приют для сирот. Убить тетушку. Убить... да хоть кого-нибудь.— С этими словами он быстро взглянул на Девлина, и тот в ужасе отшатнулся. В конце концов Янг разочарованно вздохнул: — Не пойдет. Слишком много крови и слез. Так что нож и пуля отпадают. Если только взорвать... стоп! — Он схватил Девлина за руку.— Воровство — грех, так?

— Безусловно,— дипломатично согласился тот.— Но ты ведь не собираешься...

Янг покачал головой:

— Не сейчас. Слишком много народу. Зачем садиться в тюрьму? Пошли дальше.

Он пустился бежать, Девлин — за ним. Обещание показать гостю город было выполнено с честью. Правда, впоследствии ни один из них не смог припомнить, где их носило. По дороге Девлин заскочил в бар для дозаправки и вскоре вернулся с бутылками, распаханными по всем карманам.

Минуты и часы тонули в густом алкогольном тумане. Для измученного Девлина происходящее обрело уже некоторую ирреальность. Он впал в протрацию, смутно пытаясь припомнить предшествовавшие прогулке события. Наконец, когда на улице была уже глубокая ночь, он внезапно очнулся и увидел, что стоит вместе с Янгом возле большого деревянного индейца, служащего рекламой сигарной лавочки. Это был, наверное, последний рекламный индеец во всем городе. Памятник безвозвратно ушедшим годам — он смотрел мутными стекляшками глаз на коробку деревянных сигар, которую держал в вытянутой руке.

Колпак с головы Янга к тому времени уже куда-то исчез, и тут Девлин наконец обнаружил в облике спутника нечто необычное. Он тихо произнес:

— У тебя... у вас — нимб!

Янг слегка вздрогнул и ответил:

— Да. У меня нимб.— Потом задумчиво произнес: — Этот индеец...

Девлин неодобрительно посмотрел на деревянную фигуру. Индеец представился его затуманенному сознанию

чем-то еще более ужасным, чем нимб. Зябко передернув плечами, он быстро отвел глаза.

— Воровство — грех,— прошипел Янг и с радостным криком попытался приподнять индейца, но немедленно рухнул под его тяжестью и разразился неистовыми проклятиями. Наконец он поднялся и сказал: — Тяжелый. Помоги мне!

Девлин давно уже не пытался понять смысл этих сумасшедших поступков. В итоге двое мужчин медленно побрели вниз по улице, с трудом таща на себе тяжеленного индейца.

Владелец сигарной лавочки поглядел им вслед и с нескрываемой радостью потер руки.

— Десять лет я не мог избавиться от этого хлама,— хихикая, прошептал он.— А теперь... уф! — Затем вернулся обратно в лавочку и закурил двухдолларовую «Корону», празднуя свое освобождение.

Тем временем Янг и Девлин поравнялись со стоянкой такси. Там оказалась одна-единственная машина; шофер курил сигарету и слушал радио. Янг громко окликнул его.

— Такси, сэр? — Шофер ожил, выскочил из машины и распахнул дверцу. И вдруг — замер, вытаращив ошалевшие глаза. Однако он был изрядным циником и в привидения не верил. Но, увидев чудовищно раздутого вурдалака и падшего ангела, на плечах которых покоился окоченевший труп индейца, понял вдруг с ослепительной ясностью, что под тонким слоем реальной жизни скрывается бездна первозданного хаоса. Насмерть перепуганный, с громким воплем ужаса он вскочил обратно в машину и тут же умчался в неизвестном направлении.

Девлин горестно взглянул на Янга:

— Что теперь?

— Ну, я живу не очень далеко,— ответил тот.— Кварталов десять. Пошли!

Стояла уже поздняя ночь, и попадавшиеся по пути редкие прохожие старались, дабы не подвергать свою жизнь опасности, не обращать внимания на необычную процессию. В конце концов странная тройца без приключений добралась до места.

Дверь дома была заперта, и Янг никак не мог найти ключи. Будить Джилл, естественно, не хотелось. Но его не покидала странная убежденность, что украденного индейца непременно нужно спрятать. После некоторых размышлений он остановил свой выбор на подвале. Стараясь не шуметь, сообщники высадили окно, подтащили к нему деревянную фигуру и осторожно просунули ее внутрь.

— Вы и вправду здесь живете? — подозрительно спросил Девлин.

— Ш-ш-ш! — предостерегающе поднял руку Янг.— Пошли.

Он пролез в то же окно и с шумом приземлился на кучу угля. Через несколько секунд рядом рухнул Девлин, шумно сопя и потирая ушибленные места. Нимб неярко, как двадцатипятиваттная лампочка, освещал мрак подвала.

Оставив Девлина наедине с синяками, Янг принялся разыскивать индейца, который куда-то запропал. Наконец он обнаружился под старым корытом, с немалым трудом был извлечен на свет Божий и поставлен в углу. Затем новоявленный грешник отступил на шаг и, слегка пошатываясь, воззрился на дело рук своих.

— Совсем неплохой грех,— подытожил он.— Кража. Дело ведь не в количестве украденного, а в самой сути поступка. И тут — что деревянный индеец, что миллион долларов — все равно. А, Девлин?

— Я бы охотно изрубил этого болвана на куски,— с чувством отозвался тот.— Ты заставил меня тащить его целых три мили.— Он замолчал и настороженно прислушался: — Черт возьми, а это еще что?

Далее началась небольшая суматоха. Настырная Мерзавка, из которой в свое время тщетно пытались сделать сторожевую собаку, получила наконец-то шанс отличиться. Услыхав доносящиеся из подвала странные звуки, она вихрем слетела вниз по ступенькам и с громким лаем набросилась на Янга. Суматошно цыкая, он пытался уговорить несносное животное, но собака яростно рычала, словно бы собиралась растерзать непрошенных гостей. Янг, потеряв равновесие, взмахнул рукой и рухнул на пол, но не успел

и пошевелинуться, как Мерзавка увидела нимб и прыгнула прямо на голову своему хозяину.

Несчастный попытался защититься, но тут дали себя знать несчетные порции выпивки, опорожненные за этот долгий день. Вместо собаки Янг ухватил ногу деревянного истукана. Тот сильно зашатался. Мерзавка вскинула голову и, оценив обстановку, на всякий случай отскочила подальше. Но на полдороге вновь вспомнила о своем долге и с глухим рычанием впилась в ногу хозяина.

Бедняга неподвижно лежал на полу, судорожно стиснув деревянного индейца, а собака пыталась вырвать кусок его брюк.

Вдруг раздался оглушительный удар грома, подвал озарился ярким белым светом, и появился ангел.

У Девлина подкосились ноги. Он сел на кучу тряпья, закрыл глаза и стал что-то тихо бормотать. Мерзавка ринулась на прищельца, но, после безуспешной попытки ухватить его за тихо покачивающееся крыло, отскочила в сторону. Гость оказался разочаровывающе бесплотным.

Златовласый ангел подошел к Янгу и ласково ему улыбнулся.

— Это, — изрек он, — первое твое благое деяние с момента причисления к лику святых. — Сияющее крыло прочертило полутьму подвала, осенив мрачную фигуру индейца, и та исчезла. — Ты облегчил душу ближнему — и это стоило тебе немалых трудов. Целый день неустанно трудился ты без малейшей корысти, а утро встретишь усталым и разбитым. Следуй же и далее избранному пути, К. Янг! Нимб удержит тебя от всех земных грехов! — С этими словами младший ангел бесшумно исчез.

Это было единственное, что порадовало беднягу, ибо голова начинала болеть и повторный удар грома оказался бы совершенно излишним.

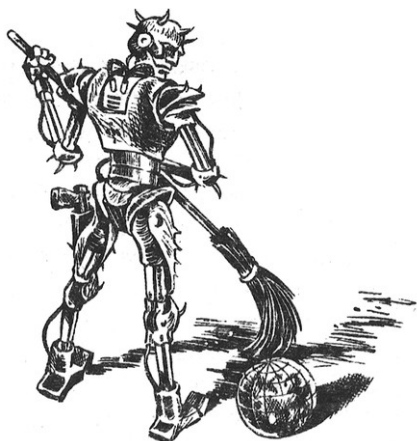
Мерзавка противно затыкала и снова ринулась в атаку на нимб. Янг, поднатужившись, с трудом встал на ноги. Пол и стены покачивались перед его глазами.

Через некоторое время он очнулся, весь в холодном поту, мечтая уснуть снова и уже никогда больше не просыпаться. Он лежал в измятой холодной постели, а в окна

лился яркий солнечный свет, дробившийся в голове на тысячи маленьких острых осколков. Желудок судорожно сжимался, горло жгло огнем.

В момент пробуждения Янг осознал одновременно три вещи: он действительно встречает утро усталым и разбитым, нимб над головой по-прежнему отражается в зеркале и еще — смысл слов, сказанных ангелом на прощанье.

Несчастный мучительно застонал. Голова-то пройдет, а вот нимб — теперь уже наверняка останется навсегда. Его можно лишиться, лишь совершая грехи, а Янгу это стало теперь недоступно. Осененный сияющим нимбом, он превратился в другого человека. Все его деяния будут отныне лишь добром, всякий труд — заботой о ближнем. Он больше никогда не сможет грешить!

ХЭППИ ЭНД

Эта история закончилась вполне благополучно...

Джеймс Кельвин представил себе химика с рыжими усами и сосредоточился. Найти его не составляло труда, требовалось лишь установить мысленную связь. Он нажал кнопку на коробочке, которую дал ему робот...

Мужчина с рыжими усами оторвался от книги, поднял голову, ахнул и радостно улыбнулся.

— Ну, наконец-то! Я не слышал, как вы вошли. Где вы пропадали эти две недели?

Кельвин не ответил. Он снова нажал на кнопку... но ничего не произошло. Коробочка перестала действовать. А это должно было означать, что Кельвин стал богатым и знаменитым.

Итак, Джеймс Кельвин получил миллион долларов. И с этого момента началась его счастливая жизнь.

А ведь события развивались не так уж гладко...

Когда он откинул брезентовое полотнище, какая-то веревка сбила его очки в роговой оправе. Одновременно его ослепила ярко-голубая вспышка. На мгновение он потерял сознание, но тут же очнулся.

Он прошел под тент, осторожно опустив за собой полотно, на котором вновь стала видна надпись: «Гороскопы — узнайте свое будущее». Посмотрел на знаменитого астролога... и обмер. Это был... робот?

— Вы Джеймс Кельвин,— раздался ровный, невыразительный голос.— Вы репортер, вам тридцать лет, вы холосты и сегодня приехали в Лос-Анджелес из Чикаго по совету вашего доктора. Правильно?

Кельвин поправил очки и попытался вспомнить, что он когда-то писал о различных шарлатанах. Как-то им удавалось создать видимость чуда.

Рубиновый глаз бесстрастно разглядывал посетителя.

— Прочитав ваши мысли,— так же размеренно продолжал голос,— я выяснил, что сейчас тысяча девятьсот сорок девятый год. Мне придется изменить свои планы, так как я собирался прибыть в тысяча девятьсот семидесятый. И я прошу вас помочь мне.

— Разумеется, материально.— Кельвин выразительно хмыкнул.— Через минуту меня здесь не будет. Как вы это делаете, а? Зеркала? Или еще что-то?

— Я не машина, управляемая на расстоянии карликом, и не оптическая иллюзия,— сообщил робот.— Я вполне материальный живой организм, появившийся на свет в период, который войдет в историю как ваше весьма отдаленное будущее.

— А я не тот болван, за которого вы меня принимаете,— заверил его Кельвин.— Я пришел сюда, чтобы...

— Вы потеряли багажные квитанции,— добавил робот.— И, размышляя над тем, как выйти из этого положения, пропустили пару-тройку стопочек виски. А ровно в восемь тридцать пять сели в автобус...

— Давайте оставим чтение мыслей,— оборвал его Кельвин.— И не надо говорить, что вы давно занимаетесь этим делом. Полиция через день села бы вам на хвост. Если вы, конечно, робот.

— Я занимаюсь этим делом приблизительно пять минут. Мой предшественник лежит без сознания за шкафом в том углу. Ваш приход сюда в этот момент — просто совпаде-

ние.— Он на мгновение замолчал, и Кельвину показалось, будто робот проверяет, как восприняты его слова.

— Повторяю, я попал сюда совершенно случайно. Мою схему необходимо слегка изменить. Для этого мне потребуются драгоценные металлы или их бумажный эквивалент. Поэтому теперь я, естественно, временно астролог.

— Конечно, конечно,— согласился Кельвин.— А почему не просто грабеж? Вы же робот и справитесь с этим куда лучше человека.

— Не хочу привлекать внимания. Кстати, я требую сохранения тайны. Дело в том, что я...— робот сделал паузу, ища в памяти Кельвина подходящую фразу,— в бегах. В мою эпоху путешествие во времени строжайше запрещено, если оно не санкционируется государством.

В рассуждениях робота чувствовалось какое-то несоответствие, но Кельвин никак не мог понять, в чем дело. Во всяком случае, робот его не убедил.

— Какие же вам требуются доказательства? — спросил тот.— Я прочел ваши мысли, как только вы вошли, не так ли? Вы, должно быть, ощутили мгновенную амнезию, когда я отделил вашу память, а потом вернул ее на место.

— А я-то гадал, что со мной случилось.— Кельвин отступил на шаг.— Я, пожалуй, пойду.

— Стойте,— скомандовал робот.— Вы, я вижу, относитесь ко мне с недоверием. И похоже, сожалеете, что предложили мне заняться грабежом. Вы опасаетесь, что я именно так и поступлю. Позвольте мне вас успокоить. Действительно, я могу взять ваши деньги и убить вас самого, не оставив следов, но мне запрещено убивать людей. Я могу предложить вам нечто очень ценное в обмен на небольшое количество золота. Например,— он взглянул на Кельвина,— гороскоп. Он поможет вам обрести счастье, богатство и славу. Астрология, правда, не мой профиль, поэтому для получения тех же результатов я могу использовать лишь технические средства.

— Да-да,— скептически заметил Кельвин.— А почему бы вам не использовать эту технику для себя?

— У меня другие планы,— резко ответил робот.— Возьмите это.— Панель на его груди отошла в сторону, обнажив маленькую плоскую коробочку.

Пальцы Кельвина сжались на холодном металле.

— Осторожно! Не нажимайте кнопку! — Но предупреждение робота запоздало.

...Он мчался в автомобиле, вышедшем из-под контроля. В его голове был еще кто-то. Этот кто-то думал за него! Не совсем человеческое существо. И не вполне нормальное психически.

К счастью, рефлекс самосохранения почти мгновенно сорвал его палец с кнопки, и Кельвин, весь дрожа, испуганно взглянул на робота.

— Нельзя входить в контакт, не получив от меня инструкции, как им воспользоваться. Теперь вам грозит опасность.— Глаз робота изменил цвет.— Да... Тарн. Берегитесь Тарна.

— Я не хочу в этом участвовать,— быстро ответил Кельвин.— Возьмите эту штуку назад.

— Тогда ничто не защитит вас от Тарна. Оставьте устройство у себя. Я гарантирую, что оно обеспечит вам счастье, богатство и славу гораздо надежнее, чем гороскоп.

— Нет уж, спасибо. Я не знаю, как вам удаются ваши трюки, но...

— Подождите,— воскликнул робот.— Нажимая на кнопку, вы как бы попадаете в мозг человека, живущего в далеком будущем. Это устройство обеспечивает временный контакт, возникающий при нажатии кнопки.

— Ну зачем это мне? — Кельвин сделал попытку вручить коробочку роботу.

Тот отодвинулся.

— Подумайте об открывающихся возможностях. Представьте себе, что неандерталец имел бы доступ к вашему мозгу. Да для своего времени он стал бы богом!

Кельвину становилось все труднее не соглашаться с роботом. У него разболелась голова. Вероятно, он выпил чуть больше, чем следовало.

— Как неандерталец поймет, что происходит в моем мозгу? — спросил он. — Он не сможет разобраться в полученной информации.

— А у вас никогда не возникали неожиданные и, в общем-то, нелогичные идеи? Будто вас заставляли о чем-то думать, суммировать какие-то числа, решить некие проблемы? Короче говоря, человек из будущего, на которого настроена эта коробочка, не знает о контакте, существующем между ним и вами, Кельвин. Вы лишь должны сосредоточиться на какой-нибудь проблеме и нажать кнопку. И он, не подозревая об этом, поможет вам справиться с любыми трудностями. Естественно, имеются кое-какие ограничения, но... Повторяю, мое устройство сделает вас счастливым, богатым и знаменитым.

— Может быть, может быть... Только мне эта штука не нужна.

— Я же говорил, есть определенные ограничения. Как только вы достигнете своей цели, устройство станет бесполезным. Я позаботился об этом. Но пока вы можете решить любую задачу с помощью более развитого мозга из будущего. Самое главное — сосредоточить на ней все внимание, прежде чем нажать на кнопку. Иначе Тарн выйдет на ваш след.

— Тарн? Что... кто это такой?

— Я имею в виду андроида. Искусственного человека... Однако пора вспомнить и о моих трудностях. Мне нужно небольшое количество золота.

— Очень вам сочувствую, но у меня его нет.

— Ваши часы.

Кельвин взглянул на левое запястье.

— О нет. Эти часы стоят недешево.

— Мне нужна лишь позолота. — Из глаза робота вырвался красноватый луч. — Благодарю вас.

Часы мгновенно стали серыми.

— Эй! — возмущенно воскликнул Кельвин.

— Если вы воспользуетесь устройством для мысленной связи, вам обеспечены богатство и слава: Вы будете счастливы, как никто другой. Оно поможет вам справиться со всем, включая и Тарна. Одну минуту...— Робот скрылся за ковром, отгораживающим часть помещения.

Наступила тишина.

Кельвин перевел взгляд с часов на плоский металлический предмет, лежащий у него на ладони. Размерами примерно два на два дюйма, он напоминал женскую пудреницу, если не считать кнопки на боковой поверхности. Кельвин положил коробку в карман, подошел к коврику и отогнул его. Робот исчез. Кельвин выглянул наружу: вокруг шумел парк развлечений.

Он вернулся под тент и осмотрел помещение. За шкафом, как и говорил робот, лежал толстый мужчина. Судя по доносившемуся дыханию, совершенно пьяный.

Счастье... богатство... слава... мысленный контакт... Бред какой-то. Не может быть, что это робот. Нет сейчас таких роботов. Иначе он бы знал. Как репортер. А если это ему привиделось? С чего бы так вдруг? Он же уехал из Чикаго, чтобы избавиться от синусита. Обыкновенного синусита. А не потому, что ему слышались голоса или мерещились роботы. Нет, эта штука не могла быть роботом. Должно найтись естественное объяснение. Наверняка должно.

«Счастье... богатство... слава...» — продолжало крутиться в мозгу. «Тарн!» — будто молнией ударило его. «Я схожу с ума», — пронеслось в голове Кельвина. А чей-то голос твердил: «Тарн, Тарн, Тарн...»

Чтобы избавиться от наваждения, Кельвин стал повторять: «Я Джеймс Ноэль Кельвин, репортер, холост, сегодня приехал из Лос-Анджелеса, потерял багажные квитанции, мне нужно найти отель, чтобы провести ночь. Местный климат способствует излечению синусита...»

И потом, вот оно — доказательство, что он в своем уме. Кельвин нащупал плоскую коробочку, лежащую в кармане, и одновременно почувствовал, как что-то коснулось его плеча. Инстинктивно он оглянулся и увидел руку с семью пальцами, без ногтей, белую и гладкую, как слонобая кость.

В то же мгновение Кельвина охватило непреодолимое желание оказаться как можно дальше от владельца этой руки. Он нажал кнопку, думая лишь об одном: «Я должен убраться отсюда».

...Поток странных мыслей увлек его за собой. Мозг из будущего тут же решил столь неожиданно возникшую проблему...

Он очнулся на холодном тротуаре. Прохожие не обращали внимания на темную фигуру, сидящую на углу Голливудского бульвара и Кахуэнги. Лишь одна женщина заметила внезапное появление Кельвина. Она решила, что последний бокал коктейля, несомненно, был лишним, и сразу пошла домой.

Кельвин засмеялся и встал.

— Телепортация, а? Как же я это сделал? Все исчезло... Я ничего не помню. Пожалуй, пора заводить записную книжку.— И тут же вздрогнул.— А где Тарн?

Кельвин в испуге оглянулся, но не заметил ничего подозрительного. Окончательно он успокоился лишь часа через полтора. Изредка он засовывал руку в карман и поглаживал подарок робота. Счастье... слава... богатство... Но Кельвин не нажимал кнопки. Ему не хотелось лишний раз вступать в контакт с мозгом далекого потомка. К такому контакту следовало подготовиться. Теперь он верил каждому слову робота.

Сняв номер в недорогом отеле, он задумался над тем, как лучше использовать связь с будущим. И пришел к выводу, что разумнее всего пока не изменять своего образа жизни. А тем временем выбрать подходящий момент для решительного шага.

Тарн появился следующим вечером и вновь напугал Кельвина до полусмерти. Стоя перед зеркалом в ванной, Кельвин размышлял над тем, стоит ему побриться перед обедом или нет. В этот момент он увидел в зеркале высокую белую фигуру с гигантским тюрбаном на голове и длинными, закрученными кверху усами. Кельвин рванулся

прочь. Подскочив к шкафу, выхватил коробочку из кармана пиджака и положил палец на кнопку.

Тарн в блестящих башмаках и белой набедренной повязке показался из ванной.

— О,— простонал Кельвин.— Только этого не хватало. На кой черт нужна связь с будущим, если он будет появляться каждый день! Это меня с ума сведет!

И, что хуже всего, ему казалось, что он давным-давно знает это страшилище.

Тарн поднял какой-то цилиндрический предмет и направил его на Кельвина. Этот жест заставил репортера поторопиться. Он нажал кнопку, подумав: «Я хочу убраться отсюда!»

...Ледяная вода была везде — Кельвину казалось, что не только снаружи, но и внутри его. Он не умел плавать. Захлебываясь, судорожно колотил по воде руками и ногами. Инстинктивно, стиснув в кулаке коробочку, Кельвин нажал кнопку...

...Он стоял на незнакомой улице, но, похоже, на Земле и в двадцатом столетии. Вода, стекающая с его одежды, образовала небольшую лужицу. Оглядевшись, он увидел рекламный щит, приглашающий посетить турецкие бани, и пошел к нему. Оказалось, что он в Новом Орлеане.

Позднее, в отеле, Кельвин вновь попытался разобраться в том, что происходит. Он получил в свое распоряжение могучую силу и хотел использовать ее наиболее эффективно. «Все, что мне нужно,— думал Кельвин,— это счастье, слава и богатство. Чтобы спокойно прожить остаток жизни». Он вынул из кармана коробочку робота и внимательно осмотрел ее. Попытался открыть коробочку, но безрезультатно. Палец Кельвина коснулся кнопки. А почему бы и нет...

...На этот раз мозг человека будущего не показался ему таким странным. Человека звали Кварр Ви. Он играл в

какую-то непонятную игру, отдаленно напоминающую шахматы. Правда, его партнер находился в планетной системе Сириуса. Сложные построения временно-пространственных дебютов проносились сквозь мозг Кварра Ви. Наконец возникла проблема Кельвина. Вернее, две: как избавиться от простуды и как стать счастливым, богатым и знаменитым в доисторической эпохе, разумеется с точки зрения Кварра Ви.

Впрочем, едва ли это можно было назвать проблемой. Во всяком случае, не для Кварра Ви. На поиски решения ушло не больше секунды, и его мысли вернулись к игре с обитателем Сириуса...

А Кельвин очутился в небольшой лаборатории.

Лысеющий мужчина с рыжими усами, сидевший за столом, удивленно поднял голову:

— Как вы сюда попали?

— Спросите у Кварра Ви,— ответил Кельвин.

— У кого?

Кельвин вдруг забыл, что он должен сказать рыжеусому, и, нажав на кнопку, мысленно обратился за подсказкой к Кварру Ви.

— Улучшение белковых систем Вудворда. Достигается простым синтезом.

— Кто вы такой, черт побери?

— Зовите меня Джимом, а пока молчите и слушайте.— Он говорил с одним из ведущих биохимиков Америки.

Когда Кельвин закончил, рыжеусый с восхищением посмотрел на него:

— Это невероятно. Если все получится...

— Мне необходимы счастье, слава и богатство,— прервал его Кельвин.— Все получится.

В итоге они договорились о создании новой компании. Процесс, предложенный Кельвином, открывал необозримые перспективы. «Дюпон» и «Дженерал моторс» с удовольствием купили бы исключительные права на его использование.

— Мне нужны деньги. Богатство.

— Вы заработаете миллион долларов,— ответил рыжеусый.

— Тогда напишите расписку. Если только вы не хотите дать мне этот миллион немедленно.

Нахмурившись, биохимик покачал головой:

— Я не могу этого сделать. Сначала надо провести контрольные тесты, потом начать переговоры с предпринимателями. Но вы не волнуйтесь. Ваше открытие несомненно стоит миллион. И вы станете знаменитым.

— И счастливым?

— Счастье — в здоровье,— хмыкнул биохимик.— А с помощью вашего способа мы излечим все болезни. Это настоящее чудо.

— Напишите все на бумаге,— потребовал Кельвин.

— Хорошо. Назовем это предварительным соглашением. Документы мы оформим завтра. Естественно, основная заслуга будет принадлежать вам. Подождите минутку.— Рыжеусый начал рыться в ящиках стола. Кельвин, довольно улыбаясь, оглядывал лабораторию.

Тарн материализовался в трех футах от него. В руке он держал тот же зловещий цилиндр.

Не мешкая, Кельвин нажал на кнопку и очутился на пшеничном поле. Еще одно нажатие, и он перенесся в Сизтл.

Бегство от Тарна продолжалось две недели. Все это время Кельвин ругал себя за то, что не спросил, как зовут биохимика. Где теперь его счастье, слава и богатство? И что делать с Тарном?

На этот раз Кельвин попал в пустыню. Вокруг росли кактусы, в фиолетовой дымке виднелись горы. Тарн не появлялся. Кельвину хотелось пить. Что, если коробочка сломается? Нет, так продолжаться не может. И тут его осенило...

Кельвин сконцентрировал внимание на проблеме, как избавиться от Тарна, и нажал кнопку.

Через мгновение он получил ответ. Не так уж это и сложно. У Кельвина сразу улучшилось настроение. Теперь он мог спокойно дожидаться Тарна.

Не прошло и получаса, как рядом появилась фигура в белом тюрбане. Цилиндр начал подниматься в направлении Кельвина.

Чтобы не испытывать судьбу, тот еще раз нажал на кнопку, получил ответ и сделал все, как велел Кварр Ви.

— Нет! — воскликнул Тарн, отступив на шаг. — Я же пытаюсь...

Кельвин удвоил усилия.

— Я ведь должен был... — Тарн упал на горячий песок. Руки с семью пальцами дернулись и застыли навеки.

Кельвин облегченно вздохнул. Он спасен. Нерешенной осталась только одна проблема: как найти рыжеусого биохимика?

Кельвин нажал кнопку...

Мужчина с рыжими усами оторвался от книги, поднял голову, ахнул и радостно улыбнулся:

— Ну, наконец-то. Я не слышал, как вы вошли. Где вы пропадали эти две недели?..

А начиналось все совсем иначе...

Кварр Ви вместе с андроидом расположились в темпоральной капсуле.

— Как я выгляжу? — спросил Кварр Ви.

— Все в порядке, — ответил Тарн. — Ни у кого не возникнет ни малейшего подозрения.

— Да, пожалуй, одежда выглядит сшитой из настоящих шерсти и хлопка. Часы, деньги...

— Не забудьте очки, — напомнил андроид.

— Да, хотя, мне кажется...

— Так будет спокойнее. Оптические свойства линз предохранят вас от мысленной радиации. Не снимайте их, а то робот выкинет какой-нибудь фортель.

— Пусть только попробует, — буркнул Кварр Ви. — Это же надо, беглый робот. Интересно, чего он добивается? И зачем я только сделал его! Представляешь, что он натворит в том веке, если мы не сможем его поймать?

— Сейчас он в палатке астролога. — Тарн склонился над приборами. — Только что пришел туда. Вы должны застать

сто опасно. Иначе робот станет опасным. Кто знает, какие у него теперь возможности. Не забудьте, что он прекрасно владеет гипнозом и умеет вызывать амнезию. Если вы потеряете бдительность, он сотрет вашу память и заменит ее другой. Не снимайте очки. Если что-нибудь случится, я воспользуюсь восстановительным лучом.

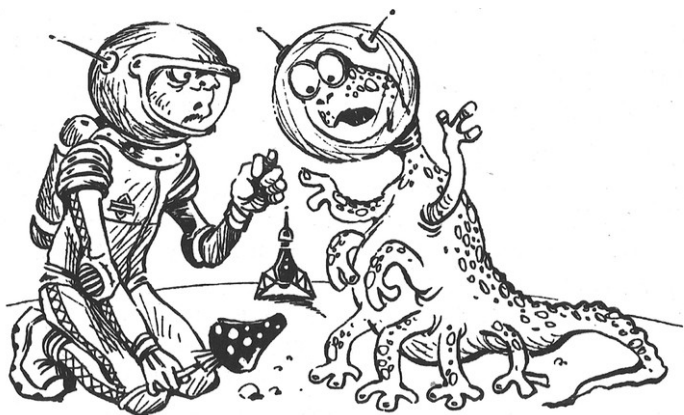
Кварр Ви кивнул.

— Не беспокойся. Я скоро вернусь. Вечером я обещал доиграть партию.

Ему так и не удалось выполнить обещание.

Когда он откинул брезентовое полотнище, какая-то веревка сбила его очки в роговой оправе. Одновременно Кварра Ви ослепила ярко-голубая вспышка. На мгновение он потерял сознание, но тут же очнулся.

— Вы — Джеймс Кельвин,— сказал робот.

ЖЕЛЕЗНЫЙ СТАНДАРТ

Вовсе не обязательно, чтобы инопланетяне были настроены по отношению к пришельцам либо дружелюбно, либо враждебно; они могут доставить им немало неприятностей, заняв строго нейтральную позицию.

— А денежки-то нам отсыпят только через год, — произнес Тиркелл, с отвращением зачерпнув ложкой холодные бобы.

Капитан Руфус Мэн на минуту отвлекся от выуживания из супа бобов, которые смахивали на тараканов.

— По-моему, для нас это сейчас не так уж важно. Кстати, год плюс четыре недели, Стив. Ведь полет с Венеры на Землю займет не меньше месяца.

Круглое пухлое лицо Тиркелла помрачнело.

— А до тех пор что? Будем жить впроголодь, питаюсь холодными бобами?

Мэн вздохнул, переведя взгляд на затянутый прозрачной пленкой открытый люк космолета «Гудвилл». И промолчал. Бертон Андерхилл, который был включен в состав экипажа благодаря несметному богатству своего папаши и выполнял

на корабле обязанности подручного, натянуто улыбнулся и сказал:

— А на что ты, собственно, претендуешь? Мы ведь не можем тратить горючее. Его только и хватит, чтобы доставить нас на Землю. Поэтому — или холодные бобы, или ничего.

— Скоро будет одно «ничего», — угрюмо произнес Тиркелл. — Мы промотались. Ухлопали свое состояние на разгульную жизнь.

— На разгульную жизнь! — прорычал Мэн. — Мы же отдали почти все наши харчи венерианам.

— Так они же кормили нас... один месяц, — напомнил Андерхилл. — Увы, все в прошлом. Теперь у них и кусочка не выманишь. Чем же мы им не угодили, а?

Он умолк — снаружи кто-то расстегнул клапан прозрачного экрана. Вошел приземистый широкоскулый мужчина с крючковатым носом на бронзово-красном лице.

— Что-нибудь нашел, Краснокожий? — спросил Андерхилл.

Майк Парящий Орел швырнул на стол полиэтиленовый мешок.

— Шесть грибов. Неудивительно, что венериане используют гидропонику. У них ведь нет другого выхода. Только грибы могут расти в этой проклятой сырости, да и те в большинстве ядовитые.

Мэн сжал губы:

— Ясно. Где Бронсон?

— Просит милостыню. Но ему не подадут ни одного фала. — Навахо кивнул в сторону входа. — А вот и он сам.

Спустя минуту послышались медленные шаги Бронсона. Лицо вошедшего инженера своим багровым цветом не уступало его шевелюре.

— Ни о чем не спрашивайте, — прошептал он. — Никто ни слова. Подумать только! Я, ирландец из Керри, vykлянчиваю вонючий фал у какого-то шагреневокожего ублюдка с железным кольцом в носу. Позор на всю жизнь!

— Сочувствую, — сказал Тиркелл. — Но тебе все-таки удалось раздобыть хоть два-три фала?

Бронсон испепелил его взглядом.

— Неужели я взял бы его поганые деньги, даже если б он мне их предложил?! — взревел инженер, и глаза его налились кровью.

Тиркелл переглянулся с Андерхиллом.

— Он не принес ни фала,— заметил последний.

Бронсон передернулся и фыркнул.

— Он спросил, принадлежу ли я к гильдии нищих! На этой планете даже бродяги обязаны состоять в профсоюзе!

— Нет, Бронсон, это не профсоюзы и тем более не организации типа средневековых гильдий. Местные таркомары гораздо могущественней и куда менее принципиальны.

— Верно,— согласился Тиркелл.— И если мы не состоим в каком-нибудь таркомаре, нас никто не наймет на работу. А членами таркомара мы можем стать, только уплатив вступительный взнос — тысячу софалов.

— Не очень-то налегайте на бобы,— предупредил Андерхилл.— У нас осталось всего десять банок.

— Нам позарез нужно что-то предпринять,— сказал Мэн, раздав сигареты.— Венериане не хотят снабжать нас пищевыми продуктами. Одно в нашу пользу: они не имеют права отказаться эти продукты продать. Это же незаконно — не принять от покупателя законное средство платежа.

Майк Парящий Орел с унылым видом перебирал свои шесть грибов.

— Да-а. Остается только раздобыть это законное средство платежа. Мы же здесь хуже нищих. Эх, придумать бы что-нибудь...

«Гудвилл» был на Венере первым посланцем Земли. Перед отлетом на корабль погрузили запас продовольствия на год с лишним, но, как оказалось, у венериан пищи было предостаточно. Продуктами питания их обеспечивали гидропонные установки, размещенные под городами. Но на поверхности планеты не росло ни одного съедобного растения. Животных и птиц было крайне мало, поэтому, даже

если б у землян не отобрали оружие, на охоту рассчитывать не приходилось. Вдобавок после трудного космического полета жизнь здесь вначале показалась настоящим праздником в условиях чужой цивилизации, которая на первых порах землян очаровала.

Чужой она была, это точно. Венериане отличались крайней консервативностью. Их вполне устраивало то, что годилось для их отдаленных предков. У людей создалось впечатление, что венериане упрямо противятся любым переменам.

А из-за прилета землян что-то могло измениться.

Поэтому землянам был объявлен бойкот в форме пассивного неприятия. Впрочем, первый месяц все шло без сучка без задоринки. Капитану Мэну вручили ключи от столичного города Вайринга, вблизи которого сейчас стоял «Гудвилл», и венериане щедро снабжали их пищей — непривычными, но вкусными кушаньями из растений, произрастающих в гидропонных садах. В обмен на эти деликатесы земляне бездумно раздавали собственные продукты, угрожающе истощив свои запасы.

Но пищевые продукты венериан быстро портились, и дело кончилось тем, что в распоряжении людей оказался запас продовольствия всего на несколько недель (жалкие остатки того, что они привезли с Земли) да гора гниющих экзотических блюд, от аромата которых еще недавно текли слюнки.

А венериане перестали приносить свои скоропортящиеся фрукты, овощи и грибы, по вкусу напоминающие мясо. Теперь они действовали по принципу «деньги на бочку — и никакого кредита». Большой мясной гриб, который мог насытить четырех голодных мужчин, стоил десять фалов. Но поскольку у землян не было никаких фалов, мясные грибы были для них недоступны, как, впрочем, и все остальное.

Сперва земляне не придавали этому особого значения — пока не спустились с заоблачных высот и всерьез не задумались над тем, как раздобыть пищу.

Положение оказалось безвыходным.

Проблема была проста и примитивна. Они, представители могущественной земной цивилизации, хотели есть. Скоро они проголодаются еще больше.

И у них не было никаких ценностей, кроме золота, серебра и бумажных денег. А здесь все это ничего не стоило. На корабле имелся нужный металл, но не в чистом виде, а как составная часть сплавов.

Денежным стандартом Венеры было железо.

— ...Обязательно должен быть какой-то выход,— упрямо заявил Мэн, и его лицо с твердыми резкими чертами потемнело.— Я намерен снова обратиться к главе Совета. Д жораст — баба неглупая.

— А что это даст? — поинтересовался Тиркелл.— Тут выручат только деньги.

Мэн смерил его взглядом, кивком поманил Майка Парящего Орла и направился к выходному клапану. Андерхилл живо вскочил:

— Можно мне с вами?

— Пойдем, если тебе так уж нейдет. Только пошевеливайся.

Трое землян вошли в клубящийся туман, погрузившись по щиколотку в липкую грязь, и молча потащились к городу.

— А я-то думал, что индейцы умеют использовать дары природы,— чуть погодя сказал Андерхилл, обращаясь к навахо.

Майк Парящий Орел с усмешкой взглянул на него.

— Я же не венерианский индеец,— возразил он.— Допустим, я сумел бы сделать лук и стрелу и подстрелить какого-нибудь венерианина. Нам ведь не станет от этого легче — разве что его кошелек будет набит софалами.

— Мы могли бы его съесть,— мечтательно прошептал Андерхилл.— Любопытно, какой вкус у жареного венерианина.

— Выясни это и, вернувшись домой, напиши бестселлер,— посоветовал Мэн.— При том условии, конечно, что ты домой вернешься. В Вайринге есть полиция, приятель. Андерхилл переменял тему:

— А вот и Водяные Ворота. Черт возьми, запахло чьим-то ужином!

— Верно,— проворчал навахо,— но я надеялся, что у тебя хватит ума промолчать. Заткнись, и пошли дальше.

Вайринг окружала стена типа каменной ограды. Вместо улиц в нем были каналы, а вдоль каналов тянулись скользкие от слякоти тропинки, но тот, кто имел хоть один фал, никогда не ходил пешком.

Яростно чертыхаясь, земляне шлепали по грязи. Никто не обращал на них внимания.

Вдруг к берегу подплыло водяное такси, и водитель, к одежде которого был приколот голубой значок его таркомара, окликнул их.

Андерхилл показал ему серебряный доллар.

Земляне, обладавшие большими лингвистическими способностями, быстро выучили язык венериан. Впрочем, понять, что таксист им отказал, было проще простого.

— Так это же серебро,— небрежно произнес тот и указал на вычурную серебряную филигрань, которая украшала нос его суденышка.— Хлам.

— Отличное местечко для Бенджамина Франклина,— заметил Майк Парящий Орел.— Его вставные зубы были сделаны из железа, не так ли?

— Если это правда, то, по представлениям венериан, у него во рту был целый капитал,— проговорил Андерхилл.

Тем временем таксист, презрительно хмыкнув, отчалил от берега и отправился искать пассажиров побогаче. Мэн, продолжая упрямо шагать вдоль канала, вытер со лба пот. «Отличное местечко этот Вайринг,— подумал он.— Отличное местечко для голодной смерти».

Полчаса тяжелой ходьбы постепенно довели Мэна до тупого озлобления. И если еще Джораост откажется их принять!.. Ему казалось, что сейчас он способен разорвать Вайринг зубами. И проглотить его самые съедобные куски.

К счастью, Джораст их приняла, и землян провели в ее кабинет. Джораст передвигалась по комнате в высоком кресле на колесиках, которое приводилось в движение мотором. Вдоль стен тянулась наклонная полка, похожая на конторку, видимо, того же назначения.

Джораст была стройной седовласой венерианкой с живыми черными глазами, которые сейчас смотрели настороженно. Она сошла с кресла, указала мужчинам на стулья и на один из них опустилась сама.

— Будьте достойны имен ваших отцов,— вежливо сказала она, в знак приветствия вытянув в их сторону свою шестипалую руку.— Что вас привело ко мне?

— Голод,— резко ответил Мэн.— Я думаю, что пора поговорить откровенно.

Джораст наблюдала за ним с непроницаемым выражением лица.

— Я вас слушаю.

— Нам не нравится, когда нас берут за горло.

— Разве мы причинили вам какое-нибудь зло?

Мэн в упор посмотрел на нее:

— Давайте играть в открытую. Нам созданы невыносимые условия. Вы здесь занимаете высокий пост, значит, либо мы страдаем из-за вас, либо вы знаете, в чем причина. Так или нет?

— Нет,— после недолгого молчания произнесла Джораст.— Я не столь могущественна, как вам, видимо, кажется. Я ведь не издаю законы. Я только слежу за точностью их исполнения. Поверьте, мы вам не враги.

— Это еще нужно доказать,— мрачно сказал Мэн.— А если с Земли прилетит другая экспедиция и найдет наши трупы?

— Мы вас не убьем. Это у нас не принято.

— Но вы можете заморить нас голодом.

Джораст прищурилась:

— Так покупайте себе пищу. На это имеет право каждый.

— Но чем мы будем платить? Какими деньгами? Вы же отказываетесь от нашей валюты. А вашей у нас нет.

— Ваша валюта не имеет никакой ценности,— сказала Джораст.— Мы добываем золото и серебро в большом ко-

личестве — у нас это самые заурядные металлы. А за один дифал — двенадцать фалов — можно купить много еды. За софал — еще больше.

Еще бы! Софал был равен тысяче семистам двадцати восьми фалам.

— А где, по-вашему, мы возьмем эти железные деньги? — рявкнул Мэн.

— Там же, где и мы,— заработайте их. Тот факт, что вы — пришельцы с другой планеты, не избавляет вас от обязанности трудиться.

— Прекрасно,— не сдавался Мэн.— Мы горим желанием трудиться. Дайте нам работу.

— Какую?

— Ну, хотя бы по расчистке и углублению каналов! Любую!

— А вы состоите в таркомаре чистильщиков каналов?

— Нет,— сказал Мэн.— Как это я забыл в него вступить?

Сарказм последней фразы не произвел на Джораст никакого впечатления.

— У нас каждая профессия имеет свой таркомар.

— Одолжите мне тысячу софалов, и я стану членом таркомара.

— Вы уже пытались занять деньги,— сказала Джораст.— Наши ростовщики сообщили, что имущество, которое вы предлагаете в обеспечение долга, не стоит ни фала.

— Вы хотите сказать, что на нашем корабле нет ничего, за что ваши соплеменники могли бы выложить тысячу софалов? Да ведь один только наш водоочиститель стоит для вас в шесть раз больше.

Джораст явно оскорбилась.

— Вот уже целое тысячелетие мы очищаем воду с помощью древесного угля. Сменив этот метод на другой, мы поставим под сомнение уровень интеллекта наших предков. А их принципы с честью выдержали испытание временем. Зачем же их менять? Будьте достойны имен ваших отцов.

— Послушайте...— начал было Мэн.

Но Джораст уже сидела в своем высоком кресле, давая этим понять, что аудиенция окончена.

— Дело дохлое,— сказал Мэн, когда они спускались в лифте.— Ясно, что Джораст приговорила нас к голодной смерти.

Андерхилл с ним не согласился:

— Она тут ни при чем. Джораст всего лишь исполнитель приказов свыше. Политику здесь делают таркомары, которые пользуются огромным влиянием.

— И фактически правят планетой.— Мэн скривил губы.— По всему видно, что венериане — ярые противники каких бы то ни было перемен. А мы для них как бы олицетворяем эти самые перемены. Поэтому-то они решили сделать вид, будто нас вообще не существует. Нет такого закона, который обязывал бы венериан поддерживать отношения с землянами. Венера не расстилает перед гостями ковровые дорожки.

Когда они вышли на берег канала, Майк Парящий Орел нарушил затянувшееся молчание:

— Если мы не придумаем какой-нибудь способ заработать деньги, нам крышка — подохнем от голода. Что касается наших профессий, то при таких обстоятельствах толку от них, как от козла молока.— Он запустил камень в канал.— Ты, капитан,— физик, я — естествоиспытатель, Бронсон — инженер, а Стив Тиркелл — костоправ. Ты же, мой юный бесполезный друг Бертон,— сын миллионера.

Андерхилл смущенно улыбнулся:

— Уж отец-то знал, как делать деньги. А нас сейчас интересует именно это, верно?

— Каким же способом он ухитрился набить карман?

— Биржевые операции.

— Это как раз для нас,— съязвил Мэн.— Мне кажется, самое подходящее — это разработать какой-нибудь технологический процесс, в котором они остро нуждаются, и продать им идею.

По-мосму, венериане слабовато разбираются в генетике,— сказал Майк Парящий Орел.— А что, если б мне удалось путем скрещивания вывести некое новое съедобное растение?..

— Посмотрим,— сказал Мэн.— Там видно будет.

Пухлое лицо Стива Тиркелла было обращено ко входу в корабль. Остальные сидели за столом и, прихлебывая жидкий кофе, делали записи в блокнотах.

— У меня идея,— сказал Тиркелл.

Мэн хмыкнул:

— Знаю я твои идеи. Что ты нам преподнесешь на этот раз?

— Все очень просто. Предположим, у венериан вспыхивает какая-нибудь эпидемия, а я нахожу антивирус, который спасает их жизнь. Они преисполнены благодарности...

— ...а ты женишься на Джораст и правишь планетой,— закончил Мэн.— Ха!

— Не совсем так,— ничуть не обидевшись, возразил Тиркелл.— Если они окажутся неблагодарными, мы придержим этот антитоксин до тех пор, пока они за него не заплатят.

— В твоей гениальной идее есть одно-единственное слабое место — что-то не похоже, чтобы венериане страдали от какой-нибудь эпидемии,— заметил Майк Парящий Орел.— В остальном она совершенна.

— Я боялся, что вы к этому придеретесь,— вздохнул Тиркелл.— А как бы она нас выручила, такая эпидемия.

— Моя идея — это использование гидроэнергии,— сказал Бронсон.— Или плотины. Здесь что ни дождь, то наводнение.

— Пожалуй, это мысль,— признал Мэн.

— А я займусь скрещиванием в гидропонных садах,— сказал Майк Парящий Орел.— Попробую вывести грибы-бифштексы с привкусом вурчестерского сыра или каким-нибудь еще в том же роде. Ставка на чревоугодников...

— Годится. Стив?

Тиркелл взъерошил себе волосы:

— Я еще помозгую. Не торопи меня.

Мэн взглянул на Андерхилла:

— А у тебя, приятель, есть что предложить?

Андерхилл поморщился:

— Пока нет. Мне в голову лезут одни только биржевые махинации.

— Без денег?

— В том-то и беда.

Мэн кивнул:

— Лично я подумываю о рекламе. Поскольку я физик, это по моей части. Как ни странно, здесь не знают рекламы, хотя торгуют всюду. Надеюсь подцепить на этот крючок розничных торговцев. Местное телевидение прямо создано для броской рекламы. Для той трюковой аппаратуры, которую я мог бы изобрести. Чем плохо?

— Построю-ка я рентгеновский аппарат,— внезапно объявил Тиркелл.— Ты мне поможешь, командир?

Мэн согласился:

— У нас есть все необходимое для этого и чертежи. Завтра же приступим. Сейчас, пожалуй, уже поздновато.

И квинтет отправился спать. Всем им приснился обед из трех блюд, всем, кроме Тиркелла, который во сне ел жареного цыпленка, а тот вдруг превратился в венерианина и начал пожирать самого Тиркелла. Он проснулся весь в поту, выругался, принял снотворное и заснул снова.

На следующее утро они разбрелись кто куда. Майк Парящий Орел, прихватив с собой микроскоп, отправился в ближайший гидропонный центр и принялся за работу. Венериане запретили ему уносить споры на «Гудвилл», но против его экспериментов в самом Вайринге не возражали. Он выращивал культуры, применяя ускоряющие рост комплексные препараты, и пока не терял надежды на успех.

Пэт Бронсон нанес визит Скоттери, старшему гидроэнергетику. Скоттери, высокий, унылого вида венерианин, хорошо разбирался в технике.

— Сколько у вас электростанций? — спросил Бронсон.

— Четыре дюжины на двенадцать в третьей степени. Сорок две дюжины в этом районе.

— А сколько из них сейчас действует? — продолжал допытываться Бронсон.

— Дюжин семнадцать.

— Стало быть, триста, то есть двадцать пять дюжин — на простое. А расходы на содержание и ремонт?

— Это весьма существенный фактор, — признался Скоттери. — Рельф быстро меняется. Сами знаете, эрозия почвы. Стоит нам выстроить электростанцию в ущелье, как на следующий год река меняет русло.

И тут Бронсона озарило.

— Предположим, вы строите плотины, чтобы создать водохранилища. У вас тогда будет постоянный источник энергии и вам понадобится всего лишь несколько больших электростанций, которые будут работать бесперебойно. А горы засадите вывезенными с Земли деревьями.

Скоттери поразмыслил над его предложением.

— Количество энергии, которое мы получаем, полностью удовлетворяет наши потребности.

— Но во сколько эта энергия вам обходится!

— Этот расход покрывается прибылью, которая, как и сумма чистого дохода, не меняется вот уже триста лет. А раз у нас есть все необходимое, нам не нужно больше ни одного фала.

— А вдруг мой план заинтересует ваших конкурентов?

— Их всего трое, и он заинтересует их не больше, чем меня. Рад, что вы посетили меня. Будьте достойны имени вашего отца.

— Ах ты, бездушная рыба! — вскричал Бронсон, потеряв самообладание. Он с силой ударил кулаком по ладони. — Да я посрамлю имя старого Сеймаса Бронсона, если сейчас не вмажу в твоё мерзкое рыло...

Скоттери нажал кнопку. Вошли два высоченных венерианина. Старший гидроэнергетик указал на Бронсона.

— Выведите его, — приказал он.

Капитан Руфус Мэн и Берт Андерхилл находились в одной из телестудий. Рядом с ними сидел Хэккапай, владелец предприятий «Витси», что в вольном переводе означало «колючая влага». Их взоры были устремлены вверх на висевший почти под потолком экран. Шла коммерческая телепередача — реклама продукции предприятий Хэккапая.

На экране возникло изображение венерианина — руки в боки, ноги широко расставлены. Он поднял руку с шестью растопыренными пальцами.

— Все пьют воду. Вода полезна. Вода необходима для жизни. Напиток «Витси» тоже полезен. Бутылка «Витси» стоит четыре фала. Все.

Изображение исчезло. По экрану побежала пестрая рябь, и зазвучала своеобразного ритма музыка. Мэн повернулся к Хэккапаю.

— Это же не реклама. Так не привлекают покупателей.

— У нас так принято испокон веков, — неуверенно возразил Хэккапай.

Из лежавшего у его ног свертка Мэн вытащил высокий стеклянный бокал и попросил бутылку «Витси». Получив ее, он вылил в бокал зеленую жидкость, бросил в него с полдюжины разноцветных шариков и кусок искусственного льда, который опустился на дно. Шарiki быстро запрыгали.

Хэккапая это явно заинтересовало, но тут вошел толстый венерианин и произнес:

— Да будете вы достойны имен ваших предков.

Хэккапай представил его, назвав Лоришем.

— Я решил, что это нужно показать Лоришу. Вас не затруднит проделать все снова?

— Нисколько, — сказал Мэн.

Когда он кончил, Хэккапай взглянул на Лориша.

— Нет, — произнес тот.

Хэккапай выпятил губы:

— С такой рекламой можно продать больше «Витси».

— И тем самым нарушить экономический баланс. Нет. Как представитель таркомара рекламодателей я это не раз-

решаю. Хэक्капай доволен суммой получаемой им прибыли. Не так ли, Хэक्капай?

— Пожалуй...

— Уж не ставите ли вы под сомнение мотивы, которыми руководствуются таркомары?

Хэक्капай судорожно глотнул.

— Нет, нет! — поспешно сказал он. — Вы абсолютно правы.

Лориш пристально посмотрел на него:

— То-то же. А вам, землянам, впредь лучше не тратить время на осуществление своей... программы.

Мэн побагровел:

— Это угроза?

— Что вы! Я просто хочу поставить вас в известность, что ни один рекламодатель не примет ваши предложения без предварительной консультации с моим таркомаром. А мы наложим на это запрет.

— Понятно, — сказал Мэн. — Вставай, Берт. Пошли отсюда.

Обмениваясь впечатлениями, они побрели по берегу канала.

— Так мы ничего не добьемся, — заявил Андерхилл. — Впрочем, кое-что нам на руку.

— Что именно?

— Их законы.

— Так они же направлены против нас, — возразил Мэн.

— В принципе — да, но они основаны на традициях и поэтому лишены гибкости и не поддаются свободному толкованию. Если б нам удалось найти в их законодательстве какую-нибудь лазейку, оно перестало бы быть для нас помехой.

— Вот и ищи эту лазейку, — раздраженно сказал Мэн. — А я пойду на корабль и помогу Стиву смонтировать рентгеновский аппарат.

Через неделю рентгеновский аппарат был готов. Мэн и Тиркелл ознакомились с законами Вайринга и почерпнули из них, что с некоторыми незначительными ограни-

чениями имеют право продать сконструированный ими механизм, не состоя в таркомаре. Были отпечатаны и разбросаны по городу рекламные листовки, и венериане пришли поглазеть, как Мэн и Тиркелл демонстрируют свое детище.

Майк Парящий Орел прервал на день работу и от волнения выкурил одну за другой дюжину сигарет из своего скудного запаса. Его опыты с гидропонными культурами потерпели неудачу.

— Идиотизм какой-то! — пожаловался он Бронсону. — Будь на моем месте Лютер Бербанк, у него от этого ум за разум зашел бы. Каким образом, черт возьми, я могу опылять эти не поддающиеся классификации образчики венерианской флоры?

— Выходит, ты так ничего и не добился? — спросил Бронсон.

— О, я добился многого, — с гордостью сказал Майк Парящий Орел. — Я вывожу самые разнообразные гибриды. Но к сожалению, они нестойки. Я получаю гриб с запахом рома, а из его спор вырастает нечто непонятное, отдающее скипидаром. Такие вот дела.

Бронсон был само сочувствие.

— А ты не можешь за их спиной стащить немного харчей? Будет хоть какой-то толк от твоей работы.

— Они меня обыскивают, — сказал навахо.

— Грязные вонючки! — взвизгнул Бронсон. — За кого они нас принимают? За жуликов?

— М-м... Там что-то происходит. Давай-ка посмотрим.

Они вышли из «Гудвилла» и увидели, что Мэн отчаянно спорит с Джораст, которая собственной персоной явилась взглянуть на рентгеновский аппарат. Толпа венериан с жадным любопытством наблюдала за ними. Лицо Мэна было цвета спелой малины.

— Я ознакомился с вашими законами, — говорил он. — На этот раз, Джораст, вам не удастся мне помешать. Строительство какого-нибудь механизма и продажа его за пределами городской черты — действия совершенно правомерные.

Женщина сделала знак рукой, и из толпы впереvalку вышел жирный венерианин.

— Патент на светочувствительную пленку за номером тридцать шесть дюжин в квадрате,— забубнил он.— Выдан Метси-Стангу из Милоша в двенадцатом в четвертой степени году.

— Это еще что такое? — спросил Мэн.

— Патент,— объяснила Джорасти.— Не так давно он был выдан одному нашему изобретателю по имени Метси-Станг. Таркомар купил патент и приостановил производство, однако этот патент остается в силе.

— Вы хотите сказать, что у вас кто-то уже изобрел такой вот аппарат?

— Нет. Всего лишь светочувствительную пленку. Но поскольку она является частью вашего аппарата, вы не имеете права его продать...

Тиркелл круто повернулся и ушел на корабль, где налил себе виски с содовой и погрузился в сладострастные мечты о какой-нибудь эпидемии. Вскоре с огорченными лицами ввалились остальные.

— А все они — таркомары,— сказал Андерхилл.— Стоит им пронюхать про какой-нибудь новый технологический процесс или изобретение, которое, по их мнению, может повлечь за собой хоть малейшие перемены, как они тут же покупают авторские права на них и закрывают производство.

— Они действуют в рамках своего закона,— произнес Мэн.— Поэтому спорить с ними бесполезно. Мы подчиняемся их законодательству.

— Бобы уже на исходе,— гробовым голосом объявил Тиркелл.

— Как и все остальное,— заметил капитан.— Есть какие-нибудь предложения?

— Должно же у них быть хоть одно уязвимое место! — в сердцах воскликнул Андерхилл.— Ручаюсь, что оно есть.— И прикрыл глаза.— Нашел! Человеко-часы! Это ведь постоянная величина. Стоимость продукции, кото-

рую человек может выработать за один час, представляет собой произвольную постоянную — два доллара, дюжина дифалов и так далее. По ней мы и должны нанести удар. Культ предков, власть таркомаров — явления чисто внешние, поверхностные. Стоит пошатнуть основу системы, и их как не бывало.

— А нам-то что с того? — спросил Тиркелл.

— Нужно добиться, чтобы человеко-часы стали переменной величиной, — объяснил Андерхилл. — Тогда может произойти все, что угодно.

— Не мешало бы, чтобы наконец что-то произошло, — сказал Бронсон. — И поскорее. У нас еды кот наплакал.

— Хватит ныть, — произнес Мэн. — По-моему, Берт подал интересную мысль. А каким образом можно изменить постоянную величину человеко-часов?

— Вот если бы удалось заставить их работать быстрее, — задумчиво проговорил Андерхилл.

— Из хорошей дозы кофеина и комплекса витаминов я берусь состряпать отличный стимулятор, — предложил Тиркелл.

Мэн медленно кивнул:

— Только не для инъекций, а в виде таблеток. Если это себя оправдает, мы втихую займемся их изготовлением.

— А что мы выгадаем, черт побери, если венериане будут работать быстрее? — спросил Бронсон.

Андерхилл прищелкнул пальцами:

— Неужели непонятно? Венериане ультраконсервативны. Тут такое начнется!..

— Чтобы заинтересовать венериан, прежде всего нужна реклама, — сказал Мэн. Он остановил взгляд на Майке Парящем Орле. — Пожалуй ты, Краснокожий, подходишь для этого больше всех. По результатам тестов ты у нас самый выносливый.

— Ладно, — согласился навахо. — А что я должен делать?

— Работать! — ответил Мэн. — Работать, пока не свалишься.

Это началось ранним утром следующего дня на главной площади Вайринга. Чтобы избежать неприятностей, Мэн предварительно навел справки и выяснил, что на этой площади венериане со временем намереваются выстроить нечто вроде клуба.

— Строительство начнется еще не скоро,— сказала ему Джораст.— А в чем дело?

— Мы хотим вырыть на этом месте яму,— ответил Мэн.— Мы не нарушим никакой закон?

Венерианка улыбнулась:

— Нет, конечно. Только вряд ли вам поможет публичная демонстрация вашей физической силы. Это же неквалифицированный труд.

— Реклама всегда себя окупает.

— Дело ваше. По закону вы имеете на это право. Однако вы не можете растянуть эту работу надолго, не состоя в таркомаре.

— Иногда мне кажется, что без таркомаров на вашей планете жилось бы куда лучше,— резко сказал Мэн.

Джораст повела плечами:

— Между нами, мне самой это не раз приходило в голову. Но я ведь всего-навсего администратор. Я поступаю так, как мне указывают. Если б мне разрешили, я бы с радостью одолжила вам деньги, в которых вы так нуждаетесь... Однако это запрещено. Традиции не всегда исполнены мудрости, но тут я бессильна. Мне очень жаль...

После этого разговора Мэну как-то стало легче на душе: оказывается, не все венериане были врагами.

На площади его уже ждали остальные члены экипажа «Гудвилла». Бронсон смонтировал табло для текстов на венерианском языке и привез сюда на тачке мотыгу, кирку, лопату и доски. Это зрелище привлекло внимание, и у берега канала остановилось несколько лодок.

Мэн взглянул на часы:

— Все готово, Краснокожий. Поехали. Стив может начинать...

Андерхилл забил в барабан. Бронсон укрепил на табло цифры 4.03.00 по вайрингскому времени. Тиркелл подошел к стоявшему неподалеку легкому складному столику,

сплошь заставленному какими-то пузырьками и медицинскими инструментами, вытряс из бутылочки тониизирующую таблетку и вручил ее Майку Парящему Орлу. Индеец проглотил таблетку, взял мотыгу и принялся за работу. Число лодок росло.

Прошел час. Другой. Майк Парящий Орел все рыл и рыл. Сперва он рыхлил землю мотыгой, потом лопатой набрасывал ее на тачку, по дощатому настилу отвозил тачку в сторону и вываливал свой груз на растущую кучу земли. Три часа. Четыре... Майк сделал перерыв и быстро перекусил. Бронсон продолжал отмечать на табло время.

Андерхилл сидел за пишущей машинкой. Он уже отпечатал целую гору листков, так как начал работать одновременно с Майком Парящим Орлом. Бронсон вспомнил свой давно забытый талант и жонглировал каким-то подобием индейских дубинок и разноцветными шариками. Он тоже трудился уже не один час.

Капитан Руфус Мэн строчил на швейной машине. Работа требовала большой точности и потому значила немало для успеха их замысла. Только Тиркелл не был занят физическим трудом — он с важным видом разносил таблетки, добросовестно изображая из себя алхимика.

Время от времени он подходил к Мэну и Андерхиллу, подбирал листы бумаги и аккуратно сшитые кусочки материи и складывал это в стоявшие на берегу канала ящики с надписью: «Возьмите одну штуку». На каждом квадратике ткани была вышита машиной фраза «Сувенир с Земли». Толпа росла.

А земляне все работали. Бронсон жонглировал, иногда останавливаясь, чтобы подкрепиться. Майк Парящий Орел копал яму. Мэн строчил на швейной машине. Андерхилл продолжал стучать по клавишам, и венериане читали текст, отпечатанный его порхающими пальцами.

«Бесплатно! Бесплатно! Бесплатно! — стояло в листовках. — Вышитые наволочки с Земли — на память! Бесплатное представление! Понаблюдайте за четырьмя землянами — каждый из них, выполняя свою трудовую операцию, демонстрирует исключительную выносливость, ловкость и

точность. Долго ли они продержатся в такой форме?! «ПИЛЮЛИ СИЛЫ» неограниченно расширяют их возможности! «ПИЛЮЛИ СИЛЫ» удваивают производительность труда и вдвое повышают его качество! Это земной медицинский препарат. Каждый, кто его принимает, ценится на вес железа!»

Венериане не устояли. Содержание листовки передавалось из уст в уста. Толпа густела. Долго ли земляне выдержат этот темп?

А земляне не сдавались. Тонизирующие таблетки и комбинированные инъекции, которые этим утром Тиркелл вкатил своим товарищам, по всей видимости, оказывали свое действие. Майк Парящий Орел рыл землю, как крот. Пот ручьями стекал по его блестящему бронзово-красному туловищу. Он невероятно много пил и глотал таблетки соли.

Мэн все шил, не пропуская ни одного стежка. Он знал, что его изделия изучают самым тщательным образом. Бронсон, ни разу не сбившись, жонглировал. Андерхилл ноющими от боли пальцами стучал по клавишам пишущей машинки.

Пять часов. Шесть. Труд изнурительный, даже с перерывами для отдыха. Семь часов. Восемь. Тьма лодок запрудила каналы, и на них приостановилось движение. Откуда-то вынырнул полицейский и устроил скандал Тиркеллу, который отослал его к Джораст. Должно быть, она как следует прочистила полицейскому мозги, потому что, вернувшись, он присоединился к зрителям и больше ни во что не вмешивался.

Десять часов. Д е с я т ь. Люди были вымотаны до предела, но продолжали работать. Десять часов геркулесова труда.

Однако к этому времени они уже добились своего: к Тиркеллу подошли несколько венериан и стали расспрашивать про «Пилюли силы». Что это такое? Правда ли, что, принимая их, работаешь быстрее? Можно ли купить?..

Рядом с Тиркеллом возник полицейский.

— Я получил распоряжение от таркомара фармакологов,— объявил он.— Если вы продадите хоть одну пилюлю, сядете в тюрьму.

— А мы ими не торгуем,— возразил Тиркелл.— Мы раздаем пилюли бесплатно.— Бери, друг.— Он запустил руку в мешок и бросил «Пилюлю силы» венерианину, который стоял к нему ближе других.— С ней ты удвоишь свою дневную норму выработки. Приходи завтра, получишь еще. И тебе, приятель? Пожалуйста. Тебе тоже? Лови!

— Пойдите...— начал полицейский.

— Сперва получи ордер на арест,— прервал его Тиркелл.— Закон не запрещает делать подарки.

Появилась Джораст в обществе дородного венерианина, которого она представила как главу всех таркомаров Вайринга.

— Прошу прекратить это безобразие,— потребовал венерианин.

Тиркелл знал, что на это ответить. Его товарищи продолжали делать свое дело, но он чувствовал, что они краем глаза наблюдают за этой сценой и навестили уши.

— Что вы хотите нам пришить?

— Э... э, торговлю в разнос.

— Так ведь я ничего не продаю. Эта площадь — общественное владение, и мы устроили на ней бесплатное представление.

— А эти... как их... «Пилюли силы»?

— Подарки,— объяснил Тиркелл.— По закону мы имеем полное право делать подарки. Есть возражения?

В глазах Джораст блеснул огонек, но она поспешно опустила веки.

— Боюсь, он прав. Закон на его стороне. В их действиях нет вреда.

Глава таркомаров густо позеленел, нерешительно потоптался на месте и, круто повернувшись, зашагал прочь. Джораст бросила на землян загадочный взгляд, повела плечами и отправилась вслед за ним.

— До сих пор никак не приду в себя — мышцы точно свинцом налиты,— сказал через неделю Майк Парящий Орел, сидя в «Гудвилле».— Есть хочется до чертиков. Когда у нас наконец появится еда?

Тиркелл у входа выдал какому-то венерианину «Пилюлю силы» и подошел к остальным, с улыбкой потирая руки.

— Терпение. Только терпение. Как дела, командир?

Мэн кивнул на Андерхилла:

— Спроси у этого парня. Он только что вернулся из Вайринга.

Андерхилл хихикнул:

— Там такое делается! За неделю все пошло вверх тор-машками. Сейчас каждый венерианин, который вырабатывает штучные изделия, прямо-таки жаждет получить наши таблетки, чтобы ускорить процесс производства и заработать побольше фалов.

— А как на это смотрят их заправилы?

— Да у них просто глаза на лоб лезут. К примеру, до настоящего времени один венерианин зарабатывал в неделю десять софалов, штампуя пять тысяч крышек для бутылок. Принимая таблетки Стива, он изготавливает восемь, а то и десять тысяч и соответственно зарабатывает больше. Работяга, сидящий рядом, не может с этим смириться и бежит к нам за «Пилюлей силы» для себя. Цепная реакция. И самое пикантное, что принцип сдельщины, естественно, применим не ко всем видам труда. Скажем, работа синоптиков измеряется часами, а не количеством выпавших за день дождевых капель.

Мэн кивнул:

— Ты к тому, что это порождает зависть?

— Вот послушай,— продолжал Андерхилл.— Предположим, синоптик получает в неделю десять софалов — столько же, сколько рабочий, штампующий крышечки для бутылок. И вдруг этот рабочий начинает зарабатывать двадцать софалов. Синоптик в недоумении. Он тоже решает попринимать «Пилюли силы», но это не сказывается на производительности его труда. Тогда он просит повысить ему зарплату. Если ему идут навстречу, это еще

больше нарушает экономический баланс. Если же ему отказывают, он обсуждает это с другими синоптиками, и все они приходят к выводу, что с ними обошлись несправедливо.

— Таркомары запретили работать всем венерианам, принимающим «Пилюли силы»,— сказал Майк Парящий Орел.

— Однако аборигены по-прежнему за ними приходят. Подумаешь, запретили! Интересно, как можно определить, кто их принимает? Понятно, что этот рабочий дает больше продукции, но не могут же таркомары уволить каждого, у кого повышается производительность труда.

— Великолепная идея — это наше показательное выступление,— проговорил Тиркелл.— Оно их просто загипнотизировало. Последнее время я вынужден был снизить тонизирующее действие таблеток: мои запасы на исходе. Но это компенсируется силой внушения.

Андерхилл ухмыльнулся:

— Итак, человеко-час начал выписывать вензеля. Маленькая палочка, вставленная в самое важное колесо. И это не только в Вайринге. Слухи расползаются по всей планете, и рабочие других городов уже интересуются, с какой это стати труд половины рабочих Вайринга оплачивается выше, чем их. Сейчас валютный стандарт — единая для всей Венеры денежная система — работает на нас. Номинальная стоимость товаров ни разу не менялась здесь уже несколько веков. А теперь...

— Теперь все пойдет кувырком,— сказал Мэн.— Таркомары разучились приспосабливаться к переменам.

— Это только начало,— уверенно сказал Андерхилл.— Стив, к тебе еще один клиент.

Андерхилл ошибся. Вошли Джораст и глава таркомаров Вайринга.

— Будьте достойны имен ваших предков,— вежливо сказал Мэн.— Присаживайтесь и угощайтесь. У нас еще осталось несколько банок пива.

Джораст приняла приглашение, а венерианин остался стоять, переминаясь с ноги на ногу и сердито глядя исподлобья.

— Мэлси очень огорчен,— сказала венерианка.— Из-за этих «Пилюль силы» возникли неприятности.

— Но почему? — удивился Мэн.— Ведь они повышают производительность труда.

У Мэлси перекошилось лицо.

— Это обман! Хитрый ход! Вы злоупотребляете нашим гостеприимством!

— Каким таким гостеприимством? — полюбопытствовал Бронсон.

— Вы поставили под угрозу всю нашу систему! — не унимался Мэлси.— На Венере не должно происходить никаких перемен. Так должно быть и впредь.

— Это почему? — спросил Андерхилл.— Впрочем, на то есть одна-единственная причина и она вам хорошо известна. Прогресс в любой области может расстроить планы таркомаров — он грозит им потерей власти. Вы, мошенники и вымогатели, веками правили планетой. Вы клали под сукно изобретения, культивировали застой, пытались задушить инициативу народа — и все для того, чтобы удержаться наверху. Зря старались. Перемены неотвратимы.

Мэлси вперил в него злобный взгляд:

— Вы должны прекратить раздачу этих «Пилюль силы».

— Приведите закон,— тихо сказал Тиркелл.— Укажите прецедент.

— Закон, дающий право делать подарки,— один из самых древних наших законов,— произнесла Джораст.— В него можно внести изменения, Мэлси, но народ вряд ли это одобрит.

Мэн усмехнулся:

— Безусловно. Это вызовет недовольство, и главы таркомаров утратят репутацию правителей, желающих добра своему народу.

Мэлси позеленел еще гуще.

— Мы можем применить силу...

— Джораст, вы представляете исполнительную власть. Скажите, находимся ли мы под защитой ваших законов? — спросил Андерхилл.

Джораст шевельнула плечами:

— Да, конечно. Законы священны.

Мэлси бросился к ней:

— Вы что, на стороне землян?

— Ах, Мэлси, разумеется, нет. Просто я слежу за точным исполнением законов. В чем я присягнула при вступлении в должность.

— Если вам так хочется, мы перестанем раздавать «Пилюли силы»,— сказал Мэн.— Но уверяю вас, что это только отсрочит события. Вы не в силах остановить прогресс.

— Значит, вы прекратите раздачу этих пилюль?

— Да, при условии, что вы нам за это заплатите.

— Мы не можем вам заплатить ни фала,— заупрямился Мэлси.— Вы же не состоите ни в одном таркомаре.

Джораст прошептала:

— Вы могли бы подарить им, ну, тысяч десять софалов.

— Десять тысяч! — вскричал Мэлси.— Да вы что, смеетесь?

— Только так,— сказал Андерхилл.— Впрочем, нас больше устроит пятьдесят тысяч. На эти деньги мы сможем беззаботно прожить год.

— Нет!

Снаружи ко входу в корабль подошел какой-то венерианин, просунул голову в отверстие клапана и сказал:

— Сегодня я заработал вдвое больше, чем прежде. Не дадите ли вы мне еще одну «Пилюлю силы»?

Тут он увидел Мэлси и, охнув, исчез.

Мэн пожал плечами:

— Выбирайте. Или вы нам заплатите, или мы по-прежнему будем раздавать «Пилюли силы».

Джораст прикоснулась к руке Мэлси:

— У нас нет другого выхода.

— Я...— К этому времени глава таркомаров уже почти почернел от бессильной злобы.— Ладно,— сдался он.— Я вам этого не забуду, Джораст,— процедил он сквозь зубы.

— Но ведь мой долг — блюсти закон,— сказала венерианка.

Мэлси промолчал. Он быстро нацарапал чек на пятьдесят тысяч софалов, подписал его и сунул листок Мэну.

Потом он с ненавистью оглядел внутренность кабины космолета и двинулся к выходу.

— Живем! — воскликнул Бронсон. — Пятьдесят косых! Уж сегодня-то мы наедемся до отвала!..

— Да будете вы достойны имен ваших отцов, — тихо сказала Джораст. У выходного клапана она задержалась. — Боюсь, вы очень огорчили Мэлси. А Мэлси — глава всех таркомаров...

— Чем он может нам напакостить? — спросил Андерхилл.

— Ничем. Ему не позволят законы. Однако... приятно сознавать, что у таркомаров есть свое слабое место.

Джораст многозначительно подмигнула Мэну и удалилась.

— Ну и ну! — воскликнул Мэн. — Как это понимать? Не значит ли это, что правлению таркомаров приходит конец?

— Все может быть, — сказал Бронсон. — Только мне на это наплевать. Я голоден и хочу гриб-бифштекс. Где здесь можно обратить в наличность чек на пятьдесят косых?

ГОЛОС ОМАРА

Не вынимая сигары из зубов, но держа ее под безопасным углом, Теренс Лао-Цзе Макдафф прикинул глазом к дырке в занавесе и внимательно оглядел аудиторию.

— Дело на мази,— буркнул он под нос.— А может, все-таки нет? У меня странное чувство, будто по спине взад-вперед ползает мокрая мышь. Жаль, что нельзя отправить к ним девчонку с Малой Веги, чтобы выступила вместо меня. Ну ладно... иду.

Когда занавес начал медленно подниматься, он приосанился и весело начал:

— Добрый вечер всем! Я счастлив видеть так много любознательных существ, собравшихся сегодня здесь, на самом зеленом из альдебаранских миров.

Послышались приглушенные крики, смешанные с запахом пижмы, характерным для альдебаранцев, а также с запахами многих других рас и видов. На Тау Альдебарана как раз наступило Время Лотереи, и знаменитое торжество, заключавшееся в подсчете семян в первом плоде сфиги, привлекло сюда ловцов удачи со всей Галактики. В зале был даже землянин со спутанной гривой рыжих волос. Он сидел в первом ряду и с грозной миной смотрел на Мак-

даффа. С трудом избегая его взгляда, Макдафф торопливо заговорил:

— Леди, джентльмены и альдебаранцы! Я предлагаю вам мой Универсальный Радионизотопный Гормональный Омолаживающий Эликсир — бесценное средство, которое вернет вам утраченную молодость за вполне умеренную цену, не превышающую ваших финансовых возможностей.

Какой-то предмет просвистел над головой Макдаффа. Его тренированное ухо выловило из гомона межзвездных языков несколько знакомых слов, и он понял, что чувства собравшихся далеки от одобрения.

— Этот тип мошенник! С места мне не сойти! — орал рыжеволосый землянин.

Автоматически уклонившись от перезрелого плода, Макдафф взглянул на него.

«Ого,— подумал он.— Интересно, как он сообразил, что эти карты краплены для инфракрасного света?»

Воздев руки в театральном жесте, словно прося тишины, он сделал шаг назад, пнул рычаг люка и мгновенно исчез под полом. Зрители взревели от разочарования и ярости. Быстро скользя среди старых декораций, Макдафф слышал над головой топот многочисленных ног и лап.

— Опять прольется хлорофилл,— бормотал он, мчась что есть мочи.— Все неприятности с этими альдебаранцами из-за того, что в глубине души они так и остались овощами. Никакой этики, одни рефлексy.

На бегу он споткнулся о полупустую банку прогестерона, гормона, необходимого, если олень, то есть клиент, был из птиц или млекопитающих.

— Дело наверняка не в гормонах,— вслух рассуждал Макдафф, пинком отбрасывая банку в сторону.— Все из-за того изотопа. Напишу рекламацию фирме в Чикаго. Каковы халтурщики! Следовало предвидеть, что их продукт никуда не годен — при такой-то низкой цене. Три месяца — и все! Еще и двух недель не прошло, как я продал первую бутылку! Только-только рассчитался с долгами, только-только появилась надежда на прибыль!

Последние слова он произнес уже серьезно. В этот вечер Универсальный Радиоизотопный Гормональный Омолаживающий Эликсир должен был принести Макдаффу первые деньги. Алчность альдебаранских чиновников имела размеры, редкие для существ, родившихся на огороде. Где теперь быстро достать денег, чтобы получить место на корабле? Все указывало на то, что дальнейшее пребывание на планете нежелательно.

— Одни неприятности,— пыхтел Макдафф, несясь по коридору. Он выскочил наружу и предусмотрительно перевернул штабель пустых ящиков, преграждая преследователям дорогу. Из-за образовавшейся баррикады послышались яростные вопли.

— Ну, прямо Вавилонская башня,— сказал он сам себе, переходя на рысь.— В этом главная трудность галактических путешествий: слишком много легковозбудимых рас.

Низко пригнувшись, он торопливо удалился с места происшествия, продолжая негромко комментировать его, поскольку имел обычай думать вслух. Впрочем, чаще всего это бывали похвалы в свой собственный адрес.

Убедившись, что оказался на безопасном расстоянии от толпы, пылающей жадой мести, он замедлил шаги, вошел в небольшой ломбард и потратил несколько монет из своих скромных запасов. Взамен он получил небольшой потертый чемодан, содержащий все необходимое для пешного бегства с планеты. Все, кроме самого главного: у Макдаффа не было билета.

Если бы он предвидел, каких размеров достигли на Тау Альдебарана коррупция и подкуп, он наверняка взял бы с собой побольше денег на взятки. Но он хотел поспеть к большому фестивалю сфиги, и времени на тщательную финансовую подготовку не хватило. Несмотря на это, он не терял присутствия духа. Капитан Мастерсон с «Саттера» был его должником, а его корабль должен был стартовать завтра утром.

«Может, и удастся что-то сделать,— невесело подумал Макдафф, шагая по улице.— Нужно подумать. Но прежде всего — Ао».

Ао, девушка с Малой Веги с выдающимися телепатическими способностями, могла бы стать превосходным фасадом — разумеется, в переносном смысле — для машинаций Макдаффа.

«Одних денег здесь мало. Даже если я сумею уговорить Ао, останется проблема ее опекуна».

Опекуном девушки являлся алголианин Эсс Пу¹. Макдафф позаботился о том, чтобы быть в курсе его дел, и потому знал, что алголианин уже два дня играет в кости недалеко от центра города, в «Мельнице счастья» возле Ультрафиолетового фонаря. По-видимому, противником его по-прежнему был бургомистр Альдебаран-Сити.

«Более того,— рассуждал Макдафф,— у Эсс Пу и Ао есть билеты на «Саттер». Прекрасно. Решение очень просто — мне нужно только присоединиться к игре, выиграть Ао и оба билета, после чего отрясти пыль этой чертовой планеты со своих ног».

Небрежно размахивая чемоданом, он быстро шагал по улицам, по-прежнему слыша вдали нарастающий шум, и вскоре уже стоял у дверей «Мельницы счастья» возле Ультрафиолетового фонаря. Низкий арочный вход был закрыт кожаными портьерами. Макдафф остановился на пороге и оглянулся, удивленно отметив, что в городе царит невероятная суматоха. Подсознательное чувство вины и самолюбие заставили его на мгновение подумать, что это из-за него. Однако, поскольку за свою долгую карьеру он лишь однажды вызвал против себя гнев жителей целой планеты², Макдафф решил, что, вероятно, где-то пожар.

Итак, он раздвинул портьеры и вошел, поглядывая, нет ли где-нибудь поблизости Ангуса Рэмсея. Это, как без труда догадается читатель, был рыжеволосый мужчина, порочивший Макдаффа в театре.

¹ Уменьшительная фонетическая форма. Настоящее имя произнести невозможно.

² Продав им Землю.

«А ведь он сам настаивал на покупке бутылки эликсира,— подумал неудачливый изобретатель.— Нет, его тут нет, но зато есть Эсс Пу. Я давал ему тысячу возможностей воспользоваться моим великодушием и продать Ао, но он не захотел. Пусть теперь пеняет на себя».

Напрягая мышцы своих узких плеч (приходится признать, что фигурой Макдафф несколько напоминал грушу), он пробился в угол зала, где Эсс Пу горбился над зеленым столиком вместе со своим напарником, бургомистром. Новичку в космосе могло бы показаться, что это просто невинная партия в кости между одним из местных жителей и омаром. Однако Макдафф был истинным космополитом. Уже при первой встрече с Эсс Пу, несколько недель назад, он разглядел в нем достойного и опасного противника.

Все алголиане опасны и известны своей склонностью к ссорам, неожиданным вспышкам ярости и обратной шкалой чувств.

«Это невероятно,— рассуждал Макдафф, вглядываясь в Эсс Пу.— Они чувствуют себя хорошо, только если ненавидят кого-нибудь. Чувства удовольствия и боли поменялись у них местами. Алголиане культивируют ярость, ненависть и жесткость и потому достойны сожаления».

Эсс Пу, упершись в стол покрытым чешуей локтем, потрянул кубок перед носом противника. Поскольку облик альдебаранских овощей хорошо известен благодаря популярности их видеопрограмм, мне незачем описывать бургомистра детально.

Макдафф упал на ближайший стул, держа чемоданчик на коленях, открыл его и торопливо посмотрел содержимое, куда среди прочего входили: колода игральных карт, несколько слитков плутония (не стоивших ничего) и множество бутылочек с образцами гормонов и изотопов. Имелась там и небольшая пробирка с летейской пылью, этим неприятным наркотиком, действующим на психокинетическую обратную связь. Подобно тому, как повреждение мозжечка ведет к неспособности принимать какие-либо решения, летейская пыль нарушает механизм психокинеза. Мак-

дафф решил, что небольшая путаница в психике Эсс Пу может оказаться полезной, и с этой мыслью принялся внимательно следить за игрой.

Алголианин повел по столу взглядом своих глаз, сидящих на подвижных стебельках, складчатые перепонки вокруг его физиономии стали бледно-синими. Кости покатались — выпало семь. Мембраны Эсс Пу позеленели, одна из костей еще раз дрогнула, покачнулась и перевернулась, давая единицу. Довольный алголианин щелкнул клешнями, бургомистр в отчаянии заломил руки, а Макдафф с криком восхищения наклонился, чтобы хлопнуть по спине Эсс Пу и высыпать содержимое пробирки в его стакан.

— Коллега, — восторженно обратился он к омару. — Я пересек Галактику из конца в конец, но еще никогда...

— Фе! — фыркнул Эсс Пу, собирая выигрыш, а потом добавил, что не продал бы Ао, даже если бы мог. — Так что вали отсюда! — закончил он, презрительно щелкая клешнями перед носом Макдаффа.

— Почему ты не можешь ее продать? — допытывался тот. — Хотя «продать» в данном случае неподходящее слово. Я имею в виду...

Тут его осенило, что алголианин уступил Ао бургомистру. Макдафф удивленно уставился на эту выдающуюся личность, которая явно чувствовала себя неважно.

— Простите, не узнал вашей милости, — сказал Макдафф. — Я, видите ли, с трудом различаю представителей негуманоидных рас. Правильно ли я понял, Эсс Пу, ты сказал, что продал ее бургомистру? Насколько я помню, правительство Малой Веги лишь отдает в аренду подходящим опекунам...

— Эсс Пу отказался от опеки в мою пользу, — поспешно заметил бургомистр, и это была наглая ложь.

— Убирайся, — рывкнул алголианин. — Ао ты не получишь, она — *objet d'art*¹.

¹ Произведение искусства (*фр.*).

— Твое знание французского великолепно для омара,— тактично заметил Макдафф.— Что же касается этого прелестного существа, то в своем научном исследовании я собираюсь заняться прогнозированием настроений крупных скоплений народа. Как всем известно, жители Малой Веги обладают способностью ввергать слушателей в состояние ошеломления. Имея на эстраде такую девушку, как Ао, я мог бы обеспечить себе неизменный интерес аудитории.

Его прервал резкий писк видеоприемника. Все посмотрели на экраны. Дополнительные аппараты для инфракрасных и ультрафиолетовых лучей, установленные для гостей с различными типами зрения, тихо гудели. На всех видны были вытаращенные глаза диктора, читающего сообщение.

— Лига защиты морали уже собрала общее заседание.

Бургомистр начал было испуганно подниматься, но потом решил, что лучше остаться на месте. Судя по всему, совесть его была нечиста. Спрошенный об этом Эсс Пу грубо посоветовал Макдаффу убираться и оскорбительно надулся при этом.

— Фи,— бесстрастно ответил Макдафф, зная, что бежит быстрее его.— Отвяжись!

Перепонки алголианина стали пурпурными от ярости. Прежде чем он успел что-либо сказать, Макдафф быстро предложил выкупить у него билет Ао, чего сделать не мог бы, да и не собирался.

— У меня нет ее билета,— рявкнул омар.— Он у нее. А теперь убирайся, пока...

Он поперхнулся от злости, закашлялся и осушил свой стакан. Не глядя на Макдаффа, он выбросил шестерку и подтолкнул стопку жетонов на центр стола. Бургомистр с нервным интересом взглянул на видеоэкран и тоже поставил. В этот момент приемник взвыл жутким голосом обозревателя:

— ...толпы демонстрантов движутся на резиденцию правительства! Разгневанный народ требует отставки нынешней администрации, обвиняя ее в коррупции и бездарности!

Непосредственной причиной беспорядков явилось, вероятно, раскрытие махинаций некоего Макдаффа...

Бургомистр Альдебаран-Сити подпрыгнул и бросился бежать, но Эсс Пу схватил его клешней за полу сюртука. Видео продолжало жутко пищать, передавая точное описание изобретателя Омолаживающего Эликсира, и только дымка в зале защищала Макдаффа от мгновенного опознания. Он стоял, терзаемый сомнениями: рассудок подсказывал, что нужно поскорее уходить отсюда, но инстинктивно он чувствовал, что за столом вскоре произойдет что-то интересное.

— Я должен идти домой! — стонал бургомистр. — Дела необычайной важности...

— Ставишь Ао? — допытывался омар, многозначительно потрясая клешнями. — Ставишь, а? Ставишь? Ну, говори!

— Да! — крикнул измученный бургомистр. — Да, да, да! Все, что хочешь!

— У меня была шестерка, — напомнил Эсс Пу, гремя кубком. Мембраны на его морде покрылись странными пятнами, а глаза беспокойно шевельнулись на подвижных столбиках. Вспомнив о летейской пыли, Макдафф начал медленно продвигаться к выходу.

Алголианин взревел от удивления и ярости, когда увидел, как уже непослушные его воле кости легли, давая семь. Держась за горло, он схватил свой стакан и подозрительно заглянул в него. Игра кончилась. «Мельница счастья» содрогнулась от диких воплей омара, но Макдафф уже выскользнул наружу и быстро скрылся в холодном, насыщенном запахом пижмы мраке альдебаранской ночи.

«Как бы то ни было, мне по-прежнему нужен билет, — рассуждал он. — А также Ао, если это возможно. Пойду-ка я во дворец бургомистра. Если меня не разорвут на кусочки», — добавил он, сворачивая, чтобы разминуться с размахивающей факелами толпой, заполнявшей улицу.

— Забавно, — бормотал Макдафф. — В такие минуты я горжусь, что принадлежу к цивилизованной расе. Да-а, это вам не Солнечная система.

Он поспешно прополз под забором, пересек улицу и добрался до задних дверей роскошной резиденции из розового порфира. Ухватив молоток, он постучал в дверь из красного дерева. С тихим шорохом открылся глазок, и Макдафф решительно взглянул на невидимого привратника.

— Сообщение от бургомистра,— заявил он.— У него неприятности, и он послал меня, чтобы я незамедлительно привел ему девушку с Малой Веги. Это вопрос жизни и смерти. Поспешите!

Из-за двери донесся удивленный вскрик и удаляющиеся шаги. Через некоторое время дверь открылась, явив бургомистра собственной персоной.

— Вот! — воскликнул обезумевший от страха чиновник.— Она твоя. Только заведи ее отсюда поскорее. Я никогда в жизни не видел ни Эсс Пу, ни тебя, ни ее. Я вообще никого не видел. О, эти безумные реформаторы! Достаточно лишь тени подозрения, и я погиб, погиб!

Слегка удивленный неожиданной удачей, Макдафф быстро взял себя в руки.

— Можете на меня рассчитывать,— сказал он несчастному овощу, когда стройную красивую девушку вытолкнули за порог.— Она покинет Тау Альдебарана завтра на рассвете. Я немедленно отвезу ее на борт «Саттера».

— Да-да, хорошо! — ответил бургомистр, безуспешно пытаясь закрыть дверь, чему мешала нога Макдаффа.

— Билет на корабль у нее?

— Билет? Какой билет? А, да. Он прикреплен к ремешку на запястье. О, вот они идут! Смотрите!

Перепуганный бургомистр захлопнул дверь. Макдафф схватил Ао за руку и вместе с ней нырнул в гущу кустов, окружающих дворец. Секундой позже их поглотил густой туман и лабиринт улочек Альдебаран-Сити.

В первой же подворотне Макдафф остановился и взглянул на Ао. На нее стоило посмотреть. Девушка стояла, не думая ни о чем: ей незачем было думать, она была слишком красива.

Никому еще не удалось описать существо с Малой Веги и, вероятно, никогда не удастся. Электронные мозги выходят из строя и ртуть застывает у них в клетках памяти при попытке анализа того неуловимого фактора, что превращает любого живого в соляной столб. К сожалению, вся эта раса, а значит и Ао, не отличалась избытком интеллекта. Макдафф смотрел на девушку с чисто платоническим восторгом.

Она идеально подходила для приманки. Мозги жителей Малой Веги излучают какие-то неизвестные волны, действующие гипнотически. Макдафф знал, что, если бы Ао была с ним час назад, он почти наверняка сумел бы успокоить разозленных покупателей и предотвратить беспорядки. Волшебное очарование Ао могло бы успокоить даже Ангуса Рэмсея. Удивительно, но все контакты Ао с противоположным полом имели исключительно платонический характер, разумеется, исключая представителей сильной половины населения Малой Веги. Всем остальным хватало одного ее вида. Честно говоря, зрение не имело с этим ничего общего, потому что у каждой расы свой канон красоты. Но все живые организмы одинаково реагировали на присутствие жителей Малой Веги.

— Здесь что-то созревает, моя дорогая, — сказал Макдафф, размахисто шагая. — Почему бургомистру не терпелось от тебя избавиться? Конечно, нет смысла спрашивать у тебя. Лучше давай попробуем на борт «Саттера». Уверен, что капитан Мастерсон даст мне денег на билет. Сообрази я раньше, наверняка бы уговорил бургомистра одолжить мне немного... а может, и чуть побольше, — добавил он, вспомнив явное чувство вины у этого благородного гражданина. — Похоже, я упустил хороший случай.

Ао грациозно перескочила через лужу, размышляя о более приятных и возвышенных вещах.

Они уже подходили к космодрому, когда доносящиеся издали звуки и зарево подсказали Макдаффу, что толпа подожгла порфиновый дворец бургомистра.

— Это всего лишь овощ,— сказал он себе,— и все-таки я чувствую... О Господи!

Он умолк, потрясенный. Перед ними раскинулся космодром, на котором сверкало толстое тело «Саттера». Послышался рокочущий раскат — корабль прогревал двигатели. Толпа пассажиров бурлила на помосте перед ним.

— Боже, они улетают, даже не сообщив пассажирам! — воскликнул Макдафф.— А может, они дали извещение по видео? Да, пожалуй, так и было. Это осложняет дело. Капитан Мастерсон будет в рубке, в комнате с надписью «Не мешать» на двери. Старт корабля — дело сложное. Как на Тау Альдебарана попасть на борт, имея на двоих только один билет?

Двигатели угрюмо урчали, тяжелые полосы тумана ползли по черным и белым плитам взлетного поля. Макдафф побежал, таща за собой Ао.

— Есть идея,— сипел он.— Во-первых, нужно пробраться на корабль. Потом они, конечно, проверят всех пассажиров, но капитан... гм-м...

Он внимательно вгляделся в офицера, стоявшего на конце помоста, проверявшего билеты и отмечавшего в списке фамилии пассажиров. Путешественники, слегка встревоженные, двигались в образцовом порядке, видимо успокоенные уверенным голосом офицера. Макдафф пушечным ядром ворвался на помост, таща за собой Ао и вереща во все горло.

— Они идут! — ревел он, продираясь сквозь толпу и опрокидывая по пути массивного жителя Сатурна.— Это второе восстание боксеров!¹ Вторжение ксериан! Все бегают и кричат: «Альдебаран для альдебаранцев!»

Волоча Ао и яростно размахивая чемоданом, он буквально месил густую толпу пассажиров, бегал взад-вперед по помосту, распихивая стоявших в очереди и истощно крича. Офицер у люка попытался его перекричать, но без особого успеха. Стараясь придерживаться приказа, он за-

¹ Имеется в виду восстание в Китае в 1911 году.

верил, что, пусть даже капитан ранен, нет причин для беспокойства...

— Слишком поздно! — завыл Макдафф, ныряя в центр быстро растущей группы, подавшейся панике. — Слышите, что они кричат? «Смерть чужеземцам!» Кровожадные ди-кари. Слишком поздно, слишком поздно! — добавил он, пробиваясь вместе с Ао сквозь толпу. — Закрывайте люк! К оружию! Они уже здесь!

В этот момент очередь рассыпалась, и перепуганные пассажиры различных рас бросились на штурм люка. Судорожно стискивая чемодан и Ао, Макдафф возглавил атаку и секундой позже оказался вместе с остальными на корабле, оставив позади лежащих пластом офицеров. Торопливо проверив свое имущество, он пробежал по коридору, а затем перешел на быстрый шаг. Если не считать Ао, вокруг никого не было. Издалека доносились чьи-то проклятия.

— Паника имеет свои положительные стороны, — бормотал Макдафф. — У меня не было другого способа. Что этот дурень говорил о капитане? Ранен? Надеюсь, ничего серьезного. Я должен выбить у него кредит. Ну, моя дорогая, какая у тебя каюта? А, вот она — отсек R. Лучше укроюсь до тех пор, пока не окажемся в космосе. Слышишь сигнал? Это значит, что мы стартуем, и, следовательно, проверка билетов откладывается. Быстро в сетку, Ао!

Он рывком открыл дверь каюты R и толкнул девушку к паутине волокон, свешивающихся с потолка, словно гамак.

— Входи и жди меня, — приказал он. — Я должен найти еще один гамак.

Тонкая сетка влекла Ао, словно пена морской волны сирену. В одно мгновение девушка скользнула в ее мягкое нутро, мечтательно глядя вдаль.

«Очень хорошо», — сказал Макдафф сам себе.

Он вышел, закрыл за собой дверь и направился к каюте X, которая, к счастью, не была заперта. Кроме того, никто не занимал единственного гамака.

— Ну вот... — начал было Макдафф.

— Это опять ты! — раздался вдруг знакомый голос.

Макдафф быстро повернулся на пороге. На другой стороне коридора, в дверях соседней с Ао каюты, стоял уже знакомый читателям омар.

— Какой сюрприз,— сердечно сказал Макдафф.— Мой старый друг Эсс Пу. Единственный... гм-м... алголианин, которого я хотел бы...

Закончить ему не дали. Выкрикивая что-то, в чем с трудом можно было разобрать слова «пыль» и «летейская», Эсс Пу бросился вперед. Макдафф поспешно захлопнул дверь и повернул ключ. Снаружи послышался глухой удар и яростный скрежет.

— Наглое нарушение общественного порядка,— бормотал он про себя.

Напор на дверь усиливался, но его заглушили звуковой и инфразвуковой сигналы, предупреждающие об экстренном старте. Дверь оставили в покое, скрежет клешней затих. Макдафф прыгнул в противоперегрузочную сетку. Устраиваясь в ее мягких волокнах, он надеялся, что склочный алголианин не успеет вовремя к своему гамаку и ускорение размажет его по полу. Двигатели плюнули огнем, «Саттер» покинул беспокойную планету и ее взбужденных жителей, а неприятности Макдаффа только начались.

Пожалуй, пора уже объяснить, во что же невольно впутался Макдафф. Я уже упоминал мимоходом о таких, казалось бы, не связанных вещах, как семена сфиги и ксериане.

В самых дорогих парфюмерных магазинах на самых роскошных планетах можно найти малюсенькие пузырьки, содержащие несколько капель жидкости соломенного цвета и украшенные знаменитой этикеткой «Сфиги № 00». Эти духи из духов ценятся одинаково, независимо от того, продают их в обычной бутылочке или в платиновом флаконе, украшенном драгоценными камнями. Они настолько дороги, что по сравнению с ними «Кассандра», «Радость Патоу» и «Марсианская страсть» — просто дешевка.

Сфиги — растение-эндемик Тау Альдебарана. Его семена охраняются так тщательно, что даже основным соперникам альдебаранцев — ксерианам не удалось раздо-

быть их ни силой, ни хитростью, ни даже честной торговлей. Все знают, что ксериане продали бы свои души или, точнее, душу за несколько семян. Из-за их сходства с термитами всегда имелось сомнение, обладает ли отдельный ксерианин разумом и волей или же все представители этой расы являются клетками одного общего мозга, выполняющими приказы коллектива.

Основная сложность со сфиги заключается в том, что цикл развития растения должен идти почти непрерывно. Семена теряют всхожесть через тридцать часов после снятия плода с растения...

— Мягкий старт,— бормотал Макдафф, выбираясь из гамака.— Вряд ли Эсс Пу получил хотя бы трещину в панцире.

Он выглянул наружу, и в ту же секунду дверь по другую сторону коридора стремительно распахнулась, явив готового к броску алголианина. Макдафф отпрянул назад со скоростью испуганной газели.

— Как крыса в ловушке,— бормотал он, расхаживая по каюте из угла в угол.— Где тут интерком? Вопиющее беззаконие! Ага, вот он. Прошу немедленно соединить меня с капитаном! Говорит Макдафф, Теренс Лао-Цзе Макдафф. Капитан Мастерсон? Хочу поблагодарить вас за удачный старт. Превосходная работа. Я слышал, с вами случилось несчастье... надеюсь, ничего серьезного?

Интерком издал предсмертный хрип, набрал воздуха и изрек:

— Макдафф.

— Вас ранили в горло? — сочувственно предположил Макдафф.— Однако к делу, капитан. У вас на борту опасный маньяк. Этот алголианский омар совершенно спятил и караулит под моей дверью — каюта X,— собираясь убить меня, если я выйду. Пришлите, пожалуйста, пару вооруженных людей.

Из интеркома донеслись странные звуки, которые Макдафф принял за подтверждение.

— Спасибо, капитан,— вежливо сказал он.— И еще одна мелочь. Обстоятельства заставили меня прибыть на корабль в последний момент, и я не успел купить билет. Время

поджимало, а кроме того, я должен был позаботиться о девушке с Малой Веги и защитить ее от гнусных посягательств Эсс Пу. Хорошо бы, если известие о ее присутствии в каюте R не дошло бы до этого омара.— Он глубоко вздохнул и доверительно произнес:— Произошли ужасающие события, капитан Мастерсон. Меня преследовала толпа, жаждущая крови, Эсс Пу пытался обмануть при игре в кости, а Ангус Рэмсей угрожал...

— Рэмсей?

— Возможно, вы слышали это имя, хотя оно наверняка фальшивое. Его с треском вышвырнули со службы за контрабанду опиума. Я уверен...

Кто-то постучал в дверь каюты, и Макдафф на секунду умолк.

— Быстро сработано, капитан,— сказал он.— Полагаю, это ваши люди?

В ответ послышалось утвердительное бормотание, и трубку положили.

— Au revoir¹,— сказал Макдафф и открыл дверь. Перед ним стояли двое членов экипажа в форме. По другую сторону коридора в открытой двери каюты стоял Эсс Пу и тяжело сопел.

— У вас есть оружие? — спросил Макдафф.— Этот рак готов нас атаковать.

— Каюта X,— сказал один из мужчин.— Ваша фамилия Макдафф? Капитан хочет вас видеть.

— Разумеется,— ответил Макдафф, достал сигару и смело вышел в коридор, убедившись, однако, что один из стражников находится между ним и Эсс Пу. Развязно срезая кончик сигары, он вдруг остановился, и ноздри его задрожали.

— Идемте,— сказал охранник.

Макдафф не шелохнулся. Из открытой кабины алголианина доносился слабый восхитительный запах — словно дохнуло ветерком из рая. Макдафф наконец прикурил и

¹ До свидания (фр.).

торопливо двинулся по коридору, выпустив густой клуб дыма.

— Идемте, идемте к капитану. Я должен с ним пови-
даться.

— Тоже мне новость,— сказал стражник, выдвигаясь вперед, тогда как второй сместился за спину Макдаффа. Так они дошли до офицерских кают, и всю дорогу Макдафф с удовольствием разглядывал себя в зеркальных переборках.

— Впечатляюще,— бормотал он, выпуская клубы душистого дыма.— Конечно, не красавчик, но по-своему неплох. А живот — просто признак хорошего питания... А, капитан Мастерсон! Отлично, мои дорогие, теперь вы можете оставить нас наедине. И закройте за собой дверь. Ну, капитан...

Он вдруг умолк. Мужчина за столом медленно поднял голову. Как наверняка поняли все, кроме самых глупых читателей, это был Ангус Рэмсей.

— Значит, контрабанда опиума?! — сказал он, скаля зубы в недоброй усмешке.— Выброшен со службы?! Ах ты, жалкий мошенник! Да знаешь ли ты, что я с тобой сделаю?!

— Бунт! — пролепетал Макдафф.— Что вы здесь делаете? Взбунтовали экипаж и захватили «Саттер»? Это вам с рук не сойдет! Где капитан Мастерсон?

— Капитан Мастерсон,— ответил Рэмсей, с видимым усилием сдерживая гнев и забывая на момент о своей привычке пользоваться сленгом,— лежит в больнице на Тау Альдебарана. Видимо, бедняга попал в руки разъяренной толпы. В результате капитаном «Саттера» стал я. И для меня имеет значение только одно: у тебя нет билета.

— Вы меня неверно поняли,— сказал Макдафф.— Разумеется, у меня был билет. Подымаясь на борт, я отдал его офицеру. Этому интеркому совершенно нельзя верить.

— Так же, как и твоему Эликсиру Бессмертия или некоторым игрокам, использующим карты, крапленные для инфракрасного света,— буркнул капитан Рэмсей, многозначительно сжимая кулаки.

— Вы ответите за нарушение личной неприкосновенности,— испуганно напомнил Макдафф.— У меня есть право гражданина...

— Верно,— согласился Рэмсей,— но у тебя нет прав пассажира на этом корабле. Так что ты, жалкий клоун, будешь пахать за свой билет до первой остановки на Ксерии, а там получишь пинка под зад.

— Я куплю билет,— пообещал Макдафф.— Правда, сейчас это для меня несколько сложно...

— Если я поймаю тебя на надувательстве пассажиров или на азартных играх с кем-либо, ты сядешь в кутузку,— коротко сказал капитан.— Вышвырнули, да? За контрабанду опиума! Ха!

Макдафф лихорадочно перечислял свои права, но Рэмсей лишь злорадно посмеивался.

— Если бы ты попался мне на Альдебаране,— сказал он,— я с удовольствием разорвал бы на куски твою жирную тушу. Щас придется обойтись тем, что ты будешь пахать с уборщиками. На этом корабле ты будешь честным, хоть сдохнешь с непривычки. А если ты думаешь о той девушке с Малой Веги, то я все проверил и стянуть у нее билет тебе не удастся.

— Вы не смеете лишать ее опеки! Это бесчеловечно! — крикнул Макдафф.

— Пшел вон! — гневно прервал его Рэмсей, вставая.— И берись за работу!

— Минуточку,— сказал Макдафф.— Вы пожалеете, если не выслушаете меня. На этом корабле совершено преступление.

— Верно,— ответил капитан,— и я уже просек, кто его совершил. Катись!

Он бросил в интерком несколько слов, и в дверях появились охранники.

— Нет! — заорал Макдафф, чувствуя неумолимое приближение тяжелой работы.— Это Эсс Пу! Алголианин! Он...

— Если ты надул его, как и меня...— начал капитан Рэмсей.

— Это контрабандист! — крикнул Макдафф, вырываясь из рук охранников, тащивших его из комнаты. — Он вывозит сфиги с Тау Альдебарана! Говорю вам, я учуял запах! У вас на борту контрабанда, капитан Рэмсей!

— Стой! — приказал Рэмсей. — Поставьте его. Это что — новый прикол?

— Я унюхал его, — упорствовал Макдафф. — Вы же знаете, как пахнет сфиги, тут не ошибешься. У него в каюте наверняка есть растения.

— Растения? — задумался Рэмсей. — Вот те на! Гм-м... Ну ладно, позовите сюда Эсс Пу.

Он опустился в кресло, пристально глядя на Макдаффа. Тот бодро потер ладони.

— Можете ничего не говорить, капитан. Не нужно извиняться за излишнее рвение ваших людей. Разоблачив перед вами этого опасного преступника, я подвергну его перекрестному допросу, и он признается во всем. Разумеется, вы его арестуете, и каюта окажется свободной. Я вызываю к вашему чувству справедливости.

— Тс-с-с, — ответил капитан Рэмсей. — Заткнись.

Грозно хмурясь, он вглядывался в дверь. Наконец она открылась, и вошел Эсс Пу. Он неуклюже направился к столу и вдруг заметил ненавистного врага. Мембраны на его физиономии мгновенно покраснели, а клешни поднялись для удара, судорожно шелкая.

— Но-но, приятель! — предупредил его Рэмсей.

— Вот именно, — подхватил Макдафф. — Помни, где находишься. Все раскрылось, Эсс Пу, и ложь тебе не поможет. Шаг за шагом мы с капитаном докопались до истины. Ты продался ксерианам, выкрал семена сфиги, и сейчас доказательство вины находится в твоей каюте.

Рэмсей задумчиво смотрел на алголианина.

— Н-ну? — спросил он.

— Подождите немного, — сказал Макдафф. — Когда Эсс Пу убедится, что мы знаем все, он поймет бессмысленность запирательства. Позвольте действовать мне.

Видя, что Макдаффа не остановить, капитан буркнул что-то неразборчивое и, взяв толстый том «Справочника

межзвездного права», принялся листать страницы. Эсс Пу резко шелкнул клешнями.

— Неважный план,— продолжал Макдафф.— С самого начала даже для меня, гостя на Тау-Альдебарана, было ясно, что администрация планеты насквозь продажна. Нужно ли и дальше искать ответ? Думаю, нет. Сейчас мы летим прямо на Ксерию, чьи жители много лет подряд всеми правдами и неправдами стараются порушить монополию альдебаранцев.

Он с негодованием ткнул сигарой в сторону алголианина.

— Купленный ксерианами, ты прибыл на Тау Альдебарана, сам подкупил несколько высших чиновников, добыл семена сфиги и перехитрил таможенников. Подарив бургомистру Ао, ты заручился его тайной поддержкой. Можешь пока не отвечать,— поспешно добавил он, желая продлить свой триумф.

Эсс Пу вдруг вспомнил кое-что, и из горла его вырвался булькающий звук:

— Летейская пыль! А-а-а! — Алголианин бросился на Макдаффа.

Тот поспешно отступил за стол.

— Вызовите своих людей, капитан,— посоветовал он.— Он совсем спятил. Нужно его разоружить.

— Алголианина можно разоружить, только расчленив,— рассеянно ответил Рэмсей, отрываясь от параграфов и статей.— Я вижу, ты не оправдываешься, Эсс Пу?

— А как он может оправдываться? — вмешался Макдафф.— Этот близорукий мерзавец посадил семена в своей каюте, и даже не поставил там нейтрализатор запахов. Глупцов не стоит жалеть.

— Н-ну? — спросил капитан с непонятным сомнением.

Эсс Пу тряхнул узкими плечами, многозначительно хлопнул хвостом об пол и раззявил пасть, изображая улыбку.

— Сфиги? — спросил он.— Конечно. Ну и что?

— Сам признался! — восхитился Макдафф.— Больше ничего и не требуется. Берите его. Мы поделимся наградой, если она будет, капитан.

— Нет,— решительно ответил Рэмсей, откладывая справочник.— Ты снова влип, Макдафф, потому что не знаешь межзвездного права. Мы находимся за пределами зоны ионизации Тау Альдебарана и, значит, вне ее юрисдикции. Все остальное — просто треп, однако значение этого параграфа совершенно ясно. Альдебаранцы сами должны были следить, чтобы никто не выкрал у них семена сфиги, а если уж не смогли этого сделать, то мне-то и подавно наплевать. Честно говоря, и не могу. Это противоречит закону.

— Вот именно,— самодовольно ответил Эсс Пу.

Макдафф вздохнул:

— Вы потворствуете контрабанде?

— Ко мне не подкапывайся,— сказал алголианин, делая в сторону Макдаффа оскорбительный жест.

— Он прав,— признал Рэмсей.— Закон говорит об этом совершенно однозначно. Что касается моего к этому отношения, то Эсс Пу может держать у себя сфиги, маргаритки и даже заразику,— задумчиво добавил он.

Омар фыркнул и повернулся к двери. Макдафф умоляюще положил руку на плечо капитана.

— Но он мне угрожал! Моя жизнь в опасности! Взгляните на его клешни.

— Да,— неохотно сказал Рэмсей.— Ты знаешь, что грозит за убийство, Эсс Пу? Хорошо. Приказываю тебе не убивать этого жалкого мошенника. Я вынужден придерживаться устава, поэтому смотри, чтобы я или кто-нибудь из команды не поймал тебя на месте преступления. Усек?

Эсс Пу, похоже, все усек. Он хрипло засмеялся, щелкнул клешнями и выкатился из комнаты, весело раскачиваясь на ходу.

Оба охранника стояли под дверью.

— Сюда,— приказал им Рэмсей.— У меня есть для вас работа. Отведите этого зайца к уборщикам, и пусть старший им займется.

— Нет! Нет! — заверещал Макдафф, пятясь.— Только троньте меня! Отпустите! Я не пойду! Отпустите меня! Капитан, я требую... Капитан Рэмсей!

Прошло несколько дней, разумеется, бортового времени. Ао по-прежнему лежала, свернувшись в своем гамаке, погруженная в сонные видения. Где-то под потолком послышалось сопение, скрежет и покашливание, а затем за решеткой вентиляционного отверстия появилось лицо Макдаффа.

— Ах, моя маленькая подружка, — приветствовал он ее. — Так вот где ты. Мне теперь приходится ползать по вентиляционным каналам, словно какому-то фагоциту.

Он внимательно осмотрел густую сетку.

— Приварена, как и везде. Во всяком случае, я хоть вижу, что к тебе хорошо относятся, моя дорогая.

Он вождеденно уставился на обильно заставленный поднос с завтраком. Ао мечтательно смотрела в пространство.

— Я отправил сообщение, — продолжал голос из глубины стены. — Продав несколько ценных семейных реликвий, которые были при мне, и набрал достаточно денег, чтобы послать телеграмму по льготному тарифу. К счастью, мое удостоверение журналиста еще сохранилось.

Среди обширной коллекции документов Макдаффа можно было найти что угодно, вплоть до членского билета Клуба Низкорослых Любителей Овсянки и Маршей.

— Более того, я только что получил ответ. И теперь придется рискнуть, моя дорогая. Сегодня в кают-компании объявят условия лотереи, и я должен там быть, даже под угрозой ареста или избиения. Это будет нелегко. Можно сказать, я пал здесь жертвой всех возможных оскорблений, за исключением... Какая наглость! — воскликнул он вдруг.

Веревка, обвязанная вокруг ноги, натянулась и потащила его в глубь шахты. Крики Макдаффа быстро удалялись. Слабеющим голосом он сообщил, что в кармане у него бутылка битетрапентатрихлорофеноксисукусной кислоты, которая может разбиться и угрожать его жизни. После этого все стихло. Ао осталась невозмутимой, почти не заметив недолгое присутствие Макдаффа.

— Да, — философски заметил этот последний, удирая по коридору от твердого носка ботинка инспектора контроля

атмосферы,— справедливость слепа. Вот тебе благодарность за сверхурочную работу... по крайней мере, три минуты после конца рабочего дня. Зато теперь я свободен и могу приступить к делу.

Пять минут спустя, ускользнув от инспектора и слегка почистившись, он смело двинулся в кают-компанию.

«Очко в мою пользу,— рассуждал он.— Эсс Пу, вероятно, не знает, что Ао здесь. Когда он в прошлый раз гнался за мной, то все время жаловался, что из-за меня оставил ее на Альдебаране. Увы, пока это мое единственное преимущество. А сейчас нужно затеряться среди пассажиров и не попасться на глаза Эсс Пу, капитану Рэмсею и остальной команде. Хотел бы я обладать способностями жителей Церес¹. Ну ладно...»

Осторожно продвигаясь в сторону кают-компании, Макдафф размышлял о преследующих его неудачах. Молниеносный темп, в котором он скатывался по лестнице общественной иерархии корабля, просто ошеломлял.

— Хотите заставить Архимеда работать лопатой? — спросил он.— Это все равно, что взвешивать слона на аналитических весах.

Ему велели заткнуться и браться за лопату. Макдафф тут же принялся обдумывать лучший способ использования принципа рычага. Какое-то время у него занял точный расчет коэффициента влияния фоновой радиоактивности на альфа-волны мозга.

— Иначе может случиться что угодно,— объяснил он и продемонстрировал.

Черенок с треском сломался.

По просьбе старшего уборщика Макдаффа перевели на другую работу. Однако вскоре стало ясно, что знания, которыми он обладает, не включают сведений о глажении белья, смазывании гомеостатически-симбиотического контрольного механизма, обеспечивающего удобства пассажирам, равно как и умения проверять показатель рефракции биметаллических термостатов. Когда это было доказано на

¹ Жителей Церес долгое время считали невидимыми. В конце концов оказалось, что на Церес никто не живет.

практике, его перевели в секцию гидропоники, где он устроил происшествие с радиоактивным изотопом углерода. Макдафф говорил потом, что дело тут не в изотопе, а в гаммексене, точнее, в применении этого инсектицида без мезоинозитола...

Как бы то ни было, когда тридцать квадратных футов тепличного ревения принялись в результате мутации, вызванной гаммексеном, выделять двуокись углерода, Макдаффа отправили прямо на кухню, где ему удалось подсыпать в суп гормон роста, что едва не привело к катастрофе.

Сейчас он был не самым ценным работником секции контроля атмосферы и выполнял работу, которой никто другой заниматься не хотел. Все чаще чувствовал он запах сфиги. Ничто не могло замаскировать этого специфического аромата, проходящего с помощью осмоса сквозь клеточные фильтры, проникающего во все уголки корабля и в ноздри всех пассажиров.

Пробираясь в кают-компанию, Макдафф отметил, что слово «сфиги» было на устах у всех, как он и предвидел.

Он осторожно остановился на пороге зала, окружающего весь корабль по периметру наподобие пояса — или, точнее, галстука, — так что пол везде поднимался в обе стороны. Идущий по этому залу чувствовал себя как белка в колесе.

— Какая роскошь! — вслух подумал Макдафф.

Его душа сибарита рвалась к столикам, заставленным всевозможными холодными закусками. Мимо проехал по своему рельсу подвижной бар, похожий на дворец из льда. Оркестр играл «Звездные дни и солнечные ночи» — произведение, вполне уместное на корабле, летящем в пространстве, а воздух наполнял чудесный аромат сфиги.

Несколько минут Макдафф невозмутимо стоял у дверей, разглядывая толпу пассажиров. Он ждал появления капитана Рэмсея. Наконец послышались возбужденные голоса, и пассажиры сбежали по наклонному полу салона, собравшись в одном месте. Прибыл капитан. Макдафф молниеносно растворился в толпе.

С улыбкой на покрытом шрамами лице Рэмсей стоял посреди кают-компаний. Он нигде не видел ни следа Макдаффа, хотя время от времени из-за широкого тела представителя чешуекрылых с Плутона доносились чьи-то тихие комментарии.

Капитан заговорил:

— Как вы, конечно, знаете, мы должны установить правила лотереи. Возможно, кое-кто из вас впервые в космосе, поэтому мой заместитель объяснит, как это делается. Мистер Френч, пожалуйста.

Мистер Френч, серьезный молодой человек, откашлялся, помешкал и внимательно оглядел собравшихся, когда за спиной чешуекрылого пассажира кто-то хлопнул в ладоши.

— Спасибо,— сказал он.— Э-э... многие, вероятно, знают принципы традиционной корабельной лотереи, когда пассажиры угадывали время прибытия судна в порт. Наши компенсационные системы, эффекторы и субтракторы ведут наш корабль настолько четко, что мы можем не сомневаться в точном времени прибытия на Ксерию...

— К делу, парень, к делу,— произнес чей-то голос, и капитан Рэмсей нервно посмотрел в сторону пассажира с Плутона.

— Э-э... да,— продолжал мистер Френч.— Есть у кого-нибудь идеи?

— Угадывание даты на монете,— предложил кто-то, но его заглушил хор голосов, произносящих слово «сфиги».

— Сфиги? — спросил капитан Рэмсей, изображая удивление.— Вы говорите о духах?

Все рассмеялись. Слово взял житель Каллисто, похожий на мышь.

— Капитан Рэмсей,— сказал он.— А может, устроить лотерею с семенами сфиги, как это делают на Тау Альдебарана? Насколько я знаю, она заключается в угадывании числа семян в первом плоде сезона. Предсказать количество семян невозможно. Иногда их несколько сотен, иногда — несколько тысяч и сосчитать их нельзя, не разрезав плода. Если Эсс Пу согласится...

— Позвольте мне убедить алголианина,— сказал капитан.

Омар угрюмо поглядывал по сторонам и поначалу отказался, но потом согласился — за половину выигрыша. Только очарование сфиги и исключительный шанс рассказывать об этой лотерее всю оставшуюся жизнь заставили пассажиров смириться с такой беспардонной алчностью. В конце концов все было оговорено.

— Стюарды пройдут по кают-компании,— сказал Рэмсей,— и раздадут карточки. На них нужно написать свою фамилию и предполагаемое число семян сфиги, а затем бросить в ящик. Эсс Пу, вы тоже можете принять участие, если захотите.

Алголианин захотел. Он не собирался упускать случая. После долгого раздумья он написал какое-то число, со злостью нацарапал свою подпись (фонетическую) и уже хотел удалиться, когда что-то еще более утонченное, чем запах сфиги, воцарилось в воздухе. Разговоры стихли, и все головы повернулись в одну сторону. Удивленный Эсс Пу огляделся, и его яростный рев несколько секунд метался между стенами кают-компании. Стоявшая на пороге Ао не обратила на это внимания. Она вглядывалась своими прекрасными глазами куда-то в даль, распространяя вокруг себя волны очарования. Ее присутствие подняло температуру всех живых существ в салоне, и Эсс Пу не был исключением. Как я уже говорил, хорошее самочувствие алголианина обычно выражается в безграничной ярости.

— Моя! — хрипел омар, размахивая клешнями перед носом капитана.— Она моя!

— Держи свои клешни при себе, приятель,— с достоинством ответил Рэмсей.— Пошли-ка вон в тот угол. Попробуй-ка изложить свое дело повежливее. Вот щас давай!

Эсс Пу потребовал Ао и достал документ, подтверждающий, что он прибыл на Тау Альдебарана с девушкой как ее опекун. Капитан Рэмсей задумчиво потер подбородок. Тем временем бурлили пассажиры, бросая свернутые карточки в ящик. Запыхавшийся Макдафф вы-

брался из толпы как раз вовремя, чтобы вырвать девушку из клешней.

— Полегче, омар! — с угрозой произнес он.— Только тронь ее, и пожалеешь!

Таща за собой Ао, он отскочил за спину капитана Рэмсея.

— Так я и думал,— сказал офицер, грозя пальцем омару.— Не говорил ли я тебе, Макдафф, чтобы ты не приближался к пассажирам?

— Это нарушение закона! — кричал Макдафф.— Ао находится под опекой у меня, а не у этого уголовника!

— И ты можешь это доказать? — спросил Рэмсей.— У него-то есть свидетельство.

Макдафф вырвал документ из клешни Эсс Пу, бегло просмотрел, смял и бросил на пол.

— Вздор! — презрительно сказал он, обвиняющим жестом вынимая телеграмму.— Читайте, капитан. Как видите, это отправлено правительством Малой Веги. Они утверждают, что Ао была нелегально вывезена с планеты и что именно алголианин подозревается в этом преступлении.

— Что? — удивился Рэмсей.— Минуточку, Эсс Пу!

Однако омар уже торопливо пробирался к выходу. Рэмсей нахмурился, перечел телеграмму, потом оглядел зал и подошел к цефанскому прокурору, находившемуся среди пассажиров. После краткого разговора он вернулся, качая головой.

— Я мало что могу сделать, Макдафф,— сказал он.— Это не нарушение межзвездного закона, увы. Я лишь могу отдать Ао законному владельцу, а поскольку такого здесь нет...

— Ошибаетесь, капитан,— прервал его Макдафф.— Вам нужен законный опекун девушки? Он перед вами. Вот вторая часть телеграммы.

— Что?! — воскликнул капитан Рэмсей.

— Вот именно: Теренс Лао-Цзе Макдафф. Так здесь написано. Правительство Малой Веги приняло мое предложение стать *loco parentis*¹ для Ао, *pro tem*².

¹ Здесь: опекуном (*лат.*).

² Временно (*лат.*).

— Ладно,— неохотно согласился офицер,— Ао остается под твоей опекой. Тебе придется утрясать это с властями на Ксерии, ибо, не будь я Ангус Рэмсей, ты вылетишь с корабля, едва только мы сядем. Можете драться там с Эсс Пу. А пока я не желаю видеть члена команды среди пассажиров. Шагом марш!!!

— Я требую уважения моих прав пассажира,— запальчиво произнес Макдафф, отступая на шаг.— Лотерея включена в стоимость билета, и я требую...

— Ты не пассажир, а недисциплинированный член команды.

— Ао пассажирка! — пискнул довольный Макдафф.— Она имеет право участвовать в лотерее, не так ли? Ну, капитан, дайте же мне карточку!

Рэмсей пробормотал что-то сквозь зубы, но сделал знак стюарду.

— Пусть Ао заполнит карточку.

— Вздор,— сказал Макдафф.— Ао находится под моей опекой, и я заполню карточку вместо нее. Более того, если окажется, что каким-то чудом она выиграла, я буду обязан распорядиться этими деньгами в ее интересах, то есть купить нам обоим билеты на Малую Вегу.

— К чему весь этот шум? — смягчился вдруг капитан.— Если тебе повезет, если произойдет такое чудо...

Прикрывая рукой карточку, Макдафф быстро заполнил ее, свернул и бросил в отверстие. Рэмсей взял у стюарда ящик и запечатал его.

— Честно говоря,— заметил Макдафф, глядя на него,— меня угнетает атмосфера, царящая на «Саттере». Глядя на потворство контрабанде, мошенничество адвокатов и азартные игры, вынужден заметить, капитан, что ваш корабль — гнездо порока. Идем, Ао, поищем воздуха посвежее.

Ао лизнула свой большой палец и подумала о чем-то очень приятном, может, о вкусе своего пальца. Этого никто никогда не узнает.

Прошло немного времени — и бергсонианского, и ньютоновского. Похоже было, что Макдаффу не долго осталось пребывать на корабле.

— Взявший меч от меча и погибнет,— сказал капитан Рэмсей своему первому офицеру в тот день, когда «Саттер» должен был прибыть на Ксерию.— Я только удивляюсь, что Макдафф до сих пор ухитряется избегать клешней Эсс Пу, хотя постоянно крутится вокруг сфиги. Не пойму, чего он хочет добиться, торча у кабины алголианина со счетчиком йодистого натрия и спектроскопами. Что бы он ни написал на своей карточке, этого уже не изменить: ящик заперт в моем сейфе.

— А если он найдет способ открыть его?

— Не найдет. Кроме часового замка сейф контролируется альфа-волнами моего мозга... О, легок на помине. Смотрите-ка, кто к нам идет.

В коридоре появилась приземистая, но ловкая фигура, на шаг опережавшая алголианина. Макдафф тяжело дышал и, заметив офицеров, скользнул между ними, как цыпленок под крыло наседки. Ослепленный ненавистью, омар щелкнул клешнями перед носом капитана.

— Опомнись, человече! — крикнул ему Рэмсей.

Эсс Пу что-то пробубльнул и замахал в воздухе какой-то бумагой.

— Много чести! — язвительно заметил из своего временного укрытия Макдафф.— Это же просто омар-переросток. Стоит кому-то вырасти, как его относят к гуманоидам; совсем снизили критерии. Так и лезет всякая шпана со всей Галактики. Марсиане положили начало, и теперь уже не остановишь. Я понимаю: некоторый либерализм нужен, но ведь это оскорбляет достоинство истинных гуманоидов, когда гордым именем Человек называют какого-то там омара. Он ведь даже не двуногий. Честно говоря, даже то, как он носит свой панцирь, оскорбительно для общественной морали.

— Да ладно, это я так, к слову пришлось. Что это такое, Эсс Пу? Что за бумагу ты мне суешь?

Из бессвязного бормотания алголианина офицеры поняли, что Макдафф уронил эту бумагу, удирая. Омар требовал, чтобы капитан внимательно прочел эти записи.

— Потом,— ответил Рэмсей, запихивая ее в карман.— Шас мы будем садиться на Ксерию, и мне нужно в рубку. Шагом марш, Макдафф!

Макдафф повиновался с удивительной готовностью, по крайней мере, пока находился в поле зрения капитана. Хрипло ворча, Эсс Пу двинулся следом за ним. Только тогда капитан вынул бумагу из кармана, прочитал, фыркнул и подал первому офицеру. На листе было написано:

«Задача: определить, сколько семян находится в спелом плоде, в котором, кстати, не все семена могут быть уже сформированы. Обычный диапазон волн непригоден.

Первый день. Попытка пометить сфиги радиоактивным изотопом, чтобы затем день за днем следить за его распадом и составлять графики. Неудача. Эсс Пу расставил ловушку — явный признак преступного менталитета. Удалось ускользнуть.

Второй день. Попытка подкупить Эсс Пу Эликсиром Молодости. Увы, я забыл, что алголиане презируют молодость (маленькие мозги больше всего ценят крупные размеры). Эсс Пу в ярости.

Третий день. Попытка сфокусировать инфракрасное излучение на сфиги и измерить вторичное излучение акустическим интерферометром. Неудача. Эксперимент с окрашиванием клеток плода световыми волнами. Неудача.

Четвертый день. Попытка впустить хлороформ в кабину Эсс Пу. Неудача. Невозможно подобраться к плоду настолько, чтобы опробовать протонный ядерный резонанс. Начинаю подозревать, что Эсс Пу повинен в том, что случилось с капитаном Мастерсоном на Тау Альдебарана. Вероятно, подкрался к нему сзади на темной улице. Все грубияны — трусы. Не забыть бы натравить на Эсс Пу ксериян после посадки. Но как?»

На этом «дневник» заканчивался. Френч вопросительно взглянул на капитана.

— Я не знал, что Макдафф использует такие научные методы,— буркнул Рэмсей.— Это лишь подтверждает слова Эсс Пу о том, что Макдафф пытается подобраться к сфиги. Однако до сих пор он не смог и впредь не сможет. А шас готовимся к посадке.

И он удалился вместе с наступающим ему на пятки первым офицером. Некоторое время в коридоре было пусто и тихо, потом на стене ожил интерком:

— Сообщение для всех. Вниманию пассажиров и команды «Саттера». Приготовиться к посадке. Сразу после нее пассажиры собираются в кают-компания и проходят таможенный досмотр. Там же будут сообщены результаты лотереи. Явка обязательна. Благодарю за внимание.

Наступившую тишину нарушал лишь звук тяжелого дыхания, а затем кто-то другой произнес:

— Тебя тоже касается, Макдафф. Понял?

Через четыре минуты «Саттер» опустился на Ксерию.

Протестующего Макдаффа вытащили из каюты и приволокли в салон, где уже собрались все пассажиры. Явились ксерианские чиновники и, с трудом скрывая радость, бегло просматривали документы пассажиров и без особого рвения обыскивали корабль в поисках контрабанды. Ясно было, что их интересуют только сфиги. Посреди кают-компания установили стол, а на него сфиги — каждое растение в отдельном горшочке. Полные золотистые плоды свисали с веток, а розовый отблеск их пушистой кожицы доказывал, что они созрели. Вокруг расходился небесный запах. Эсс Пу стоял на страже, время от времени обмениваясь фразами с начальником ксериан, который уже успел прикрепить¹ медаль к панцирю алголианина.

— Какая наглость! — кричал, вырываясь, Макдафф.— Мне нужно было всего несколько минут, чтобы закончить важные исследования...

¹ Разумеется, с помощью присосок.

— Перестань щелкать клювом,— сказал ему капитан Рэмсей.— Я лично с наслаждением вышвырну тебя из «Саттера».

— И оставите меня на милость этого омара? Он же меня убьет! Я взываю к нашей гуманоидальной общности...

Капитан Рэмсей коротко посоветовался с начальником ксериан, и тот кивнул.

— Вы правы, капитан,— сказал он или, если быть точным, сказала оно.— По нашим законам должники отрабатывают долг, а телесные повреждения наказываются, в зависимости от степени их тяжести, различными денежными штрафами. Разумеется, за убийство мы наказываем смертью. А почему вы спрашиваете?

— Это относится и к Эсс Пу? — продолжал расспрашивать капитан.

— Конечно,— ответил ксерианин.

— Вот видишь,— многозначительно заметил Рэмсей Макдаффу.

— Хорошо! Он будет так богат, что сможет позволить себе заплатить за удовольствие изуродовать меня! А у меня так легко появляются синяки.

— Но он, по крайней мере, не убьет тебя,— успокоил Рэмсей.— Это будет для тебя уроком, Макдафф.

— Ну раз так, то я хотя бы приложу ему сначала,— сказал Макдафф, вырвал у ближайшего пассажира толстую трость и с треском обрушил ее на панцирь омара. Алголианин издал жуткий свист и, взъярившись до безумия, бросился на Макдаффа, который, пользуясь тростью, как рапирой, отступал, не переставая, однако, наносить удары.

— Ну, иди сюда, ты, холодная закуска! — выкрикивал он.— Давай разберемся!

— Бей, Макдафф! — подбадривал эрудит с Ганимеда.

— Стоять! — рявкнул капитан Рэмсей, созывая своих людей на помощь.

Однако ксериане оказались первыми и быстро воздвигли стену между дерущимися. Потом один вырвал трость из руки Макдаффа.

— Если он тебя ранил, Эсс Пу, то выплатит штраф,— сказал начальник.— Так гласит закон. Ты ранен?

По звукам, издаваемым омаром, можно было понять, что нет. Ксерианское право не учитывает оскорбленного достоинства. Термиты — существа не шибко гордые.

— Давайте, наконец, закончим,— сказал капитан Рэмсей, разозленный разгромом своей кают-компаний.— Только три пассажира выходят здесь: Ао, Эсс Пу и Макдафф.

Макдафф огляделся, нашел Ао и поспешно спрятался за ее спиной.

— Кстати,— сказал ксерианин,— Эсс Пу рассказал мне о лотерее. Мы не возражаем, но с условием, что ни один нексерианин не подойдет к столу, и я лично сосчитаю семена.

— Хорошо,— согласился Рэмсей, беря запечатанный ящик и отходя в сторону.— Когда вы разрежете самый большой плод и сосчитаете семена, я открою ящик и назову победителя.

— Подождите! — воскликнул Макдафф, но никто не обратил на него внимания.

Начальник ксериан поднял со стола серебряный нож, выбрал самый крупный и спелый плод сфиги и старательно разрезал его пополам. Половинки упали на стол, демонстрируя идеальную внутренность... без семян. Тревожный крик ксериан эхом отразился от стен зала. Серебряное лезвие засверкало, рассекая плод на мелкие кусочки, однако в кремовой мякоти не нашлось ни единого семечка.

— Что случилось? — допытывался Макдафф.— Нет семян? Это обман. Я никогда не верил этому Эсс Пу. Он пыжился, как...

— Тихо! — холодно остановил его ксерианин.

Среди общего молчания и растущего напряжения он поднял серебряный нож еще раз.

— Нет семян? — тупо спросил капитан Рэмсей, когда был вскрыт последний плод. Ксерианин молчал, поигрывая ножом и пристально глядя на Эсс Пу. Алголианин казался таким же удивленным, как все остальные, однако, как громко заметил Макдафф, с омарами ни в чем нельзя быть

уверенным. Капитан Рэмсей отважно нарушил молчание, вышел вперед и напомнил чиновникам, что представляет здесь ГБР.

— Без проблем,— холодно ответил ксерианин.— На борту вашего корабля, капитан, мы ничего не можем сделать.

— Этот омар мне сразу не понравился,— торжествующе заявил Макдафф.— Взял у вас деньги и стакнулся с альдебаранцами. Мошенник! Поспешное бегство с Тау Альдебарана и всем известная склонность к летейской пыли...

Яростно взревев, Эсс Пу бросился на Макдаффа, который в последний момент успел выскочить через открытый люк в слабый свет ксерианского дня. Эсс Пу погнался за ним, громко ругаясь, мембраны его пылали пурпуром. Начальник ксериан мгновенно отдал приказ, и остальные ксериане выбежали следом за ними. Снаружи донеслись странные звуки, и вскоре появился запыхавшийся Макдафф. Один.

— Странные существа эти алголиане,— доверительно обратился он к начальнику, качая головой.— Я вижу, ваши люди... э-э... да, задержали Эсс Пу.

— Да,— ответил термит.— За пределами корабля он подпадает под нашу юрисдикцию.

— Так я и думал,— буркнул Макдафф, медленно подходя к Ао.

— Минуточку,— сказал Рэмсей ксерианину.— Вы не...

— Мы не варвары,— с достоинством ответил тот.— Мы дали Эсс Пу пятнадцать миллионов космических кредитов за эту работу, и он нас обманул. Если он не сможет отдать эти пятнадцать миллионов плюс проценты, то будет их отрабатывать. А час работы на Ксерии (тут Макдафф нервно сглотнул) стоит одну шестьдесят пятую кредита.

— Это абсолютно противозаконно,— сказал Рэмсей.— Но меня уже не касается. Макдафф, хватит лыбиться. Ты тоже выходишь на Ксерии, не забыл? Советую не становиться на пути у Эсс Пу.

— Думаю, он будет слишком занят,— вежливо ответил Макдафф.— Мне неприятно напоминать такому опытному

офицеру о его обязанностях, но вы забыли об одной мелочи — лотерее.

— Что? — Рэмсей пустым взглядом уставился на иссеченный плод.— Лотерея, разумеется, отменяется.

— Вздор,— прервал его Макдафф.— Никаких уверток. Можно подумать, что вы стараетесь заначить выигрыш.

— Да ты спятил! Какой выигрыш? Лотерея заключалась в том, чтобы угадать количество семян сфиги, и если плод пуст... Надеюсь, ни у кого нет возражений...

— У меня есть! — крикнул Макдафф.— От имени моей подопечной требую публично прочесть все карточки!

— Не сходи с ума,— не сдавался капитан.— Если ты хочешь отсрочить момент, когда я вышвырну тебя с «Саттера»...

— Вы должны закончить лотерею по всем правилам,— настаивал Макдафф.

— Заткнись ты, наконец! — рявкнул Рэмсей, поднимая опечатанный ящик и подключая к нему небольшое устройство.— Как хочешь. Но твое тебя все равно не минует, Макдафф. А щас все тихо!

Он прикрыл глаза и беззвучно зашевелил губами. Ящик вдруг открылся, и из него кучей высыпались свернутые карточки. Рэмсей махнул рукой — один из пассажиров подошел и начал громко зачитывать имена и цифры.

— У тебя пятиминутная отсрочка,— тихо сказал Макдаффу первый офицер.— Потом отправишься за Эсс Пу. Кстати, мне совершенно ясно, что ты выманил его наружу сознательно.

— Ерунда! — оскорбился Макдафф.— Разве я виноват, что этот омар обратил на меня свои антиобщественные инстинкты?

— А разве нет? — спросил Рэмсей.— Ты хорошо знаешь, что так оно и было.

— «Самец Кор-зе-Каблум, семьсот пятьдесят,— прочитал пассажир, развернув очередную карточку.— Лорна Секундас, две тысячи девяносто девять. Ао, замещаемая...»

Он умолк.

— Ну? — поторопил его капитан Рэмсей, держа Макдаффа за воротник.— Сколько?

— «...Теренсом Лао-Цзе Макдаффом...» — продолжил пассажир и вновь умолк.

— Да сколько же он написал?! — выходил из себя капитан. Стоя у открытого люка, он уже отвел ногу и готовился окончательно расстаться с Макдаффом, который ожидал этого на удивление спокойно.— Я, кажется, спросил кое о чем! Какая цифра написана на карточке?

— Ноль,— слабым голосом ответил пассажир.

— Вот именно! — воскликнул Макдафф, вырываясь из рук капитана.— А теперь, капитан, буду вам очень признателен, если вы вручите мне половину выигрыша, как опекуну Ао,— разумеется, вычтя из нее цену наших билетов до Малой Веги. Что касается части Эсс Пу, то пошлите ему эти деньги с поздравлениями от меня. Может, это спишет несколько месяцев с его срока, который, по моим подсчетам, составляет девятьсот сорок шесть ксерианских лет. Макдафф прощает даже врагов. Идем, дорогая Ао. Я хочу выбрать для нас подходящую каюту.

Сказав это, он закурил новую сигару и с достоинством удалился, оставив капитана Рэмсея таращиться куда-то вдаль и шевелить губами, как в тихой молитве. Наконец к капитану вернулся дар речи.

— Макдафф! — окликнул он.— Макдафф! Как ты это сделал?

— Благодаря научному подходу,— бросил Макдафф через плечо.

В известном кабаре на Малой Веге гремела веселая музыка, двое комиков перебрасывались шуточками. За одним из столиков сидели Ао, Макдафф и капитан Рэмсей.

— Я все еще жду, что ты объяснишь, как это сделал,— сказал капитан.— Уговор дороже денег. Я же подписал твоё прошение, верно?

— Признаться,— сказал Макдафф,— твоя подпись облегчила мне получение формального согласия на опеку над Ао, да живет она сто лет. Шампанского, Ао?

Девушка не ответила. С необычайным для нее интересом она смотрела в глаза молодого самца с Малой Веги, что сидел рядом.

— Помни, что я должен написать рапорт о полете, и мне нужно знать, что случилось со сфиги,— настаивал Рэмсей.— И с другой стороны, не думаешь же ты, что я рехнулся и дал за тебя полное ручательство? Нет, я написал осторожно: «насколько мне известно». Но ведь ты заполнил эту карточку задолго до того, как плод созрел, я же сам видел!

— Верно,— ответил Макдафф, потягивая шампанское.— Надо было лишь отвлечь внимание противника. Думаю, теперь я могу рассказать правду. Давай вспомним ситуацию. Ты собираешься оставить меня на Ксерии вместе с этим омаром, и я, чтобы уменьшить его преимущество, должен скомпрометировать его перед ксерианами. Выигрыш в лотерею был лишь неожиданным побочным эффектом. Просто заслуженная улыбка фортуны, основанная на использовании научных методов.

— Это ты о тех записях, которые нашел Эсс Пу... об ахинею насчет интерферометров и ионных анализаторов? Значит, ты нашел способ считать семена... Или нет?

— Конечно нет.— Макдафф покачал бокалом и пригладил свои перья.— Я сделал эти записи специально для Эсс Пу. Он был так занят охраной сфиги и погоней за мной, что времени подумать у него не оставалось.

— Ничего не понимаю,— признался Рэмсей.— Даже если ты как-то узнал, сколько в плоде семян, как ты мог угадать, что лотерея будет заключаться именно в этом?

— Ну, это самое простое. Вспомни ситуацию на корабле. У всех еще свежа в памяти лотерея на Альдебаране, а по кораблю кружат слухи о контрабандных сфиги. Если бы никто этого не предложил, я сам подсказал бы эту идею и... Что такое? Уйди! Перестань!

Он обращался к комикам, подходившим к столу Макдаффа. Капитан Рэмсей взглянул на них как раз вовремя, чтобы увидеть новый скетч.

Традиция развлекать зрителей, высмеивая кого-то из них, имеет многовековую историю, а галактические путе-

шествия открыли в этом направлении необъятные возможности. Предметом насмешек стали целые виды и расы.

Двое комиков, оживленно болтая, принялись изображать обезьян, занятых ловлей блох. К общему хохоту не присоединились лишь клиенты, происходящие от обезьян.

— Фу! — гневно фыркнул Рэмсей и начал подниматься со стула. — Эти чертовы!..

— Тише, тише, капитан. Взгляни на это объективно. Это просто вопрос семантики. — Макдафф подмигнул. — Будь выше этого и наслаждайся мастерством клоунов в абстрактном искусстве подражания. Я как раз собирался объяснить, почему нужно было отвлекать внимание Эсс Пу. Я боялся, что он сочтет странным такое быстрое созревание плодов.

— Фу, — сказал Рэмсей, но все-таки вновь опустился на стул, потому что комики начали другой номер. — Хорошо, продолжай.

— Отвлечь внимание, — довольно сказал Макдафф. — Ты встречал когда-нибудь худшего члена команды, чем я?

— Никогда, — ответил Рэмсей. — Ни разу в жизни.

— Вот именно. Меня перебрасывали из одной секции в другую, пока я не попал в секцию контроля атмосферы — именно туда, куда я и стремился. У ползания по вентиляционным трубам есть свои плюсы. Например, мне хватило секунды, чтобы опорожнить бутылку битетрапентатрихлорофеноксисукусной кислоты, — он с наслаждением произнес название вещества, — в вентилятор Эсс Пу. Кислота должна была проникнуть всюду, и в плоды сфиги тоже.

— Трихлоро... что? Ты что-то сделал с плодами до лотереи?

— Ну да! Говорю тебе, лотерея — просто побочный продукт. Чтобы спасти собственную шкуру, я хотел подложить свинью Эсс Пу. К счастью, у меня был с собой запас гормонов. Тот, что я назвал, снимает потребность в перекрестном опылении и, по законам биологии, в результате получается плод без семян. Спроси любого садовода — так всегда делают.

— Плод без семян,— тупо повторил Рэмсей.— Перекрестное опыление... черт побери!

Несомненно, Макдафф собирался сказать что-то еще, но тут его внимание привлекло выступление комиков. Он умолк на полуслове, затянулся сигарой и стал внимательно смотреть. Тот, что поменьше, принялся выступать важно, словно павлин, стряхивая пепел с воображаемой сигары. Напарник издал радостный крик и хватил его по голове.

— Скажи, друг,— фальцетом воскликнул он,— что за пингвин был с тобой прошлым вечером?

— Это был не пингвин,— радостно захихикал первый.— Это был венерианин! —В то же мгновение свет прожектора упал на сморщенную голову Макдаффа.

— Что? Что?! Вы посмели!..— рывкнул разъяренный Макдафф, но голос его потерялся в хохоте остальных гостей.— Ложь и клевета! Никогда еще меня так не оскорбляли!

Капитан Рэмсей задыхался от смеха.

Взъерошенный Макдафф грозно посмотрел по сторонам, встал и схватил Ао за руку.

— Не обращай на них внимания,— уговаривал его Рэмсей срывающимся от смеха голосом.— Ты же действительно венерианин, Макдафф, даже если утверждаешь, что вылупился в Глаз... то есть, я хотел сказать, «родился». Да, по происхождению ты шотландец и относишься к гуманоидам, верно? Ты не более пингвин, чем я обезьяна.

Однако Макдафф уже шагал к двери. Ао послушно шла за ним, бросая прощальные взгляды парню с соседнего столика.

— Какая наглость! — кипел Макдафф.

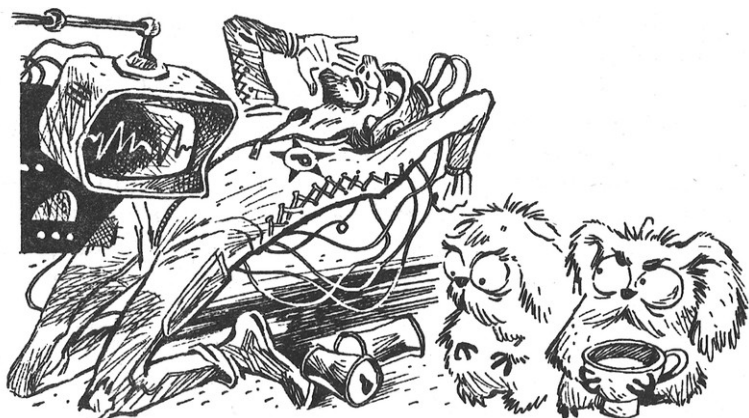
— Вернись! — крикнул ему вслед Рэмсей, с трудом сдерживая смех.— Насладись абстрактным искусством подражания. Это всего лишь вопрос семантики...

Выпрямившийся словно струна Макдафф игнорировал его зов. Таща Ао и семена на своих коротких утиных ножках, Теренс Лао-Цзе Макдафф окончательно исчез во мраке ночи, бормоча что-то себе под нос. Как поймет наименее

развитый читатель¹, Макдафф был не совсем тем, за кого себя выдавал...

— Ха! — сказал капитан Рэмсей, широко улыбаясь. — Я все-таки дождался этой минуты! Хватит пить шипучую дрянь! Официант, виски! Нужно отметить одно событие. Понимаешь, впервые в жизни этот беспринципный мошенник покинул сцену, не оставив позади какого-нибудь обманутого бедолаги. Что? Ты о чем?! Какой еще счет, тупица? Ведь это Макдафф меня пригласил, и с него... О, проклятье!

¹ Я имею в виду тех читателей, для которых использованные в рассказе научные термины оказались непонятными.

ЭТОТ МИР — МОЙ!

— Впусти меня! — пищало за окном создание, похожее на кролика. — Впусти меня! Этот мир — мой!

Гэллегер автоматически скатился с дивана, встал, пошатываясь под бременем похмелья, и огляделся. Знакомая лаборатория, утрюмая в сером свете утра, обрела более-менее определенные формы. Два генератора, украшенные станиодем, словно смотрели на него, оскорбленные своим праздничным нарядом. Откуда этот станиоль? Наверняка после вчерашней попойки. Гэллегер попытался собрать разбегающиеся мысли. Похоже, вчера он решил, что уже Рождество.

Пока он это обдумывал, вновь послышался тот же писклявый крик. Гэллегер осторожно, вручную повернул голову, потом повернулся весь. Сквозь плексиглас ближайшего окна на него смотрела морда: маленькая и жуткая.

С похмелья лучше не видеть таких харь. Уши были огромные, круглые, поросшие шерстью, глаза гигантские, а под ними — розовая пуговка вместо носа, она непрерывно дрожала и морщилась.

— Впусти меня! — вновь крикнуло существо. — Я должен завоевать ваш мир!

— Ну и что? — буркнул Гэллегер, но доплелся до двери и открыл ее.

Двор был пуст, если не считать трех невероятных существ, что рядом стояли перед ним. Их тела, покрытые белым мехом, были толстые, как подушки. Три розовых носика сморщились, три пары золотистых глаз внимательно разглядывали Гэллегера. Три пары толстых ног одновременно шагнули, и существа переступили через порог, едва не опрокинув при этом Гэллегера.

Это было уже слишком. Гэллегер бросился к своему алкогольному органу, быстро смешал коктейль и влил его в себя. Стало лучше, но не намного. Трое гостей то ли сидели, то ли стояли, но по-прежнему рядом, и смотрели на него не мигая.

Гэллегер брякнулся на диван.

— Кто вы? — потребовал он объяснений.

— Мы либли,— сказал тот, что расположился поближе.

— Ага...— Гэллегер задумался.— А кто такие либли?

— Это мы,— ответили все трое.

Возник явный порочный круг, который, впрочем, был разрушен, когда груда одеял в углу зашевелилась, явив свету Божьему морщинистое лицо орехового цвета. Появился мужчина — худой, старый и быстроглазый.

— Зачем ты их впустил, дурень? — спросил он.

Гэллегер попытался что-нибудь припомнить. Старик, разумеется, был его дедом, явившимся со своей фермы в Мэйне погостить на Манхэттене. Вчера вечером... Кстати, что было вчера вечером? Как в тумане вспомнились ему похвальба деда насчет того, сколько он может выпить, и неизбежный результат этого — соревнование. Дед выиграл. Но что было еще?

Об этом он и спросил.

— А ты что, сам не помнишь? — спросил дед.

— Я никогда не помню,— ответил Гэллегер.— Именно так я изобретаю: надерусь и... готово. Никогда не знаю как. По наитию.

— Ага,— кивнул дед.— Именно это ты вчера и сделал. Видишь?

Он указал в угол лаборатории, где стояла высокая машина, чье назначение Гэллегер никак не мог определить. Машина тихо шумела.

— Вижу. А что это такое?

— Это ты ее сделал. Вчера вечером.

— Я?! А зачем?

— Откуда мне знать? — Дед со злостью посмотрел на него. — Начал орудовать инструментами и в конце концов смастрячил ее. Потом сказал, что это машина времени, и включил ее, направив для безопасности на двор. Мы вышли посмотреть, но тут откуда ни возьмись выскочили эти трое, и мы быстренько смылись. Что мы будем пить?

Либли принялись нетерпеливо ерзать.

— На дворе всю ночь было холодно, — укоризненно сказал один из них. — Ты должен был нас впустить. Этот мир принадлежит нам.

Лошадиное лицо Гэллегера вытянулось еще больше.

— Ага. Если я построил машину времени, — хотя совершенно этого не помню, — значит, вы явились сюда из какого-то другого времени. Верно?

— Конечно, — подтвердил один из либлей. — Пятьсот лет или около того.

— Но ведь вы не... люди? Я хочу сказать, мы не превратимся в вас?

— Нет, — самодовольно ответил самый толстый либль. — Вам понадобилась бы не одна тысяча лет, чтобы сравняться с нами. Мы с Марса.

— Марс... будущее... Но вы же говорите по-английски!

— Почему бы и нет? В наше время на Марсе живут земляне. Мы читаем по-английски, говорим и все знаем.

— И ваша раса доминирует на Марсе?

— Ну-у, не совсем. — Либль заколебался. — Не на *всем* Марсе.

— Даже не на половине, — угрюмо добавил другой.

— Только в Долине Курди, — сообщил третий. — Но Долина Курди — центр вселенной. Очень высокая цивилизация. У нас есть книги о Земле и других местах. Кстати, мы хотим завоевать Землю.

— В самом деле? — машинально спросил Гэллегер.

— Да. Понимаешь, мы не могли сделать это в наше время — земляне не разрешали нам, но теперь все будет просто. Вы все будете нашими рабами,— сказал либль. Роста в нем было сантиметров тридцать.

— У вас есть какое-нибудь оружие? — спросил дед.

— Нам оно ни к чему. Мы мудрые и знаем все. Наша память очень вместительна. Мы можем построить дезинтеграторы, тепловые излучатели, космические корабли...

— Нет, не можем,— перебил его второй либль.— У нас нет пальцев.

Это была правда: косматые лапки либлей ни на что путное не годились.

— Но мы заставим землян сделать нам оружие,— сказал первый.

Дед тяпнул виски и передернулся.

— У тебя что, всегда так? — спросил он.— Знал я, что ты большой ученый, но думал, что ученые делают всякие колотушки для атомов. На кой черт тебе машина времени?

— Она принесла нас,— сказал либль.— Ах, какой счастливый день для Земли!

— Это как посмотреть,— заметил Гэллегер.— Но прежде, чем вы отправите ультиматум в Вашингтон, может, я вас чем-нибудь угощу? Блюдечко молока, а?

— Мы не животные! — оскорбился толстый либль.— Мы пьем из чашек, честное слово!

Гэллегер принес три чашки, подогрел немного молока и налил. Чуть поколебавшись, он поставил чашки на пол — для этих маленьких существ столы были слишком высоки. Пропищав «спасибо», либли взяли чашки задними лапками и принялись лакать длинными розовыми язычками.

— Вкусно,— сказал один.

— Не болтай с полным ртом,— оборвал его толстый. Похоже, он был у них за шефа.

Гэллегер вытянулся на диване и взглянул на деда.

— Эта машина времени...— проговорил он.— Я ничего не помню. Нужно будет отправить либлей домой, но раз-

работка метода займет у меня какое-то время. Иногда мне кажется, что я слишком много пью.

— Гони эти мысли прочь,— сказал дед.— Когда я был в твоём возрасте, мне не нужна была машина времени, чтобы увидеть тридцатисантиметровых зверушек. Для этого хватало пшеничной,— добавил он, облизывая сморщенные губы.— Ты слишком много работаешь, вот что.

— Ну-у...— протянул Гэллегер,— от этого никуда не деться. А зачем я вообще её делал?

— Не знаю. Болтал что-то об убийстве собственного деда и о предсказании будущего. Я ничего не понял.

— Минуточку! Я что-то припоминаю. Это хрестоматийный парадокс путешествия во времени — убийство собственного деда...

— Как ты начал об этом болтать, я сразу за топор,— сказал дед.— Мне ещё рано протягивать ноги.— Он захохотал.— Я помню ещё какую-то дрянь с привкусом бензина... но чувствую себя отлично.

— А что было потом?

— Из машины или откуда-то ещё выскочили эти крошки. Ты сказал, что машина плохо настроена, и подправил её.

— Интересно, что же пришло мне в голову,— задумался Гэллегер.

Либли допили молоко.

— Готово,— сказал толстый.— Теперь пора завоевывать мир. С чего нужно начинать?

Гэллегер пожал плечами:

— Боюсь, что не смогу вам ничего присоветовать. Меня никогда к этому не влекло. Не представляю, как за это берутся.

— Сначала мы разрушим большие города,— оживленно сказал самый маленький либль,— а потом захватим самых красивых девушек и потребуем выкуп. Все испугаются, и мы победим.

— Как ты до этого додумался? — спросил Гэллегер.

— Все это есть в книгах. Так всегда делают, мы точно знаем. Мы будем тиранами и будем всех мочить. Можно еще молока?

— И мне тоже,— хором произнесли двое других.

Улыбаясь, Гэллегер налил им еще.

— Похоже, вы не очень-то удивились, оказавшись здесь.

— Это тоже есть в книгах. Хлюп-хлюп.

— В смысле... то, что здесь сейчас происходит?

— Нет, о путешествии во времени. В наши дни все романы пишут о науке и прочих таких вещах. Мы много читаем, а то в Долине почти нечего делать,— печально закончил либль.

— Вы читаете только об этом?

— Нет, мы читаем все: и научные книги, и романы. Как делать дезинтеграторы и тому подобное. Мы расскажем тебе, как нужно сделать оружие для нас.

— Спасибо. И такие книги у вас всем доступны?

— Конечно. А почему бы и нет?

— Мне кажется, это опасно.

— Мне тоже,— задумчиво сказал толстый либль.— Но почему-то ничего не случается.

Гэллегер помолчал.

— А вы можете рассказать мне, как делать тепловой излучатель?

— Да. А потом разрушим большие города и захватим...

— Знаю, знаю — захватите красивых девушек и потребуете выкуп. А зачем?

— Мы знаем, как нужно себя вести,— ответил один из либлей.— Мы книги читаем, честное слово.— Молоко пролилось из его чашки, он посмотрел на лужу, и уши у него от огорчения поникли.

Двое остальных утешающе похлопали его по спине.

— Не плачь,— велел самый большой.

— Но я должен,— сказал либль.— Так написано.

— Ты все перепутал. Над разлитым молоком не плачут.

— Нет, плачут. И я буду,— уперся первый и принялся рыдать.

Гэллегер принес ему еще молока.

— Так что с этим тепловым излучателем?

— Это просто,— сказал толстый либль и объяснил, в чем дело.

Действительно, это было просто. Дед, конечно, ни хрена не понял, но с интересом смотрел, как работает Гэллегер. Через полчаса все было готово. Это на самом деле оказался тепловой излучатель: он прожег дыру в дверце шкафа.

— Фью! — присвистнул Гэллегер, глядя на дымок от обугленного дерева.— Надо же! — Он взглянул на металлический цилиндр, который держал в руке.

— Человека этим тоже можно убить,— буркнул толстый либль.— Как того, во дворе.

— Да, мож... Что?! Где?

— Во дворе. Мы сначала сидели на нем, но потом он остыл. У него в груди дыра.

— Это ваша работа,— обвиняюще сказал Гэллегер.

— Нет. Он, наверное, тоже из другого времени. Тепловой излучатель прожег в нем дыру.

— Кто... кто он?

— Я его никогда раньше не видел,— ответил толстый либль, явно теряя интерес к этой теме.— Я хочу еще молока.— Он запрыгнул на рабочий стол Гэллегера и выглянул в окно.— Йо-хо! Этот мир — наш!

В дверь позвонили.

— Дед, посмотри, кто там,— сказал слегка побледневший Гэллегер.— Наверное, кредитор. Они привыкли уходить отсюда пустыми. О Боже, я еще никого не убивал...

— А я уже...— буркнул дед перед тем, как выйти, но не объяснил, что имеет в виду.

Гэллегер в обществе маленьких либлей вышел во двор. Случилось непоправимое: посреди розовых кустов лежал труп мужчины, старого и бородатого, совершенно лысого. Труп был одет в странный наряд — что-то вроде эластичного цветного целлофана. В груди его зияла большая дыра, прожженная тепловым излучателем.

— Он мне кого-то напоминает,— заметил Гэллегер.— Не знаю только, кого. Он выпал из времени уже мертвый?

— Мертвый, но еще теплый,— ответил либль.— Это было приятно.

Гэллегер содрогнулся — отвратительные маленькие чудовища. Но, видимо, они безвредны, иначе не получили бы доступа к опасной информации. Присутствие либлей беспокоило Гэллегера куда меньше, чем присутствие трупа.

Откуда-то издалека донеслись протесты деда.

Либли вдруг попрятались под кустами, а во двор вышли дед и еще трое мужчин. При виде голубых мундиров и сверкающих пуговиц Гэллегер бросил тепловой излучатель на грядку, для верности нагреб на него ногой земли и изобразил нечто вроде приветливой улыбки.

— Привет, парни. Я как раз собирался звонить вам. Кто-то подкинул труп ко мне во двор.

Как заметил Гэллегер, двое из визитеров были полицейскими — хорошо сложенные, недоверчивые и быстроглазые. Третьим был невысокий элегантный человечек со светлыми волосами, приклеенными к узкой голове, и тонкими усиками под носом. Он немного напоминал лису.

На груди его красовался Знак Почетного Полицейского, а это могло значить и много, и мало, в зависимости от того, кто его носит.

— Я не мог их удержать,— сказал дед.— Так что тебе конец, молодой человек.

— Это он так шутит,— объяснил Гэллегер полицейским.— Честное слово, я уже собирался...

— Довольно. Как вас зовут?

Гэллегер представился.

— Угу.— Полицейский присел, чтобы осмотреть тело.— Ого! Что вы с ним сделали?

— Ничего. Когда я вышел утром, он уже лежал здесь. Может, выпал из какого-то окна.— Гэллегер указал на небоскребы вокруг.

— Он не выпал — ни одна кость не сломана. Выглядит он так, словно вы проткнули его раскаленной докрасна кочергой, — заметил полицейский. — Кто это такой?

— Не знаю. Я никогда его не видел. А кто вам сказал...

— Никогда не оставляйте труп на виду, мистер Гэллегер. Кто-нибудь сверху — оттуда, например, — может его увидеть и позвонить в полицию.

— Ага, понимаю.

— Мы узнаем, кто его убил, — с иронией заметил полицейский, — пусть это вас не тревожит. И узнаем, кто он. А может, вы сами нам расскажете?

— Доказательства...

— Достаточно. — Огромные ладони хлопнули. — Я позвоню, чтобы приехал коронер. Где видеофон?

— Дед, покажи ему, — устало сказал Гэллегер.

Эlegantный человек со светлыми волосами сделал шаг вперед.

— Гроарти, осмотрите дом, пока Баннистер говорит по видео. Я останусь здесь, с мистером Гэллегером.

— Так точно, мистер Кэнтрелл.

Полицейские ушли вместе с дедом.

— Прошу прощения, — сказал Кэнтрелл, быстро шагнул вперед и присел. Воткнув тонкие пальцы в землю у ног Гэллегера, он вытащил тепловой излучатель и с легкой улыбкой принялся его разглядывать. Гэллегер затаил дыхание.

— Интересно, откуда это здесь взялось? — пробормотал он, лихорадочно придумывая выход.

— Это вы его спрятали, — ответил Кэнтрелл. — Я видел. К счастью, полицейский ничего не заметил. Пожалуй, я оставлю эту штуку себе. — Он сунул цилиндр в карман. — Вещественное доказательство, а? Рана в вашем трупе довольно необычна...

— Это не мой труп!

— Он лежит на вашем дворе. Мистер Гэллегер, меня очень интересует оружие. Что это за устройство?

— Это... это просто фонарик.

Кэнтрелл вынул цилиндр из кармана и направил на Гэллегера.

- Понимаю. Если я нажму вот эту кнопку...
- Это тепловой излучатель,— быстро сказал Гэллегер, отступая в сторону.— Ради Бога, осторожнее!
- Гм-м... Его сделали вы?
- Да.
- И убили им этого человека?
- Нет!
- Советую вам не распространяться на эту тему,— сказал Кэнтрелл, снова пряча цилиндр в карман.— Как только полиция наложит на него лапы, вам крышка. Ни одно известное оружие не наносит таких ран, и им будет нелегко доказать, что это ваша работа. Мистер Гэллегер, я почему-то верю, что не вы убили этого человека. Сам не знаю почему. Может, учитываю вашу репутацию. Известно, что вы довольно эксцентричны, но известно также, что вы неплохой изобретатель.
- Спасибо,— сказал Гэллегер.— Но... это мой излучатель.
- Может, мне представить его как вещественное доказательство номер один?
- Он ваш.
- Договорились,— с улыбкой сказал Кэнтрелл.— Я посмотрю, что можно для вас сделать.

Как выяснилось, мог он не так уж много. Почти любой может получить Знак Почетного Полицейского, но политические связи не обязательно означают волосатую лапу в полиции. Однажды запущенную машину закона остановить было нелегко. К счастью, в те времена права личности были священны, что, впрочем, объяснялось развитием телекоммуникаций: ни один преступник просто-напросто не мог скрыться. Гэллегеру было предписано не покидать Манхэттен, и полиция не сомневалась, что едва он попытается это сделать, система видеотелефонов мигом сядет ему на хвост. Не требовалось даже выставлять охранников. Трехмерное фото Гэллегера уже попало в картотеки транспортных центров Манхэттена, и, если бы он попытался купить

билет на стратоплан или на хOVER, его бы немедленно опознали, отчитали и отправили домой.

Сбитый с толку коронер повез труп в морг, полицейские и Кэнтрелл удалились. Дед, трое либлей и Гэллегер остались в лаборатории, сидели, ошеломленно переглядываясь.

— Машина времени,— сказал Гэллегер, нажимая кнопки алкогольного органа.— Надо же! И зачем я все это сделал?

— Они ни в чем не могут тебя обвинить,— заметил дед.

— Правосудие стоит дорого. Если я не найду хорошего адвоката, мне конец.

— А разве суд не может дать тебе адвоката?

— Может, только мне это не поможет. Юриспруденция в наши дни похожа на игру в шахматы: требуется сотрудничество множества специалистов, чтобы изучить все возможные подходы. Меня могут приговорить, если я пропущу хоть один крючок. Именно адвокаты контролируют политическую власть, дедушка. Есть у них и свои лоббисты. Вина и невиновность ничего не значат по сравнению с хорошим адвокатом. А это требует денег.

— Деньги не понадобятся,— сказал толстый либль.— Когда мы завоюем мир, то введем свою денежную систему. Гэллегер не обратил на него внимания.

— Дед, у тебя есть деньги?

— Нет. В Мэйне мне не много нужно.

Гэллегер окинул взглядом лабораторию.

— Может, что-нибудь продать?.. Этот тепловой излучатель... хотя нет. Мне крышка, если кто-нибудь узнает, что он у меня есть. Надеюсь, Кэнтрелл никому его не покажет. Машина времени...— Он подошел к загадочному агрегату и осмотрел его.— Жаль, не помню, как она действует. И на кой черт...

— Но ведь ты собрал ее сам, разве нет?

— Ее собрало мое подсознание. Оно любит такие фокусы. Интересно, зачем тут этот рычаг? — Гэллегер проверил его. Ничего не произошло.— Все это так сложно.

Если я не узнаю, как она действует, значит, не смогу на ней заработать.

— Вчера вечером,— задумчиво произнес дед,— ты кричал о каком-то Хеллвиге, который что-то тебе заказал.

Глаза Гэллегера вспыхнули, но ненадолго.

— Помню,— сказал он.— Это полный нуль с манией величия. Он жаждет славы и сказал, что даст мне кучу денег, если я ему это обеспечу.

— Ну так валяй!

— А как? — спросил Гэллегер.— Я мог бы изобрести что-нибудь и отдать ему, чтобы он выдал за свое, но ведь никто не поверит, что такой болван, как Руфус Хеллвиг, способен на большее, чем сложить два и два. А может, даже это выше его сил. Впрочем...

Гэллегер сел к видеофону, и вскоре на экране появилось жирное белое лицо. Руфус Хеллвиг был чудовищно толстым лысым мужчиной. Больше всего он походил на идиота в крайней стадии монголизма. Деньги обеспечили ему власть, но, к величайшему его сожалению, не позволили добиться всеобщего уважения. Никто им не восхищался, над ним просто смеялись, поскольку, кроме денег, у него за душой не было ничего. Некоторые магнаты относятся к этому спокойно, но Хеллвиг был не из таких. Сейчас он смотрел на Гэллегера волком.

— Что-то придумали?

— Да, работаю над одной вещью. Но это дорого стоит, и мне нужен аванс.

— Ага...— сказал Хеллвиг неприятным тоном.— Аванс. Но вы уже получили один на прошлой неделе.

— Может, и получил,— согласился Гэллегер.— Не помню.

— Вы были пьяны.

— Да ну?!

— И цитировали Хайяма.

— Что именно?

— Что-то о весне, уходящей с розами.

— Значит, точно был пьян,— печально признал Гэллегер.— На сколько я вас раскрутил?

Хеллвиг назвал сумму, и конструктор убито покачал головой:

— Деньги утекают у меня между пальцами, как вода. Ну ладно, дайте мне еще немного.

— Да вы спятили! — рявкнул Хеллвиг. — Сперва покажите результаты, а потом заикайтесь насчет денег!

— В газовой камере я только заикнуться и успею, — заметил Гэллегер, но богач уже отключился.

Дед отхлебнул из стакана и вздохнул.

— А что с этим Кэнтреллом? Может, он поможет?

— Сомневаюсь. Я у него на крючке, а о нем самом не знаю ничего.

— Тогда я, пожалуй, двину обратно в Мэйн, — сказал дед.

Гэллегер вздохнул:

— И ты меня бросаешь?

— Ну, разве что у тебя есть еще немного водки...

— Тебе все равно не уехать: ты теперь соучастник преступления. У тебя точно нет денег?

Дед в этом не сомневался. Гэллегер еще раз взглянул на машину времени и жалобно вздохнул. Черти бы взяли это подсознание! Вот что получается, если знаешь о науке понаслышке, а не как следует. То, что Гэллегер был гением, не мешало ему постоянно впутываться в невероятные неприятности. Он вспомнил, что однажды уже построил машину времени, но она не действовала.

«Интересно, зачем Кэнтреллу этот тепловой излучатель?» — задумался Гэллегер.

Либли, изучавшие своими золотистыми глазками и розовыми носами помещение лаборатории, рядом уселись перед Гэллегером.

— Когда мы завоюем мир, тебе не о чем будет беспокоиться, — сказали они ему.

— Спасибо, — ответил Гэллегер. — Вы мне очень помогли. Однако сейчас мне позарез нужны деньги. И много. Я должен нанять адвоката.

— Зачем?

— Чтобы меня не осудили за убийство. Это трудно объяснить, ведь вы не знаете законов нашего времени...— Гэллегер открыл рот.— О, у меня идея!

— Какая?

— Вы рассказали мне, как сделать этот тепловой излучатель. Может, расскажете еще о чем-нибудь? На чем можно быстро заработать?

— Конечно, с удовольствием. Но лучше бы вам воспользоваться обратной мозговой связью.

— В другой раз. Начинайте же. Или нет, лучше я буду спрашивать. Какие устройства есть в вашем мире?

В дверь позвонили. Это явился детектив по фамилии Махони — высокий мужчина с ироничным взглядом и ухоженными черными волосами. Либли, не желавшие, чтобы их видели, пока они не разработают до конца план завоевания мира, поспешно спрятались. Махони приветствовал Гэллегера и деда сдержанным кивком.

— Добрый день. У нас в участке возникла небольшая проблема. Так, ничего серьезного.

— Это неприятно,— согласился Гэллегер.— Выпьете?

— Нет, спасибо. Я хотел бы снять у вас отпечатки пальцев. И рисунок сетчатки, если можно.

— Пожалуйста, пожалуйста.

Махони кликнул техника. Пальцы Гэллегера прижали к особой ткани, а фотоаппарат со специальным объективом сделал снимок палочек, колбочек и кровеносных сосудов глаза. Махони хмуро следил за процедурой. Вскоре техник представил детективу результаты.

— Ну и дела,— сказал Махони.

— О чем это вы? — поинтересовался Гэллегер.

— Этот труп с вашего двора...

— Ну-ну?

— У него те же отпечатки пальцев, что и у вас. И рисунок сетчатки тоже. Этого не объяснить даже пластической операцией. Что это был за парень, мистер Гэллегер?

Конструктор вытаращился на него.

— Черт возьми! Мои отпечатки? Но это же просто невозможно!

— Совершенно верно,— согласился Махони.— Вы действительно не знаете, кто это?

Техник, стоявший у окна, протяжно свистнул.

— Эй, Махони,— позвал он,— подойди-ка на минутку. Хочу тебе кое-что показать.

— Это может подождать?

— При нынешней жаре не очень долго,— ответил техник.— Во дворе лежит еще один труп.

Гэллегер с дедом испуганно переглянулись. Они так и остались сидеть, когда детектив и техник поспешно выбежали из лаборатории. Со двора донеслись возбужденные крики.

— Еще один? — спросил дед.

Гэллегер кивнул:

— Похоже на то. Пожалуй, надо...

— Смываться?

— И думать не могли. Надо посмотреть, что там такое на этот раз.

Это и вправду оказался труп. И на сей раз причиной смерти было узкое отверстие, прожженное в жилете из пластикорда и, соответственно, в груди. Несомненно, выстрел из теплового излучателя. Вид убитого поверг Гэллегера в шок — и было отчего: конструктор смотрел на собственный труп!

Впрочем, не совсем. Убитый выглядел лет на десять старше Гэллегера, лицо его было еще более худым, а в черных волосах поблескивала седина. Одежда его была весьма необычного покроя, однако сходство было несомненно.

— Та-ак...— протянул Махони, разглядывая Гэллегера.— Ваш брат-близнец?

— Я удивлен не меньше вас,— слабым голосом пробормотал конструктор.

Махони скрипнул зубами, дрожащей рукой вынул сигару и прикурил.

— Послушайте,— сказал он,— не знаю, что это за фокус, но он мне не нравится. Если и у этого парня отпечатки пальцев и сетчатки окажутся такими же, как у вас... Я вовсе не собираюсь сходить с ума. Ясно?

— Это невозможно,— сказал техник.

Махони загнал всех в дом и позвонил в участок.

— Инспектор? Я насчет тела, которое привезли час назад... помните, дело Гэллегера?

— Вы его нашли? — спросил инспектор.

Махони замер.

— Не понял... Я говорю о теле с непонятными отпечатками пальцев.

— И я о нем же. Нашли вы его или нет?

— Но оно же в морге!

— Было, — сказал инспектор. — Еще десять минут назад. А потом его украли. Прямо из морга.

Махони, облизывая губы, медленно переваривал сообщение.

— Инспектор, — сказал он наконец, — у меня есть для вас тело. Но другое. Я только что нашел его во дворе у Гэллегера. Причина смерти та же.

— Что-о?!

— Дыра, прожженная в груди. Труп здорово похож на Гэллегера.

— Похож на... А как с отпечатками пальцев, которые я велел вам проверить?

— Я все сделал. Ответ положительный.

— Но это же невозможно!

— Подождите, вот увидите новый труп! — рявкнул Махони. — Пришлите сюда парней, ладно?

— Уже отправляю. Что за сумасшедшее дело...

Экран погас. Гэллегер раздал всем выпивку и брякнулся на диван. Голова у него кружилась.

— Послушай, — сказал дед, — тебя нельзя отдать под суд за убийство того, первого, парня. Если его украли, нет *corpus delicti*¹.

— Чтоб меня... ну конечно! — Гэллегер вскочил. — Это так, Махони?

Детектив прищурился.

— В общем-то да. Однако не забывайте о том, что я нашел во дворе. Вас вполне могут отправить в газовую камеру за второго.

¹ Состав преступления (лат.).

— О! — Гэллегер вновь опустился на диван.— Но я же его не убивал!

— Это вы так говорите.

— Разумеется. И дальше буду говорить. Разбудите меня, когда все закончится. Я должен подумать.— Гэллегер сунул мундштук органа в рот, настроил его на медленную подачу и расслабился, потихоньку глотая коньяк. Он закрыл глаза, задумался, но ответа так и не нашел.

Вскоре комната вновь заполнилась людьми, и началась обычная в таких случаях рутина. Гэллегер отвечал на вопросы, используя только часть своего мозга. Наконец полиция уехала, забрав с собой второе тело. Подкрепленный алкоголем разум Гэллегера обострился, его подсознание помалу переводило управление на себя.

— Кажется, я понял,— наконец сказал он деду.— Ну-ка, посмотрим...— Он подошел к машине времени и подергал рычаги.— Нет, не могу ее выключить. Похоже, она настроена на определенное событие. Я начинаю вспоминать, о чем мы говорили вчера вечером.

— О предсказании будущего? — спросил дед.

— Угу. Не было у нас спора насчет того, может ли человек предвидеть собственную смерть?

— Был.

— Вот тебе и ответ. Я настроил машину так, чтобы она предсказала мою собственную смерть. Она движется вдоль темпоральной линии, догоняет мое будущее *in articulo mortis*¹ и переносит мой труп в наше время. То есть мой будущий труп.

— Спятил,— уверенно констатировал дед.

— Нет, тут все правильно,— настаивал Гэллегер.— Первым трупом был тоже я. В возрасте семидесяти или восьмидесяти лет. Тогда меня убьют выстрелом из излучателя. Через сорок лет или около того,— задумчиво закончил он.— Гм-м... Излучатель у Кэнтрелла...

¹ В момент смерти (*лат.*).

Дед недовольно скривился.

— А как быть со вторым телом? Не знаешь?

— Разумеется, знаю. Параллельные временные линии. Альтернативное будущее. Вероятности. Слышал о такой теории?

— Не.

— Она утверждает, что существует бесконечное множество различных вариантов будущего. Изменив настоящее, мы автоматически переходим к иному варианту будущего. Нечто вроде переключения железнодорожной стрелки. Если бы ты не женился на бабушке, меня бы здесь сейчас не было. Понятно?

— Не,— ответил дед, наливая себе еще, а Гэллегер продолжал:

— Согласно варианту А, я буду убит выстрелом из теплового излучателя в возрасте около восьмидесяти лет. Я доставил свой труп по временной линии в настоящее, и, разумеется, оно изменилось. До этого в варианте А не было места трупу восьмидесятилетнего Гэллегера. Появившись здесь, он изменил будущее. В результате мы переместились на другую временную линию.

— Глупости,— пробормотал дед.

— Тихо, дедуля, дай поразмыслить. В данный момент действует другая линия, вариант В. На этой линии я буду убит из излучателя в возрасте около сорока пяти лет. Поскольку машина настроена так, чтобы переносить сюда мое тело, едва только я умру, она так и сделала — материализовала мой сорокапятилетний труп. А труп восьмидесятилетнего меня, ясно, исчез.

— Ха-ха!

— Так и должно быть. Его просто не существовало в варианте В. Когда вариант В был реализован, вариант А отпал. Равно как и первый труп.

Старик вдруг радостно закивал.

— Понял! — воскликнул он. — Решил прикинуться психом? Мудрое решение.

— Ха! — фыркнул в ответ Гэллегер.

Он подошел к машине времени и попытался ее выключить. Ничего не вышло, машина не поддавалась. Каза-

лось, она всецело посвятила себя материализации трупов Гэллегера.

Что же теперь будет? В данный момент действует альтернативный вариант В. Однако труп В не должен был существовать в конкретном настоящем. Это был фактор Х.

$AB + X = C$. Новая переменная и новый труп. Гэллегер поспешно выглянул во двор. Он был пуст, пока, по крайней мере. Слава Богу и за это.

«Так или иначе,— думал Гэллегер,— меня не могут осудить за убийство самого себя. Или могут? Можно ли применить здесь закон, запрещающий самоубийство? Нет, это бред. Я не совершал никакого самоубийства, и по-прежнему жив».

Но раз он был жив, значит, не мог быть мертвым. Гэллегер поспешно подошел к органу, нацедил себе чего покрепче и задумался о смерти. Мысленно он уже видел суд и борьбу невероятных противоречий и парадоксов — процесс века. Если он не найдет лучшего на этой планете адвоката, ему конец.

Потом мелькнула другая мысль, и Гэллегер рассмеялся. Скажем, его осудят за убийство и казнят. Если он умрет в настоящем, его будущий труп тут же исчезнет и *corpus delicti* не будет. В результате он неизбежно будет реабилитирован после смерти.

Однако мысль эта почему-то не утешала.

Вспомнив, что необходимо действовать, Гэллегер окликнул либлей. Создания уже добрались до коробки с печеньем, но на зов явились немедленно, смущенно стряхивая крошки с усиков.

— Мы хотим молока,— сказал толстый.— Этот мир принадлежит нам.

— Да,— добавил второй,— мы разрушим все города, а потом схватим красивых девушек и потребуем...

— Бросьте,— устало отмахнулся Гэллегер.— Мир может и подождать, а я нет. Мне нужно быстренько что-нибудь изобрести, чтобы немного заработать и нанять адвоката. Я

не хочу провести остаток жизни в роли обвиняемого в убийстве моего будущего трупа.

— Здорово! — восхитился дед. — Ты уже говоришь как записной псих.

— Катись отсюда! И подальше. Я занят.

Дед пожал плечами, надел шляпу и вышел, а Гэллегер приступил к допросу либлей.

Вскоре он понял, что толку от них мало. И не в том дело, что либли сопротивлялись; наоборот, они очень хотели ему помочь. Однако они никак не могли понять, что нужно Гэллегеру. Кроме того, их маленькие головенки были до отказа заполнены любимой идеей, так что на все остальное просто места не осталось. Мир принадлежал им, и трудно было поверить, что существуют еще и другие проблемы.

И все-таки Гэллегер не сдавался. В конце концов он наткнулся на то, что ему требовалось, когда либли вновь упомянули об обратной мозговой связи. Устройства для этого в мире будущего были распространены довольно широко. Давным-давно их изобрел человек по фамилии Гэллегер, сообщил ему толстый либль, не замечая явного совпадения.

Гэллегер поперхнулся. Похоже, ему предстояло создать машину для обратной мозговой связи прямо сейчас, раз уж так было записано в истории. С другой стороны, что произойдет, если он этого не сделает? Будущее вновь изменится. «Как же получилось, — задумался он, — что либли не исчезли с первым телом, когда вариант А сменился вариантом В?»

Ответ был прост: дожил Гэллегер до седин или нет, либлям в их марсианской Долине до этого дела не было. Когда музыкант берет фальшивую ноту, он может на несколько тактов отойти от верной тональности, но вернется к ней, как только сможет. Похоже, и время стремилось к своему нормальному состоянию.

— В чем заключается эта обратная мозговая связь? — спросил он.

Либли рассказали ему. Гэллегер собрал воедино полученную информацию и решил, что устройство получится странноватое, но практичное. Потом буркнул что-то о безумных гениях — все сводилось именно к этому.

Располагая обратной мозговой связью, любой тупица мог за несколько секунд стать великим математиком. Разумеется, использование этих знаний требовало практики: для начала следовало выработать в себе умение мыслить. Каменщик с корявыми пальцами мог стать первоклассным пианистом, но требовалось время, чтобы его руки стали эластичными и достаточно чуткими. Но самым важным было то, что талант можно было передавать от одного мозга другому.

Заключалось это в индукции электрических импульсов, излучаемых мозгом. Их форма постоянно меняется. Когда человек спит, кривая выпрямляется, когда, скажем, танцует, его подсознание автоматически управляет его ногами, если он, конечно, хороший танцор. Такую кривую можно выделить. Если же ее записать, то элементы, образующие умение танцевать, можно словно пантографом перенести на другой мозг.

Было там и другое, вроде центров памяти и тому подобного, но Гэллегер уже ухватил суть. Ему не терпелось немедленно начать работу, это подходило для одного его плана...

— В конце концов ты научишься мгновенно узнавать линии кривых,— сказал один из либлей.— Это... это устройство часто используется в наше время. Людям, которые не хотят учиться, закачивают в голову знания из мозгов признанных мудрецов. Однажды в нашу Долину пришел землянин, который хотел стать знаменитым певцом, но не имел ни малейшего слуха, ни одной ноты не мог повторить. Он использовал обратную мозговую связь и через шесть месяцев уже пел что угодно.

— А почему только через шесть месяцев?

— У него был нетренированный голос, и требовалось время. Но когда он уже вошел в ритм...

— Сделай-ка нам обратную мозговую связь,— предложил толстый либль.— Может, и она пригодится для завоевания Земли.

— Именно ее я и собирался сделать,— ответил Гэллегер.— Но с некоторыми условиями.

Гэллегер позвонил Руфусу Хеллвигу, надеясь, что удастся раскрутить этого магната на аванс, но ничего не получилось. Хеллвиг был упрям.

— Сначала покажите,— уперся он,— а потом получите чек.

— Но деньги мне нужны сейчас,— настаивал Гэллегер.— Я не смогу ничего для вас сделать, если буду казнен за убийство.

— Убийство? А кого вы убили? — спросил Хеллвиг.

— Никого. Его хотят повесить на меня...

— Ну нет, на этот раз я не куплюсь. Без готового результата — никаких авансов, Гэллегер!

— Да вы только послушайте. Хотите петь как Карузо? Танцевать как Нижинский? Плавать как Вейссмюллер? Говорить как государственный секретарь Паркинсон? Показывать фокусы не хуже Гудини?

— Да, говорите-то вы хорошо,— задумчиво сказал Хеллвиг и прервал связь.

Гэллегер с ненавистью посмотрел на экран. Похоже, придется все-таки браться за работу.

Так он и сделал. Его тренированные, умелые пальцы забегали, не отставая от мыслей. Кроме того, помогал алкоголь: он высвобождал подсознание. Если возникали какие-то сомнения, Гэллегер спрашивал либлей. И все-таки дело требовало времени.

В доме не нашлось всех нужных инструментов, поэтому он позвонил в снабженческую фирму и сумел выбить из нее товары в кредит. Работа продолжалась. Один раз ее прервал маленький человечек в котелке, который принес повестку в суд, а потом явился дед, чтобы занять пять кредитов. В город приехал цирк, и дед, как старый и горячий поклонник жанра, не мог позволить себе упустить такую возможность.

— Ты тоже пойдешь? — спросил он.— Может, я поиграю в кости с парнями. Я всегда был в хороших отношениях с циркачами: однажды выиграл пятьсот кредитов у женщины с бородой. Не пойдешь? Ну, желаю удачи!

Дед ушел, а Гэллегер занялся аппаратом для обратной мозговой связи. Либли продолжали таскать печенье и доб-

родушно спорили о том, как поделят мир, когда завоюют. Машина обретала форму медленно, но неумолимо.

Что касается машины времени, то новые попытки выключить ее доказали одно: машину зациклило. Похоже, она замкнулась в кольцо определенных действий и не могла из него выйти. Машина была настроена на доставку трупов Гэллегера и, пока не выполнила своего задания полностью, упрямо отказывалась выполнять иные поручения.

— «Однажды манекенщица из Бостона...» — рассеянно бормотал Гэллегер. — Посмотрим, посмотрим. Здесь нужен узкий луч... Вот так. «Но дело не вышло, поскольку тот мистер...» Если изменить чувствительность рецепторов... Ага... «Имел слишком много бонтона». Так, хватит...

Была уже ночь, но Гэллегер не отдавал себе отчета, сколько прошло времени. Либби, объевшиеся краденым печеньем, не вмешивались, только время от времени требовали молока. Гэллегер непрерывно пил, поддерживая подсознание в рабочем состоянии. Наконец он вздохнул, посмотрел на готовый аппарат для обратной мозговой связи, тряхнул головой и открыл дверь. Перед ним был пустой двор. Хотя...

Нет, все-таки пустой. Альтернативный вариант В продолжался. Гэллегер вышел и подставил разгоряченное лицо холодному ночному ветерку. Сверкающие небоскребы Манхэттена отгораживали его от темноты ночи, летающие машины мелькали над головой, словно сумасшедшие светлячки.

Где-то совсем рядом послышался глухой шум, и удивленный Гэллегер повернулся. Неизвестно откуда появилось очередное тело и лежало теперь посреди двора, глядя в небо мертвыми глазами. Чувствуя холод в желудке, Гэллегер подошел ближе. Это был труп мужчины средних лет — где-то между пятьюдесятью и шестьюдесятью, — с шелковистыми черными усами и в очках. Сомнений не было: это вновь был Гэллегер. Постаревший и измененный вариантом С — уже С, а не В — и по-прежнему с дырой в груди.

Гэллегер подумал, что именно в этот момент труп В должен исчезнуть из полицейского морга, как и предыдущий.

Значит, в варианте С Гэллегеру предстояло умереть только после пятидесяти, но и в этом случае причиной смерти оставался выстрел из излучателя. Гэллегер подумал о Кэнтрелле, который забрал излучатель, и содрогнулся. Дело запутывалось все больше.

Наверняка скоро появится полиция. Гэллегер почувствовал, что голоден. В последний раз взглянув на свое собственное мертвое лицо, конструктор вернулся в лабораторию, захватил по пути либлей и загнал их на кухню, где быстро приготовил ужин. К счастью, в холодильнике нашлись бифштексы, и либли с жадностью проглотили свои порции, наперебой щебеча о своих фантастических планах. Они уже решили, что Гэллегер будет у них главным визирем.

— А он достаточно жесток? — спросил толстый.

— Не знаю.

— В книжках великий визирь всегда очень жесток. Йо-хо! — Толстый либль поперхнулся кусочком бифштекса. — Уг-уггл-улл! Мир принадлежит нам!

«Ну и мания! — задумался Гэллегер. — Неисправимые романтики. Их оптимизм, мягко говоря, исключителен».

Когда он бросил тарелки в мойку и подкрепился пивом, собственные проблемы вновь навалились на него. Аппарат для обратной мозговой связи должен работать, гениальное подсознание и вправду собрало его.

Черт побери, конечно, он должен работать. Иначе либли не говорили бы, что эту штуку давным-давно изобрел Гэллегер. Однако он не мог использовать Хеллвига в качестве подопытного кролика.

Когда в дверь постучали, Гэллегер торжествующе щелкнул пальцами. Это, конечно, дед. Вот оно, решение.

Появился сияющий дед.

— Ну и здорово было! В цирке всегда здорово. Держи двести, чучело. Мы сгоняли в покер с татуированным человеком и еще одним парнем, который прыгает с лестницы

в ванну с водой. Мировые парни. Завтра я снова пойду к ним.

— Спасибо,— сказал Гэллегер.

Две сотни не решали проблемы, но он не хотел огорчать старика. Затащив деда в лабораторию, он объяснил ему, что хочет провести эксперимент.

— Сколько угодно,— ответил тот, дорвавшись до органа.

— Я сделал несколько чертежей кривых своего мозга и установил, где находятся мои математические способности. Это трудно объяснить, но я могу перекачать содержимое своего мозга в твой, к тому же выборочно. Я могу дать тебе свой математический талант.

— Спасибо,— поблагодарил дед.— А тебе он уже не нужен?

— Мой останется при мне. Это просто матрица.

— Матрац?

— Матрица. Эталон. Я просто повторю ее в твоём мозгу. Понимаешь?

— Естественно,— сказал дед и позволил усадить себя в кресло.

Гэллегер нахлобучил на него опутанный проводами шлем. Сам конструктор надел другой шлем и принялся колдовать над аппаратом. Тот загудел, и лампы на нем вспыхнули. Вскоре высота звука начала расти, он поднялся до писка, а затем и вовсе стих. И это было все.

Гэллегер снял оба шлема.

— Как самочувствие? — спросил он.

— Превосходное.

— Ничего не изменилось?

— Выпить хочется...

— Я не давал тебе моей сопротивляемости алкоголю, тебе собственной хватит. Разве что она удвоилась...— Гэллегер побледнел.— Если я еще дал тебе и свою жажду... Ой-ей-ей!

Бормоча что-то о человеческой глупости, дед пропустил стаканчик. Гэллегер последовал его примеру и растерянно уставился на старика.

— Я не мог ошибиться. Графики... Сколько будет корень квадратный из минус единицы?

— Много я повидал корней,— ответил дед,— но квадратных — ни разу.

Гэллегер выругался. Машина наверняка сделала свое. Должна была сделать по многим причинам, главной из которых была логика. Может быть...

— Попробуем еще раз. Теперь на мне.

— Давай,— согласился дед.

— Ха!

— Минуточку! Есть идея. У меня хорошие связи на телевидении... Может, и удастся что-то сделать.— Гэллегер сел к видеофону. Это потребовало времени, но он все-таки сумел убедить аргентинского тенора Рамона Фиреса взять аэротакси и быстро явиться в лабораторию.

— Фирес! — Гэллегер буквально упивался этой мыслью.— Это будет доказательство что надо! Один из величайших теноров нашего полушария! Если вдруг окажется, что я пою как жаворонок, можно будет звонить Хеллвигу.

Фирес наверняка торчал в ночном клубе, но по просьбе с телевидения отложил на время свои занятия и явился через десять минут. Это был крепко сложенный симпатичный мужчина с оживленной мимикой. Он улыбнулся Гэллегеру.

— Вы сказали, что дело плохо, но мой голос может помочь, и вот я здесь. Запись, да?

— Что-то вроде.

— Какое-то пари?

— Можно сказать и так,— ответил Гэллегер, усаживая Фиреса в кресло.— Я хочу записать церебральный узор вашего голоса.

— О, это что-то новое! Расскажите-ка побольше.

Конструктор послушно выложил набор наукообразной чуши, удовлетворив тем самым любопытство сеньора Фиреса. Процедура продолжалась недолго, нужные кривые выделились легко. Это была матрица вокального таланта Фиреса, огромного таланта.

Дед скептически смотрел, как Гэллегер настраивает аппарат, надевает на головы шлемы и включает машину. Вновь засветились лампы, запели провода. Потом все стихло.

— Получилось? Можно мне посмотреть?

— Нужно время для проявления, — без зазрения совести солгал Гэллегер. Он не хотел петь в присутствии Фиреса. — Как будет готово, я принесу их вам.

— Чудесно! — Сверкнули белые зубы. — Всегда к вашим услугам, amigo!¹

Фирес вышел. Гэллегер сел и выжидательно уставился в стену. Ничего. Только немного болела голова.

— Уже готово? — спросил дед.

— Да. До-ре-ми-фа-со...

— Чего?

— Сиди тихо.

— Сбрэндил, это уж точно.

— «Смейся, паяц, над разбитой любовью!» — дико завыл Гэллегер срывающимся голосом. — О черт!

— «Слава, слава, аллилуйя! — с готовностью поддержал дед. — Слава, слава, аллилуйя!»

— «Смейся, паяц...» — еще раз попытался Гэллегер.

— «И дух его живет средь нас!» — проблеял дед, душа любого общества. — Когда я был молод, то неплохо подпевал. Давай попробуем дуэтом. Ты знаешь «Фрэнки и Джонни»?

Гэллегер едва сдержался, чтобы не разрыдаться. Окинув старика ледяным взглядом, он прошел на кухню и открыл банку с пивом. Холодная жидкость с мятным привкусом освежила его, но не ободрила. Петь он не мог. Во всяком случае, так, как Фирес. Машина просто-напросто не работала. Вот тебе и обратная мозговая связь!

Со двора донесся возглас деда:

— Эй, что я нашел!

— Нетрудно догадаться, — угрюмо ответил Гэллегер и вплотную занялся пивом.

¹ Приятель, дружище (*исп.*).

Полиция явилась через три часа, в десять. Задержка объяснялась просто: тело исчезло из морга, но пропажу обнаружили не сразу. Начались тщательные поиски, разумеется, без результата. Прибыл Махони со своей командой, и Гэллегер показал им на двор.

— Он лежит там.

Махони окинул его яростным взглядом.

— Снова эти ваши фокусы, да?! — рявкнул он.

— Я здесь ни при чем.

Наконец полицейские вышли из лаборатории, оставив худошавого светловолосого человечка, который задумчиво разглядывал Гэллегера.

— Как дела? — спросил Кэнтрелл.

— Э-э... хорошо.

— Вы что, спрятали где-то еще пару этих... игрушек?

— Тепловых излучателей? Нет.

— Тогда как же вы убиваете этих людей? — плачущим голосом спросил Кэнтрелл. — Я ничего не понимаю.

— Он мне все объяснил, — сказал дед, — но тогда я не понимал, о чем он говорит. Тогда нет, но сейчас, конечно, понимаю. Это просто изменение темпоральных линий. Принцип неопределенности Планка и, вероятно, Гейзенберга. Законы термодинамики ясно указывают, что вселенная стремится вернуться к норме, которой является известный темп энтропии, а отклонения от нормы должны неизбежно компенсироваться соответствующими искривлениями пространственно-временной структуры ради всеобщего космического равновесия.

Воцарилась тишина.

Гэллегер подошел к раковине, налил стакан воды и медленно вылил себе на голову.

— Ты понимаешь то, что говоришь, верно? — спросил он.

— Разумеется, — ответил дед. — Почему бы и нет? Обратная мозговая связь передала мне твой математический талант вместе с необходимой терминологией.

— И ты скрывал это?

— Черт побери, нет, конечно! Мозгу нужно какое-то время, чтобы приспособиться к новым способностям. Это

вроде клапана безопасности. Внезапное поступление совершенно нового комплекса знаний могло бы полностью уничтожить мозг. Поэтому все уходит вглубь; процесс длится часа три или около того. Так оно и было, верно?

— Да,— подтвердил Гэллегер.— Так.— Заметив взгляд Кэнтрелла, он заставил себя улыбнуться.— Это наша с дедом шутка. Ничего особенного.

— Гм-м,— сказал Кэнтрелл, прищурившись.— И только-то?

— Да. Всего лишь шутка.

Со двора внесли тело и протащили его через лабораторию. Кэнтрелл сощурился, многозначительно похлопал по карману и отвел Гэллегера в угол.

— Покажи я кому-нибудь ваш излучатель, Гэллегер, и вам крышка. Не забывайте.

— Я не забываю. Что вам от меня надо, черт возьми?

— О-о... я не знаю. Такое оружие может здорово пригодиться. Никто не знает заранее... Сейчас столько ограблений. Я чувствую себя увереннее, когда эта штука лежит у меня в кармане.

Он отодвинулся от Гэллегера, заметив входящего Махони. Детектив был явно обеспокоен.

— Этот парень со двора...

— Что с ним?

— Он тоже похож на вас. Только старше.

— А как с отпечатками пальцев, Махони? — спросил Кэнтрелл.

— Ответ заранее известен,— буркнул детектив.— Все как обычно. Узор сетчатки тоже совпадает. Послушайте, Гэллегер, я хочу задать вам несколько вопросов. Отвечать прошу четко и ясно. Не забывайте, что вас подозревают в убийстве.

— А кого я убил? — спросил Гэллегер.— Тех двоих, что исчезли из морга? Нет *corpus delicti*. Согласно новому кодексу, свидетелей и фотографий недостаточно для установления факта.

— Вам хорошо известно, почему его приняли,— ответил Махони.— Трехмерные изображения принимали за настоящие трупы... Лет пять назад был большой шум по этому

поводу. Но трупы на вашем дворе — не картинки. Они настоящие.

— И где же они?

— Два были, один есть. Все это по-прежнему висит на вас. Ну, что скажете?

— Вы не...— начал Гэллегер, но умолк. В горле его что-то дрогнуло, и он встал с закрытыми глазами.— «Мое сердце принадлежит тебе, пусть знает об этом весь мир,— пропел Гэллегер чистым и громким тенором.— Меня найдешь ты на своем пути, как тень, не покидающую никогда...»

— Эй! — крикнул Махони, вскакивая.— Успокойтесь! Вы слышите меня?

— «В тебе всей жизни смысл и блеск, молчание, и мрак, и песнь...»

— Перестаньте! — заорал детектив.— Мы здесь не для того, чтобы слушать ваше пение!

И все-таки он слушал, как и все остальные. Гэллегер, одержимый талантом сеньора Фиреса, пел и пел, а его непривычное горло расходилось и уже выдавало соловьиные трели. Гэллегер пел!

Остановить его было невозможно, и полицейские убралась, изрыгая проклятия и обещая вскоре вернуться со смирительной рубашкой.

Кстати, дед тоже испытывал какой-то непонятный приступ. Из него сыпались странные термины, математика, излагаемая словами,— символы от Эвклида до Эйнштейна и дальше. Похоже, старик действительно получил математический талант Гэллегера.

Однако все — и хорошее, и плохое — имеет свой конец. Гэллегер прохрипел что-то пересохшим горлом и умолк. Обессиленный, повалился он на диван, глядя на деда, скорчившегося на кресле с широко открытыми глазами. Из своего укрытия вышли трое либлей и выстроились в шеренгу. Каждый держал в косматых лапках печенье.

— Мир принадлежит мне! — возвестил самый толстый.

События следовали одно за другим. Позвонил Махони, сообщил, что добивается ордера на арест и что Гэллегера посадят, как только удастся расшевелить машину правосудия. То есть завтра.

Гэллегер позвонил лучшему на Востоке адвокату.

Да, Перссон мог опротестовать ордер на арест и даже выиграть дело, либо... Как бы то ни было, Гэллегеру нечего опасаться, если он наймет его. Однако часть платы следует внести авансом.

— И сколько?.. О!

— Позвоните мне, когда вам будет удобно,— сказал Перссон.— Чек можете выслать хоть сегодня.

— Хорошо,— ответил Гэллегер и тут же позвонил Руфусу Хеллвигу.

К счастью, богач оказался дома.

Гэллегер объяснил ему, в чем дело. Хеллвиг не поверил, однако согласился прийти в лабораторию с самого утра, для пробы. Раньше он просто не мог. Дать денег он снова отказался, пока не получит несомненные доказательства.

— Сделайте меня первоклассным пианистом,— сказал он,— тогда я поверю.

Гэллегер вновь позвонил на телевидение, и ему удалось связаться с Джоуи Маккензи, красивой светловолосой пианисткой, молниеносно завоевавшей сердца жителей Нью-Йорка и тут же приглашенной на телевидение. Джоуи пообещала прийти утром. Гэллегеру пришлось ее долго уговаривать, но в конце концов он наговорил такого, что интерес девушки достиг уровня лихорадочного. Похоже, она путала науку с черной магией, но обе эти материи ее интересовали.

На дворе появился очередной труп, что означало линию вероятности D. Несомненно, одновременно с этим третье тело исчезло из морга. Гэллегер почти пожалел Махони.

Безумные таланты успокоились. Вероятно, неудержимая вспышка бывала лишь поначалу, часа через три после процедуры, а потом талант можно было включать и выключать произвольно. Гэллегер уже не испытывал непреодолимого желания петь, но, попробовав, убедился, что может делать это, когда захочет, причем хорошо. Дед же проявлял великолепные математические способности каждый раз, когда испытывал в них потребность.

А в пять утра явился Махони с двумя полицейскими, арестовал Гэллегера и доставил в тюрьму.

Там изобретатель провел три дня.

Вечером третьего дня прибыл адвокат Перссон с приказом об освобождении и множеством проклятий на устах. В конце концов ему удалось вытащить Гэллегера, вероятно благодаря лишь своей репутации. Потом, уже в аэротакси, он простонал:

— Что за ужасное дело! Политический нажим, юридические крючки, безумие! Трупы, появляющиеся на вашем дворе,— кстати, их уже семь,— и исчезающие из морга. Что за всем этим кроется, Гэллегер?

— Не знаю. Вы... гм-м... выступаете моим защитником?

— Разумеется.— Такси рискованно скользнуло мимо небоскреба.

— А чек?..— рискнул спросить Гэллегер.

— Мне дал его ваш дед. Да, он просил передать кое-что еще. Сказал, что подверг процедуре Руфуса Хеллвига, как вы и планировали, и получил вознаграждение. Я же сомневаюсь, что заслужил хотя бы часть своего. Позволить вам просидеть в кутузке три дня! Но нажим оказался слишком силен. Мне пришлось использовать кое-какие свои связи.

Вот, значит, как. Дед перенял математический талант Гэллегера, он знал все об обратной мозговой связи и о том, как действует машина. Он подверг процедуре Хеллвига, и, похоже, удачно. По крайней мере, теперь они были при деньгах. Но хватит ли этого?

Гэллегер объяснил ситуацию адвокату, насколько у него хватило смелости. Перссон кивнул.

— Говорите, все из-за машины времени? Значит, нужно ее как-то выключить, тогда трупы перестанут появляться.

— Я не могу ее даже разбить,— признался Гэллегер.— Я уже пробовал, но она попала в стазис и находится вне нашего сектора пространства-времени. Не знаю, сколько это еще продлится. Она настроена на перенос сюда моего тела и будет неустанно делать это.

— Ах вот как. Ну хорошо, я сделаю все, что смогу. Во всяком случае, сейчас вы свободны. Но я ничего не могу гарантировать, пока вы не прервете этот поток ваших трупов, мистер Гэллегер. Я здесь выхожу. До встречи. Может, у меня в конторе завтра в полдень? Хорошо?

Гэллегер пожал ему руку и назвал пилоту свой адрес. Там его ждал неприятный сюрприз — дверь открыл Кэнтрелл.

Его узкое бледное лицо скривилось в усмешке.

— Добрый вечер,— сказал он.— Входите, Гэллегер.

— Уже вошел. Что вы тут делаете?

— Пришел с визитом к вашему деду.

Гэллегер огляделся по сторонам.

— А где он?

— Не знаю. Можете сами поискать.

Предчувствуя какой-то подвох, конструктор отправился на поиски и нашел деда на кухне, где тот ел крендели и кормил либлей. Старик явно избегал его взгляда.

— Ну ладно,— сказал Гэллегер.— Выкладывай.

— Я не виноват. Кэнтрелл сказал, что отдаст излучатель в полицию, если я не сделаю, как он хочет. Я знал, что тогда тебе крышка.

— Что здесь произошло?!!

— Спокойнее, я уже все обдумал. Это никому не повредит...

— Что? Что?!!

— Кэнтрелл заставил меня применить твоё устройство к нему,— признался дед.— Он заглянул в окно, когда я был занят с Хэллвигом, и все понял. Он пригрозил, что тебя казнят, если я не дам ему талантов.

— Чьих?

— Ну... Гулливера, Морлисона, Коттмана, Дениса, Сент-Меллори...

— Хватит...— слабым голосом произнес Гэллегер.— Величайшие инженеры нашего времени, вот кто это! И все их знания в мозгу Кэнтрелла! Как он уговорил их?

— У него язык без костей. Он не сказал, в чем дело, придумал какую-то хитрую историю... А еще у него твой математический талант. От меня.

— Превосходно,— угрюмо сказал Гэллегер.— Что же ему нужно, черт побери?

— Он хочет завоевать мир,— печально ответил толстый либль.— Ради Бога, помешай ему! Этот мир принадлежит нам!

— Не совсем так,— сказал дед,— но все равно хорошего мало. Он теперь знает то же, что и мы, и может сам построить аппарат для обратной мозговой связи. А через час он летит стратопланом в Европу.

— Значит, жди неприятностей,— подытожил Гэллегер.

— Точно. Мне кажется, Кэнтрелл начисто лишен моральных принципов. Это он виноват, что тебя держали в тюрьме все эти дни.

Дверь открылась, и заглянул Кэнтрелл.

— Во дворе свежий труп, только что появился. Но заниматься им мне некогда. Есть какие-нибудь новости от Ван Декера?

— Ван Декер! — поперхнулся Гэллегер.— Его тоже?! Человек с величайшим в мире уровнем интеллекта!

— Пока нет,— усмехнулся Кэнтрелл.— Я много дней пытался с ним связаться, но только сегодня утром он позвонил мне. Я боялся, что не успею с ним увидеться, но он обещал прийти сегодня вечером.— Кэнтрелл посмотрел на часы.— Надеюсь, он не опоздает. Стратоплан ждать не будет.

— Минуточку,— сказал Гэллегер.— Я хотел бы знать ваши намерения, Кэнтрелл.

— Он хочет завоевать мир! — запищал один из либлей.

Кэнтрелл весело посмотрел вниз.

— Как оказалось, это не так уж сложно. К счастью, я совершенно аморален, так что могу до конца использовать эту возможность. Таланты величайших умов человечества очень мне пригодятся: я буду лучшим почти во всем. То есть абсолютно во всем,— добавил он, прищурившись.

— Диктаторский комплекс,— скривился дед.

— Пока нет,— ответил Кэнтрелл.— Может, когда-нибудь... Дайте мне немного времени. Я уже почти сверхчеловек.

— Вы не можете...— начал Гэллегер.

— Разве? Не забывайте, у меня ваш излучатель.

— Верно,— согласился конструктор,— а все тела со двора — мои тела — были убиты с помощью излучателя. На сегодня вы единственный, у кого он есть. Видимо, мне суждено когда-нибудь быть убитым из него.

— Мне кажется, «когда-нибудь» звучит куда лучше, чем «сейчас»,— тихо заметил Кэнтрелл.

Гэллегер не ответил, и Кэнтрелл продолжал:

— Я снял сливки с лучших умов Восточного побережья, а теперь сделаю то же в Европе. Все может случиться.

Один из либлей, видя, как рушится их план завоевания мира, горько заплакал.

В дверь позвонили. По знаку Кэнтрелла дед вышел и вернулся с плотным мужчиной, которого отличали кривой нос и кустистая рыжая борода.

— Ха! — загремел он.— Вот и я! Надеюсь, не опоздал?

— Доктор Ван Декер?

— А кто же еще?! — воскликнул рыжебородый.— А теперь — быстро, быстро, быстро, у меня много работы. Судя по вашим словам, ничего из этого эксперимента не выйдет, но я согласен попробовать. Проекция души — несусветная глупость.

Дед ткнул Гэллегера в бок:

— Это Кэнтрелл придумал такое объяснение.

— Да? Слушай, нельзя же...

— Успокойся,— сказал дед, многозначительно подмигивая.— У меня теперь твой талант, парень, и я кое-что придумал. Попробуй и ты, если сможешь. Я использовал твою математику. Тс-с-с-с...

Времени на разговоры не оставалось. Кэнтрелл загнал всех в лабораторию. Гэллегер, хмурясь и кусая губы, обдумывал проблему. Он не мог позволить, чтобы это сошло Кэнтреллу с рук. Но с другой стороны, дед сказал, что все в порядке, что он контролирует ситуацию.

Либлы, разумеется, исчезли, наверное, искали печенье.

Взглянув на часы, Кэнтрелл усадил Ван Декера в кресло. При этом он все время держал руку в кармане и то и дело поглядывал на Гэллегера. Сквозь ткань одежды отчетливо вырисовывался цилиндр теплового излучателя.

— Я покажу вам, насколько это легко.— Дед, хихикая, подошел на кривых ногах к устройству для обратной мозговой связи и передвинул несколько рычажков.

— Осторожно, дедуля,— предупредил его Кэнтрелл.

Ван Декер уставился на него:

— Что-то не так?

— Нет-нет,— сказал дед.— Мистер Кэнтрелл боится, что я сделаю ошибку. Но все будет в порядке. Это шлем...

Он надел его на голову Ван Декера, и перо машины принялось чертить извилистые линии. Дед собрал ленты, но вдруг споткнулся и рухнул на пол, выронив бумаги. Прежде чем Кэнтрелл успел шевельнуться, старик поднялся и, ругаясь себе под нос, собрал графики.

Потом он положил все на стол. Гэллегер подошел и заглянул Кэнтреллу через плечо. Это было действительно здорово! Показатель интеллекта Ван Декера был огромен. Его фантастические способности были... гм-м... фантастичны.

Кэнтрелл, который тоже был в курсе обратной мозговой связи, поскольку получил через деда математический талант Гэллегера, кивнул, надел шлем на голову и направился к машине. Мельком взглянув на Ван Декера, чтобы проверить, все ли в порядке, он передвинул рычажки. Вспыхнули лампы, шум перешел в визг. И смолк.

Кэнтрелл снял шлем. Когда он потянулся к карману, дед поднял руку и показал ему небольшой блестящий пистолет.

— Не надо,— сказал он.

Глаза Кэнтрелла сузились.

— Брось пушку.

— И не подумаю. Я понял, что ты захочешь нас прикончить и уничтожить машину, чтобы остаться единственным в своем роде. Не выйдет. У этого пистолета очень чуткий спуск. Ты можешь прожечь во мне дыру, Кэнтрелл, но прежде сам станешь трупом.

Кэнтрелл замер:

— И что дальше?

— Убирайся! Я не хочу дыры в животе, так же как ты не хочешь получить туда пулю. Живи и дай жить другим. Катись!

Кэнтрелл тихо засмеялся:

— Хорошо, дедуля. Ты это заслужил. Не забудь, я по-прежнему знаю, как построить такую машину. И все сливки теперь у меня. Вы можете сделать то же, но не лучше меня.

— Договорились,— сказал дед.

— Вот именно. Мы еще встретимся. Не забывай, Гэллегер, отчего умерли все твои двойники,— с натянутой улыбкой сказал Кэнтрелл и вышел пятясь.

Гэллегер вскочил.

— Нужно сообщить в полицию! — крикнул он.— Кэнтрелл слишком опасен, чтобы оставлять его на свободе.

— Спокойно,— распорядился дед, помахивая пистолетом.— Я же сказал, что кое-что придумал. Надеюсь, ты не хочешь, чтобы тебя казнили за убийство? А если Кэнтрелла арестуют, полиция найдет при нем излучатель. Мой способ лучше.

— Какой способ? — Гэллегер потребовал объяснений.

— Давай, Мики,— сказал дед, улыбаясь, доктору Саймону Ван Декеру.

Тот снял рыжую бороду и парик и расхохотался.

Гэллегер удивленно уставился на него:

— Подставка!

— Точно. Я позвонил Мики и объяснил, что от него требуется. Он переоделся, изобразил перед Кэнтреллом Ван Декера и договорился встретиться сегодня вечером.

— Но ведь графики показывали интеллект гения...

— Я подменил их, когда ронял на пол,— признался дед.— Заранее приготовил несколько липовых.

Гэллегер скривился:

— Но это дела не меняет. Кэнтрелл по-прежнему на свободе и знает слишком много.

— Придержи лошадей, молодой человек,— сказал дед.— Подожди, пока я тебе все объясню.

И объяснил.

Три часа спустя телевидение сообщило, что человек по имени Роланд Кэнтрелл погиб, выпрыгнув из трансатлантического стратоплана.

Впрочем, Гэллегер точно знал время смерти Кэнтрелла — в ту же секунду с его двора исчез труп.

Это произошло потому, что теплового излучателя больше не было, и будущее Гэллегера не содержало смерти от него. Разве что он сделал бы еще один.

Машина времени вышла из стазиса и вернулась к нормальному состоянию. Гэллегер понял почему. Она была настроена на выполнение определенного задания, подразумевающего смерть Гэллегера в определенном комплексе переменных. В рамках этих переменных машина действовала непрерывно. Она не могла остановиться, не исчерпав всех возможностей. Пока в каком-либо из возможных вариантов будущего Гэллегер погибал от излучателя, трупы исправно переносились ему во двор.

Ныне будущее радикально изменилось. Оно уже не включало в себя варианты А, В, С и так далее. Тепловой излучатель, определяющий фактор, был уничтожен в настоящем, и потому возможные варианты будущего Гэллегера теперь представляли собой А1, В1, С1 и так далее.

Машина не была рассчитана на такие резкие отклонения. Она выполнила поставленную перед ней задачу и теперь ждала новых поручений.

Перед тем как вновь воспользоваться ею, Гэллегер детально изучил ее устройство.

Времени у него было достаточно. При отсутствии *corpus delicti* Перссон без труда добился прекращения дела, хотя несчастный Махони едва не спятил, пытаясь понять, что же, собственно, произошло. Что касается либлей...

Гэллегер машинально раздал печенье, прикидывая, как бы избавиться от этих маленьких глупеньких созданий, не рана их чувств.

— Не хотите же вы остаться здесь на всю жизнь? — спросил он у них.

— Нет,— ответил один, косматой лапкой стряхивая крошки с усов.— Но нам нужно завоевать Землю.

— Гм-м,— буркнул Гэллегер и вышел кое-что купить. Вернулся он с какими-то приборами, которые украдкой подключил к телевизору.

Вскоре после этого обычная телепрограмма была прервана экстренным выпуском новостей. По странному стечению обстоятельств либли как раз смотрели телевизор. На экране появилось лицо диктора, почти полностью скрытое листом бумаги. Единственная видимая часть — от бровей и выше — очень напоминала лоб Гэллегера, но либли были слишком возбуждены, чтобы заметить это.

— К нам только что поступила важная информация! — сообщил диктор срывающимся от волнения голосом. — С некоторых пор мир уже знает о прибытии на Землю трех почтенных гостей с Марса. Существа эти...

Либли удивленно переглянулись, один из них начал говорить что-то, но на него шикнули.

— Существа эти, как стало известно, хотят завоевать Землю. С удовольствием сообщаем, что все население Земли перешло на сторону либлей. Произошла бескровная революция, и отныне либли становятся нашими единственными владыками...

— Йо-хо! — пропищал тоненький голосок.

— ...Ведется организация новых форм правления. Будет введена новая денежная система, монетные дворы уже чеканят монеты с изображениями либлей на реверсе. Ожидается, что наши владыки вернутся на Марс, чтобы объяснить своим соплеменникам возникшую ситуацию.

Лицо диктора исчезло с экрана, и пошла обычная программа. Вскоре, таинственно улыбаясь, появился Гэллегер. Его приветствовали радостные писки либлей.

— Нам пора возвращаться домой. Произошла бескровная...

— Революция! Этот мир — наш!

Их оптимизм можно было сравнить только с их легковерием. Гэллегер позволил убедить себя, что либлям нужно возвращаться.

— Ну хорошо,— согласился он.— Машина готова. Еще по печенью на дорогу — и в путь.

Он пожал три косматые лапки, вежливо поклонился, и трое либлей, оживленно попискивая, отправились на Марс, на пятьсот лет в будущее. Они торопились вернуться к друзьям и рассказать о своих приключениях. Они и рассказали, но никто им не поверил.

Смерть Кэнтрелла не имела никаких последствий, хотя Гэллегер, дед и Мики прожили несколько беспокойных дней, прежде чем облегченно вздохнули. Вскоре после этого дед с Гэллегером ударились в запой и сразу почувствовали себя гораздо лучше.

К сожалению, Мики не мог составить им компанию. Ему пришлось вернуться в цирк, где он дважды в день демонстрировал свой уникальный талант, прыгая с десятиметровой лестницы в ванну с водой...

ИДЕАЛЬНЫЙ ТАЙНИК

Гэллегер играл без нот и не глядя на клавиатуру. Это было бы совершенно естественно, будь он музыкантом, но Гэллегер был изобретателем. Пьяницей и сумасбродом, но хорошим изобретателем. Он хотел быть инженером-экспериментатором и, вероятно, достиг бы в этом выдающихся успехов, поскольку моментами его осеняло. К сожалению, на систематические исследования ему не хватало средств, поэтому Гэллегер, консерватор интеграторов по профессии, держал свою лабораторию для души. Это была самая кошмарная лаборатория во всех Штатах. Десять месяцев он провел, создавая устройство, которое назвал алкогольным органом, и теперь мог, лежа на удобном мягком диване и нажимая кнопки, вливать в свою луженую глотку напиток любого качества и в любом количестве. Только вот сделал он этот орган, пребывая в состоянии сильного алкогольного опьянения, и, разумеется, теперь не помнил принцип его действия. А жаль...

В лаборатории было всего понемногу, причем большинство вещей — ни к селу ни к городу. Реостаты были намотаны на фаянсовых статуэтках балерин в пышных пачках и с пустыми улыбками на личиках. Большой генератор бросался в глаза намалеванным названием «Чудовище», а на меньшем висела табличка с надписью «Тарахтелка». В стек-

лянной реторте сидел фарфоровый кролик, и только Гэллегер знал, как он там оказался. Сразу за дверью караулил железный пес, предназначенный поначалу для украшения газонов на старинный манер или, может быть, для адских врат; сейчас его пустые глазницы служили подставками для пробирок.

— И что ты намерен делать дальше? — спросил Ваннинг.

Гэллегер, растянувшийся под алкогольным органом, впрыснул себе в рот двойное мартины.

— Что?

— Ты хорошо слышал. Я мог бы дать тебе отличную работу, если бы ты умел пользоваться своим сумасшедшим мозгом или, по крайней мере, начал следить за собой.

— Пробовал,— вздохнул Гэллегер.— Не выходит. Я не могу работать, если сосредоточусь. Разве что какую-нибудь механическую рутину. Зато у моего подсознания очень высокий коэффициент интеллекта.

Ваннинг, невысокий коренастый мужчина со смуглым лицом в шрамах, постукивал каблуками по «Чудовищу». Временами Гэллегер его беспокоил. Этот человек не отдавал себе отчета в своих возможностях и в том, как много могут они значить для Хораса Ваннинга, коммерческого консультанта. Разумеется, «коммерция» была совершенно легальной — ведь современное коммерческое право оставляло множество лазеек, в которые умный человек вполне мог протиснуться. Честно говоря, Ваннинг давал клиентам советы, как ловчее обойти закон, и это хорошо оплачивалось. Отличное знание законов было редкостью в те времена. Инструкции и указы образовывали такой лабиринт, что изучение законов требовало многолетних трудов. Но Ваннинг имел великолепный персонал, огромную библиотеку, содержащую всевозможные инструкции, судебные решения и постановления, и за приличный гонорар мог сказать доктору Криппену, например, как уклониться от уплаты налогов. Самые щекотливые дела он улаживал в полной тайне, безо всяких помощников. К примеру, насчет нейроружья...

Гэллегер изобрел его, понятия не имея, что это исключительное оружие. Однажды вечером у него испортился сварочный аппарат, и он собрал новый, соединив части пластырем. Гэллегер дал это устройство Ваннингу, но тот, хоть и не долго держал ружье у себя, заработал тысячи кредитов, одалживая его потенциальным убийцам и этим причиняя немало хлопот полиции.

Например, к нему приходил человек и говорил:

«Я слышал, вы можете помочь, даже если кому-то грозит приговор за убийство. Если бы, к примеру...»

«Задний ход, приятель! Я не желаю заниматься такими делами».

«Гм-м. Но...»

«Я думаю, что теоретически идеальное убийство возможно. Допустим, изобрели новый вид оружия и образец находится в камере хранения, скажем, на Пассажирском ракетодроме в Ньюарке».

«Гм-м?»

«Это всего лишь допущения. Сейф номер семьдесят девять, шифр тридцать... ну, скажем, восемь. Такие мелкие детали хорошо помогают представить ситуацию, правда?»

«Вы хотите сказать...»

«Разумеется, если бы наш убийца добрался до этого теоретического оружия, он мог бы оказаться достаточно хитер, чтобы иметь наготове абонированный ящик... например: сейф сорок в Бруклин-Порте. Он мог бы положить оружие в посылочный ящик и избавиться от улики в ближайшем почтовом отделении. Но все это, конечно, только теория. Мне очень жаль, но я ничем не могу вам помочь. Гонорар за разговор — три тысячи кредитов. Секретарша примет у вас чек».

Обвинительный приговор был бы в таком случае невозможен. Прецедент: вердикт суда 875-М по делу штата Иллинойс против Добсона. Необходимо установить причину смерти, не исключая возможность несчастного случая. Как отметил судья Верховного суда Дуккет во время процесса Сандерсона против Сандерсона, где речь шла о смерти свекрови обвиняемой...

«Безусловно, прокурор со своим штабом экспертов-токсикологов должен согласиться, что...

Короче говоря, ваша честь, я ходатайствую о прекращении дела ввиду недостатка улик и невозможности выяснить причину смерти...»

Гэллегер так никогда и не узнал, что его сварочный аппарат оказался таким опасным оружием, а Ваннинг время от времени навещал его запущенную лабораторию, внимательно следя за плодами научных забав приятеля. Не раз он получал таким образом весьма полезные приспособления. Однако все дело было в том, что Гэллегер не хотел работать по-людски!

Он еще раз глотнул martini, тряхнул головой и поднял свое худое тело с дивана. Потом лениво подошел к заваленному каким-то хламом столу и принялся перебирать обрывки проводов.

— Что ты делаешь?

— Не знаю. Играю, наверно. Я просто складываю вместе различные вещи, и порой из этого что-то получается... Только я никогда не знаю, что это будет.— Гэллегер бросил провода и вернулся на диван.— А, к черту все это!

«Вот чудак»,— подумал Ваннинг. Гэллегер был типом в принципе аморальным, совершенно неуместным в сложном современном мире. С первобытным весельем смотрел он на мир со своей личной колокольни и... делал весьма полезные вещи. Но только для собственного удовольствия.

Ваннинг вздохнул и оглядел лабораторию — его педантичная натура страдала при виде такого бардака. Машинально подняв с пола мятый халат, он поискал глазами какой-нибудь крючок и, конечно, не нашел. Гэллегер, вечно страдающий от недостатка проводящих металлов, давно поковырял из стен все крючки.

Ваннинг подошел к металлическому шкафу, стоящему в углу, и открыл его. Внутри не было никаких вешалок, поэтому он сложил халат и положил на дно, а сам снова присел на «Чудовище».

— Выпьешь? — спросил Гэллегер.

Ваннинг покачал головой:

— Нет, спасибо. Завтра у меня дела.

— Ерунда, примешь тиамин. Бр-р, дрянь. Я работаю гораздо лучше, если голова обложена надувными подушками.

— А я нет.

— Это дело опыта,— буркнул Гэллегер.— А опыта может набраться каждый, если только... На что ты там уставился?

— Этот шкаф...— сказал Ваннинг, удивленно хмуря брови.— Ну-ка, что там такое...

Металлическая дверь была закрыта неплотно и медленно приоткрывалась. А от халата, который Ваннинг только что туда положил, не было и следа.

— Это краска такая,— сонно объяснил Гэллегер.— Что-то вроде пропитки. Я обработал внутренность шкафа гамма-лучами. Но он ни к черту не годится.

Ваннинг передвинул лампу, чтобы лучше видеть. Шкаф не был пуст, как он решил в первый момент. В нем, правда, не было халата, зато находилось что-то маленькое, бледно-зеленое и почти сферическое.

— Он что, растворяет вещи? — спросил Ваннинг, вытаращив глаза.

— Ага. Вытащи его и увидишь.

Ваннинг не торопился засовывать руку внутрь. Найдя длинный штатив для пробирок, он подцепил им шарик и тут же отвернулся, потому что разболелись глаза. Зеленый шарик менял цвет, форму и размер и вскоре превратился во что-то бесформенное. Внезапно штатив стал удивительно тяжелым.

И ничего странного: на нем висел халат.

— Вот такие штуки он и вытворяет,— равнодушно объяснил Гэллегер.— Но должна же быть причина. Вещи, которые я засовываю в шкаф, становятся маленькими, но стоит их вынуть, как они обретают нормальные размеры. Может, продать его какому-нибудь фокуснику? — с сомнением предположил он.

Ваннинг сел, сжимая в руках халат и поглядывая на металлический шкаф. Это был смолисто-черный паралле-

лепипед размерами три на три и на пять футов, покрашенный изнутри серой краской.

— Как ты это сделал?

— Что? Сам не знаю. Как-то само получилось.— Гэллегер меланхолично потягивал свою гремучую смесь.— Может, дело тут в растяжимости измерений. Моя пропитка могла изменить свойства пространства-времени внутри шкафа. Интересно, что это может значить? — буркнул он в сторону.— Такие словеса порой пугают меня самого.

— Это значит... ты хочешь сказать, что этот шкаф внутри больше, чем снаружи?

— Парадокс, не так ли? Я думаю, его внутренность находится вообще не в нашем пространстве-времени. Попробуй сунуть туда стол — и убедишься.— Гэллегер даже не приподнялся, а лишь махнул рукой в сторону упомянутого стола.

— Ты прав. Этот стол больше шкафа.

— Ну так суй его как-нибудь бочком. Смелее!

Ваннинг некоторое время возился со столом. Несмотря на небольшой рост, он был силен, как многие коренастые люди.

— Положи шкаф, легче будет.

— Я... уф... Ну, и что дальше?

— Суй туда стол.

Ваннинг искоса посмотрел на приятеля, пожал плечами и попытался. Разумеется, стол не хотел входить в шкаф. Вошел только угол, а остальное застряло, чуть покачиваясь.

— И что дальше?

— Подожди чуток.

Стол шевельнулся и медленно пополз вниз. У Ваннинга отвалилась челюсть, когда он увидел, как стол постепенно входит внутрь, словно в воде тонет не очень тяжелый предмет. Однако ничто его не всасывало, он просто растворялся. Неизменным оставалось лишь то, что торчало снаружи, но постепенно в шкаф ушло все.

Ваннинг заглянул в шкаф, и вновь у него заболели глаза. Внутри некое нечто меняло форму, съеживалось и в конце

концов превратилось в колючую неправильную пирамиду темно-красного цвета.

В самом широком месте в ней было не более четырех дюймов.

— Не верю,— выдохнул Ваннинг.

Гэллегер улыбнулся:

— Как сказал герцог Веллингтон: «Это была очень маленькая бутылка, сэр».

— погоди минутку. Как, черт возьми, можно засунуть восьмифутовый стол в пятифутовый шкаф?

— Благодаря Ньютону,— ответил Гэллегер.— Сила тяжести, сечешь? Налей в пробирку воды, и я тебе покажу.

— Сейчас... Вот, готово. И что теперь?

— Полную налил? Хорошо. В коробке с надписью «Предохранители» лежит сахар. Положи кусок поверх пробирки, так чтобы одним углом он касался воды.

Ваннинг сделал, как было сказано.

— Ну и что?

— Что ты видишь?

— Ничего. Сахар напITYвается водой и растворяется.

— Вот именно,— с нажимом сказал Гэллегер.

Ваннинг задумчиво посмотрел на него и повернулся к пробирке. Кусок сахара медленно растворялся и исчезал. Вскоре его не стало вовсе.

— Воздух и вода — это совершенно различные физические среды. В воздухе кусок сахара может существовать в виде куска сахара, а в воде только в виде раствора. Та его часть, которая достает до воды, подчиняется условиям, присущим воде, и, значит, изменяется в физическом смысле. Остальное — дело силы гравитации.

— Говори яснее.

— Аналогия и так проще некуда, балбес. Вода — это как бы особые условия внутри шкафа. А сахар — это стол. Ты же видел: сахар постепенно напITYлся водой, а сила тяжести втянула растворяющийся кусок в пробирку. Допер?

— Пожалуй. Стол впITYлся... его впITYл элемент, находящийся внутри шкафа, так? Элемент, который заставил стол съежиться...

— *In partis*, а не *in toto*¹. Понемногу. Например, человеческое тело можно запихнуть в небольшой сосуд с серной кислотой — тоже по кусочку.

— О-о! — протянул Ваннинг, исподлобья глядя на шкаф. — А можно вытащить этот стол обратно?

— Пожалуйста. Сунь туда руку и вынь его.

— Сунуть туда руку? Я не хочу, чтобы она растворилась!

— Не бойся. Процесс этот не мгновенный, ты же сам видел. Прежде чем начнется изменение, должно пройти несколько минут. Ты без опаски можешь сунуть руку в шкаф, при условии, что будешь держать ее там не больше минуты. Сейчас я тебе покажу.

Гэллегер нехотя поднялся, огляделся, взял пустую бутылку и сунул ее в шкаф.

Изменение действительно не было мгновенным, а шло постепенно — бутылка меняла размер и форму и наконец превратилась в перекошенный куб размером с кусок сахара. Гэллегер вынул его и положил на пол.

Куб начал расти и вскоре вновь стал бутылкой.

— А теперь стол. Смотри.

Гэллегер вынул небольшую пирамидку, и та через минуту обрела первоначальную форму.

— Видишь? Держу пари, что компания, занимающаяся складированием, много дала бы за это. Там можно разместить мебель со всего Бруклина, но будут сложности с изъятием нужных вещей. Сам понимаешь: изменение физической природы...

— Нужно просто составлять план, — рассеянно сказал Ваннинг. — Сделать рисунки находящихся внутри предметов и обозначить их.

— Сразу видно юриста, — заметил Гэллегер. — А я бы чего-нибудь выпил.

Он вернулся на диван и присосался к мундштуку.

— Я дам тебе за этот шкаф шесть кредитов, — предложил Ваннинг.

¹ *In partis* — по частям (*лат.*), *in toto* — целиком (*лат.*).

— Можешь забирать. Все равно он занимает тут слишком много места. Жаль, что его самого нельзя сунуть внутрь его самого.— Гэллегер засмеялся.— Забавно звучит...

— Ты так считаешь? Держи.— Ваннинг вынул из бумажника деньги.— Куда их положить?

— Сунь их в «Чудовище», там у меня банк... Спасибо.

— Готово... Слушай, объясни мне получше эту хохму с куском сахара. Не одна же сила тяжести втягивает кусок в пробирку, правда?

— Точно. Еще и осмос. Или нет, осмос как-то связан с яйцами. Может, это овуляция? Проводимость, конвекция, абсорбция? Жаль, что я не изучал физику, тогда бы я знал нужные слова. А так я полный осел.— Гэллегер снова потянул из мундштука.— Абсорбция... Дело не только в том, что сахар поглощает воду. В данном случае стол как бы пропитался условиями, царящими внутри шкафа... Как губка или промокашка.

— Что, стол?

— Нет, я,— коротко ответил Гэллегер, и воцарилась тишина, прерываемая бульканьем — это он вливал себе в горло алкоголь.

Ваннинг вздохнул и повернулся к шкафу. Прежде чем поднять его своими мускулистыми руками, он старательно закрыл дверцу на ключ.

— Уже уходишь? Спокойной ночи. Всего хорошего... всего хорошего...

— Спокойной ночи.

— Все-го хо-ро-ше-го! — пропел Гэллегер, заваливаясь спать.

Ваннинг еще раз вздохнул и вышел в ночной холод. На небе сверкали звезды, и лишь на юге их перекрывало зарево Нижнего Манхэттена. Горящие белым огнем небоскребы слагались в рваный узор. Огромная реклама превозносила достоинства вамбулина: «Вамбулин тебя воскресит!»

Машина Ваннинга стояла у тротуара. Он сунул шкаф внутрь и кратчайшим путем направился в свой офис. Ему вдруг вспомнился По. «Украденное письмо», лежавшее на самом верху, просто вывернутое наизнанку и переадресованное, изменилось до неузнаваемости. Господи, какой отличный сейф выйдет из этого шкафа! Ни один вор не будет его взламывать по той простой причине, что он не будет закрыт. Ваннинг мог бы наполнить сейф деньгами, и те тут же стали бы неузнаваемы. Идеальный тайник.

Но на каком принципе он действует?

Гэллегера спрашивать было бесполезно, он творил по наитию и не знал, что примула, растущая на берегу реки, обычная примула, зовется *primula vulgaris*. Понятие силлогизма для него не существовало, он делал выводы, не прибегая ни к общим, ни к частным предпосылкам.

Ваннинг задумался. Два предмета не могут одновременно занимать одно и то же место, значит, в шкафу все-таки есть какое-то пространство...

Однако это были только догадки, а должен быть и точный ответ. Пока Ваннинг его не нашел.

Он добрался до центра и направил машину к зданию, в котором занимал целый этаж. На грузовом лифте он поднял шкаф наверх, однако не стал ставить в своем кабинете — зачем привлекать внимание? — а поместил в небольшую кладовку.

Вернувшись в кабинет, Ваннинг задумался. А может... Негромко звякнул звонок. Задумавшись, Ваннинг не услышал его, а когда звук все-таки проник в его мозг, подошел к видеофону и нажал кнопку. Серое, мрачное и бородастое лицо адвоката Хэттона заполнило экран.

— Добрый день,— сказал Ваннинг.

Хэттон кивнул:

— Я пытался застать вас дома, но не успел и потому звоню в офис...

— Не думал, что вы сегодня позвоните. Дело разбирается завтра. Не поздновато ли для разговоров?

— «Дугон и сыновья» хотели, чтобы я с вами поговорил. Кстати, я был против.

— Вот как?

Хэттон нахмурил густые темные брови:

— Как вам известно, я представляю истца. Есть очень много улик против Макилсона.

— Это вы так говорите, но доказать что-то невероятно тяжело.

— Вы против применения скополамина?

— Разумеется,— ответил Ваннинг.— Я не допущу, чтобы моему клиенту кололи эту дрянь!

— Присяжным это не понравится.

— Ничуть не бывало. Дело в том, что Макилсону скополамин противопоказан. У меня есть медицинская справка.

Голос Хэттона стал еще резче:

— Ваш клиент растратил эти облигации, и я могу это доказать.

— Стоимостью в двадцать пять тысяч, верно? Большая потеря для «Дугана и сыновей». А что вы скажете о моем предположении? Скажем, двадцать тысяч найдутся...

— Это частный разговор? Вы не записываете?

— Разумеется. Вот смотрите...— Ваннинг поднял вверх шнур с разъемом.— Строго между нами.

— Это хорошо,— ответил адвокат Хэттон.— Тогда я могу объявить вам, что вы вульгарный мошенник...

— Фу!

— Это старый трюк, во-от с такой бородой. Макилсон стянул пять кусков в облигациях, обмениваемых на кредиты; ревизоры уже проверяют это. Потом он пришел к вам, и вы убедили его взять еще двадцать тысяч, а затем предлагаете их вернуть, если «Дуган и сыновья» закроют дело. И делите эти пять тысяч со своим клиентом, что не так уж и мало.

— Ничего подобного я не признаю.

— Конечно, не признаете, даже в разговоре по частной линии. Но это само собой разумеется. Только трюк этот давно устарел, и мои клиенты не собираются с вами возиться, а передают дело в суд.

— И вы позвонили, только чтобы мне это сказать?

— Нет, я хочу обсудить вопрос с присяжными. Вы согласны на применение к ним скополамина?

— Вполне,— ответил Ваннинг. Присяжные его не интересовали. Испытание скополамином избавит от многих дней, а может и недель, судебной возни.

— Хорошо,— буркнул Хэттон.— Предупреждаю: от вас и мокрого места не останется.

Ваннинг ответил грубым жестом и выключил видеофон. Предстоящая схватка в суде вытеснила из головы мысли о шкафе и четвертом измерении. Ваннинг вышел из конторы. У него еще будет время детально изучить возможности, которые таит в себе этот тайник, а сейчас он не хотел забивать голову. Дома он распорядился приготовить себе выпить и повалился на постель.

Назавтра Ваннинг выиграл дело, применяя сложные юридические крючки и используя двусмысленные прецеденты. Свое доказательство он построил на том, что облигации не были обменяны на деньги. Сложные экономические таблицы доказали это за Ваннинга. Обмен облигаций даже на пять тысяч кредитов вызвал бы подвижку на рынке ценных бумаг, а ничего подобного не произошло. Эксперты Ваннинга завели присяжных в совершенно непроходимые дебри. Чтобы доказать вину, требовалось показать или буквально, или косвенным путем, что облигации существовали с двадцатого декабря, то есть с даты последней ревизии. Прецедентом послужило дело Донована против Джонса.

Хэттон тут же вскочил с места:

— Ваша честь, Джонс позднее признался в растрате!

— Что никак не влияет на первоначальное решение,— тут же парировал Ваннинг.— Закон не имеет обратной силы. Вердикт не был изменен.

— Прошу защиту продолжать.

И защита продолжала, возводя сложное здание казуистической логики.

Хэттон выходил из себя:

— Ваша честь, я!..

— Если мой почтенный оппонент представит суду хотя бы одну облигацию — всего одну из вышеупомянутых,— я сдамся.

Председатель иронически улыбнулся:

— Действительно, если такое доказательство будет представлено, обвиняемый окажется в тюрьме сразу же после оглашения приговора. Вам это хорошо известно, мистер Ваннинг. Пожалуйста, продолжайте.

— Охотно. Итак, согласно моей версии, эти облигации никогда не существовали. Это просто результат ошибки при счете.

— Но ведь подсчет выполняли на калькуляторе Педерсона?

— Такие ошибки случаются, и сейчас я это докажу. Пригласите моего следующего свидетеля...

Свидетель, специалист по вычислительной технике, объяснил, как может ошибаться калькулятор Педерсона, и привел примеры. На одном Хэттон его поймал.

— Протестую, ваша честь. В Родезии, как всем известно, локализованы объекты экспериментального характера. Свидетель не уточнил, о какой именно продукции идет речь. Не потому ли, что «Объединенные предприятия» Гендерсона занимаются главным образом радиоактивными рудами?

— Свидетель, вам задан вопрос.

— Я не могу на него ответить. В моих документах нет такой информации.

— Довольно красноречивый пробел! — рявкнул Хэттон.— Радиоактивность выводит из строя хрупкий механизм калькулятора Педерсона. Но в конторах фирмы «Дуган и сыновья» нет ни радиоактивных элементов, ни продуктов их распада.

Встал Ваннинг:

— Я хотел бы спросить, окуривались ли в последнее время эти конторы?

— Да. Этого требует закон.

— Использовался определенный тип соединения хлора?

— Да.

— Прошу пригласить моего следующего свидетеля. Свидетель, физик и одновременно работник Ультрарадиевого института, объяснил, что гамма-лучи сильно воздействуют на хлор, вызывая ионизацию. Живые организмы могут ассимилировать продукты распада радия и передавать их дальше. Некоторые клиенты фирмы «Дуган и сыновья» подвергались воздействию радиоактивности...

— Это смешно, ваша честь! Спекуляция чистой воды...

Ваннинг изобразил обиду.

— Хочу напомнить дело Дэнджерфилда против «Астро Продактс», Калифорния, тысяча девятьсот шестьдесят третий год. Все сомнения трактуются в пользу обвиняемого. Я настаиваю, что калькулятор Педерсона, которым считали облигации, мог быть неисправен. Если так оно и было на самом деле, следовательно, облигации не существовали, и мой клиент невиновен.

— Пожалуйста, продолжайте,— сказал судья, жалея, что он не Джеффрис¹ и не может послать всю эту чертову банду на эшафот.

Юриспруденция должна опираться на факты, это вам не трехмерные шахматы. Впрочем, это неизбежное следствие политических и экономических сложностей современной цивилизации. Вскоре стало понятно, что Ваннинг выиграет дело.

Он его и выиграл. Присяжные были вынуждены признать правоту ответчика. Под конец отчаявшийся Хэттон выступил с предложением использовать скополамин, но это предложение было отклонено. Ваннинг подмигнул своему оппоненту и с шумом захлопнул папку.

Он вернулся в контору, а в половине пятого начались неприятности. Едва секретарша успела сообщить о некоем мистере Макилсоне, как ее отпихнул худошавый мужчина

¹ Судья-вешатель, известный своими суровыми приговорами участникам восстания Монмута против английского короля Якова II.

средних лет, тащивший замшевый чемодан гигантских размеров.

— Ваннинг, мне позарез нужно с тобой поговорить!..

Адвокат нахмурился, встал из-за стола и кивком отослал секретаршу. Когда дверь за ней закрылась, он бесцеремонно спросил:

— Что ты здесь делаешь? Я же сказал, чтобы ты держался от меня подальше. Что у тебя в чемодане?

— Облигации,— неуверенно объяснил Макилсон.— Что-то не получилось...

— Идиот! Приволочь сюда облигации!..— Одним прыжком Ваннинг оказался у двери и старательно запер ее на ключ.— Как только Хэттон наложит на них лапу, ты вмиг окажешься за решеткой! А меня лишат диплома! Убирайся немедленно!

— Ты сначала выслушай, ладно? Я пошел с этими облигациями в Финансовое объединение, как ты и сказал, но... но там меня уже поджидал фараон. К счастью, я вовремя его засек. Если бы он меня поймал...

Ваннинг глубоко вздохнул:

— Я же велел тебе оставить облигации на два месяца в тайнике на станции подземки...

Макилсон вытащил из кармана бюллетень:

— Правительство начало замораживать рудные акции и облигации. В одну неделю все будет кончено. Я не мог ждать — деньги оказались бы заморожены до второго пришествия.

— Покажи-ка этот бюллетень.— Ваннинг полистал его и тихо выругался.— Откуда он у тебя?

— Купил у мальчишки перед тюрьмой. Я хотел проверить курс рудных акций.

— Гм-м... понятно. А не пришло тебе в голову, что бюллетень может быть фальшивым?

У Макилсона отвисла челюсть.

— Фальшивым?

— Вот именно. Хэттон догадался, что я хочу вытащить тебя из тюрьмы, и держал его наготове. А ты купил этот номер, дал полиции улики, а меня подвел под монастырь.

— Но я...

Ваннинг сморщился:

— Как по-твоему, почему ты увидел того фараона в Финансовом объединении? Они могли сцапать тебя в любой момент, но решили испугать настолько, чтобы ты приперся ко мне, и одним выстрелом убить двух зайцев! Для тебя — камера, а для меня — прощание с адвокатурой. Проклятье!

Макилсон облизал губы:

— А может, мне уйти через черный ход?

— Сквозь кордон полиции, который там, конечно, торчит? Вздор! Не прикидывайся большим идиотом, чем ты есть!

— А ты... ты не можешь их спрятать?

— Где? Они просветят мой стол рентгеновскими лучами. Нет, я просто...— Ваннинг вдруг замолчал.— Гм-м, спрятать, говоришь... *Спрятать!..*

Он повернулся к диктофону:

— Мисс Хартон? У меня очень важная встреча. Ни под каким предлогом меня не отвлекать. Если вам предъявят ордер на обыск, потребуйте подтверждения через центр. Ясно? О'кей.

Макилсон слегка ожил:

— Э... все в порядке?

— Заткнись! — взорвался Ваннинг.— Подожди меня здесь, я скоро вернусь.— Он подошел к боковой двери и исчез, но очень быстро вернулся, таща металлический шкафчик.— Помоги мне... уф... Ставь вон туда, в угол. А теперь убирайся.

— Но...

— Давай, давай, вали! — поторопил Ваннинг.— Я сам знаю, что нужно делать. И молчи громче. Тебя арестуют, но без улик долго держать не смогут. Придешь, как только выпустят.

Он толкнул Макилсона к двери, открыл ее и вышвырнул гостя. Потом вернулся к шкафу и заглянул внутрь. Пусто. Итак, замшевый чемодан...

Тяжело дыша, Ваннинг запихнул его в шкаф. Это потребовало времени, поскольку чемодан был больше шкафа.

Однако в конце концов он съезжился, изменил форму и наконец превратился во что-то вроде вытянутого яйца цвета медного centa.

— Фью-фью! — сказал Ваннинг. Он заглянул в шкаф. Внутри что-то шевелилось — какое-то гротескное создание ростом не более четырех дюймов. Это было что-то удивительное — оно состояло из одних кубов и углов, было ярко-зеленым и явно живым.

В дверь постучали.

Маленькое существо возилось с медным яйцом, как муравей с дохой гусеницей, пытаясь поднять его и переместить. Ваннинг сунул руку в шкаф. Существо из четвертого измерения уклонилось, но недостаточно быстро. Ваннинг схватил его, почувствовал в кулаке шевеленье и крепко стиснул пальцы.

Шевеленье прекратилось. Ваннинг выпустил мертвое существо и торопливо вынул руку из шкафа.

Дверь тряслась от ударов.

— Минуточку! — крикнул он, закрывая шкаф.

— Ломайте! — распорядился кто-то за дверью.

Однако нужды в этом не было. Ваннинг скроил болезненную улыбку и открыл дверь. Вошел Хэттон в сопровождении тучного полицейского.

— Мы взяли Макилсона, — сообщил он.

— Да? А на каком основании?

Вместо ответа Хэттон сделал знак рукой, и полицейские начали обыскивать комнату. Ваннинг пожал плечами.

— Думаю, вы слишком торопитесь, — сказал он. — Посыгательство на неприкосновенность частной собственности...

— У нас есть ордер!

— И в чем меня обвиняют?

— Разумеется, речь идет об облигациях. — Голос Хэттона звучал устало. — Не знаю, где вы спрятали чемодан, но рано или поздно мы его найдем.

— Какой чемодан? — продолжал допытываться Ваннинг.

— Тот, с которым Макилсон вошел сюда. И без которого он вышел.

— Игра закончена,— печально сказал Ваннинг.— Я сдаюсь.

— Что?

— А если я скажу, что сделал с чемоданом, вы замолвите за меня словечко?

— Ну... пожалуй... А где он?

— Я его съел,— ответил Ваннинг, укладываясь на диван и явно собираясь вздремнуть.

Хэттон послал ему взгляд, полный ненависти.

Полицейские прошли мимо шкафа, мельком заглянув внутрь. Рентгеновские лучи не обнаружили ничего ни в стенах, ни в полу, ни в потолке, ни в мебели. Остальные помещения офиса тоже обыскали, но безрезультатно.

Наконец Хэттон сдался.

— Утром я подам жалобу,— пообещал ему Ваннинг.— А в отношении Макилсона воспользуюсь принципом *Ha-beas corpus*¹.

— Иди ты к черту! — буркнул Хэттон.

— До свидания.

Ваннинг подождал, пока непрошенные гости уберутся, потом, тихонько посмеиваясь, подошел к шкафу и открыл его.

Медное яйцо исчезло. Ваннинг пошарил внутри, но без толку.

Значение этого дошло до него не сразу. Он повернул шкаф к окну и снова заглянул туда — с тем же результатом. Шкаф был пуст.

Двадцать пять тысяч кредитов в облигациях пропали.

Ваннинга прошиб холодный пот. Схватив металлический шкаф, он встряхнул его, но это не помогло. Потом перенес в другой угол комнаты, а сам вернулся на прежнее место и принялся внимательно осматривать пол.

— Проклятье!..

Неужели Хэттон?

Нет, невозможно. Ваннинг не спускал со шкафа глаз, пока здесь была полиция. Один из полицейских открыл

¹ Здесь: личной неприкосновенности (*лат.*).

шкаф, заглянул внутрь и снова закрыл. После этого шкаф все время оставался закрытым.

Но облигации исчезли.

Так же, как и странное существо, которое Ваннинг раздавил. Все это вместе означало, что... Вот именно: *что?*

Он метнулся к видеофону и вызвал Гэллегера.

— Что случилось, а? Чего тебе? — На экране появилось худое лицо изобретателя, еще более осунувшееся от пьянства.— У меня похмелье, а тиамин кончился. А как твои дела?

— Послушай,— сказал Ваннинг,— я положил кое-что в твой чертов шкаф и потерял.

— Шкаф? Забавно...

— Да нет, то, что в него положил... чемодан.

Гэллегер покачал головой:

— Никогда заранее не знаешь... Помню, однажды я сделал...

— К черту воспоминания! Мне нужен мой чемодан!

— Семейные драгоценности? — спросил Гэллегер.

— Нет. Там были деньги.

— С твоей стороны это было неразумно. Ты знаешь, что с сорок девятого года не разорился ни один банк? Вот уж не думал, Ваннинг, что ты так скуп. Хотел иметь деньги при себе, чтобы перебирать их своими загибающимися лапами, да?

— Ты снова пьян!

— Нет, только стараюсь напиться,— уточнил Гэллегер.— Со временем у меня выработался иммунитет к алкоголю, и, чтобы напиться, мне нужно ужасно много времени. Из-за твоего звонка я отстал на две с половиной порции. Нужно приделать к органу удлинитель, чтобы разговаривать и пить одновременно.

— Мой чемодан! Что с ним случилось? Я должен его найти!

— У меня его нет.

— А ты можешь сказать, где он?

— Понятия не имею. Выкладывай подробности, посмотрим, что можно сделать.

Ваннинг последовал совету, правда из осторожности несколько сократив рассказ.

— О'кей,— неохотно сказал Гэллегер.— Ненавижу выдвигать теории, но в исключительных случаях... Мой диагноз обойдется тебе в пятьдесят кредитов.

— Что?! Послушай...

— Пятьдесят кредитов,— упрямо повторил Гэллегер.— Или разбирайся сам.

— А откуда мне знать, что ты сможешь вернуть чемодан?

— Приходится допустить возможность, что у меня ничего не выйдет. Однако шанс есть... Я должен буду воспользоваться счетными машинами, а это стоит дорого.

— Ладно, ладно,— буркнул Ваннинг.— Иди считай. Без чемодана мне конец.

— Меня больше интересует тот карапуз, которого ты придушил. Честно говоря, это единственная причина, по которой я вообще занимаюсь твоим делом. Жизнь в четвертом измерении...— продолжал Гэллегер, вяло поводя руками. Потом лицо его исчезло с экрана, и Ваннинг выключил видеофон.

Он еще раз обыскал шкаф, но так и не нашел в нем ничего. Замшевый чемодан словно испарился.

Ваннинг надел пальто и отправился в «Манхэттен Руф», где съел ужин, обильно одобренный вином. Ему было очень жалко себя.

Назавтра его жалость к себе усугубилась. Он раз за разом пытался связаться с Гэллегером, но в лаборатории никого не было, так что Ваннинг попусту переводил время. Около полудня ввалился Макилсон. Он был сильно взволнован.

— Не очень-то ты спешил вытащить меня из тюрьмы,— с ходу набросился он на Ваннинга.— И что теперь? У тебя найдется что-нибудь выпить?

— Зачем тебе? — буркнул Ваннинг.— Судя по твоему виду, ты уже напился. Езжай во Флориду и жди, пока все успокоится.

— Хватит с меня ожидалок. Я еду в Южную Америку, и мне нужны бабки.

— Подожди, пока можно будет реализовать облигации.

— Я забираю половину. Как и договорились.

Ваннинг прищурился:

— И попадешь прямо в лапы полиции. Ясно как дважды два.

Макилсон был явно не в себе.

— Согласен, я совершил ошибку. Но теперь... нет, теперь я буду умнее.

— Значит, подождешь.

— На крыше в вертолете ждет мой приятель. Я отдам ему облигации, а потом спокойно уйду. Полиция ничего у меня не найдет.

— Я сказал, нет,— повторил Ваннинг.— Дело слишком рискованное.

— Рискованное оно сейчас. Если они найдут облигации...

— Не найдут.

— Где ты их спрятал?

— Это мое дело.

Макилсон занервничал:

— Возможно. Но они в этом здании. Вчера ты не мог их никуда сплавить до прихода фараонов. Не стоит искушать судьбу. Они искали рентгеном?

— Ага.

— Я слышал, что Хэттон с целой бандой экспертов изучает планы здания. Он найдет твой сейф, и я хочу убраться отсюда раньше, чем это произойдет.

Ваннинг отмахнулся:

— Прекрати истерику. Я тебя вытащил, верно? Несмотря на то, что ты едва не провалил дело.

— Это правда,— признал Макилсон, дергая себя за губу.— Но я...— Он принялся грызть ногти.— Проклятье, я сижу на кратере вулкана, да еще и на термитнике. Не хочу торчать здесь и ждать, пока они найдут облигации! А от страны, куда я собираюсь смыться, они не смогут потребовать выдачи.

— Нужно ждать,— настаивал Ваннинг.— Это твой единственный шанс.

В руке Макилсона невесть откуда появился пистолет.

— Гони половину облигаций, да поживее. Я тебе не верю. Думаешь, можно бесконечно водить меня за нос? Ну, отдашь или нет?

— Нет,— ответил Ваннинг.

— Я не шучу!

— Знаю. Но у меня нет этих облигаций.

— Как это «нет»?

— Ты когда-нибудь слышал о возможностях четвертого измерения? — спросил Ваннинг, не сводя глаз с пистолета.— Я спрятал чемодан в особый сейф, который не могу открыть раньше определенного времени.

— Гм-м...— задумался Макилсон.— А когда...

— Завтра.

— Хорошо. Значит, завтра ты отдашь мне облигации?

— Если тебе так уж нестерпимо. Но советую тебе подумать. Гораздо безопаснее подождать.

Вместо ответа Макилсон только усмехнулся через плечо. Когда он вышел, Ваннинг долго сидел не двигаясь. Он был не на шутку перепуган.

Дело было в том, что Макилсон был склонен к маниакально-депрессивному психозу и вполне мог убить. Сейчас он испытывал сильный стресс — ему нечего терять. Ну что ж... Следует принять меры предосторожности.

Ваннинг еще раз позвонил Гэллегеру, но и на этот раз никто не отозвался. Он оставил для него сообщение и еще раз осторожно заглянул в шкаф. Он был по-прежнему пуст.

Вечером Ваннинг явился к Гэллегеру сам. Изобретатель казался пьяным и усталым, впрочем, так оно и было. Он небрежно махнул рукой, указывая на стол, заваленный бумагой.

— Ну и задал ты мне работенку! Если бы знал принцип действия этого устройства, я и пальцем бы его не тронул. Садись и выпей. Принес пятьдесят кредитов?

Ваннинг молча вручил Гэллегеру деньги, и тот сунул их в «Чудовище».

— Хорошо. А теперь...— Он сел на диван.— Начинаем решение задачи стоимостью в пятьдесят кредитов.

— Я получу чемодан?

— Нет,— решительно ответил Гэллегер.— Я, по крайней мере, не вижу никакой возможности. Он находится в ином фрагменте пространства-времени.

— Но что это значит?

— Это значит, что шкаф действует как телескоп, но не в видимой части спектра. Это что-то вроде окна. В него можно выйти или просто заглянуть. Это выход в Сейчас плюс x .

Ваннинг поглядел на него исподлобья:

— Ты мне ничего такого не говорил.

— Все, что я до сих пор знаю об этом,— чистая теория, и, боюсь, ничего больше не будет. Так вот: сначала я ошибался. Предметы, попадавшие в шкаф, не появлялись в ином пространстве, потому что должна существовать некая пространственная постоянная. То есть они не уменьшались бы. Размер — это размер. Факт перенесения куба с гранью в один дюйм, скажем, на Марс не уменьшил бы его и не увеличил.

— А как быть с плотностью окружающей среды? Разве предмет не был бы раздавлен?

— Конечно, он был бы и остался таким. После извлечения из шкафа он не восстановил бы свои изначальные размер и форму: x плюс у никогда не равно $xу$. Но x минус $у$...

— Равно, что ли?

— Именно тут собака и зарыта.— Гэллегер начал лекцию за пятьдесят кредитов.— Предметы, которые мы вкладывали в шкаф, путешествовали во времени, причем их скорость не менялась, чего нельзя сказать о пространственных условиях. Две вещи не могут находиться одновременно в одном и том же месте. Следовательно, твой чемодан отправился в другое время: Сейчас плюс x . А что в данном случае значит x , я понятия не имею, хотя подозреваю, что несколько миллионов лет.

Ваннинг был ошеломлен:

— Так значит, чемодан находится в будущем, отстоящем на миллион лет?

— Не знаю, насколько далеко, но думаю, что очень. Слишком мало данных для решения такого сложного уравнения. Я делал выводы главным образом с помощью индукции, но результаты совершенно безумные. Эйнштейн был бы в восторге. Моя теория утверждает, что вселенная одновременно сжимается и увеличивается.

— Но как это связано...

— Движение — понятие относительное, — неумолимо продолжал Гэллегер, — это главный принцип. Разумеется, вселенная увеличивается, расползается, как газ, но вместе с тем ее составные части сжимаются. Это значит, что они не растут в буквальном смысле слова... во всяком случае, не солнца и не атомы. Они просто удаляются от центра, мчатся во всех возможных направлениях... погоди, о чем это я говорил? Ах да, вселенная, взятая как единое целое, сжимается.

— Хорошо, пусть себе сжимается. А где мой чемодан?

— Я тебе уже сказал: в будущем. Я дошел до этого с помощью индуктивного рассуждения. Все просто и логично, но доказать ничего нельзя. Сто, тысячу, миллион лет назад Земля — как и вся прочая вселенная — была больше, чем сейчас. И все продолжает сжиматься. Когда-нибудь в будущем она будет вполовину меньше, но мы этого не заметим, потому что и вселенная уменьшится пропорционально. — Гэллегер зевнул и сонно продолжал: — Мы сунули в шкаф стол, который оказался где-то в будущем, потому что шкаф, как я уже говорил, — это окно в другое время. И на стол действовали условия, типичные для того времени. Стол съезжился после того, как мы дали ему несколько секунд на поглощение энтропии или чего-то там еще. Только вот была ли это энтропия? А Бог ее знает!..

— Но он превратился в пирамиду.

— Видимо, процесс сопровождается метрическим искажением. А может, это просто оптическая иллюзия. Может, мы просто не так все видим. Сомневаюсь, что в будущем вещи и вправду будут выглядеть иначе — кроме того, что

станут меньше,— но сейчас мы пользуемся окном в четвертое измерение, как если бы мы смотрели через призму. Размер действительно меняется, а форма и цвет кажутся иными нашим глазам, смотрящим сквозь призму четвертого измерения.

— Значит, мой чемодан попал в будущее, да? Но почему он исчез из шкафа?

— А помнишь существо, которое ты раздавил? Может, у него есть приятель? Они могли быть невидимы вне очень узкого... как же его...— ага! — поля зрения. Представь: где-то в будущем — через сто, тысячу или миллион лет — ни с того ни с сего появляется чемодан. Один из наших потомков начинает разбираться с ним, и тут ты его убиваешь. Приходят его друзья и забирают чемодан, вынося его за пределы шкафа. Если говорить о пространстве, чемодан может быть где угодно, а вот время здесь — величина неизвестная. Сейчас плюс x . На этом и основано действие сейфа. Ну, что скажешь?

— Черт возьми! — взорвался Ваннинг.— И это все, что ты можешь сказать? Значит, о чемодане можно забыть?!

— Ага. Разве что ты сам за ним отправишься. Но Бог знает где ты окажешься. За несколько тысяч лет состав воздуха, вероятно, изменится. А может, будут и другие перемены.

— Ну, уж не настолько я глуп.

Ну и дела! Облигации исчезли, и не было надежды получить их обратно. Ваннинг смирился бы с потерей, зная, что облигации не попадут в руки полиции, но оставалась еще проблема Макилсона, особенно после того, как пуля разбила стекло в конторе адвоката.

Встреча с Макилсоном не дала положительного результата: растратчик не сомневался, что Ваннинг хочет его надуть. Когда адвокат выкидывал его из конторы, он ругался и грозил, что пойдет в полицию и признается...

Ну и пусть идет, все равно улик никаких. Чтоб его черти взяли! Однако для верности Ваннинг решил засадить своего бывшего клиента за решетку.

Впрочем, из этого ничего не вышло. Макилсон дал в зубы посыльному, принесшему вызов в полицию, и удрал. И сейчас Ваннинг подозревал, что тот где-то скрывался, вооруженный и готовый его пристрелить. Вот всегда так с типами, склонными к маниакально-депрессивному психозу.

Ваннинг потребовал двух полицейских для охраны — ввиду угрозы для жизни он имел на это право. До поимки Макилсона Ваннинг будет пользоваться их услугами, а уж он позаботится, чтобы охраняли его двое самых крепких парней во всей манхэттенской полиции. Кстати, он имел случай убедиться, что им поручили и дело о замшевом чемодане.

Ваннинг позвонил Хэттону и улыбнулся экрану:

— Ну, как успехи?

— Что вы имеете в виду?

— Моих телохранителей и ваших шпиков. Они не найдут облигаций, Хэттон, так что лучше отзовите их. Два дела одновременно — слишком сложно для этих бедняг.

— Достаточно, если они справятся с одним и найдут вещественное доказательство. А если Макилсон разmozжит вам голову, я плакать не буду.

— Встретимся в суде,— сказал Ваннинг.— Вы обвиняете Уотсона, так?

— Так. А вы отказываетесь от скополамина?

— В отношении присяжных? Конечно. Дело у меня в кармане.

— Это вам так кажется,— сказал Хэттон и выключил связь.

Весело смеясь, Ваннинг надел пальто, забрал своих телохранителей и отправился в суд. Макилсона не было и следа...

Дело он выиграл, как и ожидал. Вернувшись в офис, он выслушал несколько несущественных новостей, которые передала ему девушка, обслуживающая коммутатор, и прошел в свой личный кабинет. Первое, что он увидел, открыв дверь, это замшевый чемодан, лежавший на ковре в углу комнаты.

Ваннинг так и застыл с рукой на ручке двери. Позади слышались тяжелые шаги охранников.

— Минуточку...— сказал он через плечо, метнулся в кабинет, закрыл за собой дверь и еще услышал удивленный вопрос.

Чемодан. Несомненно, тот самый. И так же несомненно за его спиной были два фараона, которые после краткого совещания принялись колотить в дверь, пытаясь ее выломать.

Ваннинг позеленел. Он неуверенно шагнул вперед и увидел в углу шкаф. Идеальный тайник...

Именно то, что надо! Если он сунет туда чемодан, тот станет неизвестным. Не важно, если он снова исчезнет, главное — избавиться от улики.

Дверь начала подаваться. Ваннинг подбежал к чемодану, поднял его с пола и тут краем глаза заметил какое-то движение. В воздухе над ним появилась рука. Это была рука гиганта с идеально белой манжетой, расплывающейся где-то вверх. Огромные пальцы тянулись к нему...

Ваннинг заорал и отскочил, но недостаточно быстро. Рука схватила его, и напрасно адвокат молотил руками по ладони — она тут же сомкнулась в кулак. Когда кулак раскрылся, из него, пятная ковер, выпало то, что осталось от Ваннинга. Рука исчезла, дверь сорвалась с петель, рухнула на пол, и охранники, спотыкаясь о нее, ввалились в комнату.

Вскоре явился Хэттон со своими людьми. Впрочем, тут мало что можно было сделать, разве что прибрать. Замшевый чемодан, содержащий двадцать пять тысяч кредитов в облигациях, перенесли в безопасное место, тело Ваннинга собрали и отправили в морг. Фотографы сверкали вспышками, эксперты-дактилоскописты сыпали порошок, рентгенотехники сутились со своим оборудованием. Все было сделано быстро и умело; через час контора была пуста и опечатана.

Потому-то никто и не видел второго явления гигантской руки, которая опять возникла ниоткуда, пощупала вокруг, словно чего-то искала, и исчезла...

Единственным, кто мог пролить на это дело хоть какой-то свет, был Гэллегер, но его слова, произнесенные в одиночестве лаборатории, слышало только «Чудовище».

— Так вот почему лабораторный стол появился здесь вчера на несколько минут. Гм-м... Сейчас плюс x равно примерно неделе. А почему бы и нет? Все в мире относительно. Вот уж не думал, что вселенная сжимается с такой скоростью!

Он поудобнее вытянулся на диване и влил себе в глотку двойное мартини.

— Да, так оно и есть,— буркнул он.— Ваннинг, пожалуй, единственный человек, который оказался в середине будущей недели и... погиб! По такому случаю я, пожалуй, напьюсь.

И напился.

EX MACHINA

— Идею мне подсказала бутылка с надписью «Выпей меня», — неуверенно произнес Гэллегер. — В технике я ничего не смыслю, разве что когда напьюсь. Не могу отличить электрона от электрода, знаю только, что один из них невидим. То есть иногда отличаю, но бывает, путаю. Семантика — вот моя главная слабость.

— Твоя главная слабость — пьянство, — откликнулся прозрачный робот, со скрипом закидывая ногу на ногу.

Гэллегер скривился:

— Ничего подобного. Когда я пью, голова у меня работает нормально, и, только протрезвев, я начинаю делать глупости. У меня техническое похмелье. Настроение в жидком виде вытекает у меня через глаза. Верно я говорю?

— Нет, — ответил робот, которого звали Джо. — Ты просто разнюнился и ничего больше. Ты включил меня только для того, чтобы было кому поплакаться в жилетку? Я сейчас занят.

— Занят? Чем же?

— Анализом философии. Вы, люди, уродливые создания, но идеи у вас бывают превосходные. Ясная логика чистой философии была для меня настоящим откровением.

Гэллегер буркнул что-то о вредном излучении, похожем на алмаз, и продолжал плакаться, потом вспомнил бутылку с надписью «Выпей меня», а та, в свою очередь, напомнила ему об алкогольном органе, стоящем возле дивана. Гэллегер, пошатываясь, побрел через лабораторию, огибая пузатые предметы, которые могли бы быть генераторами — «Чудовищем» и «Тарахтелкой», — не будь их три штуки. Эта мысль мгновение поплескалась в его мозгу. Кстати, один из генераторов все время на него таращился. Гэллегер отвернулся, упал на диван и принялся манипулировать ручками. Несмотря на все старания, в его пересохшее горло не вытекло из трубки ни единой капли алкоголя, он вынул изо рта мундштук и приказал Джо принести пиво.

Стакан был полон до краев, когда он подносил его к губам, но опустел прежде, чем он успел сделать хотя бы глоток.

— Очень странно, — сказал Гэллегер. — Я не готов к роли Тантала.

— Кто-то выпивает твое пиво, — объяснил Джо. — А теперь оставь меня в покое. Мне пришло в голову, что если я овладею основами философии, то смогу еще полнее оценить свою красоту.

— Несомненно, — ответил Гэллегер. — Пшел прочь от зеркала. А кто выпил мое пиво? Маленький зеленый чертик?

— Маленькая коричневая зверушка, — невразумительно объяснил Джо и вновь повернулся к зеркалу, не обращая внимания на разъяренного Гэллегера.

Бывали минуты, когда Гэллоуэй Гэллегер мечтал связать Джо и уничтожить его, облив соляной кислотой. Но вместо этого он налил себе еще стакан пива. Впрочем, с тем же результатом.

В ярости вскочил он на ноги и налил себе содовой. Вероятно, маленькая коричневая зверушка любила этот напиток еще меньше, чем он сам: вода не исчезла. Уже не так мучимый жаждой, но по-прежнему ошеломленный Гэллегер обошел третий генератор со светло-голубыми глазами и угрюмо осмотрел инструменты, валявшиеся на лабораторном столе. Еще там стояли бутылки, полные подозрительных жидкостей, явно безалкогольных, но этикетки го-

ворили ему либо мало, либо вообще ничего. Подсознание Гэллегера, освобожденное накануне алкоголем, пометило их, чтобы облегчить опознание, но, поскольку Гэллегер Бис, хоть и был гениальным изобретателем, мыслил довольно странно, этикетки ничем не могли помочь. Одна из них сообщала: «Только кролики», другая спрашивала: «Почему бы и нет?», а третья извещала: «Рождественская ночь».

Кроме этого там громоздилась сложная конструкция из колесиков, шестеренок, трубок и лампочек, подключенная к сети.

— *Cogito ergo sum*¹, — тихо пробормотал Джо. — Если мне никто не мешает. Гм-м...

— Что ты там болтал о маленькой коричневой зверушке? — поинтересовался Гэллегер. — Она и вправду существует или ты так бредишь?

— А что такое реальность? — спросил Джо, еще более запутывая ситуацию. — Я еще не пришел к удовлетворительному ответу на этот вопрос.

— Удовлетворительному ответу?! — взвился Гэллегер. — Я просыпаюсь с жутким похмельем и не могу ничего выпить, а ты болтаешь о каких-то маленьких коричневых зверушках, которые пьют мое пойло. Да еще цитируешь устаревшие философские формулы! Дай мне только добраться до лома — вон он стоит в углу, — и сразу кончатся и твое мышление, и твое существование.

Джо сдался:

— Это очень маленькое существо, которое движется с огромной скоростью. Так быстро, что его просто не видно.

— Как же ты его заметил?

— Я его не замечал. Я его сенсировал, — объяснил Джо, наделенный неведомыми людям органами чувств.

— А где она сейчас?

— Минуту назад вышла.

— Ну что ж... — Гэллегер никак не мог найти подходящих слов. — Вчера вечером тут явно что-то произошло.

¹ Мысль, следовательно, существую (*лат.*) — исходный принцип философии Рене Декарта.

— Разумеется,— согласился Джо.— Но ты меня выключил, как только вошел тот гадкий человек с большими ушами.

— Ты слишком много болтал своим пластиковым языком... Какой еще человек?

— Гадкий. Ты сказал деду, чтобы он шел погулять, но никак не мог оторвать его от бутылки.

— Дедушка. Ага... А где он сейчас?

— Может, вернулся к себе в Мэйн,— предположил Джо.— Он все время грозился уехать.

— Старик никогда не уезжает, пока не осушит весь погреб,— сказал Гэллегер.

Он включил аудиосистему и проверил все комнаты, но не получил ответа. Потом встал и начал поиски. Деда нигде не было.

Вернувшись в лабораторию и пытаясь не обращать внимания на третий генератор с большими голубыми глазами, Гэллегер вновь принялся разглядывать предметы на столе. Джо, все так же торчащий перед зеркалом, заявил, что верит в основополагающую философию интеллектуализма. Однако, добавил он, видя, что интеллект Гэллегера по-прежнему пребывает в состоянии невесомости, стоит включить магнитофон и послушать, что происходило здесь вчера вечером. Это была недурная мысль. Некоторое время назад, отлично зная, что трезвый Гэллегер не может вспомнить приключений Гэллегера пьяного даже под угрозой смертной казни, изобретатель установил в лаборатории видеокамеру, которая включалась сама, если того требовала обстановка. На каких принципах действовало это устройство, Гэллегер не смог бы объяснить. Каким-то чудесным образом оно проверяло содержание алкоголя в крови своего хозяина и начинало запись, когда тот достигал определенной кондиции. Сейчас аппарат был закрыт тканью. Придвинув поближе экран, Гэллегер начал просматривать события прошлого вечера и слушать запись разговоров.

Джо стоял в углу отключенный и, вероятно, размышлял. Дедушка — маленький сухой человечек с бурым лицом, похожий на шелкунчика,— сидел на стуле, прижимая к себе бутылку. Гэллегер как раз вынимал изо рта мундштук ал-

когольного органа, закачав в себя достаточно много, чтобы включилась камера.

Средних лет худощавый мужчина с большими ушами, очень оживленный, подпрыгивал на краю дивана, не сводя глаз с хозяина.

— Вздор! — сказал дедушка писклявым голосом. — Когда я был молод, медведей убивали голыми руками. Все эти ваши современные идеи...

— Дед, — прервал его Гэллегер, — заткнись. Не настолько ты стар. А кроме того, ты известный враль.

— Помню, однажды в лесу на меня вышел медведь. Оружия у меня не было. И знаете, что я сделал? Сунул ему руку в пасть и...

— Твоя бутылка пуста, — заметил Гэллегер.

Последовала пауза, во время которой удивленный старик проверял, правда ли это. Оказалось, что нет.

— Мне горячо рекомендовали вас, — сказал мужчина с большими ушами. — Надеюсь, вы мне поможете. Мы с партнером оказались в трудном положении.

Гэллегер недовольно посмотрел на него:

— Так у вас есть партнер? И кто же он? И кстати, сами-то кто такой?

Воцарилась мертвая тишина — мужчина с большими ушами пытался преодолеть замешательство. Дед опустил бутылку и сказал:

— Она не была пуста, но теперь опустела. Где следующая?

Человек с большими ушами произнес слабым голосом:

— Мистер Гэллегер, мы же обговорили...

— Знаю, — ответил Гэллегер. — Извините. Это все потому, что я ни черта не смыслю в технике, пока... э-э... меня не осенит. Тогда я делаюсь гением. Но страшно рассеянным. Я наверняка смогу решить вашу проблему, но, к сожалению, забыл, в чем она заключается. Вам лучше всего начать сначала. Кто вы такой и сколько мне уже заплатили?

— Меня зовут Джонас Хардинг, — ответил мужчина. — У меня с собой пятьдесят тысяч кредитов, но мы с вами еще не пришли к соглашению.

— Гоните бабки — и сразу договоримся,— заметил Гэллегер с плохо скрываемой жадностью.— Деньги мне нужны.

— Конечно, они тебе нужны,— вставил дед, не прекращая искать бутылку.— Твой счет пуст, в банке при виде тебя закрывают двери. Кстати, я бы выпил.

— Попробуй орган,— подсказал ему Гэллегер.— Итак, мистер Хардинг...

— Лучше бутылку. Не верю я этим твоим штучкам.

Мужчина, несмотря на свою заинтересованность, не скрывал растущего скептицизма.

— Что касается денег,— заметил он,— думаю, сначала нам нужно поговорить. Мне горячо рекомендовали вас, но, возможно, я пришел не вовремя и вы не в форме.

— Ничуть не бывало.

— Не понимаю, почему я должен давать вам деньги, пока мы не договорились,— осторожничал Хардинг.— Ведь вы даже не помните, кто я и что мне нужно.

Гэллегер вздохнул и сдался:

— Ну ладно. Тогда расскажите, кто вы и что вам нужно. То есть...

— Я уеду домой,— пригрозил дед.— Где бутылка?

Хардинг в отчаянии произнес:

— Мистер Гэллегер, все имеет свои границы. Я прихожу к вам, ваш робот с ходу меня оскорбляет, а ваш дед поит меня самогоном. Вы меня почти отравили...

— Самогон я всосал с молоком матери,— буркнул дед.— Нынешняя молодежь пить не умеет.

— В таком случае перейдем к делу,— предложил Гэллегер.— Мне уже лучше. Я только лягу на диван — и можете начинать.— Он улегся, лениво потягивая джин из мундштука органа. Дед выругался.— Я вас слушаю. С самого начала.

Хардинг слабо вздохнул:

— Я совладелец фирмы «Надпочечники Лимитед». Мы предлагаем обслуживание в духе нашего времени. Как я уже говорил...

— Я все забыл,— буркнул Гэллегер.— Нужно было снять копию. Чем вы, собственно, занимаетесь?

— Пожалуйста, вот копия для вас. Мы занимаемся стимуляцией работы надпочечных желез. Сегодня человек живет спокойно и безопасно...

— Ха! — с горечью вставил Гэллегер.

— ...благодаря различным удобствам и устройствам, развитию медицины и общей структуре общественной жизни. Так вот, надпочечная железа выполняет очень важную роль в организме нормального здорового человека.— Хардинг явно оседлал любимого конька.— Когда-то давно мы жили в пещерах и, когда из джунглей выходил тигр, наши надпочечные железы начинали работать, поставляя организму адреналин. Следовала вспышка активности, побуждающая либо к схватке, либо наоборот — к бегству, и именно этот временный приток в кровь адреналина регулировал весь химизм организма. Я уже не говорю о достоинствах психической природы. Человек — существо агрессивное. Постепенно этот инстинкт утрачивается, но его можно пробудить, искусственно стимулируя надпочечные железы.

— Может, выпьем? — с надеждой в голосе предложил дед. Из лекции Хардинга он не понял ни черта.

Хардинг доверительно наклонился вперед.

— Развлечения,— сказал он.— Вот в чем дело. Мы предлагаем людям приключение. Безопасное, возбуждающее, очаровательное приключение для пресыщенных современных мужчин и женщин. Это не тот суррогат, который предлагает телевидение; мы даем настоящее приключение. «Надпочечники Лимитед» обеспечивают суперприключение, гарантируя при этом как физическое, так и психическое здоровье. Вы должны были видеть наши рекламы: «Ты хандришь? Ты устал? Отправляйся на охоту, и вернешься иным человеком — мир будет принадлежать тебе».

— На охоту?

— Организация охоты — самая популярная из наших услуг,— ответил Хардинг, вновь переходя на деловой тон.— Впрочем, здесь нет ничего нового. Уже долгие годы бюро путешествий предлагают волнующую охоту на тигров в Мексике...

— В Мексике нет никаких тигров,— вставил дед.— Я там бывал. Предупреждаю, если ты не найдешь мне бутылку, я сейчас же уеду в Мэйн.

Однако Гэллегера проблема захватила.

— Откровенно говоря, не понимаю, чем могу вам помочь. Я не могу поставлять вам тигров.

— Мексиканский тигр относился к семейству кошачьих. Кажется, его называют пумой. По всему миру у нас размещены заповедники — они влетают нам в копеечку,— где и проходят охоты, заранее спланированные до мельчайших деталей. Опасность нужно свести до минимума, точнее, исключить совершенно. Однако должна существовать видимость опасности, в противном случае клиент не оценит приключения. Мы пытались так дрессировать животных, чтобы в последний момент они отступали, но, честно сказать, особых успехов не добились. С грустью должен признать, что таким образом мы потеряли нескольких клиентов. Деньги в дело вложены большие, и их нужно возвращать, однако мы пришли к выводу, что нельзя использовать ни тигров, ни каких-то иных крупных хищников. Это просто опасно. Но какая-то видимость опасности, конечно, необходима. Проблема заключается в том, что мы постепенно опускаемся до уровня стрелкового клуба, а в стрельбе по тарелочкам опасности ни на грош.

— Если вы хотите получить настоящее удовольствие, поезжайте со мной в Мэйн, и я покажу вам настоящую охоту. В наших горах и сейчас водятся медведи.

— Я начинаю понимать,— сказал Гэллегер.— Но если говорить об элементе опасности... интересно! Собственно, что такое опасность?

— Опасность — это когда кто-то хочет до тебя добраться,— объяснил дед.

— Неизвестное или чуждое тоже опасно по той простой причине, что мы его не понимаем. Поэтому истории о призраках всегда пользовались успехом. Рычание в темноте пугает сильнее, чем сам тигр при дневном свете.

Хардинг кивнул:

— Я понимаю, что вы имеете в виду, но есть еще одна закавыка. Зверь не должен быть легкой добычей — что за

удовольствие убивать кролика! И разумеется, мы должны снабжать наших клиентов самым современным оружием.

— Почему?

— По соображениям безопасности. Проблема в том, что со всеми этими радарами и усилителями обоняния любой дурак сумеет выследить и подстрелить зверя. В этом нет никакого риска, разве что дело коснется тигра-людоеда, но такой риск великоват для наших клиентов.

— Ну, так чего же вы от меня хотите?

— Я и сам не знаю,— медленно произнес Хардинг.— Может, какое-то новое животное. Чтобы оно соответствовало требованиям «Надпочечников». Но я просто не знаю, что бы это могло быть, иначе не пришел бы к вам.

— Трудно создавать новых животных из ничего.

— А где же их взять?

— Об этом я и думаю. С других планет? Из иных потоков времени, иных вселенных? Были у меня когда-то забавные зверушки из марсианского будущего, но они бы тут не подошли.

— Значит, с других планет?

Гэллегер встал, подошел к лабораторному столу и начал соединять какие-то шестеренки и трубки.

— Есть у меня одна идея. Скрытые резервы человеческого мозга... Мои скрытые резервы начинают пробуждаться к жизни. Сейчас, сейчас... А может...

Под руками Гэллегера начало складываться какое-то новое устройство, однако изобретатель непрерывно думал о чем-то. Внезапно он выругался, бросил все и вновь прильнул к алкогольному органу. Дед попытался сделать то же самое, но, поперхнувшись первым же глотком джина, пригрозил, что вернется домой, заберет с собой Хардинга и покажет тому настоящую охоту.

Гэллегер столкнул старика с дивана.

— Мистер Хардинг,— сказал он,— завтра все будет готово. Еще один штрих...

— Я много о вас слышал, мистер Гэллегер,— сказал Хардинг, вынимая пачку банкнот.— Вы умеете работать только под нажимом. Вам нужно чувствовать нож у горла, иначе вы ничего не сделаете. Ну как так? Пятьдесят тысяч кре-

дитов.— Он посмотрел на часы.— Даю вам час. Если за это время вы не решите мою проблему, наш договор будет расторгнут.

Гэллегер вскочил с дивана как ошпаренный.

— Вы шутите. Что такое один час?

Хардинг упрямо повторил:

— Я человек серьезный и знаю о вас достаточно, чтобы понять, какой вы породы. Я могу найти других специалистов, и вам это хорошо известно. Итак, даю вам час. Если нет, я уйду и уношу с собой пятьдесят тысяч кредитов!

Гэллегер пожирал деньги глазами. Он наскоро глотнул спиртного, тихо выругался и вернулся к начатому агрегату. На этот раз он работал без остановок.

Через несколько минут с лабораторного стола прямо ему в глаза ударил луч света. Гэллегер с воплем отскочил.

— С вами все в порядке? — обеспокоенно поинтересовался Хардинг.

— Разумеется, — буркнул Гэллегер, отключая ток. — Кажется, я понял, в чем тут дело. Этот свет... О-о-о! — Он быстро заморгал, потом подошел к алкогольному органу, глотнул и повернулся к Хардингу. — Я начинаю понимать, что вам нужно. Но не знаю, сколько времени это займет. — Он скривился. — Дед, ты ковырялся в органе?

— Не знаю, я только нажал несколько клавиш.

— Так я и думал. Это вовсе не джин. Бр-р-р!

— А что, самогон? — заинтересовался старик и направился к органу, чтобы снова попробовать.

— Ничего подобного, — ответил Гэллегер, подползая на коленях к видеокамере. — А это что? Шпион? Мы тут знаем, что делать со шпионами, ты, мерзкий доносчик. — С этими словами он встал, схватил одеяло и накинул на агрегат.

Разумеется, экран тут же погас.

— Каждый раз я умудряюсь перехитрить самого себя, — заметил Гэллегер, выключая магнитофон. — Я взял на себя труд сделать это устройство, а потом заслонил его в тот момент, когда начались действительно интересные события. Теперь я знаю меньше, чем прежде, потому что увеличилось число неизвестных.

— Мир познаваем, — буркнул Джо.

— Любопытная концепция,— признался Гэллегер.— Но греки додумались до этого уже довольно давно. Думаю, если ты хорошенько поработаешь головой, то вскоре откроешь, что дважды два — четыре.

— Тихо, жалкий человек,— сказал Джо.— Сейчас я перехожу к абстракциям. Пойди открой дверь и оставь меня в покое.

— Дверь? А зачем? Ведь никто не звонил.

— Сейчас позвонят,— заверил его Джо.— О, слышишь?

— Гости с самого утра,— вздохнул Гэллегер.— Впрочем, может, это дед.— Он нажал кнопку, взгляделся в экран, но так и не узнал типа с лошадиной челюстью и густыми бровями.— Входите,— пригласил он,— и следуйте за ведущей линией.

Он алчно метнулся к органу.

Человек с лошадиной челюстью вошел в комнату, а Гэллегер сказал:

— Быстро, а то за мной гонится маленькая коричневая зверушка, которая выпивает все спиртное. Есть и еще парочка проблем, но эта самая главная. Я умру, если не выпью, так что говорите, в чем дело, и уходите. Надеюсь, я не должен вам денег?

— Это как посмотреть,— ответил мужчина с сильным шотландским акцентом.— Меня зовут Мердок Маккензи, а вы, надо полагать, мистер Гэллегер. Доверия вы у меня не вызываете. Где мой партнер и пятьдесят тысяч кредитов, которые были при нем?

Гэллегер задумался:

— Ваш партнер? Может, вы имеете в виду Джонаса Хардинга?

— Именно его. Моего партнера по фирме «Надпочечники Лимитед».

— Я его и в глаза не видел...

Однако тут вмешался Джо:

— Это тот мерзкий тип с большими ушами. Ну и гадок же он был!

— Все сходится,— кивнул Маккензи.— Я заметил, что эта ваша жужжащая машинка использовала прошедшее вре-

мя. Вы, случайно, не убили моего партнера и не избавились от его тела с помощью какого-нибудь вашего изобретения?

— Интересно, с чего вы это решили,— сказал Гэллегер.— Может, у меня на лбу каинова печать? Или вы просто спятили?

Маккензи массировал свою лошадиную челюсть, одновременно разглядывая Гэллегера из-под густых бровей.

— Честно сказать, не велика потеря,— признался он.— В делах от него толку нет, он слишком пунктуален. Но, отправляясь к вам вчера вечером, он взял с собой пятьдесят тысяч кредитов. К тому же остается вопрос насчет тела, ведь страховая сумма огромна. Между нами, мистер Гэллегер, я бы ничего не имел против, если бы вы убили моего незадачливого партнера и забрали себе эти пятьдесят тысяч. Более того, я, пожалуй, оставил бы вам из них, скажем... десять тысяч. Но с условием, что вы представите документальное доказательство смерти Джонаса, чтобы мои доверители были удовлетворены.

— Логика,— восхищенно заметил Джо.— Чудесная логика. Удивительно, как эта логика может исходить от такого непрозрачного чудовища.

— Я выглядел бы еще чудовищнее, если бы имел такую же прозрачную кожу, как ты,— ответил Маккензи.— Конечно, если анатомические атласы не врут. Однако мы говорили о теле моего партнера.

— Невероятно! — со злостью сказал Гэллегер.— Ведь в этом случае вы становитесь соучастником преступления.

— Ага, значит, вы признаетесь?

— Ни в коем случае! Вы слишком самоуверенны, мистер Маккензи. Держу пари, что вы сами убили Хардинга, а теперь пытаетесь подставить меня. С чего вы решили, что он мертв?

— Согласен, это требует объяснения,— заметил Маккензи.— Джонас был человеком серьезным, ни разу не бывало, чтобы он не явился на встречу, что бы ни случилось. Вчера вечером и сегодня утром у него были назначены встречи, в том числе и со мной. Кроме того, отправляясь к вам, он имел при себе пятьдесят тысяч кредитов.

— Откуда вам известно, что он сюда дошел?

— Я подвез его, высадил у ваших дверей и видел, как он входил.

— Однако вы не видели, как он выходит, а он все-таки вышел,— сказал Гэллегер.

Маккензи, несколько не смущенный, принялся загибать свои костлявые пальцы:

— Мистер Гэллегер, сегодня утром я просмотрел записи о вас, и результат, признаться, неутешительный. В прошлом вы были замешаны в какие-то темные дела и не раз обвинялись в различных преступлениях. Доказать ничего не удавалось, но я подозреваю, что вы просто очень хитры. Полиция наверняка согласилась бы со мной.

— И на этот раз они ничего не докажут. Хардинг скорее всего дома, в своей кровати.

— А вот и нет. А пятьдесят тысяч кредитов — это куча денег, не говоря уже о его страховке, она еще больше. Фирма окажется в неприятном положении, если Джонас не отыщется, и дело наверняка кончится судебным процессом, а это дорогое удовольствие.

— Но я не убивал вашего партнера! — закричал Гэллегер.

— Ага,— усмехнулся Маккензи.— А если я сумею доказать, что это сделали вы, выигрыш для меня будет огромный. Надеюсь, вы понимаете ситуацию, мистер Гэллегер. Не лучше ли признаться, сказать, что вы сделали с телом, и получить свои пятьдесят тысяч?

— Вы говорили о десяти.

— Вы, наверное, сошли с ума,— с нажимом сказал Маккензи.— Я ничего такого не говорил. По крайней мере, вы не сможете этого доказать.

— Может, выпьем и поговорим? Мне пришла в голову новая мысль.

— Отличная идея!

Гэллегер нашел два стакана и настроил алкогольный орган. Один стакан он протянул Маккензи, но мужчина покачал головой и взял себе второй.

— В этом может быть яд,— сказал он.— Ваше лицо не внушает доверия.

Гэллегер игнорировал его замечание. Он надеялся, что с двумя полными стаканами таинственная коричневая зверушка не справится, и попытался выпить виски залпом, но вновь испытал танталовы муки: на язык попала всего одна капля. Стакан был пуст. Опустив его, он посмотрел на Маккензи.

— Дешевый трюк,— сказал гость, ставя свой стакан на стол.— Я не напрашивался на даровую выпивку. Но как вы сделали, что виски исчезло?

Разочарованный Гэллегер буркнул:

— Я колдун, продаю душу дьяволу. За два цента я могу сделать так, чтобы вы тоже исчезли.

Маккензи пожал плечами:

— Я не боюсь. Если бы могли, то давно бы так и сделали. Но что касается колдовства, я не настолько скептичен, особенно после того, как увидел это чудовище в углу.— Он указал на третий генератор, который вовсе не был генератором.

— Вы хотите сказать, что тоже его видите?

— Я вижу больше, чем вы можете себе представить, мистер Гэллегер,— загадочно ответил Маккензи.— И вообще, я иду в полицию.

— Минуточку... Это вам ничего не даст.

— Разговор с вами даст мне еще меньше. Раз вы так упираетесь, я попробую вызвать полицию. Если они сумеют доказать, что Хардинг мертв, я хоть получу его страховку.

— Подождите немного. Ваш партнер действительно был здесь. Он хотел, чтобы я помог решить одну проблему.

— И вы помогли?

— Н-нет, но вообще-то...

— Тогда и говорить не о чем,— ответил Маккензи и направился к дверям.— Мы вскоре увидимся.

Маккензи вышел, а Гэллегер задумчиво опустился на диван. Потом он поднял голову и принялся разглядывать третий генератор. Это был приземистый бесформенный предмет, нечто вроде усеченной пирамиды, и он пялился на него парой голубых глаз. Глаз, агатов или покрашенных в голубой цвет кусочков металла — Гэллегер не был уверен,

что у него там такое. Предмет имел три фута в высоту и около трех футов в основании каждой стороны.

— Джо,— позвал Гэллегер,— почему ты мне об этом не сказал?

— Я думал, ты сам видишь.

— Я вижу, но не знаю, что это такое.

— Я тоже понятия не имею.

— А откуда он взялся?

— Только твое подсознание может знать, что ты сотворил вчера вечером. Может, знают еще дедушка и Джонас Хардинг, но их нигде нет.

Гэллегер подошел к видеофону и заказал разговор с Мэйном.

— Дедушка мог вернуться домой. Маловероятно, чтобы он взял с собой Хардинга, но нельзя исключать и эту возможность. Лучше проверить. Одно я знаю точно: у меня перестали слезиться глаза. Что это за штуку я собрал вчера вечером? — Он подошел к лабораторному столу и принялся изучать таинственную конструкцию.— Интересно, зачем я сунул туда рожек для обуви...

— Если бы у тебя всегда были под рукой нужные детали, Гэллегеру Бис не приходилось бы использовать что попало,— безжалостно заметил Джо.

— Угу... должно быть, я упился и мое подсознание снова взяло верх... Нет, так нельзя! Джо, я больше не могу! Нужно бросать пить!

— Интересно, был ли прав Декарт?

— Что ты на меня тарачишься?! — рявкнул Гэллегер.— Мне нужна помощь!

— От меня ты ее не получишь,— ответил Джо.— Дело совершенно ясное, нужно лишь пошевелить мозгами.

— Ясное? Ну валяй, я тебя слушаю.

— Сначала я должен проверить одну философскую концепцию.

— Можешь не спешить. Когда я буду гнить в тюрьме, ты сможешь посвятить все время философским абстракциям. Налей-ка мне пива! Впрочем, не надо, все равно я не смогу его выпить. Как выглядит эта маленькая коричневая зверушка?

— Поработай наконец головой,— сказал Джо.

— В таком состоянии из нее вышла бы хорошая гиря,— буркнул Гэллегер.— Ты знаешь ответы на все вопросы, так почему не скажешь мне, вместо того чтобы нести всякий вздор?

— Мир познаваем,— изрек Джо.— Сегодня — это логическое следствие вчера. Разумеется, ты решил проблему, поставленную перед тобой «Надпочечниками Лимитед».

— Правда? Ага, Хардинг говорил о каком-то новом животном или о чем-то в этом духе.

— И что?

— У меня есть два,— ответил Гэллегер.— Маленький невидимый алкоголик и вот это голубоглазое создание, что сидит на полу. Гм-м... но откуда я их взял? Из другого измерения?

— А я почему знаю? Откуда-то взял.

— Да уж, наверняка,— согласился Гэллегер.— Может, я собрал машину, которая принадлежит иному миру. И может, дедушка и Хардинг сейчас в том мире! Что-то вроде обмена пленными. Впрочем, не знаю... Хардинг имел в виду животных, которые были бы не опасны и в то же время создавали видимость опасности, чтобы заставить клиентов дрожать от страха. Но где же тут элемент опасности? — Он глотнул.— Разумеется, эти создания производят впечатление. Я, во всяком случае, дрожу.

— «Поступление адреналина в кровь регулирует химизм всего организма»,— процитировал Джо.

— Получается, что, решая проблему Хардинга, я поймал этих существ или приобрел их каким-то иным образом... гм-м...— Гэллегер встал напротив бесформенного голубоглазого чудовища.— Эй, ты!..— позвал он.

Ответа не было, лишь голубые глаза продолжали вглядываться в него. Гэллегер осторожно коснулся пальцем одного из них.

Никакой реакции. Глаз был неподвижен и тверд, как стекло. Гэллегер коснулся гладкой голубоватой кожи — она напоминала металл. Превозмогая страх, он попытался поднять создание с пола, но безуспешно. Либо оно было невероятно тяжело, либо имело снизу присоски.

— Глаза,— произнес Гэллегер,— и никаких других органов чувств. Нет, Хардингу нужно было явно не это.

— Это очень умно со стороны черепахи,— сказал Джо.

— Черепахи? А, что-то вроде броненосца, верно? Ты прав, пожалуй. Вот только как убить или хотя бы поймать такое? Внешняя оболочка твердая, а само существо неподвижно. Такому животному не нужно сражаться или убежать — черепаха ведь ничего такого не делает. А барракуда бы просто спятила, если бы попыталась сожрать черепаху. Идеальное животное для изнеженного интеллектуала, нуждающегося в острых ощущениях. Да, но как быть с адреналином?

Джо молчал. Гэллегер задумался, потом взялся за реактивы и аппаратуру. Сначала он попробовал на неподвижном чудище алмазное сверло, потом различные кислоты. Всеми возможными способами он пытался расшевелить голубоглазое создание, и, наконец, после часа усилий робот прервал его яростные проклятия.

— Ну, и как у тебя с адреналином? — с иронией спросил он.

— Заткнись! — рявкнул Гэллегер.— Эта штука только сидит и таращится на меня!

— Злость, так же как и страх, подстегивает надпочечники. Я думаю, что таким вот пассивным сопротивлением можно привести в бешенство любого человека.

— Верно,— признался Гэллегер, с которого стекал седьмой пот. Он пнул странное создание и направился к дивану.— Достаточно поднять показатель огорчения, и можно злость заменить раздражением. А что с этой коричневой зверушкой? На нее я нисколько не злюсь.

— Попробуй-ка выпить,— предложил Джо.

— Ты прав, я бешусь из-за этого маленького пьянчуги! Но если эта тварь движется так быстро, что ее не видно, то как ее можно схватить?

— Должен быть какой-то способ.

— Это существо так же неуловимо, как первое неприступно. Может, оно остановится, если накачается как следует?

— Тут все дело в обмене веществ.

— А-а, оно слишком быстро трезвеет, чтобы напиться? Возможно. Но тогда ему нужно очень много еды.

— А ты заглядывал на кухню? — спросил Джо.

Мысленно представляя пустую кладовку, Гэллегер встал и остановился перед голубоглазым созданием.

— А у этого вообще нет обмена веществ. Но должно же оно чем-то жить. Только вот чем? Воздухом? Возможно...

В дверь позвонили.

— Интересно, кто на этот раз? — буркнул Гэллегер и пустил гостя.

Вошел мужчина с воинственным выражением на румянном лице, сообщил Гэллегеру, что тот временно арестован, и вызвал своих людей, которые тут же принялись обыскивать квартиру.

— Вас прислал Маккензи? — спросил Гэллегер.

— Точно. Меня зовут Джонсон, криминальная полиция. Недоказанный акт насилия. Желаете связаться со своим адвокатом?

— Да,— подтвердил Гэллегер, ухватившись за эту возможность.

Он позвонил знакомому адвокату и принялся описывать ситуацию, в которой оказался. Однако собеседник прервал его:

— Очень жаль, но я не берусь за дела, где пахнет мошенничеством. Вы знаете мои условия.

— А кто говорит о мошенничестве?

— Ваш последний чек оказался без покрытия. На этот раз или наличные, или разговор окончен.

— Я... минуточку! Я только что закончил одну работу. У меня будут деньги...

— Прежде чем стать вашим адвокатом, я хотел бы увидеть их,— ответил неприятный голос, и экран погас.

Детектив Джонсон похлопал Гэллегера по плечу:

— Ага, значит, у вас на счету пусто? Вам нужны деньги?

— Это ни для кого не тайна. Но нельзя сказать, что я вылетел в трубу. Я только что закончил...

— Одну работу. Это я слышал. И разбогатели. А на какую сумму? Случайно не на пятьдесят тысяч кредитов?

Гэллегер глубоко вздохнул:

— Больше я не скажу ни слова,— произнес он и вернулся на диван, стараясь не обращать внимания на полицейских, переворачивающих его лабораторию вверх ногами. Ему нужен был адвокат. И срочно. Но как нанять адвоката без денег? А если связаться с Маккензи?..

Он позвонил ему. Маккензи выглядел довольным.

— О,— сказал он,— я вижу, полиция уже пришла.

— Я о той работе, которую подкинул мне ваш партнер,— начал Гэллегер.— Я решил вашу проблему. У меня есть то, что вам требуется.

— Неужто тело Хардинга? — оживился Маккензи.

— Нет, животные, которых вы просили. Идеальная дичь.

— Жаль, что вы не сказали этого раньше.

— Приезжайте немедленно и отзовите полицию,— настаивал Гэллегер.— Я говорю серьезно: у меня есть для вас идеальная дичь для охоты.

— Не знаю, смогу ли я отозвать этих гончих псов,— ответил Маккензи,— но уже еду. Только помните: я не заплачу вам ни гроша.

— Вот тебе на! — буркнул Гэллегер и выключил видеофон. Тот тут же зазвонил. Гэллегер коснулся трубки, и на экране появилось лицо женщины, которая сказала:

— Мистер Гэллегер, в связи с вашим запросом о дедушке сообщаем: он не вернулся в Мэйн. Это все.

Лицо исчезло, а Джонсон тут же сказал:

— А что случилось с вашим дедом?

— Я его съел,— скривился Гэллегер.— Почему бы вам не оставить меня в покое?

Джонсон что-то пометил в блокноте.

— Ваш дедушка. Хорошо... нужно проверить. А кстати, что это такое сидит там? — Он указал на голубоглазое существо.

— Я изучал случаи воспаления костного мозга у головоногих.

— Ага, понятно. Спасибо... Фред, проверь, что там с дедом этого парня. Куда ты смотришь?

— На этот экран. Он включен.

Джонсон подошел к магнитофону.

— Думаю, нужно его конфисковать. Вероятно, там нет ничего важного, но...— Он коснулся переключателя. Экран остался пустым, но голос Гэллегера произнес: «Мы тут знаем, что делать со шпионами, ты, мерзкий доносчик».

Джонсон вновь нажал переключатель и посмотрел на Гэллегера. Его румяное лицо оставалось неподвижным, пока перематывалась лента. Гэллегер сказал:

— Джо, дай мне тупой нож. Я хочу перерезать себе горло, но медленно и со вкусом.

Однако Джо, занятый философскими рассуждениями, не потрудился даже ответить.

Джонсон начал просматривать видеозапись. Достав какой-то снимок, он сравнил его с тем, что показывал экран.

— Отлично, это Хардинг. Спасибо, мистер Гэллегер, что сохранили это для нас.

— Пустяки,— откликнулся тот.— Я даже готов показать палачу, как ловчей завязать петлю у меня на шее.

— Ты записываешь, Фред? Вот хорошо.

Пленка неумолимо вращалась, а Гэллегер старался убедить себя, что на ней не может быть ничего особенного.

Его надежды развеялись дымом, когда изображение исчезло с экрана — это был момент, когда он накиннул на камеру одеяло. Джонсон поднял руку, требуя тишины. На экране по-прежнему ничего не было видно, но голоса звучали отчетливо.

«У вас еще тридцать семь минут, мистер Гэллегер».

«Подождите немного, сейчас будет готово. Мне очень нужны ваши пятьдесят тысяч кредитов».

«Но...»

«Спокойно, все уже готово. Еще чуть-чуть, и все ваши проблемы кончатся».

— Неужели я все это говорил? — бросил в пространство Гэллегер.— Ну и идиот! Почему я не отключил микрофон, когда накрыл объектив?!

«Ты же медленно убиваешь меня, сопляк!»

— Старик имел в виду всего лишь еще одну бутылку,— простонал Гэллегер.— Ну не будь дураком, приятель, и сделай так, чтобы фараоны тебе поверили! Эге...— Он вдруг оживился.— Может, так я смогу узнать, что случилось с

дедом и Хардингом. Если я выстрелил их в иной мир, может, будет какой-нибудь след.

«А теперь внимание,— сказал голос Гэллегера с пленки.— Я объясню вам, как это делаю. Да, еще одно: я хочу потом это запатентовать, поэтому не желаю никаких шпионов. Вы двое никому ничего не скажете, но магнитофон по-прежнему включен на запись. Когда я прослушаю это завтра, то скажу себе: Гэллегер, ты слишком много болтаешь. Есть только один способ сохранить тайну. Раз — и все!»

Кто-то крикнул, но крик оборвался на середине. Магнитофон умолк, воцарилась полная тишина.

Открылась дверь, и вошел, потирая руки, Мердок Маккензи.

— А вот и я,— сказал он.— Я понял так, что вы решили нашу проблему, мистер Гэллегер. Может, мы с вами и договоримся. В конце концов, нет точных доказательств того, что вы убили Джонаса. Я возьму назад обвинение, если у вас действительно есть то, в чем нуждается наша фирма.

— Дай-ка мне наручники, Фред,— потребовал Джонсон.

— Вы не имеете права! — запротестовал Гэллегер.

— Ошибочное утверждение,— заметил Джо,— опровергаемое в данный момент эмпирическим способом. До чего же вы, люди, нелогичны.

Развитие общества всегда отстает от развития техники. В те времена, когда техника стремилась все упростить, общественная система была исключительно сложна, частично в результате исторических условий, а частично из-за тогдашнего развития науки. Возьмем, к примеру, юриспруденцию. Кокберн, Блеквуд и многие другие установили некие общие и частные правила относительно, скажем, патентов, однако одно небольшое устройство могло лишить их всякого смысла. Интеграторы могли решать проблемы, с которыми не справлялся человеческий мозг, и потому в эти полумеханические коллоиды требовалось встраивать различные системы безопасности. Более того, электронный умножитель мог не только опрокинуть патентные правила,

но также нарушить право собственности, и потому юристы исписывали целые тома о том, является ли право на «новинку» действительной собственностью, считать ли сделанное на умножителе подделкой или копией; а также о том, можно ли считать массовое дублирование шиншилл непорядочным по отношению к производителю, использующему традиционные способы. Мир, упоенный техническим прогрессом, отчаянно пытался удержать равновесие. В конце концов вся эта неразбериха должна была кончиться. Но еще не сейчас.

Таким образом, машина правосудия была конструкцией гораздо более сложной, нежели интегратор. Прецеденты противоречили абстрактной теории, точно так же, как адвокат адвокату. Теоретикам все казалось ясным, но они были слишком непрактичны, чтобы давать советы; можно было нарваться на язвительное замечание: «Что, мое изобретение нарушает право собственности? Ха! Значит, к черту право собственности!»

Но ведь так же нельзя!

Во всяком случае, не в мире, который тысячелетиями обретал относительное чувство безопасности в прецедентах общественных отношений. Плоти́на формальной культуры начала протекать во многих местах одновременно, и, если бы человек обратил на это внимание, он увидел бы сотни тысяч маленьких фигурок, мечущихся от одной дыры к другой и отважно затыкающих их пальцами, руками и головами. Однажды людям предстояло обнаружить, что за этой плотиной нет грозного океана, но и этот день еще не пришел.

В некотором смысле это было на руку Гэллегеру. Официальные лица неохотно принимали решения, поскольку необоснованный арест мог означать для них огромные неприятности. Упрямый Мердок Маккензи воспользовался этим положением: он поговорил со своим адвокатом и сунул палку в спицы колеса закона. Адвокат, в свою очередь, побеседовал с Джонсоном.

Прежде всего, не было тела. Видеозапись — недостаточное доказательство, А кроме того, были серьезные сомнения в правомерности ордеров на арест и обыск. Джонсон

позвонил в Юридический центр, и над головами Гэллегера и беззаботного Маккензи разразилась настоящая буря. Кончилась она тем, что Джонсон и его люди убрались восвояси, забрав с собой вещественные доказательства и пригрозив, что вернутся, как только кто-нибудь из судей подпишет нужные бумаги. «А пока,— пообещал Джонсон,— перед домом останутся сотрудники полиции». Послав Маккензи бешеный взгляд, он вышел.

— А теперь к делу,— сказал Маккензи, потирая руки.— Между нами говоря,— он доверительно наклонился вперед,— я очень доволен тем, что избавился от своего партнера. Независимо от того, убили вы его или нет, я надеюсь, что его так и не найдут. Теперь я смогу вести дела по-своему.

— Ну хорошо,— сказал Гэллегер,— а как быть со мной? Меня арестуют, как только Джонсон получит нужные документы.

— Но не осудят,— подчеркнул Маккензи.— Ловкий адвокат вытащит вас. Однажды возбудили похожее дело, но адвокат прибег к метафизике и доказал, что убитый никогда не существовал. Истинность доказательства была спорна, но убийцу оправдали.

— Я обыскал дом,— сказал Гэллегер,— впрочем, люди Джонсона тоже. Нет ни следа — ни Джонаса Хардинга, ни моего деда. И, говоря откровенно, мистер Маккензи, я понятия не имею, что с ними произошло.

Маккензи неопределенно махнул рукой:

— Прежде всего нужно действовать методически. Вы говорили, что решили некую проблему для «Надпочечников Лимитед». Признаться, меня это заинтересовало.

Гэллегер молча указал на голубоглазый негенератор. Маккензи задумчиво взглянул на него.

— Ну и что? — спросил он.

— Это именно оно. Идеальная дичь.

Маккензи подошел к странному объекту, постучал по нему и заглянул в лазурные глаза.

— И быстро бегает это создание? — спросил он.

— Ему совсем незачем бегать,— ответил Гэллегер.— Оно вообще с места не двигается.

— Гм-м... Если бы вы объяснили мне...

Впрочем, объяснение явно не понравилось Маккензи.

— Нет,— сказал он.— Я не вижу в этом толка. Охота на такую дичь не заставит человека волноваться. Вы забываете, что нашим клиентам требуется возбуждение, результатом которого будет стимуляция надпочечных желез и выделение адреналина.

— Они получают его вдоволь. Ярость дает тот же эффект, что и возбуждение...— Гэллегер углубился в объяснения.

В ответ Маккензи покачал головой.

— И страх и ярость приводят к избытку энергии, которую нужно на что-то расходовать, а поскольку дичь совершенно пассивна, это невозможно. Так можно вызвать только невроз, тогда как мы стараемся с ним бороться.

Отчаявшийся Гэллегер вспомнил о маленькой коричневой зверушке и принялся расписывать ее достоинства, но, когда Маккензи потребовал показать ее, быстро ушел от этого.

— Нет,— сказал наконец Маккензи.— Как можно охотиться на что-то невидимое?

— Но есть ведь усилители обоняния, ультрафиолет... Кроме того, это хороший тест на изобретательность.

— Наши клиенты неизобретательны. Им это ни к чему. Им требуется встряска, отдых от слишком тяжелой или слишком легкой работы, словом разрядка. Они не собираются ломать головы над изобретением способа поймать нечто, передвигающееся быстрее призрака, или гоняться за дичью, которая не двигается с места. Вы башковитый парень, мистер Гэллегер, но, похоже, мне лучше всего заняться страховкой Джонаса.

— Минуточку...

Маккензи поджал губы:

— Признаться, в этих животных что-то есть, но какая польза от дичи, которую нельзя поймать? Если бы вы разработали какой-то метод ловли этих созданий из другого мира, может, мы и договорились бы. Но пока я не собираюсь покупать кота в мешке.

— Я наверняка найду какой-нибудь способ,— в отчаянии пообещал Гэллегер.— Но не в тюрьме же.

— Вы меня обманули, мистер Гэллегер, уверяя, будто решили нашу проблему. А что касается тюрьмы, то, возможно, доза адреналина разбудит ваш мозг настолько, что вы найдете способ охоты на своих животных. Но разумеется, и в этом случае я не могу давать вам поспешных обещаний...

Мердок Маккензи улыбнулся Гэллегеру и вышел, тихо закрыв за собой дверь. Гэллегер принялся грызть ногти.

— Мир познаваем,— убежденно произнес Джо.

Положение еще более осложнилось, когда на экране телевизора появился седой мужчина и сообщил, что один из чеков Гэллегера оказался без покрытия. Триста пятьдесят кредитов, сказал он. Что прикажете с ними делать? Гэллегер рассмотрел плакетку на пиджаке мужчины.

— Вы из объединенных лабораторий «Новая жизнь». А что это такое?

— Биологическое, медицинское и лабораторное оборудование, мистер Гэллегер.

— А что я у вас заказывал?

— Вы заказали шестьсот фунтов витаплазмы высшего сорта. В течение часа товар был доставлен.

— А когда...

Седовласый пустился в детальные объяснения. Когда он закончил, Гэллегер дал несколько лживых обещаний и отвернулся от погасшего экрана. Потом он в отчаянии оглядел лабораторию.

— Шестьсот фунтов искусственной протоплазмы,— буркнул он.— Заказ Гэллегера Бис.

— И ее доставили,— добавил Джо.— Ты расписывался в получении в тот вечер, когда исчезли дедушка и Джонас Хардинг.

— Но что я мог с ней сделать? Ее используют в пластической хирургии и для производства эндопротезов. Искусственные конечности и тому подобное. Неужели я использовал ее для производства каких-то животных? Нет, это биологически невозможно. Как я мог сделать из витаплазмы маленькую коричневую зверушку, к тому же не-

видимую? А где же мозг и нервная система? Джо, шестьсот фунтов витаплазмы просто исчезли. Куда она могла деться?

Джо молчал.

Несколько часов подряд Гэллегер трудился как безумный.

— Сейчас мне нужно побольше узнать об этих созданиях,— объяснил он Джо.— Только тогда можно будет сказать, откуда они взялись и как оказались у меня. А также выяснить, куда делись Хардинг и дедушка. А потом...

— Сядь и подумай.

— Именно в этом и заключается разница между нами. У тебя нет инстинкта самосохранения. Ты бы спокойно сидел и размышлял, даже если в пальцах твоих ног началась цепная реакция. Но я — другое дело. Я слишком молод, чтобы умирать. Я все время думаю о тюрьме. Пожалуй, нужно выпить. Если бы я мог выйти на орбиту, мое чертово подсознание все бы устроило наилучшим образом. Как там насчет маленькой коричневой зверушки? Ты ее видишь?

— Нет,— ответил Джо.

— Тогда, может, удастся пропустить стаканчик.— После очередной попытки, закончившейся полным крахом, Гэллегер взорвался: — Никто не может двигаться так быстро!

— Ускоренный обмен веществ. Видимо, она почувствовала алкоголь. А может, у нее есть какие-то дополнительные чувства. Даже я едва ее сенсирую.

— Если я смешаю виски с нефтью, то, может, тогда это маленькое пьяное чудовище оставит меня в покое. Но такое я и сам не смогу выпить! Ну ладно, за дело,— буркнул Гэллегер и принялся испытывать на голубоглазом генераторе один реактив за другим, без малейшего, впрочем, успеха.

— Мир познаваем,— вновь постулировал Джо.

— Заткнись. Интересно, можно ли посеребрить это создание? Тогда оно будет неподвижно. Впрочем, оно и так не двигается. А как оно питается?

— Я бы сказал, с помощью осмоса.

— Возможно. Но чем?

Джо раздраженно забренчал:

— Имеется масса способов решить твою проблему. Инструментализм. Эмпиризм. Витализм. Начни с *a posteriori* и перейди к *a priori*¹. Для меня совершенно очевидно, что ты решил проблему, поставленную перед тобой «Надпочечниками».

— Решил?

— Конечно.

— А каким образом?

— Очень простым. Мир познаваем.

— Перестань повторять этот трюизм и помоги мне! Кстати, ты не прав. Мир познаваем, но только для совокупного разума всего человечества.

— Вздор. Философское невежество. Если ты не можешь доказать свой тезис с помощью чистой логики, значит, ты проиграл. Те, кто во главу угла ставит эксперимент, достойны лишь презрения.

— Какого черта я сижу и обсуждаю с роботом философские абстракции? А что ты скажешь, если я докажу, что твое мышление кончится, как только я разобью ломом твой радиоатомный мозг?

— Ладно, убей меня,— предложил Джо.— От этого проиграет все человечество, да и ты тоже. Мир обеднеет, когда меня не станет. Но насилие ничего не значит для меня, у меня ведь нет инстинкта самосохранения.

— Слушай, Джо.— Гэллегер решил зайти с другой стороны.— Если ты знаешь ответ на мой вопрос, то почему же молчишь? Продемонстрируй мне свою великолепную логику. Убеди меня, не прибегая к эксперименту, а с помощью одних рассуждений.

— А чего ради мне убеждать тебя? Хватит того, что я сам убежден. Кроме того, я так красив и совершенен, что не представляю себе ничего лучшего, чем наслаждение самим собой.

¹ *A priori* — принимаемое на веру, без экспериментального подтверждения (лат.). *A posteriori* — принимаемое на основании опыта (лат.).

— Нарцисс,— буркнул Гэллегер.— Помесь Нарцисса с ницшеанским сверхчеловеком.

— Мир познаваем,— ответил Джо.

Дальнейшее развитие событий принесло повестку в суд для Джо. Шестеренки машины правосудия начали вращаться. Сам Гэллегер по какому-то странному капризу закона оставался пока вне его досягаемости. Однако основной принцип гласил, что сумма отдельных частей равняется целому. Джо квалифицировали как одну из частей, сумма которых равнялась Гэллегеру. Короче говоря, робот оказался в суде, где презрительно прислушивался к полемике сторон.

Сопровождали его Гэллегер и Мердок Маккензи в окружении отряда адвокатов. Это было предварительное следствие. Гэллегер не обращал на Джо внимания, поглощенный вопросом, как бы обуздать строптивого робота, который знал все нужные ответы, но не желал говорить. Он даже начал изучать философию, чтобы побить Джо его собственным оружием, но пока единственным результатом усилий была головная боль и невыносимая жажда. Даже за пределами своей лаборатории он испытывал танталовы муки. Невидимая коричневая зверушка следовала за ним по пятам, исправно воруя алкоголь.

Внезапно один из адвокатов Маккензи вскочил как ошпаренный.

— Протестую,— воскликнул он. Последовал яростный спор о том, квалифицировать ли Джо как свидетеля или как вещественное доказательство, и если как последнее, то вызов в суд не имеет силы. Судья задумался.

— По-моему,— заявил он,— проблема сводится к следующему: детерминизм против волюнтаризма. Если этот... гм-м... робот обладает свободой воли...

— Ха! — фыркнул Гэллегер и тут же получил замечание от бейлифа.

— ...тогда он свидетель. Но с другой стороны, имеется возможность, что робот в вопросах мнимо свободного выбора является механическим продуктом наследственности

и окружающей среды. Само собой, говоря о наследственности, следует подразумевать...

— Разумен робот или нет, ваша честь, не имеет для нас значения,— заметил прокурор.

— Не согласен. Закон требует уваж...

— Можно мне сказать, ваша честь? — вмешался Джо.

— Твоя способность говорить почти автоматически дает тебе такое право,— ответил судья, сконфуженно поглядывая на робота.— Мы слушаем.

Джо явно нашел связь между законом, логикой и философией и радостно заговорил:

— Я уже все это обдумал. Мыслящий робот — существо разумное. Я мыслящий робот, следовательно, разумное существо.

— Ну и кретин,— охнул Гэллегер.— Даже я могу указать слабые стороны этого ублюдочного силлогизма.

— Тихо,— прошептал Маккензи.— Все юристы стараются так запутать дело, чтобы никто не мог в нем разобраться. Возможно, ваш робот не такой идиот, как вы думаете.

Началась перепалка о том, являются мыслящие роботы разумными существами или нет. Гэллегер не знал, что и думать. Вопрос оставался неясным, пока из лабиринта противоречий не вывели рабочее положение, что Джо все-таки разумное существо. Этому здорово обрадовался прокурор.

— Ваша честь,— заявил он,— мы узнали, что два дня назад мистер Гэллоуэй Гэллегер отключит робота, представшего сегодня перед нами. Это правда, мистер Гэллегер?

Рука Маккензи пригвоздила Гэллегера к месту. Один из защитников встал, чтобы ответить на вопрос.

— Мы ни в чем не признаемся,— заявил он.— Однако если обвинение сформулирует теоретический вопрос, мы на него ответим.

Теоретический вопрос был сформулирован.

— Итак, господин прокурор, теоретический ответ: «да». Робота этого типа можно включать и выключать.

— А может робот этого типа выключить себя сам?

— Да.

— Но в данном случае такого не было? Мистер Гэллегер отключил робота два дня назад в то самое время, когда в его лаборатории находился мистер Джонас Хардинг.

— Теоретически все верно. Имело место временное отключение.

— В таком случае,— сказал прокурор,— мы хотим допросить робота, квалифицированного судом как разумное существо.

— Решение по этому вопросу должно носить рабочий характер,— запротестовал один из защитников.

— Согласен, ваша честь...

— Хорошо,— сказал судья, таращась на Джо.— Задавай-те вопросы.

— Э-э...— Прокурор, оказавшись перед роботом, заколебался.

— Зови меня Джо,— подсказал тот.

— Спасибо. Так вы подтверждаете, что мистер Гэллегер отключал вас в упомянутое время?

— Да.

— В таком случае,— торжествующе сообщил прокурор,— я обвиняю мистера Гэллегера в нападении и... побоях. Поскольку робот признан разумным существом, всякие действия, направленные на лишение его сознания или способности передвигаться, противоречат закону и могут быть квалифицированы как сознательное нанесение увечья.

Адвокаты Маккензи зашевелились.

— Что это означает? — спросил Гэллегер.

— Вас вместе с роботом могут задержать как свидетелей,— шепнул один из адвокатов, потом встал.— Ваша честь, все наши ответы давались на чисто теоретические вопросы.

— Но заявление робота было ответом на совершенно конкретный вопрос,— заметил прокурор.

— Робот не был приведен к присяге.

— Это легко исправить,— сказал прокурор, и Гэллегер почувствовал, как разлетаются его последние надежды. Он принялся лихорадочно рассуждать, а разбирательство продолжалось.

— Клянетесь ли вы говорить правду, только правду и ничего, кроме правды?

Гэллегер вскочил:

— Ваша честь, я протестую!

— А против чего, собственно?

— Против приведения робота к присяге.

— Ага! — сказал Маккензи.

Судья задумался:

— Пожалуйста, объяснитесь, мистер Гэллегер. Почему этого робота нельзя приводить к присяге?

— Такая присяга имеет смысл только для человека.

— Почему?

— Потому что она предполагает существование души. Или, по крайней мере, теизм, личную религию.

Судья взглянул на Джо:

— Пожалуй, в этом что-то есть. Джо, вы верите в какое-нибудь божество?

— Верю.

Прокурор просиял:

— Значит, мы можем продолжать.

— Минуточку, — поднялся Мердок Маккензи. — Могу я задать свидетелю вопрос?

— Пожалуйста.

Маккензи повернулся к роботу:

— Джо, ты не мог бы нам сказать, каково твое божество?

— Разумеется, — ответил робот. — Это я сам.

С этого момента судебное разбирательство превратилось в теологический спор.

Когда временно освобожденный Гэллегер вместе с Джо отправлялся домой, юристы обсуждали животрепещущий вопрос: сколько ангелов могут поместиться на кончике иглы. Дело не могло двинуться с места до той поры, пока не будут установлены религиозные принципы робота. Все время, пока они летели в воздушном такси, Маккензи пытался убедить Джо в преимуществах кальвинизма.

Уже у самой двери он позволил себе небольшую угрозу.

— Я не хотел ставить вас в такое трудное положение, — обратился он к Гэллегеру, — однако под угрозой тюрьмы вы будете работать гораздо эффективнее. Не знаю, долго

ли мне удастся покрывать вас, но если вы быстро выполните условия...

— Какие условия?

— О, мне нужно не много. Для начала — тело Джонаса...

— Ха! — ответил Гэллегер.

Вернувшись в лабораторию, он сел и впрыснул себе в рот порцию алкоголя, прежде чем успел подумать о маленькой коричневой зверушке. Потом лег, переводя взгляд с голубоглазого негенератора на Джо и обратно.

— Старая китайская пословица гласит, — наконец заговорил он, — что тот, кто первый откажется от словесных аргументов и начнет размахивать руками, признается в интеллектуальной несостоятельности.

— Разумеется, — ответил Джо. — Это не подлежит ни малейшему сомнению: если для доказательства своей правоты тебе нужен эксперимент, значит, ты плохой философ и логик.

Гэллегер вновь прибег к казуистике:

— Первый уровень: человекообразное животное — размахивание кулаками. Второй уровень: человек — чистая логика. А как быть с третьим уровнем?

— С каким еще третьим уровнем?

— Мир познаваем. Но только для человека, а ты не человек. Твое божество не антропоморфно. Итак, три уровня: животное, человек и то, что мы для удобства назовем сверхчеловеком, хотя ему вовсе не обязательно иметь с человеком что-то общее. Мы всегда приписывали теоретическому сверхсуществу божественные черты. Пусть это существо третьего уровня называется Джо.

— Резонно, — заметил Джо.

— В данной ситуации две основные логические концепции не находят применения. Мир познаваем для чистого разума, но вместе с тем и для опыта, соединенного с разумом. Но такие концепции второго уровня настолько же элементарны для Джо, насколько идеи Платона для Бэкона. — Гэллегер скрестил пальцы за спиной. — Возникает вопрос: что означают для Джо операции третьего уровня?

— Божественность? — предположил робот.

— Не забывай, что у тебя есть дополнительные чувства. Ты можешь сенсировать, что бы это ни значило. Нужны ли тебе еще традиционные логические методы? Скажем...

— Да,— признался Джо,— я сенсирую. А еще могу когитовать. Гм-м...

Гэллегер вдруг вскочил с дивана:

— Ну и дурень же я! «Выпей меня» — вот он ответ. Заткнись, Джо, иди в угол и сенсируй себе на здоровье.

— Но я сейчас когитую.

— Тогда когитуй. Меня наконец-то осенило. Когда я вчера проснулся, то думал о бутылке с надписью «Выпей меня». Алиса, когда выпила бутылочку, уменьшилась, верно? Та-ак... где у меня энциклопедия? Жаль, что я так слаб в технике. Вазоконстриктор... гомеостатический...— о, есть! — демонстрирует механизм метаболизма, регулирующего вегетативную нервную систему. Метаболизм. Интересно...

Гэллегер направился к лабораторному столу и осмотрел все бутылки.

— Жизнь — вот сущность всего, а все прочее лишь ее проявления. Я должен был решить некую проблему для фирмы «Надпочечники Лимитед». Здесь были Джонас Хардинг и дедушка. Хардинг дал мне час на выполнение своего заказа. Вопрос заключался... в создании опасного и вместе с тем безвредного животного. Парадокс. Нет, не то. Клиенты Хардинга хотели переживать волнующее приключение и одновременно оставаться в безопасности. Лабораторных животных у меня нет... Джо!

— Ну, что еще?

— Смотри,— сказал Гэллегер, налил в стакан выпивку и смотрел, как она исчезает.— Что случилось с выпивкой?

— Ее выпила маленькая коричневая зверушка.

— А случайно, это не мой дед?

— Он самый,— ответил Джо.

Гэллегер виртуозно выругался:

— Что же ты мне сразу не сказал, ты...

— Я ответил на твой вопрос,— откликнулся робот.— Дедушка ведь смуглый, верно? И он, несомненно, животное.

— Но почему маленькое? Я думал, это будет существо размером с кролика.

— Единственным критерием оценки является сравнение с размерами данного вида. В сравнении со средним человеческим ростом дедушка мал. Вот и получается маленькая коричневая зверушка.

— Итак, это дед,— повторил Гэллегер, возвращаясь к лабораторному столу.— Просто его переключили на большую скорость. Ускоренный обмен веществ. Адреналин... Гм-м... Теперь, когда я знаю, что искать, возможно...

Он умолк. Уже темнело, когда он влил в стакан содержимое небольшой пробирки, добавил туда порцию виски и подождал, пока смесь исчезнет.

Вскоре что-то замелькало то в одном, то в другом углу комнаты, начало постепенно материализоваться и наконец превратилось в дедушку. Дед стоял перед Гэллегером, трясясь как студень, по мере того как проходило действие ускоряющего средства.

— Как дела, дедуля? — успокаивающе спросил Гэллегер.

Лицо старика выражало ярость, впервые в жизни он был пьян. Гэллегер с безграничным удивлением таращился на него.

— Я возвращаюсь в Мэйн,— заплакал дед и рухнул навзничь.

— Никогда я не видел столько рохлей одновременно,— сказал он, пожирая жаркое.— Боже, как я голоден. В следующий раз хорошенько подумаю, прежде чем дам сделать себе укол. Сколько месяцев я был в этом состоянии?

— Два дня,— ответил Гэллегер, старательно перемешивая микстуру.— Это было средство, ускоряющее обмен веществ. Ты просто жил быстрее, вот и все.

— Вот и все! Да я вообще не мог есть! Все было для меня слишком твердым. Единственное, что мне подходило, это алкоголь.

— Да?

— Я не мог кусать, даже искусственными зубами. А виски имело такой вкус, словно его раскалили докрасна. Жаркое вроде этого было просто исключено.

— Ты просто жил быстрее.— Гэллегер посмотрел на робота, продолжавшего молча когитовать в углу.— Э-э... минуточку. Противоположностью ускорению является замедление... Дед, а где Джонас Хардинг?

— Вон он,— ответил старик, указывая на голубоглазый негенератор и тем самым подтверждая подозрение Гэллегера.

— Витаплазма. Да, именно так. Потому мне и прислали столько витаплазмы.— Гэллегер осмотрел гладкую поверхность мнимого генератора, попытался сделать подкожную инъекцию, но не сумел воткнуть иглу. Тогда он капнул немного вещества, полученного от смешивания содержимого различных бутылок, на кожу существа. Помогло. Он ввел в это место иглу шприца и с удовольствием смотрел, как меняется цвет кожи, а все создание становится светлым и пластичным.— Витаплазма! — торжествовал он.— Обычные искусственные белковые клетки. Ничего удивительного, что оно казалось таким твердым. Я применил формулу замедления, перейдя к молекулярному гомеостазису. Существо с таким медленным обменом веществ должно казаться твердым как железо.— Он принялся собирать руками протоплазму и вкладывать в контейнер. Вокруг голубых глаз начал формироваться череп, помалу обретали форму широкие плечи, торс...

Вскоре на полу сидел неподвижный, как статуя, Джонас Хардинг.

Его сердце не билось, он не дышал. Заменитель поддерживал его в состоянии нерушимой инертности.

Впрочем, не такой уж нерушимой. Гэллегер, уже взявшийся за шприц, остановился и посмотрел сначала на Джо, потом на деда.

— А собственно, зачем я это сделал? — спросил он и тут же ответил: — Ограниченное время. Хардинг дал мне час на решение его проблемы. А время — штука относительная, особенно при таком медленном обмене веществ. Я сделал Хардингу укол замедлителя, чтобы он не ощущал

течения времени. Ну-ка, посмотрим.— Гэллегер капнул чем-то на непроницаемую кожу Хардинга и смотрел, как это место смягчается и меняет цвет.— Гм-м... Заморозив Хардинга, я мог бы работать неделями, а проснувшись, он решил бы, что прошло совсем немного времени. Но зачем мне понадобилась витаплазма?

Дедушка осушил стакан пива.

— В пьяном виде ты сам не знаешь, что творишь,— сказал он и потянулся за очередной порцией жаркого.

— Это точно. Но Гэллегер Бис, по крайней мере, логичен. Его логика безумна, но она все-таки остается логичной. Так, подумаем. Я впрыснул Хардингу замедляющую микстуру, и он стал твердым и неподвижным. Не мог же я оставить его в таком виде, правильно? Все решили бы, что у меня в лаборатории труп.

— Значит, он не мертвый? — спросил дедушка.

— Боже сохрани! Он просто замедлен. Понял! Таким образом я замаскировал его тело. Заказал витаплазму, облепил ею Хардинга, а потом впрыснул ему замедлитель, который так действует на живую клеточную ткань, что она становится непроницаема и неподвижна.

— Совсем сбрендил! — сказал дед.

— Да, я безумен,— признался Гэллегер.— По крайней мере, таков Гэллегер Бис. И подумать только, ведь я оставил ему открытыми глаза, чтобы не забыть, когда протрезвею, кто скрывается подо всем этим. Для чего я, собственно, сделал магнитофон? Логика Гэллегера Бис еще фантастичнее логики Джо.

— Не мешай мне,— отмахнулся Джо.— Я все еще когитую.

Гэллегер вонзил иглу в вену Хардинга и ввел ему ускоряющее средство. Вскоре Джонас Хардинг шевельнулся, заморгал своими голубыми глазами и поднялся с пола.

— Вы мне что-то кольнули? — спросил он, растирая руку.

— У вас был обморок,— ответил Гэллегер, внимательно глядя на него.— Что касается вашей проблемы...

Хардинг придвинул стул и сел, зевая.

— Вы ее решили?

— Вы дали мне на это час.

— Действительно.— Хардинг посмотрел на часы.— Стоят. Итак?

— Как вы считаете, сколько прошло времени с вашего прихода ко мне?

— Полчаса? — предположил Хардинг.

— Два месяца,— буркнул старик.

— Оба вы правы,— заметил Гэллегер.— Я могу назвать третий срок — и тоже буду прав.

Хардинг явно решил, что Гэллегер все еще пьян, и продолжал гнуть свое:

— Ну так что с животным, которое нам нужно? У вас есть еще полчаса...

— Они мне не нужны,— ответил Гэллегер, в мозг которого вдруг вспыхнул яркий свет.— Ответ уже готов. Но не совсем такой, какого вы ждете.— Он удобно вытянулся на диване и задумчиво посмотрел на алкогольный орган. Сейчас, когда он снова мог пить, Гэллегер сознательно оттягивал упоительный момент.— Я не встречал вина прекраснее жадны,— заметил он.

— А, болтовня все это! — бросил дед.

— Клиенты «Надпочечников Лимитед» хотят охотиться, а поскольку им требуются сильные ощущения, животные должны быть опасны. Это кажется парадоксальным, но только на первый взгляд. Проблема состоит не в животном, а в охотнике.

Хардинг недоуменно уставился на него:

— То есть?

— Тигры. Кроважадные людоеды. Львы. Ягуары. Африканские буйволы. Самые злобные и хищные животные. Вот частичный ответ на ваш вопрос.

— Минуточку,— сказал Хардинг.— Я вижу, вы меня неправильно поняли. Наши клиенты не тигры. Мы поставляем не людей зверям, а наоборот.

— Понадобится еще несколько опытов,— продолжал Гэллегер,— но основное уже ясно. Ускоритель. Замаскированный ускоритель обмена веществ с адреналином в качестве катализатора. Примерно так...

И Гэллегер в ярких красках представил свою идею.

Вооруженный ружьем клиент пробирается сквозь искусственные джунгли в поисках дичи. Он заплатил фирме некую сумму и получил внутривенный укол ускорителя. Эта субстанция уже включилась в его кровообращение, но пока не дает никакого эффекта — дожидается катализатора.

Из зарослей выскакивает тигр и, оскалив клыки, бросается на клиента. Когда он почти касается когтями человека, надпочечная железа впрыскивает в кровь дозу концентрированного адреналина.

Это и есть катализатор, приводящий ускоритель в действие. Клиент обретает невероятную скорость. Он уклоняется от лап тигра, внезапно застывшего в прыжке, и расправляется с ним раньше, чем перестанет действовать ускоритель. А когда это происходит, возвращается в фирму «Надпочечники и т.д.», где может получить очередной укол.

Все очень просто.

— Десять тысяч кредитов, — радостно произнес Гэллегер, пересчитывая деньги. — Остальное получу, как только решу вопрос с катализатором. Но это уже мелочи, любой химик справится. Однако меня забавляет перспектива встречи Хардинга с Мердоком Маккензи. Когда они сравнят время, может получиться потеха.

— Я бы выпил, — сообщил дед. — Где у тебя бутылка?

— Пожалуй, я даже смог бы доказать в суде, что решение проблемы заняло у меня не больше часа. Разумеется, часа Хардинга, но, в конце концов, время относительно. Энтропия, метаболизм — какая прекрасная дискуссия могла бы из этого выйти! Но не выйдет. Потому что это я знаю формулу ускорителя, а не Хардинг. Он заплатит остальные сорок тысяч, а вот Маккензи не получит ничего. В конце концов, я даю фирме «Надпочечники Лимитед» то, что определит ее успех и в чем они так нуждаются.

— Как бы то ни было, я возвращаюсь в Мэйн, — заявил дед, довольный собой. — Разве что ты дашь мне бутылку.

— Так пойди и купи. — Гэллегер бросил старику несколько кредитов. — Купи парочку. Посмотрим, что нового придумали виноделы... Нет, я не пьян. Но вскоре буду.

Гэллегер сунул мундштук органа в рот и принялся играть на клавиатуре алкогольные арпеджио. Дед вышел, скептически улыбаясь: не верил он всем этим новомодным штукам.

В лаборатории воцарилась тишина. «Тарахтелка» и «Чудовище» — два генератора — стояли и молчали. Ни у одного из них не было голубых глаз. Гэллегер экспериментировал с коктейлями и чувствовал, как его душу потихоньку наполняет приятное тепло.

Джо вышел из угла, остановился перед зеркалом и залюбовался своими шестеренками.

— Ты закончил когитовать? — с иронией спросил Гэллегер.

— Да.

— Разумное существо, ничего не скажешь. Ох, уж эта твоя философия! Ну что ж, дружок, в конце концов оказалось, что я прекрасно обхожусь без твоей помощи. Проваливай.

— Ты неблагодарен, — сказал Джо. — Но выводы из моей суперлогики ты все же сделал.

— Из твоей... чего? Шестеренки у тебя заело, что ли? Из какой еще суперлогики?

— Третьего уровня, конечно. Мы говорили об этом недавно, потому я и когитовал. Не думаешь же ты, что решил проблему своим слабеньким мозгом, запертым в непрозрачном черепе?

Гэллегер резко сел.

— О чем ты болтаешь? Логика третьего уровня? Но ведь ты не...

— Тебе не понять. Это более сложно, чем «ноумен» Канта, который можно постичь только мысленно. Чтобы это понять, ты должен уметь когитовать, но... Что ж, собственно, это и есть третий уровень. Это... сейчас, сейчас... демонстрация природы вещей, исходя из того, что они происходят не сами по себе.

— Эксперимент?

— Нет, когитация. Я перевожу все вещи из материальной сферы в область чистой мысли и только тогда делаю логические выводы.

— Но... минуточку. Ведь кое-что произошло! Я понял, что случилось с дедушкой и Хардингом, и разработал ускоряющее средство...

— Это тебе только кажется,— сказал Джо.— Я просто когитовал, а это процесс суперинтеллектуальный. Когда же я закончил, события просто не могли не произойти. Но надеюсь, ты не думаешь, будто они происходили сами по себе?

— Так что же это за когитация такая?

— Этого ты никогда не узнаешь.

— Но... но ведь ты уверяешь, будто явился первопричиной... нет, это волюнтаризм или... логика третьего уровня? — Гэллегер вновь опустился на диван, вглядываясь в робота.— Кем это ты себя вообразил? *Deus ex machina*?¹

Джо взглянул на узор шестеренок, заполняющих его грудную клетку.

— А кем же еще? — важно спросил он.

¹ Бог из машины (*лат.*). Традиционно этот термин употребляется для обозначения развязки вследствие вмешательства непредвиденного обстоятельства. В античной трагедии развязка иногда наступала благодаря вмешательству какого-либо бога, появившегося на сцене при помощи скрытого механического приспособления.

ГЭЛЛЕГЕР БИС

Протирая затуманенные глаза, Гэллегер смотрел туда, где должен был находиться его двор, но вместо него видел невероятную дыру в земле. Дыра была большая. И глубокая. Достаточно глубокая, чтобы вместить в себя гигантское похмелье Гэллегера.

Гэллегер прикинул, не стоит ли посмотреть на календарь, но тут же решил, что лучше не надо. У него было такое чувство, что с начала попойки прошло несколько тысяч лет. Даже для человека с его практикой и возможностями выдул он много.

— Выдул,— пожаловался Гэллегер, доковыляв до дивана, на который тут же и повалился.— Лучше уж говорить «выхлестал», в этом слове больше экспрессии. Слово «выдул» напоминает мне духовой оркестр и автомобильные клаксоны, к тому же ревушие во всю мочь.— Слабой рукой он потянулся к алкогольному органу, но заколебался и решил сперва проконсультироваться со своим желудком.

Г э л л е г е р. Можно капельку?

Ж е л у д о к. Боже упаси!

Г. Наперсточек...

Ж. О-о-о!

Г. Но я должен выпить. У меня украли двор!

Ж. Жалко, что меня у тебя не украли.

В этот момент открылась дверь и на пороге появился робот, его колесики, шестеренки и прочие детальки быстро кружились под прозрачным корпусом. Гэллегер взглянул на него и тут же зажмурился, обливаясь холодным потом.

— Убирайся! — рявкнул он. — Будь проклят день, когда я тебя сделал. Твои крутящиеся кишки доведут меня до безумия.

— Ты лишен чувства прекрасного, — оскорбился робот. — На вот, я принес тебе пива.

— Гм-м... — Гэллегер взял из руки робота пластиколбу и жадно приник к ней. Холодный напиток с мятным вкусом приятно освежил горло. — А-ах! — вздохнул он, садясь. — Немного лучше. Совсем немного...

— Может, сделать тебе укол тиамина?

— У меня от него уже аллергия, — мрачно ответил Гэллегер. — Я одержим демоном жажды. — Он посмотрел на орган. — Может...

— К тебе какой-то полицейский.

— Какой-то... кто?

— Полицейский. Он ждет уже довольно долго.

— Да? — сказал Гэллегер и посмотрел в угол возле открытого окна. — А это что?

Штуковина походила на машину. Гэллегер разглядывал ее с интересом, с удивлением и с некоторым остоленением. Не было никаких сомнений — он сам построил этот чертов ящик. Сумасшедший изобретатель Гэллегер именно так и работал. У него не было никакого технического образования, но по воле случая его подсознание было наделено истинной гениальностью. В трезвом виде Гэллегер был совершенно нормальным, хоть и несколько сумасбродным, но когда на просцениум выходило его демоническое подсознание, могло произойти все, что угодно. Именно в пьяном угаре он сделал этого робота, а потом несколько дней пытался определить, для чего тот должен служить. Как выяснилось, он был почти бесполезен, но Гэллегер оставил робота у себя, несмотря на то, что тот обладал мерзкой привычкой: все время торчал перед зеркалом, с гордостью

и самодовольством разглядывая свои металлические внутренности.

«Снова здорово», — подумал Гэллегер, а вслух произнес: — Еще пива. И побыстрее.

Когда робот вышел, Гэллегер стащил свое худое тело с дивана, подошел к машине и с любопытством осмотрел ее. Машина не была включена. В открытое окно уходили какие-то светлые гибкие провода толщиной в палец, они неподвижно висели над краем ямы, там, где должен был находиться его двор. Заканчивались они... Гм-м! Гэллегер втащил в комнату один провод и внимательно осмотрел его. Заканчивался он металлическим соплом и был полым. Странно.

Машина была метра два длиной и более всего походила на кучу металлолома. Во хмелю Гэллегер отличался склонностью к импровизации и, если не мог найти подходящего провода, хватал то, что попадалось под руку, будь то пряжа или вешалка для одежды. Это означало, что качественный анализ вновь созданной машины был нелегким делом. Что, например, означала эта нейлоновая утка, обмотанная проводами и сидящая на старой вафельнице?

— На этот раз, кажется, пронесло, — рассуждал Гэллегер. — Похоже, я ни во что не вляпался, как обычно. Ну, где там пиво?!

Робот торчал перед зеркалом, зачарованно разглядывая собственное нутро.

— Пиво? А, вот оно. Я на минутку остановился, чтобы взглянуть на себя.

Гэллегер наградил робота крепким ругательством, но банку взял. Он продолжал разглядывать стоявшее под окном устройство, его лошадиное лицо с торчащими скулами кривила гримаса изумления. Интересно, что она умеет делать?.. Из большой камеры — бывшего помойного ведра — выходили тонкие трубки. Ведро было сейчас плотно закрыто, и лишь зигзагообразный провод соединял его с небольшим генератором или чем-то в этом роде. «Нет, — подумал Гэллегер, — генераторы должны быть больше. Как жалко, что у меня нет технического образования. Как же все это расшифровать?»

В машине было еще много всего, например серая металлическая шкатулка. Гэллегер попытался вычислить ее объем в кубометрах и получил сто, что, конечно, было ошибкой, поскольку каждая сторона шкатулки была не более десяти сантиметров.

Крышка шкатулки была закрыта. Гэллегер временно отложил эту проблему и занялся дальнейшим осмотром. Загадочных устройств оказалось довольно много, а под конец он заметил диск сантиметров десять диаметром и с канавкой по ребру.

— И все-таки, что она делает? Эй, Нарцисс!

— Меня зовут не Нарцисс,— обиженно ответил робот.

— У меня голова болит от одного взгляда на тебя, а ты еще хочешь, чтобы я помнил твое имя,— рывкнул Гэллегер.— Кстати, у машин и не должно быть имен. Ну-ка, иди сюда.

— Слушаю...

— Что это такое?

— Машина,— ответил робот,— но ей далеко до моей красоты.

— Надеюсь, она полезнее тебя. Что она, по-твоему, делает?

— Глотает землю.

— Ага. И потому на дворе дырка.

— Двора-то нет,— напомнил ему робот.

— Есть.

— Двор,— заявил робот, не совсем точно цитируя Томаса Вулфа,— это не только двор, но также и отрицание двора. Это встреча в пространстве двора и в пространстве его отсутствия. Двор — это конечное количество грязной земли, это факт, детерминированный отрицанием себя.

— Ты сам-то понял, что намолол? — спросил Гэллегер, желая и сам это узнать.

— Да.

— Отлично. Ну, хватит болтать о грязи. Я хочу знать, зачем я сделал эту машину.

— Вопрос не по адресу. Ты меня выключил на много дней и даже недель.

— Да, помню. Ты торчал перед зеркалом и не давал мне побриться.

— Это был вопрос артистической интегральности. Плоскости моего функционального лица гораздо конкретнее и экспрессивнее твоих.

— Слушай, Нарцисс,— сказал Гэллегер, стараясь держать себя в руках,— я пытаюсь узнать хоть что-нибудь. Могут понять это плоскости твоего хренова функционального мозга?

— Разумеется,— холодно ответил Нарцисс.— Я ничем не могу тебе помочь. Ты включил меня только сегодня утром, перед тем как заснуть пьяным сном. Машина была уже закончена, но не включена. Я прибрал дом и принес тебе пиво, когда ты проснулся, как всегда, с похмелья.

— Ну так заткнись и принеси мне еще.

— А что с полицейским?

— О-о, совсем забыл. Гм-м... Пожалуй, лучше поговорить с этим типом.

Нарцисс тихо вышел, а Гэллегер подошел к окну и еще раз взглянул на невероятную дыру. Почему? Откуда? Он попытался вспомнить, разумеется без толку. Его подсознание, конечно, знало ответ, но надежно хранило его. Ясно было, что он не сделал бы эту машину без важной причины. Впрочем, так ли? Его подсознание обладало собственной логикой, причем довольно своеобразной и запутанной. Нарцисс, например, был всего лишь консервным ножом.

Робот вернулся. Следом за ним в комнату вошел мускулистый молодой человек в хорошо скроенном мундире.

— Мистер Гэллегер? — спросил он.

— Да.

— Мистер Гэллоуэй Гэллегер?

— И снова я вынужден ответить утвердительно. Чем могу служить?

— Вы можете принять эту повестку в суд,— ответил фараон и вручил Гэллегеру сложенный вдвое листок бумаги.

Запутанная юридическая фразеология мало что сообщила Гэллегеру.

— А кто такой этот Делл Хоппер? — спросил он. — Я никогда о нем не слышал.

— Это уже не мое дело, — буркнул полицейский. — Повестку я доставил, и на этом моя роль кончается.

Он вышел, оставив Гэллегера таращиться на бумагу.

Высмотрел он в ней не много.

Наконец, не придумав ничего лучшего, он переговорил по видеофону с адвокатом, соединился с картотекой юристов и узнал, что юрисконсульт Хоппера является некий Тренч, шишка из Законодательного собрания. Тренч располагал взводом секретарш для ответов на звонки, но с помощью угроз, уговоров и прямой лжи Гэллегеру удалось связаться с самим шефом.

На экране появился седой, худой и засушенный человек с коротко подстриженными усами. Голос у него был пронзительный, как полицейская сирена.

— В чем дело, мистер Гэллегер?

— Видите ли, — начал изобретатель, — мне только что принесли повестку...

— Значит, она уже у вас? Прекрасно.

— Что значит «прекрасно»? Я понятия не имею, в чем дело.

— Да ну? — притворно изумился Тренч. — Попробую освежить вашу память. У моего клиента мягкое сердце, и он решил не обвинять вас в обмане, угрозе применения силы, нападении и избиении. Он просто хочет вернуть свои деньги или получить то, что ему причитается.

Гэллегер закрыл глаза.

— Он х-хочет? А я... гм-м... я его оскорбил?

— Вы назвали его, — сказал Тренч, заглянув в толстый блокнот, — тараканом на утиных ногах, вонючим неандертальцем и грязной коровой. Кроме того, вы его пнули.

— Когда это было? — прошептал Гэллегер.

— Три дня назад.

— Гм-м... вы что-то говорили о деньгах?

— Тысяча кредитов аванса, которые он вам уплатил.

— В счет чего?

— В счет заказа, который вы должны были выполнить. Детали мне не сообщили. Я знаю лишь, что вы не только не выполнили заказ, но и отказались вернуть деньги.

— Ой-ей-ей! А кто такой этот Хоппер?

— Делл Хоппер, владелец «Хоппер Энтерпрайсиз». Но вам, конечно, все это известно. Встретимся в суде, мистер Гэллегер. А сейчас извините, я занят. Я сегодня выступаю обвинителем по некоему делу и надеюсь, что подсудимый получит изрядный срок.

— А что он натворил? — слабым голосом спросил Гэллегер.

— Обычное дело о нападении и побоях,— ответил Тренч.— До свидания.

Когда лицо адвоката исчезло с экрана, Гэллегер схватился за голову и потребовал пива. Потягивая пиво из пластиколбы со встроенным охладителем, он просмотрел корреспонденцию. Ничего. Никаких следов.

Тысяча кредитов... он не помнил, как получал их. Может, что-то найдется в приходной книге...

И верно, нашлось. Под разными датами двухнедельной давности значилось:

Получ. Д. Х.— зак.— ав.— 1000 к.

Получ. Дж. У.— зак.— ав.— 1500 к.

Получ. Толстячок — зак.— ав.— 800 к.

Три тысячи триста кредитов! А на счету — ни следа этой суммы. Там нашлась только запись о выплате семисот кредитов, после чего на счету осталось еще всего пятнадцать. Гэллегер застонал и вновь обыскал стол. Под пресс-папье оказался конверт, а в нем — акции, как обычные, так и привилегированные, какой-то фирмы под названием «Любые задания». Сопроводительное письмо подтверждало получение четырех тысяч кредитов, на какую сумму мистеру Гэллоуэю Гэллегеру и были отправлены акции, согласно заявке...

— Проклятье,— пробормотал Гэллегер.

Он продолжал сосать пиво. В голове был полный кавардак. Неприятности надвигались сразу с трех сторон. Делл

Хоппер заплатил ему тысячу кредитов, чтобы он что-то там сделал. Кто-то с инициалами Дж. У. заплатил за то же самое полторы тысячи. А скряга Толстячок дал всего во-семьсот кредитов аванса.

За что?

Только безумное подсознание Гэллегера могло ответить на этот вопрос. Это оно, проклятое, заключило договоры, собрало деньги, опустошило банковский счет Гэллегера, практически ликвидировав его, и на кой-то черт купило акции фирмы «Любые задания». Ха-ха!

Гэллегер вновь уселся перед видеофоном и связался со своим маклером.

— Эрни?

— Привет, Гэллегер,— сказал Эрни, глядя в камеру над столом.— Что случилось?

— Слушай, я в последнее время покупал какие-то акции?

— Конечно. «Любые задания».

— Ну, так я хочу их продать. Мне нужны деньги, причем быстро.

— Подожди минутку.— Эрни нажал несколько кнопок. На стене-экране высветился текущий курс акций.

— Ну и как?

— Ничего не выйдет. Падают, как в бездонный колодец. Прсят четыре, а дают вообще нисколько.

— А я за сколько купил?

— За двадцать.

Гэллегер взвыл, как подстреленный волк.

— Двадцать?! И ты мне позволил?

— Я пытался тебя переубедить,— устало произнес Эрни.— Говорил, что эти акции падают. Есть у них какая-то закорючина в строительном контракте, не знаю точно какая. Но ты сказал, что у тебя точные сведения. Что мне было делать?

— Бить меня по голове, пока не поумнею,— сказал Гэллегер.— Ну да ладно, и так уж слишком поздно. Есть у меня еще какие-нибудь акции?

— Сто штук «Марсианской Бонанзы».

— Сколько дают?

— За все кредитов двадцать пять.

— Ясненько. Ну, пока, старина.— И Гэллегер отключился.

Почему, за каким чертом он купил эти акции?

Что он наобещал Деллу Хопперу, владельцу «Хоппер Энтерпрайсиз»?

Кто такие Дж. У. (тысяча пятьсот кредитов) и Толстячок (восемьсот кредитов)?

Почему вместо двора на дворе дыра?

Что это за машину построило его подсознание и зачем?

Он нажал кнопку информации на видеофоне и крутил диск до тех пор, пока не нашел номер «Хоппер Энтерпрайсиз». Гэллегер набрал его:

— Я хочу поговорить с мистером Хоппером.

— Ваша фамилия?

— Гэллегер.

— Пожалуйста, обратитесь к нашему юрисконсульту, мистеру Тренчу.

— Я уже говорил с ним,— сказал Гэллегер.— Послушайте...

— Мистер Хоппер занят.

— Передайте ему,— поспешно бросил Гэллегер,— что я выполнил заказ.

Это подействовало. На экране появился Хоппер — настоящий буйвол с гривой седых волос, черными как уголь глазами и носом, похожим на птичий клюв. Нацелясь выступающим подбородком в экран, он рявкнул:

— Гэллегер?! Еще бы немного, и я...— Он вдруг сменил тон.— Ты говорил с Тренчем, да? Я знал, что это поможет. Знаешь, что я за пару пустяков могу тебя посадить?

— Ну, может быть...

— Никаких «может быть»! Ты думаешь, я лично хожу ко всем полудуркам изобретателям, которые что-то для меня делают? Если бы мне не прожужжали уши, что ты, мол, лучший в этом деле, ты бы давно уже сидел!

«Изобретатель»?

— Дело в том,— осторожно начал Гэллегер,— что я был болен...

— Брехня! — отмахнулся Хоппер.— Ты был пьян хуже свиньи. А я не плачу за пьянство. Может, ты забыл, что эта тысяча только аванс, а будет еще девять?

— Э-э... нет. Гм-м... девять тысяч?

— Плюс премия за быстрое выполнение заказа. Ты еще можешь ее получить. Прошло всего две недели, ты очень вовремя вышел из запоя. Я уже присмотрел несколько заводов, а мои люди ищут по всей стране хорошие зрительные залы. Это годится для небольших аппаратов, Гэллегер? Постоянный доход будет от них, а не от крупных залов.

— Гр-р-р-м-м-ф-ф-ф,— поперхнулся Гэллегер.— Но...

— Это у тебя? Я уже еду посмотреть.

— Подождите! Я бы хотел еще кое-что дополнить...

— Мне нужна только идея,— сказал Хоппер.— Если она хороша, все остальное — мелочи. Я позвоню Тренчу, пусть отзовет иск. Сейчас приеду.

И он выключил связь.

Гэллегер взревел, требуя еще пива.

— И бритву,— добавил он, когда Нарцисс выходил из комнаты.— Хочу перерезать себе горло.

— Это еще зачем? — спросил робот.

— Чтобы развлечь тебя, зачем же еще? Давай, наконец, пиво!

Нарцисс принес банку.

— Не понимаю, что тебя так беспокоит,— заметил он.— Не лучше ли забыться в экстазе, созерцая мою красоту.

— Бритва лучше,— угрюмо ответил Гэллегер.— Гораздо лучше. У меня трое клиентов, из которых двоих я вообще не помню, и все заказали у меня что-то, чего я тоже не помню. Ха!

Нарцисс задумался.

— Попробуй индуктивный метод,— предложил он.— Эта машина...

— Ну, что «эта машина»?

— Когда ты получаешь заказ, то обычно напиваешься до такого состояния, в котором твое подсознание одерживает верх над сознанием и само делает все, что нужно. А

потом ты трезвеешь. Вероятно, и сейчас было то же самое. Ты сделал машину или нет?

— Ну, сделал,— согласился Гэллегер.— Только для кого? Я даже не знаю, на что она.

— Ты можешь включить ее и проверить.

— Верно... Что-то я поглупел сегодня.

— Ты всегда глупый,— убежденно сказал Нарцисс.— И уродливый. Чем дольше я созерцаю свою красоту, тем большую жалость испытываю к людям.

— Заткнись! — рявкнул Гэллегер, но тут же успокоился, понимая, что спорить с роботом бессмысленно.

Подойдя к таинственной машине, он еще раз оглядел ее. Никаких новых идей не возникло.

У машины был переключатель, который Гэллегер и переключил. Зазвучала песенка о больнице Святого Джекоба: «...я увидел свою дражайшую на мраморном столе...»

— Все ясно,— сказал Гэллегер, снова накаляясь.— Кто-то заказал мне граммофон.

— Минуточку.— Нарцисс вытянул руку.— Выгляни в окно.

— Ну, и что там?

Гэллегер перегнулся через подоконник, да так и застыл. Ничего подобного он не ожидал. Пучок трубок, отходящих от машины, оказался невероятно эластичным. Трубки вытянулись до самого дна ямы, метров на десять, и двигались, как пылесосы на лугу. Они мелькали с такой скоростью, что Гэллегер видел лишь смазанные контуры. Выглядело это так, словно Медуза Горгона, страдающая пляской святого Витта, заразила ею своих змей.

— Смотри, как носятся,— задумчиво сказал Нарцисс, всей своей тяжестью налегая на Гэллегера.— Вот потому и дыра. Они пожирают землю.

— Верно,— согласился конструктор, отодвигаясь от робота.— Вот только зачем? Земля... гм-м. Сырье.— Он взглянул на машину, которая как раз выводила: «...есть ли где-нибудь на свете другой такой жеребец...» — Собранный земля попадает в бывшее помойное ведро,— рассуждал Гэллегер, внимательно глядя на машину.— А что потом? Бомбардировка электронами? Протоны, нейтро-

ны, позитроны... Жаль, не знаю, что это такое,— жалобно закончил он.

— Позитрон — это...

— Ничего не говори,— попросил Гэллегер.— Ни к чему мне лишние семантические трудности. Я хорошо знаю, что такое позитрон, только не увязываю этого с названием. Я постиг только его сущность, неизреченную, так сказать.

— Но можно выразить его протяженность,— заметил Нарцисс.

— Это не для меня. Как сказал Шалтай-Болтай, это еще вопрос, кто здесь хозяин. В моем случае это слова. От этих чертовых словечек у меня мурашки по коже бегают. Я просто не улавливаю их значения.

— Ну и глупо,— сказал робот.— «Позитрон» — слово с вполне ясным значением.

— Возможно, для тебя. А для меня в этом смысла не больше, чем в шайке парней с рыбьими хвостами и зелеными усами. Вот почему я никогда не мог понять, что творит мое подсознание. Приходится использовать символическую логику, а символы... В общем, заткнись! — потребовал вдруг Гэллегер.— Чего это ради я буду спорить с тобой о семантике?

— Ты сам начал,— сказал Нарцисс.

Гэллегер одарил робота неприязненным взглядом и вновь повернулся к загадочной машине, продолжавшей пожирать землю и петь о больнице Святого Джекоба.

— Интересно, почему она играет именно эту песню?

— Но ведь ты всегда поешь ее в пьяном виде, разве не так? Особенно в ванной.

— Мне это ничего не говорит,— буркнул Гэллегер и начал изучать машину.

Устройство работало гладко, быстро, выделяя большое количество тепла и слегка дымя. Гэллегер нашел отверстие для смазки, схватил старую масленку и капнул из нее. Дым исчез, а вместе с ним пропал слабый запах паленого.

— Из нее ничего не выходит,— сказал Гэллегер после долгой паузы.

— А там? — показал робот.

Гэллегер осмотрел быстро вращающийся диск с канавкой. Сразу за ним на гладкой поверхности трубки виднелось небольшое круглое отверстие. Однако не было заметно, чтобы из трубки что-то выходило.

— Передвинь выключатель,— сказал Гэллегер, и Нарцисс выполнил распоряжение. Отверстие закрылось — диск остановился. Тут же все прекратилось. Музыка стихла, щупальца, протянутые за окно, перестали мельтешить и сократились до своей прежней длины.

— Гм-м, конечного продукта явно нет,— отметил Гэллегер.— Машина пожирает землю и целиком усваивает ее. Это не имеет смысла.

— Не имеет смысла?

— Естественно. В земле присутствуют различные элементы: кислород, азот... Под Нью-Йорком есть гранит, значит, есть и алюминий, натрий, кремний... много всякого. Ни один вид физических или химических реакций не объясняет такого эффекта.

— Значит, машина должна что-то производить?

— Разумеется,— сказал Гэллегер.— Я был бы гораздо спокойнее, если бы она что-то производила. Хотя бы грязь.

— А музыка? — обратил его внимание Нарцисс.— Конечно, если этот вой можно назвать музыкой.

— Даже мое безумное воображение отвергает подобную чушь! — с жаром возразил конструктор.— Согласен, мое подсознание слегка повернуто, но оно логично, пусть и по-своему. Оно ни за что не построило бы машину для превращения земли в музыку, даже если бы это было возможно.

— Но она же превращает, разве нет?

— Ничего подобного! Интересно, что заказал мне Хоппер? Он все время болтал что-то о заводах и зрительных залах.

— Он сейчас сам будет,— сказал Нарцисс.— У него и спросишь.

Гэллегер не ответил. Он прикинул, не потребовать ли еще пива, но передумал и вместо этого сел к органу, чтобы смешать себе путную выпивку. Потом уселся на генераторе, носившем многозначительное название «Чудовище». Разо-

чарованный результатом, пересел на второй генератор, поменьше, по прозвищу «Тарахтелка».

Обычно Гэллегеру лучше думалось на «Тарахтелке».

Выпивка смазала его мозг, уже довольно плотно затянутый парами алкоголя. Машина без конечного продукта... земля, превращающаяся в ничто. Гм-м. Материя не может исчезать, как кролик в шляпе фокусника, она должна куда-то деваться. Превращаться в энергию?

Скорее всего, нет. Машина не производила энергии. Провода и штепсели доказывали, что для работы машине требовалось электричество.

Итак...

Что «итак»?

Попробуем с другой стороны. Подсознание Гэллегера — Гэллегер Бис — построило это устройство по какой-то логически объяснимой причине, усиленной поступлением трех тысяч кредитов. Эту сумму он получил от трех разных людей и должен был сделать, скорее всего, три разные вещи.

Которая из них подходила к этой машине?

Составим уравнение. Назовем А, В и С. Примем назначение машины — разумеется, не ее саму, за x . Тогда А, или В, или $C = x$.

Нет, не совсем. Символ А представляет не Делла Хоппера, а лишь то, что ему нужно, и не определяет назначение машины.

Или, может, то, что нужно таинственному Дж. У. или не менее таинственному Толстячку.

Хотя Толстячок был чуть менее таинственным. У Гэллегера имелась тут подсказка, впрочем, непонятно, стоящая ли чего-либо. Если Дж. У. — это В, в таком случае Толстячок будет С плюс жировая ткань. И что получим?

Жажду и шум в голове.

Гэллегер потребовал еще пива, оторвав Нарцисса от зеркала. Он постучал пятками по «Тарахтелке», скривился, прядь черных волос упала ему на глаза.

Тюрьма?

Нет, где-то должно быть другое решение. Например, акции «Любого задания». Зачем Гэллегер Бис купил их на четыре тысячи, если они падали?

Если бы он мог найти ответ на это, возможно, он бы ему помог. Гэллегер Бис не делал ничего просто так. А кстати, что за фирма эти «Любые задания»?

Он включил в видеофоне информатор Манхэттена. К счастью, «Любые задания» оказались корпорацией, зарегистрированной государством, и имели конторы на острове. На экране появилось трехмерное объявление:

ЛЮБЫЕ ЗАДАНИЯ
МЫ ДЕЛАЕМ ВСЕ
ВИД RED 4-1400-M

Итак, у него есть номер видеофона фирмы, это уже кое-что. Когда он начал набирать RED, в дверь позвонили. Нарцисс неохотно оторвался от зеркала и пошел открывать. Вернулся он в компании похожего на бизона мистера Хоппера.

— Прости за опоздание, — загремел Хоппер. — Мой шофер поехал на красный свет, и какой-то фараон нас остановил. Пришлось на него наорать.

— На шофера?

— На фараона, конечно. Ну и где оно у тебя?

Гэллегер облизнул зубы. Неужели Гэллегер Бис действительно пнул под зад этого огромного типа? Это была неприятная мысль.

Он указал на машину.

— Вот...

Оставалось надеяться, что именно Хоппер заказывал машину, которая пожирает землю.

Глаза Хоппера округлились от удивления. Он искоса глянул на Гэллегера, потом подошел к машине и осмотрел ее со всех сторон. Он выглянул в окно, но, видимо, яма не очень его заинтересовала. Наконец повернулся к Гэллегеру:

— Это она и есть? Совершенно новый принцип?

И снова никаких подсказок. Гэллегер выдавил слабую улыбку. Хоппер продолжал таращиться на него.

— Ладно,— сказал он.— И как ею пользоваться?

Гэллегер ухватился за соломинку.

— Лучше я вам покажу,— предложил он, подошел к окну и передвинул рычажок. Машина тут же запела «Больницу Святого Джекоба», щупальца удлиннились и начали пожирать землю. Дырка в трубке открылась, диск с канавкой закружился.

Хоппер ждал.

— Ну и что? — сказал он наконец.

— Вам не нравится?

— Откуда мне знать? Я даже не знаю, что она делает. Экрана нет?

— Разумеется, есть,— сказал Гэллегер, совершенно сбитый с толку.— Он в этом цилиндре.

— Где?! — Хоппер набычился.— В этом цилиндре?

— Угу.

— За...— Похоже было, что Хоппер сейчас задохнется.— За каким дьяволом он там? Ведь у человека нет рентгеновских глаз!

— А должны быть? — пробормотал Гэллегер, совершенно запугавшись.— Вы хотели экран для рентгеновских глаз?

— Ты все еще пьян! — рявкнул Хоппер.— Или совсем спятил.

— Подождите минутку. Может, я ошибся...

— Ошибся?!!

— Скажите мне только одно: что я должен был для вас сделать?

Хоппер трижды вдохнул и выдохнул.

— Я спросил тебя,— произнес он холодным, размеренным голосом,— можешь ли ты разработать метод проекции трехмерного изображения, которое будет видно под любым углом — спереди, сзади или сбоку — без искажения. Ты сказал, что сможешь, и я дал тебе тысячу кредитов аванса. Я уже присмотрел несколько фабрик, чтобы можно было сразу же начать производство, мои люди ищут подходящие зрительные залы, я планирую кампанию по продаже приставок к домашним телевизорам. А сейчас, мистер Гэллегер,

я пойду к своему юрисконсульту и скажу ему, чтобы он прижал тебя как следует.

И он вышел, фыркая, как разъяренный кот. Робот тихо прикрыл дверь, вернулся и, не дожидаясь приказа, отправился за пивом. Гэллегер остановил его.

— Мне нужно покрепче,— простонал он, смешивая себе выпивку.— Нарцисс, выключи эту чертову машину. У меня уже сил нет.

— Во всяком случае, кое-что ты узнал,— утешил его робот,— эту машину ты сделал не для Хоппера.

— Точно. Я сделал ее для... гм-м... или для для Дж. У., или для Толстячка. Еще бы узнать, кто они такие...

— Тебе нужно отдохнуть,— сказал робот.— Почему бы тебе не расслабиться, слушая мой пленительный, мелодичный голос? Я могу почитать тебе.

— Он не мелодичный,— ответил Гэллегер.— Скрипишь, как несмазанная дверь.

— Это для твоих ушей. А у меня другие чувства. Для меня твой голос звучит кваканьем жабы-астматички. Ты не можешь видеть меня, как я себя вижу, и точно так же не можешь меня слышать, как я себя слышу. Что ж, может, это и к лучшему. Ты бы упал в обморок от наслаждения.

— Нарцисс,— терпеливо произнес Гэллегер,— я пытаюсь сосредоточиться. Ты не мог бы заткнуться?

— Мое имя не Нарцисс,— ответил робот.— Меня зовут Джо.

— Значит, отныне у тебя другое имя. Давай-ка вспомним... Я проверял «Любые задания». Что это был за номер?

— RED 4-1400-M.

Гэллегер сел к видеофону. Секретарша, с которой он связался, рада была бы помочь ему, но не могла сообщить ничего важного.

«Любые задания» была акционерной компанией со связями по всему миру. Когда какой-нибудь клиент что-то ей заказывал, она через других своих клиентов связывалась с подходящей фирмой и заключала контракт. Суть была в том, что «Любые задания» финансировали эти операции и

получали коммиссионные. Это было довольно сложно, и Гэллегер ничего не понял.

— Скажите, в вашей картотеке есть моя фамилия?.. А можете вы сказать, кто такой Дж. У.?

— Дж. У.? Простите, но мне нужна полная фамилия...

— Мне она неизвестна. А дело важное.

Гэллегер долго упрасивал и наконец уговорил секретаршу. Единственным работником «Любых заданий», имеющим инициалы Дж. У., оказался некий Джексон Уордел, пребывающий сейчас на Каллисто.

— И давно он там?

— Он там родился,— ответила секретарша,— и никогда не бывал на Земле. Я уверена: мистер Уордел не может быть человеком, которого вы ищете.

Гэллегер согласился с нею. Спрашивать о Толстячке было бесполезно, и он с легким вздохом выключил видеофон. И что теперь?

Зазвонил видеофон, и на экране появился толстощекий лысеющий человек, он морщил лоб от напряжения. При виде конструктора он облегченно рассмеялся.

— Наконец-то, мистер Гэллегер,— сказал он.— Я уже час пытаюсь с вами связаться. Наверное, линия не в порядке. Боже мой, я думал, вы сами свяжетесь со мной!

Сердце Гэллегера радостно стукнуло. Толстячок... ну конечно!

Наконец-то колесо фортуны завертелось. Толстячок — восемьсот кредитов. Аванс. Но за что? За машину? Может, он сделал машину для Толстячка? Гэллегер молил судьбу, чтобы Толстячку требовалась машина, которая пожирает землю и поет «Больницу Святого Джекоба».

Изображение на экране затуманилось и замерцало.

— Что-то неладно на линии,— торопливо произнес Толстячок.— Мистер Гэллегер, вы нашли способ?

— Разумеется,— сказал Гэллегер. Если бы только он мог что-нибудь вытянуть из этого типа, хоть какое-то указание о сущности заказа...

— Чудесно! «Любые задания» подгоняют меня. Я тянул сколько мог, но ждать вечно они не будут. Кафф усиливает нажим, а я не могу обойти старый устав...

Экран погас.

В бессильной ярости Гэллегер едва не откусил себе язык. Он принялся быстро расхаживать по лаборатории. Толстячок позвонит еще раз, это несомненно. И тогда первым вопросом, который задаст ему Гэллегер, будет: «Кто вы такой?»

Время шло.

Гэллегер застонал и попытался сам связаться с Толстячком: попросил коммутатор проверить, с каким номером он говорил.

— Извините, сэр, но связь была не через коммутатор. Мы не можем установить, с кем вы говорили.

Десять минут спустя Гэллегер перестал ругаться, дернул шляпу с железной статуи собаки, некогда украшавшей газон, и направился к двери.

— Я ухожу,— бросил он Нарциссу.— Следи за этой машиной.

— Хорошо, но только одним глазом,— согласился робот.— Второй нужен мне для созерцания собственной красоты. Почему бы тебе не выяснить, кто такой Кафф?

— Кто?

— Кафф. Толстячок упомянул о нем. Сказал, что он усиливает нажим...

— Точно! О чем же он еще болтал? Что не может обойти старой заставы...

— Устава. То есть закона.

— Да знаю я, что такое устав! — рявкнул Гэллегер.— Не полный же я идиот... по крайней мере, пока. Ты говоришь, Кафф? Попробую воспользоваться информатором еще раз.

В списке оказалось шесть человек с этой фамилией. Учитывая пол, Гэллегер вычеркнул половину, затем исключил фирму «Кафф-Линкс Мэньюфэкчуринг Компани», и осталось двое: Макс и Фредерик. Соединившись с Фредериком, он увидел худого пучеглазого парнишку, явно не достигшего совершеннолетия. Гэллегер окинул его убий-

ственным взглядом и разъединился, оставив остолбеневшего Фредерика гадать, кто же это звонил.

Оставался еще Макс Кафф. Вероятно, он и был искомой персоной. Гэллегер убедился в этом, когда камердинер Макса Каффа переключил разговор на городскую контору, где секретарша сообщила, что мистер Кафф проводит время в клубе «Аплифт».

— Вот как? А кто такой этот Кафф?

— Я вас не понимаю.

— Ну, чем он занимается?

— Мистер Кафф ничем не занимается,— ледяным тоном сообщила девушка.— Мистер Кафф — муниципальный советник.

Это было интересно. Гэллегер поискал шляпу, нашел ее у себя на голове и попрощался с роботом, который даже не потрудился ответить.

— Если Толстячок позвонит еще раз,— сказал конструктор,— спроси, как его зовут. Понял? И следи за этой машиной — вдруг она захочет преобразиться или что-нибудь в этом роде.

Позабывшись обо всем, Гэллегер вышел из дома. Дул холодный осенний ветер, обрывая сухие листья с деревьев. Пролетело несколько воздушных аэротакси, но Гэллегер остановил наземное, желая знать, как они поедут. У него было смутное предчувствие, что звонок Макс Каффу даст ему не много. С таким типом нужно держать ухо востро, особенно если он может «усиливать нажим»...

— Куда едем?

— Клуб «Аплифт». Знаете, где это?

— Нет,— ответил водитель,— но сейчас узнаю.— Он нажал клавишу информатора на приборной доске.— В городе, но довольно далеко.

— Вот и хорошо,— сказал Гэллегер и откинулся на сиденье, погружившись в мрачные мысли.

Почему все клиенты были такими неуловимыми? Как правило, призраки не пользовались его услугами, однако Толстячок оставался лицом без фамилии, просто лицом, совершенно не знакомым Гэллегеру. А кто такой Дж. У., вообще неизвестно. Только Делл Хоппер обрел реальную

форму, и Гэллегер очень жалел об этом — повестка в суд лежала у него в кармане.

«Мне нужно выпить,— сказал сам себе Гэллегер.— Вот и все дела. Я давненько не был пьян. Во всяком случае, по моим меркам».

Через некоторое время такси остановилось у здания, которое когда-то было особняком из кирпича и стекла. Зброшенное, теперь оно выглядело довольно мрачно. Гэллегер вышел из машины, расплатился с водителем и подошел к дому. Небольшая вывеска извещала, что это и есть клуб «Аплифт». Поскольку звонка не было, Гэллегер просто открыл дверь и вошел.

И тут же ноздри его заходили ходуном, как у боевого коня, почуявшего запах пороха. Здесь пили. Ведомый инстинктом почтового голубя, Гэллегер направился прямо к бару, расположенному у стены зала, наполненного стульями, столами и людьми. Какой-то человек с печальным лицом и в шляпе играл в углу на электрическом бильярде. Когда Гэллегер подошел, печальный мужчина посмотрел на него и преградил путь.

— Ищешь кого-то? — буркнул он.

— Ага,— ответил Гэллегер.— Макса Каффа. Мне сказали, будто он здесь.

— Минуточку,— сказал печальный тип.— Что тебе от него нужно?

— Мне нужен Толстячок,— с ходу ляпнул Гэллегер.

Холодные глаза внимательно изучали его.

— Кто?

— Ты его не знаешь. Но Макс знает.

— Макс хочет тебя видеть?

— Конечно.

— Ну ладно,— с сомнением произнес печальный тип.— Макс в «Трех звездах», у него сегодня обход баров. Если он начнет...

— «Три звезды»? А где это?

— Брод-авеню, четырнадцать.

— Спасибо,— сказал Гэллегер и вышел, окинув бар тоскливым взглядом. Еще не время. Сначала дела — потом все прочее.

«Три звезды» оказались обычным притоном, где на стенах демонстрировали веселые фильмы. Были они стереоскопическими и довольно гнусными. Задумчиво посмотрев на экран, Гэллегер обвел взглядом гостей. Их было немного. Внимание его привлек сидящий у одного конца бара мощный тип с гарденией в бутоньерке и крикливым бриллиантом на пальце. Гэллегер подошел к нему:

— Мистер Кафф?

— Да,— ответил мужчина, поворачиваясь на стуле, как Юпитер вокруг своей оси. Слегка покачиваясь, он устался на Гэллегера.— А ты кто такой?

— Я...

— Впрочем, не важно,— подмигнул Кафф.— Никогда после работы не говори, как тебя зовут на самом деле. Прячешься, да?

— Что?

— Я это с первого взгляда узнаю. Ты... ты...— Кафф наклонился вперед, принюхиваясь.— Ты пил!

— Пил,— горько ответил Гэллегер.

— Ну так выпей и со мной,— предложил Кафф.— Я уже дошел до «Д» — дайкири. Тим! — заорал он.— Еще один дайкири для моего друга! Одна нога здесь, другая там. И подумай о «Е».

Гэллегер скользнул на стул рядом с Каффом и пригляделся к своему собеседнику. Советник был в немалом подпитии.

— Да,— сказал Кафф,— лучше всего пить по алфавиту. Начинаешь с «А» — абсента, а потом по порядку — бренди, виски, голдвассер, дайкири...

— А потом?

— Разумеется, «Е»,— с легким удивлением заметил Кафф.— «Egri Burgundi»! О, вот и дайкири для тебя. Поехали!

Выпили.

— Послушайте,— сказал Гэллегер.— Мне нужно поговорить с вами о Толстячке.

— О ком?

— О Толстячке,— сказал Гэллегер, многозначительно подмигнув.— Ну, вы знаете. Нажим, устав... знаете?

— Ах, о нем! — Кафф вдруг расхохотался. — Толстячок, да? Это хорошо. Это очень хорошо. Это ему подходит.

— А разве его зовут не похоже? — хитро спросил Гэллегер.

— Ничуть! Толстячок, надо же!

— Его фамилия через «е» или «и»?

— И то и другое, — ответил Кафф. — Тим, где эгри? А, уже готов? Ну, вздрогнули, старик!

Гэллегер прикончил дайкири и занялся эгри. Что делать теперь?

— Ну, так что с Толстячком? — рискнул спросить Гэллегер.

— Никогда не отвечаю на вопросы, — ответил Кафф, неожиданно трезвея. Он недоверчиво уставился на Гэллегера. — А ты наш? Что-то я тебя не знаю.

— Я из Питсбурга. Мне велели прийти в клуб, когда приеду.

— Что-то тут не так, — заметил Кафф. — Ну да не важно. Я закончил пару дел и веселюсь.

На «Ж» они выпили «желтый шар», на «З» — «зеленого дьявола».

— Теперь истерн, — довольно сказал Кафф. — Его подают только в этом баре, а потом приходится пропускать буквы. Я не знаю ничего на «К».

— Клойстеркеллер, — заплетающимся языком подсказал Гэллегер.

— Кло... как? Что это такое? Тим! — позвал Кафф бармена. — Есть у тебя клойстеркеллер?

— Нет, сэр, — ответил Тим.

— Тогда поищем, где есть. А ты молодец, старина. Пошли вместе, ты мне нужен.

Гэллегер послушно пошел за ним. Поскольку Кафф не желал говорить о Толстячке, нужно было завоевать его доверие, и лучшим способом было пить вместе с ним. К сожалению, алфавитная попойка оказалась нелегким делом. Гэллегер был уже на грани, а жажда Каффа все еще не была утолена.

— «Л»? Что у нас на «Л»?

— «Лакрима Кристи». Или «Либфраумилх».

— О Боже!

Некоторое облегчение доставило возвращение к мартини, но после ореховой у Гэллегера закружилась голова. На «Р» он предложил рислинг, но Кафф не хотел о нем и слышать.

— Тогда рисовую водку.

— Хорошо. Рисовую... эй! Ого, да ведь мы пропустили «Н»! Придется возвращаться к «А»!

С большим трудом Гэллегер уговорил его не делать этого; Каффа явно очаровало экзотическое название: нг га по. Затем они продолжили путешествие по алфавиту: сакэ, текила, «Уникум», флип, хеннеси.

— «Ч»?

Сквозь пары алкоголя они посмотрели друг на друга. Гэллегер пожал плечами и огляделся. «Интересно, как мы попали в этот роскошный клубный кабинет? Одно ясно, это не «Аплифт».

— «Ч»,— настаивал Кафф.— Ну же, не подведи, старина!

— Пшени-Ч-ная,— осенило Гэллегера.

— Здорово! Осталось совсем немного. «Ш» — шартрез... а что там после «Ш»?

— Толстячок. Помните?

— А, Толстячок Смит,— сказал Кафф, заливаясь неудержимым смехом. По крайней мере, это прозвучало как «Смит».— Толстячок. Это ему здорово подходит.

— А как его зовут? — настаивал Гэллегер.

— Кого?

— Толстячка.

— Никогда о таком не слышал,— сказал Кафф и захохотал.

Подошел посыльный и коснулся плеча советника.

— К вам пришли.

— Хорошо. Сейчас вернусь, старина. Все знают, где меня можно найти... В основном здесь. Никуда не уходи. Осталось еще «Ш» и... и все, что после нее.

Он исчез из виду. Гэллегер оставил нетронутый стакан, поднялся и пошатываясь направился к холлу. На глаза ему попался стоявший видеофон. Под влиянием внезапного импульса он вошел в кабину и набрал номер лаборатории.

— Снова накачался,— сказал Нарцисс, едва его лицо появилось на экране.

— Святая истина,— согласился Гэллегер.— Я надрался, как... ик!.. как свинья. Но у меня кое-что есть.

— Лучше позаботиться о личной охране,— сказал робот.— Едва ты ушел, сюда вломились какие-то бандиты. Тебя искали.

— Кто меня искал? Повтори?

— Трое бандюг,— терпеливо повторил Нарцисс.— Главный был худой и высокий, пиджак в клетку, желтые волосы и золотой зуб спереди. Остальные...

— Мне не нужно описание,— рывкнул Гэллегер.— Скажи просто, что случилось.

— Я уже все сказал. Они хотели тебя похитить. Потом решили украсть машину, но я их выставил; для робота я довольно силен.

— С машиной ничего не случилось?

— А со мной? — обиделся Нарцисс.— Я куда важнее какой-то там игрушки. Тебя не волнуют мои раны?

— Нет,— ответил Гэллегер.— А они у тебя есть?

— Конечно нет. Но ты мог бы и поинтересоваться...

— С машиной все в порядке?!!

— Я не подпустил их к ней,— сказал робот.— Чтоб тебе лопнуть!

— Я еще позвоню,— сказал Гэллегер.— Сейчас мне нужен черный кофе.

Он выбрался из кабины. К нему направлялся Макс Кафф. За советником шли трое мужчин.

Один из них остановился на полпути и удивленно разинул рот.

— Это тот самый тип, шеф. Гэллегер. Это с ним вы пили?

Гэллегер попытался сфокусировать глаза, и изображение стало четче. Перед ним стоял высокий худой мужчина в клетчатом пиджаке, с желтыми волосами и золотым зубом.

— Стукните его,— приказал Кафф.— Быстрее, пока он не закричал и пока вокруг никого нет. Гэллегер, значит? Ну хитрюга!

Гэллегер еще заметил, как что-то летит в сторону его головы, и хотел спрятаться в кабину видеофона, как улитка в раковину. Ничего не вышло, а потом перед глазами вспыхнул ослепительный свет.

«Главная проблема с общественной культурой,— сонно думал Гэллегер,— заключается в том, что она одновременно испытывает рост и окостенение внешней оболочки. Цивилизацию можно сравнить с цветочной клумбой — каждое отдельное растение является составной частью культуры. Рост растений — это прогресс. Технология, этот цветок с утраченными иллюзиями, получила некогда солидную инъекцию питательной смеси в виде войн, заставивших ее развиваться по необходимости. Но ни одна цивилизация не может считаться удовлетворительной, если сумма ее частей не равна целому.

Цветок этот глушил другое растение, которое развило в себе способности к паразитированию и перестало пользоваться корнями, обвиваясь вокруг цветка, карабкаясь по его стеблю и листьям. Такими удушающими лианами были религия, политика, экономика, культура — устаревшие формы, которые изменялись слишком медленно, обгоняемые пламенной кометой точных наук, пылающей на необъятном небе новой эры. Когда-то давно писатели считали, что в будущем — в их будущем — социологическая модель будет иной. В эру космических кораблей исчезнут такие нелогичные поступки, как биржевые спекуляции, грязная политика или гангстеризм. Однако этим теоретикам не хватило прозорливости, и эру космических кораблей они отнесли к слишком далекому будущему.

А ведь Ли сел на Луну еще до того, как вышли из употребления автомобили с карбюраторами¹.

Великие войны первой половины двадцатого века придали технике огромное ускорение, которое не исчерпалось и доныне. К сожалению, обычных людей больше интере-

¹ Рассказ был написан задолго до 1969 года.

совали продолжительность рабочего дня и инфляция. Единственный период единодушия пришелся на время великих проектов, вроде «Программы Миссисипи» и тому подобного. Наконец, это было время хаоса, реорганизации, стремительной замены старых понятий новыми и метаниями от одной крайности к другой. Профессия адвоката, например, стала настолько сложной, что группам экспертов приходилось использовать счетчики Педерсена и электронные мозги Меканистра для того, чтобы делать свои натянутые выводы, тут же воспаряющие в неизведанные пространства символической логики. Убийцу могли оправдать, если он не признавал себя виновным. А даже если признавал, имелись способы опровержения солидных юридических доказательств. Прецеденты утратили свое значение. В этом безумном лабиринте власти обращались к незыблемым историческим фактам, которые зачастую оборачивались против них самих.

Так шел год за годом. Позже социология догонит развитие техники, но пока до этого далеко. Экономический азарт достиг небывалого в истории уровня. Требовался гений, чтобы разобраться во всеобщей неразберихе. Мутации, вызванные извечной склонностью природы к шуткам, дали наконец таких гениев, но пройдет еще много времени, прежде чем будет найдено удовлетворительное решение. Понятно, что выживет тот, кто имеет большую способность к адаптации, запас всесторонних практических и непрактических знаний, а также опыт во всем. То есть в предметах растительного, животного и минерального происхождения...»

Гэллегер открыл глаза. Видно было не много. Главным образом потому, что его швырнули на стол лицом вниз, он это сразу же определил. Собравшись с силами, он сел. Он не был связан и находился на слабо освещенном чердаке, похожем на склад и переполненном всевозможной рухлядью. С потолка слабо светила лампа. Была здесь и дверь, но перед ней стоял тип с золотым зубом. По другую сторону стола сидел Макс Кафф, он старательно наливал виски в стакан.

— Я тоже хочу,— слабым голосом сообщил Гэллегер.

Кафф взглянул на него:

— А, проснулся. Извини, Блэзер стукнул тебя слишком сильно.

— Да ничего. Я бы и так потерял сознание. Эта алфавитная выпивка — страшная штука.

— Хоп! — сказал Кафф, придвигая стакан Гэллегеру и наливая себе другой. — Хитро было придумано — держаться меня, то есть единственного места, где парням не пришло бы в голову тебя искать.

— Это у меня врожденное, — скромно заметил Гэллегер. Виски его оживило, но в голове еще не совсем прояснилось. — Эти ваши... гм-м... сообщники пытались меня похитить, верно?

— Угу. Но тебя не было дома. Этот твой робот...

— Он просто чудо.

— Слушай, Блэзер сказал мне о машине, которую ты сделал. Я бы не хотел, чтобы Смит наложил на нее лапу.

Толстячок Смит. Гм-м. Мозаика вновь разлетелась. Гэллегер вздохнул. Если он сыграет втемную...

— Смит ее еще не видел.

— Я знаю, — сказал Кафф. — Мы прослушиваем его видеофон. Один из наших агентов узнал, что Смит сказал «Любым заданиям», будто некий человек работает над проблемой, понял? К сожалению, он не назвал фамилию этого человека. Мы могли только следить за Смитом, прослушивать его разговоры и ждать, когда он с тобой свяжется. А потом... в общем, мы поймали этот звонок, и ты сказал ему, что устройство у тебя есть.

— Ну и что?

— Мы тут же прервали ваш разговор, и Блэзер с парнями отправился к тебе. Я же говорил, что не хочу, чтобы Смит получил этот контракт.

— Вы ничего не говорили о контракте, — сказал Гэллегер.

— Не валяй дурака. Смит сказал «Любым заданиям», что выложил тебе всю историю.

Может, так оно и было, но Гэллегер был тогда под мухой, и все это выслушивал Гэллегер Бис, следовательно, информация хранилась в подсознании.

Кафф рыгнул и отставил стакан:

— Потом поговорим. Ну и отравился я, даже думать не могу. Но я не хочу, чтобы Смит заполучил эту машину. Твой робот не дает нам к ней подойти. Ты свяжешься с ним по видео и отправишь куда-нибудь, чтобы парни могли принести машину сюда. Отвечай «да» или «нет». Если «нет», я еще вернусь сюда чуть погодя.

— Нет,— сказал Гэллегер.— Вы меня все равно прикончите, чтобы я не сделал Смиту еще одну машину.

Веки Каффа медленно опустились на глаза, и какое-то время он сидел неподвижно, словно заснул. Потом он невидящим взглядом посмотрел на Гэллегера и встал:

— Значит, увидимся позже.— Он энергично потер лоб.— Блэзер, следи за этой глистой.

Человек с золотым зубом выступил вперед:

— С вами все в порядке?

— Конечно. Но думать я не могу...— Кафф скривился.— Турецкая баня — вот что мне нужно.

Он подошел к двери, ведя за собой Блэзера. Гэллегер заметил движения губ советника и прочел несколько слов.

— ...упьется... позвонить роботу... попробуйте...

Кафф вышел, а Блэзер вернулся в комнату, сел напротив Гэллегера и подвинул тому бутылку.

— Не бери в голову,— успокоил он.— Глотни вот немного, полегчает.

«Хитрецы,— подумал Гэллегер.— Думают, если я напьюсь, то сделаю все, что им нужно. Гм-м...»

У дела имелся еще один аспект. Когда Гэллегер бывал полностью под воздействием алкоголя, управление принимало его подсознание. А Гэллегер Бис был уникальным изобретателем, безумным, но гениальным.

Гэллегер Бис наверняка найдет выход из этого положения.

— Вот и правильно,— сказал Блэзер, видя, как исчезает алкоголь.— Еще одну. Макс отличный парень, он на тебя не в обиде. Вот только он не любит, если кто-то мешает его планам.

— Каким планам?

— Ну, как в случае со Смитом,— объяснил Блэзер.

— Понятно.

Гэллегер содрогнулся. Предстояло так накачаться спиртным, чтобы подсознание смогло выбраться наружу. Он продолжал пить.

Возможно, он просто перестарался. Обычно Гэллегер очень старательно мешал свои напитки, а на этот раз все составляющие уравнения в сумме дали ноль. Он видел, как поверхность стола медленно приближается к его носу, почувствовал мягкий, почти приятный удар и захрапел. Блэзер поднял его и встряхнул.

— И что они т-теперь за водку делают,— прохрипел Гэллегер.— Вино, женщины и песни... вино, вино, вино... К-красное.

— Вина ему захотелось,— буркнул Блэзер.— Этот тип пьет как промокашка.

Он еще раз встряхнул Гэллегера, но без толку. Буркнув что-то еще, Блэзер вышел.

Гэллегер услышал, как закрылась дверь, попытался сесть, но упал со стула и больно приложился головой о ножку стола.

Это подействовало лучше ведра холодной воды. Пошатываясь, Гэллегер поднялся на ноги. Комната на чердаке была пуста, если не считать его самого и всякой рухляди. Очень осторожно он подошел к двери и попытался ее открыть. Заперто. Мало того, дверь была еще обита стальным листом.

— Ну дела...— бормотнул конструктор.— В кои-то веки мне понадобилось мое подсознание, а оно не желает показываться. Черт возьми, как же отсюда выбраться?

Выхода не было. Комната не имела окон, а дверь была заперта намертво. Гэллегер направился к груде старой мебели. Диван. Коробка с бумагой. Подушки. Свернутый ковер. Мусор.

Он нашел кусок провода, пачку слюды и еще пару мелочей, а когда сложил все вместе, образовалось нечто, похожее на пистолет или миксер. Выглядело это довольно жутковато, словно какой-то марсианский излучатель.

Затем Гэллегер вернулся к стулу и сел, всей силой воли заставляя себя протрезветь. Дело шло неважно. Когда вновь слышались шаги, в голове у него все еще шумело.

Дверь открылась, вошел Блэзер. Гэллегер едва успел спрятать свое изобретение под стол.

— Ты уже вернулся? Я думал, это Макс.

— Он скоро придет,— пообещал Блэзер.— Как ты себя чувствуешь?

— В голове шумит. Я бы еще выпил. Та бутылка уже кончилась.— Он действительно прикончил ее, вылив остатки в какую-то дыру.

Блэзер запер дверь и подошел. Гэллегер встал, потерял равновесие и споткнулся. Гангстер заколебался, а Гэллегер вытащил свой пистолет-миксер и поднес к глазам, глядя сквозь ствол на лицо Блэзера.

Бандит потянулся за пистолетом, однако жуткое устройство, которое Гэллегер направил на него, не давало ему покоя, и он остановился, размышляя, что бы это могло быть. В следующую секунду он все же решил действовать, но тут Гэллегер, пренебрегая правилами честного поединка, пнул противника в пах. Когда Блэзер согнулся пополам, Гэллегер воспользовался этим, бросился на него и повалил на пол яростными ударами всех четырех конечностей. Блэзер по-прежнему пытался достать свое оружие, но самый первый коварный удар здорово мешал ему.

Гэллегер все еще был слишком пьян, чтобы координировать свои движения, поэтому он просто взгромоздился на противника и принялся методично обрабатывать его солнечное сплетение. Тактика себя оправдала. Через некоторое время ему удалось вырвать у Блэзера пистолет и треснуть рукояткой по гангстерскому кумполу.

На этом все и кончилось.

Гэллегер встал, разглядывая свое изобретение и гадая, чем же это могло быть по мнению Блэзера. Вероятно, генератором лучей смерти. Он слабо усмехнулся. В кармане бандита он нашел ключ, открыл дверь и спустился по лестнице. Пока все шло неплохо.

Слава изобретателя имела свои положительные стороны. По крайней мере, удалось отвлечь внимание Блэзера от фактического положения вещей.

И что теперь?

Дом оказался заброшенным четырехэтажным строением возле бани. Гэллегер выбрался через окно и удрал со всех ног. Вскоре он уже сидел в аэротакси, которое мчалось в сторону окраины. Тяжело дыша, он включил воздушный фильтр и пустил холодный ветерок, чтобы охладить вспотевшее лицо. Высоко на черном осеннем небе появилась полная луна. Сквозь окошко в полу видны были светлые полосы улиц, пересекаемые ослепительными диагоналями автострад верхнего уровня.

Смит. Толстячок Смит. Каким-то образом он связан с «Любыми заданиями». Гэллегер заплатил пилоту и из осторожности высадился на крыше дома в районе Уайт-Вэй. Найдя кабину видеофона, он связался со своей лабораторией. На экране появился робот.

— Нарцисс...

— Джо,— поправил робот.— Ты снова надрался. Когда ты протрезвеешь?

— Заткнись и слушай. Что произошло за это время?

— Не так уж много.

— Эти бандиты приходили еще раз?

— Нет,— сказал Нарцисс,— но приходили двое полицейских. Помнишь повестку в суд? Ты должен был явиться в пять часов.

Повестка... Ах да: Делл Хоппер, тысяча кредитов.

— Они ждут?

— Нет, я сказал им, что ты принял снотворное.

— Зачем?

— Чтобы они тут не крутились. Теперь ты можешь вернуться домой, но будь осторожен.

— В чем дело?

— Это твои проблемы,— ответил Нарцисс.— Купи себе накладную бороду. Я свое дело сделал.

— Хорошо,— сказал Гэллегер.— Свари мне черный кофе, да побольше. Звонил еще кто-нибудь?

— Из Вашингтона. Какой-то командор космической полиции. Он не представился.

— Космической полиции? Они тоже меня ищут? Чего ему было нужно?

— Тебя,— сказал робот.— До свидания. Ты не дал мне допеть песенку.

— Свари кофе,— напомнил Гэллегер вслед тающему изображению.

Он вышел из кабины и постоял немного, размышляя и глядя на небоскребы Манхэттена, испещренные неправильными узорами освещенных окон: прямоугольных, круглых, овальных, полукруглых и даже звездчатых.

Звонок из Вашингтона.

Хоппер усиливает нажим.

Макс Кафф и его мальчики.

Толстячок Смит.

Наиболее обещающим казался Смит. Гэллегер еще раз вошел в кабину и набрал номер «Любых заданий».

— Извините, но мы уже закончили.

— Это очень важно,— настаивал Гэллегер.— Мне нужна информация. Я должен связаться с человеком...

— Мне очень жаль...

— С-М-И-Т,— произнес по буквам Гэллегер.— Вы просто проверьте по списку, хорошо? Или вы хотите, чтобы я перерезал себе горло у вас на глазах? — Он начал рыться в кармане.

— Может, вы позвоните завтра...

— Завтра будет слишком поздно. Очень прошу вас, поищите, пожалуйста.

— Мне очень жаль...

— Я акционер «Любых заданий»! — рявкнул Гэллегер.— Предупреждаю вас!..

— А... вообще-то это не принято, но... Говорите, Смит? Минуточку. Как его имя?

— Этого я не знаю. Найдите мне всех Смитов.

Девушка исчезла и вновь появилась с картотечным ящиком, снабженным надписью «СМИТ».

— Ого,— сказала она, просматривая карточки,— здесь несколько сотен Смитов.

Гэллегер застонал.

— Мне нужен толстый Смит, — с отчаянием сказал он. — Но это по картотеке не проверишь.

Секретарша поджала губы:

— Понимаю, это вы так шутите. Спокойной ночи! — Секретарша выключилась.

Гэллегер посидел, вглядываясь в экран. Несколько сотен Смитов. Не очень-то хорошо. То есть просто плохо.

Минуточку! Гэллегер Бис купил акции «Любых заданий», когда они падали. Почему? Вероятно, он ожидал, что они поднимутся. Но акции, по словам Эрни, продолжали падать. В этом могла крыться подсказка.

Эрни он поймал у него дома и с ходу прижал к стене.

— Отмени свои встречи, мой вопрос не отнимет у тебя много времени. Узнай только, почему акции «Заданий» падают, и позвони мне в лабораторию. А то я сверну тебе шею. Только быстро, понял?

Эрни согласился. Гэллегер выпил кофе в уличном автомате, осторожно прокрался домой и запер дверь на два замка.

Нарцисс танцевал перед большим зеркалом в лаборатории.

— Кто-нибудь звонил?

— Нет, никто. Взгляни на это грациозное па.

— Успею еще. Если кто-то придет, сообщи мне — я спрячусь, пока ты от него не избавишься. — Гэллегер крепко зажмурился. — Кофе готов?

— Черный и крепкий. На кухне.

Но сперва конструктор пошел в ванную, разделся, принял холодный душ и постоял под кварцевой лампой. Чувствуя себя чуть протрезевшим, он вернулся в лабораторию с огромной чашкой горячего кофе, уселся на «Тарахтелку» и принялся отпаиваться.

— Ты похож на роденовского «Мыслителя», — заметил Нарцисс. — Я принесу тебе халат, а то твое мерзкое тело оскорбляет мое эстетическое чувство.

Гэллегер не слышал его. Он надел халат, потому что мерз после ванны, и продолжал прихлебывать кофе и смотреть в пространство.

Уравнение: А, или В, или С равняется х. До сих пор он старался определить величины А, В и С. Возможно, это был не лучший способ. Дж. У., например, он вообще не нашел, Смит оставался неуловим, а Делл Хоппер (тысяча кредитов) никуда не годился.

Может, лучше было бы определить х. Должна же эта чертова машина иметь какое-то назначение. Да, она пожирала землю, но материю уничтожить невозможно, ее можно только преобразовать.

Земля входила в машину, а на выходе не было ничего.

Ничего видимого.

Свободная энергия?

Она невидима, но ее можно обнаружить приборами.

Вольтметром, амперметром, электроскопом...

Гэллегер еще раз включил машину. Ее пение было довольно громким, но в дверь никто не позвонил, а вскоре Гэллегер вновь поставил переключатель в нейтральное положение. Он так ничего и не узнал.

Позвонил Эрни, ему удалось добыть нужную информацию.

— Это было нелегко, пришлось воспользоваться несколькими хитрыми приемами. Но я узнал, почему акции «Любых заданий» падают.

— Слава Богу. Выкладывай.

— Понимаешь, «Задания» — это как бы крупная биржа заказов. Они нанимают подрядчиков для разных дел. В данном случае это большое административное здание, которое должно быть построено в центре Манхэттена. Вот только строительная фирма не может начать работу. Речь идет о больших деньгах, и пошли слухи, здорово навредившие акциям «Заданий».

— Валяй дальше.

— На всякий случай,— продолжал Эрни,— я собрал все, что смог. За этот заказ дрались две фирмы.

— Какие именно?

— «Аякс» и кто-то по фамилии...

— Случайно, не Смит?

— Почти,— подтвердил Эрни.— Таддеус Смейт. Пишется С-м-е-й-т.

Долгая тишина.

— Смейт,— повторил наконец Гэллегер.— Вот почему она не могла... Что? Нет, ничего. Я должен был догадаться.— Когда он спросил Каффа, пишется ли фамилия Толстячка через «е» или «и», тот ответил, что через обе буквы. Смейт. Ха-ха!

— Заказ получил Смейт,— продолжал Эрни.— Он обошел «Аякс», однако у того оказалась волосатая лапа на самом верху. Они нашли какого-то советника, который устроил бучу, ссылаясь на старый муниципальный устав, и остановил Смейта. Парень ничего не может сделать.

— Почему?

— Потому, что устав запрещает ему блокировать движение на Манхэттене. Это касается и воздушного движения. Клиент Смейта, или, точнее, клиент «Любых заданий», выкупил недавно участок, но права на воздушное движение над ним на девяносто девять лет принадлежат «Трансуорлд Страто». Ангары стратопланов находятся рядом с этим участком, а ты прекрасно знаешь, что стратопланы вертикально не стартуют. Они какое-то время летят по прямой, и взлетный коридор проходит точно над этим участком. С арендой все в порядке — девяносто девять лет линии «Трансуорлд Страто» имеют право использовать воздух над этим участком на высоте свыше пятнадцати метров от поверхности земли.

Гэллегер задумчиво смотрел на Эрни:

— Тогда как же Смейт собирался поставить там здание?

— Новый владелец имеет право на пространство с пятнадцати метров над поверхностью земли до центра планеты. Понимаешь? Большое восьмидесятиэтажное здание, у которого большинство этажей под поверхностью земли. Так уже кто-то делал, но Смейту мешают политики. Если Смейт не сможет выполнить условия контракта, работу получит «Аякс», а он идет рука об руку с тем советником.

— Да, с Максом Каффом,— сказал Гэллегер.— Я уже с ним познакомился. Но... что это за устав, о котором ты упоминал?

— Старый, но по-прежнему действующий. Нельзя мешать дорожному движению и препятствовать воздушному.

— Ну и что?

— Если копать яму под восемьдесят этажей,— объяснил Эрни,— придется извлечь массу земли и камней. Как вывезти все это, не мешая движению? Я даже не возьмусь рассчитать, сколько это будет тонн.

— Понимаю...— тихо произнес Гэллегер.

— Вот и все дело. Смейт получил контракт, но оказался в тупике. Он не может избавиться от земли, а вскоре «Аякс» получит заказ в свои руки и как-нибудь добьется разрешения на вывоз земли.

— Как он это сделает, если Смейт не может?

— Ты забываешь о советнике. Так вот, несколько недель назад в том районе закрыли несколько улиц для ремонта и устроили объезд у самого строительного участка. Движение там дикое, и самосвалы с землей забили бы все до предела. Разумеется, объезд этот временный...— Эрни коротко рассмеялся,— до тех пор, пока Смейт не откажется от контракта. Тогда объезд исчезнет, и «Аякс» сможет получить нужное разрешение.

— Гм-м...— Гэллегер оглянулся через плечо на машину.— Возможно, есть способ...

В дверь позвонили. Нарцисс вопросительно взглянул на хозяина.

— Окажи мне еще одну услугу, Эрни,— сказал Гэллегер.— Доставь мне сюда Смейта.

— Хорошо, я позвоню ему.

— Его видеофон прослушивают, лучше не рисковать. Ты не мог бы заехать к нему и привезти его сюда?

Эрни вздохнул.

— Тяжкий у меня хлеб. Ну, хорошо.

Экран погас. Гэллегер наконец обратил внимание на звонок и кивнул роботу.

— Посмотри, кто там. Сомневаюсь, чтобы Кафф попробовал еще какой-нибудь фокус, но... в общем, посмотри. Я покуда спрячусь в шкаф.

Он стоял в темноте, ожидая, напрягая слух и думая. Проблема Смейта была решена. Машина пожирала землю.

Это был единственный эффективный способ избавления от вынужденной земли, если не хотелось рисковать и устраивать водородный взрыв.

Восемьсот кредитов аванса за устройство или метод, позволяющий удалить достаточно земли, чтобы получить котлован для постройки подземного здания.

Что ж, возможно. Но куда же все-таки девалась вся эта земля?

Вернулся Нарцисс и открыл дверь шкафа.

— Пришел командор Джон Уолл. Он звонил из Вашингтона, помнишь?

— Джон Уолл?

Дж. У.— полторы тысячи кредитов! Третий клиент!

— Впусти его! — приказал Гэллегер.— Быстро! Он один?

— Да.

— Ну, быстрее же!

Нарцисс ушел и вернулся с хорошо сложенным седловым мужчиной в мундире космической полиции. Уолл скупно улыбнулся Гэллегеру, его взгляд остановился на машине у окна.

— Это она?

— Добрый день, командор,— сказал Гэллегер.— Я... я почти уверен, что это она. Но сначала хотел бы обсудить с вами некоторые детали.

Уолл нахмурился.

— Деньги? Вряд ли вы будете шантажировать правительство. А может, я вас неверно оценил? Пятидесяти тысяч кредитов должно хватить вам на какое-то время.— Лицо его прояснилось.— Вы уже получили чек на полторы тысячи, и я могу выписать вам остальные, как только вы продемонстрируете мне ее в действии.

— Пятьдесят ты...— Гэллегер глубоко вздохнул.— Нет, дело, конечно, не в этом. Я просто хотел убедиться, что выполнил условия договора. Хочу быть уверен, что учел все пожелания.

Если бы только он мог узнать, что заказал Уолл! Может, тоже машину, пожирающую землю...

Надежды на это почти не было, но узнать все-таки следовало. Гэллегер жестом пригласил командора садиться.

— Но мы уже все детально обсудили...

— Лучше проверить еще раз,— настаивал Гэллегер.— Нарцисс, налей выпить господину командору.

— Спасибо, не нужно.

— Кофе?

— Буду весьма обязан. Итак, как я уже говорил вам несколько недель назад, нам требуется гибкий элемент ручного управления космическим кораблем, удовлетворяющий требованиям эластичности и сопротивления растяжению.

«Ого»,— подумал Гэллегер.

Уолл наклонился вперед, глаза его заблестели.

— Космический корабль громоздок и сложен, и конструкция его требует, чтобы управляющие тяги шли не по прямой, а сворачивали, причем зачастую под острыми углами.

— Но...

— Представьте,— сказал Уолл,— что вы хотите повернуть кран, находящийся в двух кварталах отсюда. И сделать это надо, не выходя из лаборатории. Каким образом?

— Веревка. Провод. Трос.

— Который, следует добавить, мог бы огибать углы, как, например... нет, жесткий провод не мог бы. Однако, мистер Гэллегер, хочу повторить сказанное две недели назад: этот кран поворачивается очень туго, а поворачивать нужно довольно часто, сотни раз в день. Самые надежные стальные тросы оказались недостаточно прочными. Изгибы и натяжение быстро выводят их из строя. Вы понимаете?

Гэллегер кивнул:

— Конечно. Любой провод сломается, если то и дело сгибать его.

— С этой проблемой мы и обратились к вам, и вы ответили, что это можно сделать. Вам удалось?

Ручное управление, где тяги могут поворачивать и выдерживать постоянные нагрузки. Гэллегер посмотрел на машину. Азот... какая-то мысль блуждала по дальним закоулкам его мозга, но он никак не мог ее поймать.

В дверь позвонили. «Смейт»,— подумал Гэллегер и кивнул Нарциссу. Тот исчез из виду.

Вернулся он с четырьмя людьми. Двое из них были полицейскими, а другие двое — Смейт и Делл Хоппер.

Хоппер кровожадно усмехнулся.

— Привет, Гэллегер,— сказал он.— Мы не успели, когда входил этот тип,— он указал на командора,— но дождались еще одного случая.

— Мистер Гэллегер,— сказал Смейт, удивленно поглядывая по сторонам,— в чем дело? Я нажал кнопку, и вдруг меня окружили эти трое...

— Ничего страшного,— сказал Гэллегер.— Вам крупно повезло. Выгляните в окно.

Смейт послушался, а когда повернулся обратно, лицо его сияло.

— Эта яма...

— Точно. И землю я отсюда не вывозил. Сейчас я вам продемонстрирую.

— Продемонстрируешь, только в кутузке,— язвительно заметил Хоппер.— Я предупреждал, Гэллегер, что меня не обманешь. Я дал тебе тысячу аванса, а ты ничего не сделал и не вернул деньги.

Командор Уолл вытаращил глаза, совершенно позабыв о чашке, которую держал в руке. Один из полицейских подошел и взял Гэллегера под руку.

— Минуточку,— начал было Уолл, но Смейт оказался быстрее.

— Кстати, я кое-что должен мистеру Гэллегеру,— сказал он, вынимая бумажник.— Наличными у меня только тысяча, но, надеюсь, вас устроит чек на остальную сумму. Если этот... господин хочет наличные, тысяча здесь есть.

Гэллегер проглотил слюну, а Смейт ободряюще кивнул ему:

— Мой заказ вы выполнили. Я могу начинать земляные работы хоть завтра, и мне не нужно никакое разрешение на вывоз земли.

Хоппер оскалил зубы:

— Плевал я на деньги! Я хочу преподать ему урок! Мое время дорого стоит, а этот тип поставил с ног на голову всю мою программу. Заказы, агенты... Я уже многое сделал, надеясь, что он выполнит мой заказ, а он теперь хочет от

всего открутиться. Нет, мистер Гэллегер, тебе это не удастся. Ты не явился по вызову в суд, значит, нарушил закон и получишь свое, черт побери!

Смейт огляделся по сторонам:

— Но... я готов поручиться за мистера Гэллегера. Я уплачу...

— Нет! — рявкнул Хоппер.

— Этот тип говорит «нет», — буркнул Гэллегер. — Он жаждет моей крови. Бывают же такие злыдни!

— Пьяный болван! — заорал Хоппер. — Господа, прошу вас забрать его в тюрьму. Немедленно!

— Не бойтесь ничего, мистер Гэллегер, — утешал его Смейт. — Я вытащу вас оттуда. Уж поверьте, я нажму на все рычаги.

— Рычаги... — прошептал Гэллегер. — Провода... И... и стереозэкран, на который можно смотреть под любым углом. Провода!

— Заберите его! — повторил Хоппер.

Гэллегер попытался вырваться из рук державших его полицейских.

— Подождите! Минуточку! Я нашел решение. Хоппер, я сделал то, что вам нужно. И вам тоже, командор. Отпустите меня.

Хоппер фыркнул и показал пальцем на дверь. Тихо ступая, подошел Нарцисс.

— Может, разбить им головы, шеф? — мягко спросил он. — Я люблю цвет крови. Это один из самых красивых цветов.

Командор Уолл отставил наконец чашку и поднялся:

— Господа, прошу отпустить мистера Гэллегера. — Голос его звучал металлически четко.

— Не отпускайте, — упорствовал Хоппер. — И вообще, кто вы такой? Капитанишка космического корабля?

Загорелое лицо Уолла посерело. Он вынул из кармана кожаный футляр, показал значок.

— Командор Уолл, — представился он. — Из правительственной комиссии по астронавтике. Назначаю тебя, — он указал на Нарцисса, — временным правительственным уполномоченным. Если эти полицейские в течение пяти

секунд не освободят мистера Гэллегера, можешь разбить им головы.

Впрочем, этого уже не требовалось. Комиссию по астронавтике уважали все! За ней стояло правительство, а в сравнении с ним местные власти мелко плавали. Полицейские поспешно отпустили Гэллегера и сделали вид, будто вообще его не трогали.

Хоппер, казалось, вот-вот лопнет:

— По какому праву вы становитесь на пути закона, командор? — потребовал он объяснений.

— По праву приоритета. Правительству необходимо устройство, и мистер Гэллегер сделал его для нас. Он, по крайней мере, имеет право на то, чтобы его выслушали.

— Нет, не имеет!

Уолл смерил Хоппера ледяным взглядом.

— Если не ошибаюсь, несколько минут назад мистер Гэллегер сказал, что ваш заказ тоже выполнен.

— Вот это, что ли? — Здоровяк указал пальцем на машину. — По-вашему, это похоже на стереоскопический экран?

— Нарцисс, дай-ка мне ультрафиолетовую лампу, — сказал Гэллегер и подошел к машине, молясь, чтобы его предположение оказалось верным. Впрочем, иной возможности просто не было. Исключите азот из почвы и камня, и вы получите совершенно инертную материю.

Гэллегер щелкнул выключателем, и машина запела «Больницу Святого Джекоба». Командор Уолл смотрел на нее удивленно и не так уж доброжелательно. Хоппер фыркнул, а Смейт подбежал к окну и замер в экстазе, глядя, как длинные щупальца пожирают землю, безумно мельтеша в дыре.

— Лампу, Нарцисс.

Лампа была уже подключена к удлинителю, и Гэллегер медленно пошел с нею вокруг машины. Вскоре он оказался возле диска с канавкой.

Что-то голубовато блеснуло, оно выходило из небольшого отверстия в трубке, огибало диск с канавкой и витками ложилось на пол. Гэллегер коснулся выключателя; когда машина остановилась, отверстие закрылось, отрезая голу-

бое нечто, выходящее из трубки. Гэллегер поднял его, выключил лампу, и моток исчез. Он включил ее снова — и провод появился вновь.

— Прошу, командор,— сказал Гэллегер.— Можете это опробовать.

Уолл искоса взглянул на него.

— Сопротивление на растяжение?

— Очень большое,— ответил Гэллегер.— Это минеральная составляющая земли, спрессованная в провод. Разумеется, у него небывалая сопротивляемость растяжению. Правда, тонны груза на нем не поднять.

Уолл кивнул:

— Понимаю. Он пройдет сквозь сталь, как игла сквозь масло. Превосходно, мистер Гэллегер. Мы должны провести испытания...

— Сколько угодно. Я в нем уверен. Этот провод можно вести под любым углом с одного конца корабля на другой, и он никогда не порвется от тяжести. Он слишком тонок и потому просто не может быть нагружен неравномерно. Проволочный трос тут не подходит — вам нужна была эластичность, которая не снижала бы сопротивления растяжению. Единственным возможным вариантом был тонкий прочный провод.

Командор улыбнулся.

— Мы проведем испытание,— сказал он.— Вам нужны деньги? Я могу заплатить еще, в разумных пределах конечно. Скажем, тысяч десять.

Хоппер протиснулся вперед.

— Я не заказывал никаких проводов, Гэллегер, значит, моего задания ты не выполнил.

Гэллегер не ответил, он настраивал лампу. Провод стал желтым, потом красным.

— Вот твой экран, умник,— сказал он.— Видишь эти цвета?

— Конечно, вижу! Я же не слепой, но...

— Разные цвета в зависимости от длины световой волны. Смотри: красный, голубой, снова красный, желтый...

Провод, который все еще держал Уолл, стал невидимым. Зачарованный Хоппер с отчетливым звуком закрыл рот и подался вперед.

— У провода тот же показатель преломления, что у воздуха,— сказал Гэллегер.— Я специально сделал так.

Он был достаточно порядочен, чтобы покраснеть. Ничего, за это он поставит Гэллегеру Бис выпивку.

— Специально?

— Вам нужен стереоэкран, на который можно смотреть с любой стороны и видеть изображение без искажений. И в цвете, естественно. Вот это он и есть.

Хоппер тяжело дышал. Гэллегер улыбнулся:

— Возьмите каркас куба и обтяните его этим проводом. Потом сделайте со всех сторон экран из густой сетки и натяните побольше провода внутри куба. В конце концов образуется невидимый куб, целиком сделанный из этого провода. Теперь подавайте на него сигнал в ультрафиолете и получите цветовые узоры, зависящие от длины волны. Иными словами, изображение. Цветное и трехмерное, поскольку транслируется оно на невидимый куб. И кроме того, на него можно смотреть под любым углом, поскольку это не оптическая иллюзия, а настоящее трехмерное изображение. Ясно ли?

— Да...— слабым голосом произнес Хоппер.— Почему... почему вы не сказали мне раньше?

Гэллегер предпочел сменить тему разговора:

— Командор Уолл, мне нужна охрана. Некий бандит по имени Макс Кафф пытался прибрать к рукам эту машину. Его люди похитили меня сегодня и...

— Препятствование выполнению правительственного задания? — зловеще спросил Уолл.— Знаю я этих мелких политиканов. Макс Кафф больше не будет вам мешать... Можно позвонить?

Смейт расплылся в улыбке при мысли, что Кафф получит по лапам. Гэллегер встретился с ним взглядом, подмигнул и предложил всем гостям выпить. На этот раз не отказался даже командор. Закончив разговор, он повернулся и принял стакан от Нарцисса.

— Ваша лаборатория будет охраняться,— сообщил он Гэллегеру.— Больше неприятностей не будет.

Уолл выпил и пожал конструктору руку.

— Я должен обо всем доложить. Удачи вам и огромное спасибо. Мы позвоним вам завтра.

Он вышел, пропустив вперед обоих полицейских.

— Я должен перед вами извиниться,— сказал Хоппер и осушил свой стакан.— Что было, то прошло, верно, старина?

— Да ладно уж,— сказал Гэллегер.— Но вы должны мне деньги.

— Тренч выйдет чек. И... гм-м... и...— Слова застряли у него в горле.

— Что случилось?

— Ничего...— просипел Хоппер, медленно зеленея.— Немного воздуха... о-о!

Дверь за Хоппером захлопнулась. Гэллегер и Смейт удивленно переглянулись.

— Странно,— заметил Смейт.

— Может, он вспомнил что-то срочное? — предположил Гэллегер.— Неисповедимы пути Господни.

— Я вижу, Хоппер уже исчез,— сказал Нарцисс, появляясь с новой порцией выпивки.

— Да. А что такое?

— Я предвидел, что так и будет, потому что налил ему чистого спирта,— объяснил робот.— Он ни разу не взглянул на меня. Я не заносчив, но человек, настолько невосприимчивый к красоте, заслужил урок. А теперь не мешайте мне. Я пойду на кухню танцевать, а вы можете поупражняться с органом. Если захотите, приходите полюбоваться на меня.

И Нарцисс покинул лабораторию, жужжа всеми своими внутренностями. Гэллегер вздохнул.

— Вот так всегда,— сказал он.

— Что именно?

— Да все. Я получаю заказ на три совершенно разные вещи, надираюсь и делаю нечто, решающее все три проблемы. Мое подсознание идет по пути наименьшего сопротивления, но, к сожалению, когда я трезвею, путь этот становится для меня слишком сложен.

— А зачем трезветь? — спросил Смейт, попадая точно в десятку.— Как действует ваш орган?

Гэллегер показал ему.

— Я ужасно себя чувствую,— пожаловался он.— Мне нужна неделя сна или...

— Или что?

— Выпивка. Наливай. Знаешь, меня беспокоит еще одно.

— Что именно?

— Почему эта машина, когда работает, поет «Больницу Святого Джекоба»?

— Это хорошая песня,— сказал Смейт.

— Верно, но мое подсознание всегда действует логично. Конечно, это логика безумца, но...

— Наливай,— ответил Смейт.

Гэллегер расслабился, ему делалось все лучше и лучше. По телу расходилось приятное тепло, в банке были деньги, полиция отстала, Макс Кафф наверняка расплачивался за свои грехи, а тяжелый топот доказывал, что Нарцисс действительно танцует на кухне.

Было уже за полночь, когда Гэллегер поперхнулся выпивкой.

— Вспомнил! — воскликнул он.

— Чт-то? — удивленно спросил Смейт.

— Я хочу петь.

— Ну и что?

— Я хочу петь «Больницу Святого Джекоба».

— Ну так пой,— предложил Смейт.

— Но не один,— подчеркнул Гэллегер.— Я люблю ее петь, когда накачаюсь, но, по-моему, она лучше звучит дуэтом. А когда я работал над машиной, то был один.

— И?

— Видимо, я встроил в нее проигрыватель,— сказал Гэллегер, думая о безумных выходках Гэллегера Бис.— О Боже! Эта машина делает четыре дела сразу: жрет землю, выпускает тяги для управления космическим кораблем, создает стереоскопический экран без искажений и поет со мной дуэтом. Удивительная штука!

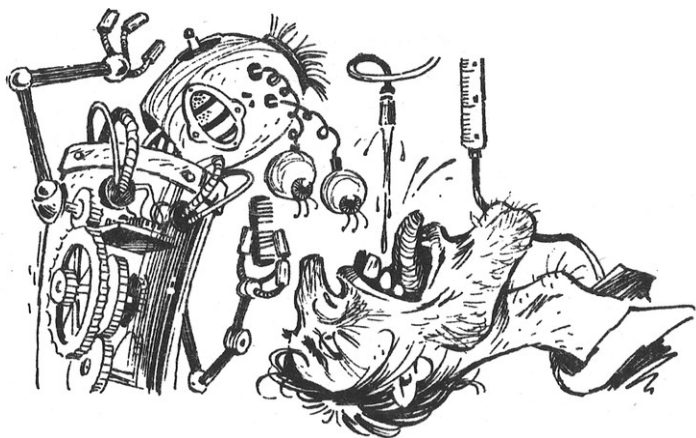
— Ты гений,— сказал Смейт после некоторого раздумья.

— Разумеется. Гм-м...

Гэллегер встал, включил машину, вернулся и уселся на «Тарахтелку». Смейт вновь улегся на подоконник и смотрел, очарованный небывалым зрелищем, как ловкие щупальца пожирают землю. Диск тянул невидимый провод, а ночную тишину нарушали более или менее мелодичные звуки «Больницы Святого Джекоба».

Заглушая жалобные стоны машины, прозвучал глубокий бас, спрашивающий кого-то: «...есть ли где-нибудь на свете другой такой жеребец...»

Это вступил Гэллегер Бис.

РОБОТ-ЗАЗНАЙКА

С Гэллегером, который занимался наукой не систематически, а по наитию, сплошь и рядом творились чудеса. Сам он называл себя нечаянным гением. Ему, например, ничего не стоило из обрывка провода, двух-трех батареек и крючка для юбки смастерить новую модель холодильника.

Сейчас Гэллегер мучился с похмелья. Он лежал на тахте в своей лаборатории — долговязый, взъерошенный, гибкий, с непокорной темной прядкой на лбу — и манипулировал механическим баром. Из крана к нему в рот медленно текло сухое martini.

Гэллегер хотел что-то припомнить, но не слишком старался. Что-то относительно робота, разумеется. Ну да ладно.

— Эй, Джо,— позвал Гэллегер.

Робот гордо стоял перед зеркалом и разглядывал свои внутренности. Его корпус был сделан из прозрачного материала, внутри быстро-быстро крутились какие-то колесики.

— Если уж ты ко мне так обращаешься, то разговаривай шепотом,— потребовал Джо.— И убери отсюда кошку.

— У тебя не такой уж тонкий слух.

— Именно такой. Я отлично слышу, как она разгуливает.

— Как же звучат ее шаги? — заинтересовался Гэллегер.

— Как барабанный бой,— важно ответил робот.— А твоя речь — как гром.— Голос его неблагозвучно скрипел, и Гэллегер собрался было напомнить роботу пословицу о тех, кто видит в чужом глазу соринку, а в своем... Не без усилия он перевел взгляд на светящийся экран входной двери — там маячила какая-то тень. «Знакомая тень»,— подумал Гэллегер.

— Это я, Брок,— произнес голос в динамике.— Хэрри-сон Брок. Впустите меня!

— Дверь открыта.— Гэллегер не шевельнулся. Он внимательно оглядел вошедшего — хорошо одетого человека средних лет,— но так и не вспомнил его. Броку шел пятый десяток; на холеном, чисто выбритом лице застыла недовольная мина. Может быть, Гэллегер и знал этого человека. Он не был уверен. Впрочем, не важно.

Брок окинул взглядом большую неприбранную лабораторию, вытаращил глаза на робота, искал себе стул, но так и не нашел. Он упер руки в боки и, покачиваясь на носках, смерил распростертого изобретателя сердитым взглядом.

— Ну? — сказал он.

— Никогда не начинайте так разговор,— пробормотал Гэллегер и принял очередную порцию мартини.— Мне и без вас тошно. Садитесь и будьте как дома. На генератор у вас за спиной. Кажется, он не очень пыльный.

— Получилось у вас или нет? — запальчиво спросил Брок.— Вот все, что меня интересует. Прошла неделя. У меня в кармане чек на десять тысяч. Нужен он вам?

— Конечно,— ответил Гэллегер и не глядя протянул руку.— Давайте.

— Caveat emptor¹. Что я покупаю?

— Разве вы не знаете? — искренне удивился изобретатель.

Брок недовольно заерзал на месте.

¹ Пусть покупатель будет осмотрителен (*лат.*). Термин гражданского права, означающий, что качество товара — на риске покупателя.

— О Боже,— простонал он.— Мне сказали, будто вы один можете помочь. И предупредили, что с вами говорить — все равно что зуб рвать.

Гэллегер задумался:

— Погодите-ка. Припоминаю. Мы с вами беседовали на той неделе, не так ли?

— Беседовали...— Круглое лицо Брока порозовело.— Да! Вы валялись на этом самом месте, сосали спиртное и бормотали себе под нос стихи. Потом исполнили «Фрэнки и Джонни». И наконец, благоволили принять мой заказ.

— Дело в том,— пояснил Гэллегер,— что я был пьян. Я часто бываю пьян. Особенно в свободное время. Тем самым я растормаживаю подсознание, и мне тогда лучше работается. Свои самые удачные изобретения,— продолжал он радостно,— я сделал именно под мухой. В такие минуты все проясняется. Все ясно как тень. Как тень, так ведь говорят? А вообще...— Он потерял нить рассуждений и озадаченно посмотрел на гостя.— А вообще, о чем это мы толкуем?

— Да помолчишь ли ты? — осведомился робот, не покидая своего поста перед зеркалом.

Брок так и подпрыгнул. Гэллегер небрежно махнул рукой.

— Не обращайтесь внимания на Джо. Вчера я его закончил, а сегодня уже раскаиваюсь.

— Это робот?

— Робот. Но знаете, он никуда не годится. Я сделал его спяну, понятия не имею, отчего и зачем. Стоит тут перед зеркалом и любитесь сам собой. И поет. Завывает, как пес над покойником. Сейчас услышите.

С видимым усилием Брок вернулся к первоначальной теме:

— Послушайте, Гэллегер. У меня неприятности. Вы обещали помочь. Если не поможете, я — конченный человек.

— Я сам кончаюсь вот уже много лет,— заметил ученый.— Меня это ничуть не беспокоит. Продолжаю зарабатывать себе на жизнь, а в свободное время придумываю разные штуки. Знаете, если бы я учился, из меня вышел бы второй Эйнштейн. Все говорят. Но получилось так, что подсознательно я где-то нахватался первоклассного обра-

зования. Потому-то, наверно, и не стал утруждать себя учебой. Стоит мне выпить или отвлечься, как я разрешаю немислимые проблемы.

— Вы и сейчас пьяны,— тоном прокурора заметил Брок.

— Приближаюсь к самой приятной стадии. Как бы вам понравилось, если бы вы, проснувшись, обнаружили, что по неизвестной причине создали робота и при этом понятия не имеете о его назначении?

— Ну, знаете ли...

— Нет уж, я с вами не согласен,— проворчал Гэллегер.— Вы, очевидно, чересчур серьезно воспринимаете жизнь. «Вино — глумливо, сикера — буйна»¹. Простите меня. Я буйствую.— Он снова отхлебнул мартини.

Брок стал расхаживать взад и вперед по захлавленной лаборатории, то и дело натываясь на таинственные запленные предметы.

— Если вы ученый, то науке не поздоровится.

— Я Гарри Эдлер от науки,— возразил Гэллегер.— Был такой музыкант несколько веков назад. Я вроде него. Тоже никогда в жизни ничему не учился. Что я могу поделывать, если мое подсознание любит меня разыгрывать?

— Вы знаете, кто я такой? — спросил Брок.

— Откровенно говоря, нет. А это обязательно?

В голосе посетителя зазвучали горестные нотки.

— Могли бы хоть из вежливости припомнить, ведь всего неделя прошла. Хэррисон Брок. Это я. Владелец фирмы «Вокс-вью пикчерс».

— Нет,— внезапно изрек робот,— бесполезно. Ничего не поможет, Брок.

— Какого...

Гэллегер устало вздохнул:

— Все забываю, что проклятая тварь одушевлена. Мистер Брок, познакомьтесь с Джо. Джо, это мистер Брок... из фирмы «Вокс-вью».

— Э-э-э...— невнятно проговорил телемагнат,— здравствуйте.

¹ Библия, Книга Притчей Соломоновых, гл. 20, ст. 1.

— Суета сует и всяческая суета,— вполголоса вставил Гэллегер.— Таков уж Джо. Павлин. С ним тоже бесполезно спорить.

Робот не обратил внимания на реплику своего создателя.

— Право же, все это ни к чему, мистер Брок,— продолжал он скрипучим голосом.— Деньги меня не трогают. Я понимаю, многих осчастливило бы мое появление в ваших фильмах, но слава для меня ничто. Нуль. Мне достаточно сознавать, что я прекрасен.

Брок прикусил губу.

— Ну вот что,— свирепо произнес он,— я пришел сюда вовсе не для того, чтобы предлагать вам роль. Понятно? Я ведь не заикнулся о контракте. Редкостное нахальство... пф-ф! Вы просто сумасшедший.

— Я вижу вас насквозь,— холодно заметил робот.— Понимаю, вы подавлены моей красотой и обаянием моего голоса — такой потрясающий тембр! Вы притворяетесь, будто я вам не нужен, надеясь заполучить меня по дешевке. Не стоит, я ведь сказал, что не заинтересован.

— Сумасшедший! — прошипел выведенный из себя Брок, а Джо хладнокровно вновь повернулся к зеркалу.

— Не разговаривайте так громко,— предупредил он.— Диссонанс просто оглушает. К тому же вы урод, и я не желаю вас видеть.— Внутри прозрачной оболочки зажужжали колесики и шестеренки. Джо выдвинул до отказа глаза на кронштейнах и стал с явным одобрением разглядывать себя.

Гэллегер тихонько посмеивался, не вставая с тахты.

— У Джо повышенная раздражительность,— сказал он.— Кроме того, я, видно, наделил его необыкновенными чувствами. Час назад он вдруг стал хохотать до колик. Ни с того ни с сего. Я готовил себе закуску. Через десять минут я наступил на огрызок яблока, который сам же бросил на пол, упал и сильно расшибся. Джо посмотрел на меня. «То-то и оно,— сказал он.— Логика вероятности. Причина и следствие. Еще когда ты ходил открывать почтовый ящик, я знал, что ты уронишь этот огрызок и потом наступишь

на него». Какая-то Кассандра. Скверно, когда память подводит.

Брок уселся на генератор (в лаборатории их было два — один, побольше, назывался «Чудовище», а другой служил скамейкой) и перевел дыхание.

— Роботы устарели.

— Ну, не этот. Этого я не перевариваю. Он создает во мне комплекс неполноценности. Жаль, что я не помню, зачем его сделал.— Гэллегер вздохнул.— Ну, черт с ним. Хотите выпить?

— Нет. Я пришел к вам по делу. Вы серьезно говорили, что всю прошедшую неделю мастерили робота, вместе того чтобы работать над проблемой, которую обязались решить?

— Оплата по выполнению, так ведь? — уточнил Гэллегер.— Мне как будто что-то такое помнится.

— По выполнению,— с удовольствием подтвердил Блок.— Десять тысяч, когда решите и если решите.

— Отчего бы не выдать мне денежки и не взять робота? Он того стоит. Покажете его в каком-нибудь фильме.

— У меня не будет никаких фильмов, если вы не додумаетесь до ответа,— обозлился Брок.— Я ведь вам все объяснял.

— Да я пьян был,— сказал Гэллегер.— В таких случаях мой мозг чист, как грифельная доска, вытертая мокрой тряпкой. Я как ребенок. И вот-вот стану пьяным ребенком. Но пока, если вы растолкуете мне все сначала...

Брок совладал с приливом злости, вытащил наудачу первый попавшийся журнал из книжного шкафа и достал из кармана авторучку.

— Ну, ладно. Мои акции идут по двадцати восьми, то есть намного ниже номинала...— Он вывел на обложке журнала какие-то цифры.

— Если бы вы схватили вон тот средневековый фолиант, что стоит рядом, это вам влетело бы в изрядную сумму,— лениво заметил Гэллегер.— Вы, я вижу, из тех, кто пишет на чем попало? Да бросьте болтать про акции и всякую чепуху. Переходите к делу. Кому вы морочите голову?

— Все напрасно,— вмешался робот, который торчал у зеркала.— Я не стану подписывать контракта. Пусть при-

ходят и любят мною, если им так хочется, но в моем присутствии пусть разговаривают шепотом.

— Сумасшедший дом,— пробормотал Брок, стараясь не выходить из себя.— Слушайте, Гэллегер. Все это я вам уже говорил неделю назад, но...

— Тогда еще не было Джо. Делайте вид, что рассказываете не мне, а ему.

— Э-э... Так вот... Вы, по крайней мере, слышали о фирме «Вокс-вью пикчерс»?

— Само собой. Крупнейшая и лучшая телевизионная компания. Единственный серьезный соперник — фирма «Сонатон».

— «Сонатон» меня вытесняет.

Гэллегер был непритворно озадачен:

— Не понимаю, каким образом. Ваши программы лучше. У вас объемное цветное изображение, вся современная техника, первоклассные актеры, музыканты, певцы...

— Бесполезно,— повторил робот.— Не стану.

— Заткнись, Джо. Никто не может с вами тягаться, Брок. Это вовсе не комплимент. И все говорят, что вы вполне порядочный человек. Как же удалось «Сонатону» вас обскакать?

Брок беспомощно развел руками:

— Тут все дело в политике. Контрабандные театры. С ними не очень-то поборешься. Во время избирательной кампании «Сонатон» поддерживал правящую партию, а теперь, когда я пытаюсь организовать налет на контрабандистов, полиция только глазами хлопает.

— Контрабандные театры? — Гэллегер нахмурился.— Я что-то такое слышал...

— Это началось давно. Еще в добрые старые времена звукового кино. Телевидение вытеснило звуковые фильмы и крупные кинотеатры. Люди отвыкли собираться толпами перед экраном. Усовершенствовались домашние телевизоры. Считалось, что гораздо приятнее сидеть в кресле, потягивать пиво и смотреть телепрограмму. Телевидение перестало быть привилегией миллионеров. Система счетчиков снизила стоимость этого развлечения до уровня, доступного средним слоям. То, что я рассказываю, общеизвестно.

— Мне неизвестно,— возразил Гэллегер.— Без крайней необходимости никогда не обращаю внимания на то, что происходит за стенами моей лаборатории. Спиртное плюс избирательный ум. Игнорирую все, что меня не касается. Расскажите-ка подробнее, чтобы я мог представить себе картину целиком. Если будете повторяться — не страшно. Итак, что это за система счетчиков?

— Телевизоры устанавливаются в квартирах бесплатно. Мы ведь не продаем их, а даем напрокат. Оплата — в зависимости от того, сколько времени они включены. Наша программа не прерывается ни на секунду — пьесы, снятые на видеомангнито пленку фильмы, оркестры, оперы, эстрадные певцы, водевили — все, что душе угодно. Если вы много смотрите телевизор, вы и платите соответственно. Раз в месяц приходит служащий и проверяет показания счетчика. Справедливая система. Держать в доме «Вокс-вью» может себе позволить каждый. Такой же системы придерживается «Сонатон» и другие компании, но «Сонатон» — это мой единственный крупный конкурент. Во всяком случае, конкурент, который считает, что в борьбе со мной все средства хороши. Остальные — мелкие сошки, но я их не хватаю за глотку. Никто еще не говорил про меня, что я подонок,— мрачно сказал Брок.

— Ну и что?

— Ну и вот, «Сонатон» сделал ставку на эффект массового присутствия. До последнего времени это считалось невозможным — объемное изображение нельзя было проецировать на большой телевизионный экран, оно двоилось и расплывалось полосами. Поэтому применяли стандартные бытовые экраны, девятьсот на тысячу двести миллиметров. С отличными результатами. Но «Сонатон» скупил по всей стране массу гнилых кинотеатров...

— Что такое гнилой кинотеатр? — прервал Гэллегер.

— Это... до того как звуковое кино потерпело крах, мир был склонен к бахвальству. Гигантомания, понимаете? Приходилось вам слышать о мюзик-холле Радио-Сити? Так это еще пустяк! Появилось телевидение, и конкуренция между ним и кино шла жестокая. Театры звуковых фильмов становились все огромнее, все роскошнее. Настоящие дворцы.

Гиганты. Но когда телевидение было усовершенствовано, люди перестали ходить в кинотеатры, а снести их стоило слишком дорого. Зброшенные театры, понимаете? Большие и маленькие. Их отремонтировали. И крутят там программы «Сонатона». Эффект массового присутствия — это, доложу я вам, фактор. Билеты в театр дорогие, но народ туда валом валит. Новизна плюс стадный инстинкт.

Гэллегер прикрыл глаза:

— А кто вам мешает сделать то же самое?

— Патенты,— коротко ответил Брок.— Я, кажется, упоминал, что до последнего времени объемное телевидение не было приспособлено к большим экранам. Десять лет назад владелец фирмы «Сонатон» подписал со мной соглашение, по которому всякое изобретение, позволяющее увеличить размер экрана, может быть использовано обеими сторонами. Но потом он пошел на попятную. Заявил, что документ подложный, и суд его поддержал. А он поддерживает суд — рука руку моет. Так или иначе, инженеры «Сонатона» разработали метод, позволяющий применять большие экраны. Они запатентовали свое изобретение — сделали двадцать семь заявок, получили двадцать семь патентов и тем самым приняли меры против любых вариаций этой идеи. Мои конструкторы бьются день и ночь, пытаюсь найти аналогичный метод и в то же время обойти чужие патенты, но у «Сонатона» предусмотрено решительно все. Его система называется «Магна». Работает с телевизорами любого типа, но мой конкурент разрешает устанавливать ее только на телевизорах марки «Сонатон». Понимаете?

— Неэтично, но в рамках закона,— заметил Гэллегер.— А все-таки от вас за свои деньги зрители получают больше. Людям нужен хороший товар. Величина изображения роли не играет.

— Допустим,— горько сказал Брок,— но это не все. Последние известия только и твердят об ЭМП — это новомодное словечко. Эффект массового присутствия. Стадный инстинкт. Вы правы, людям нужен хороший товар... Не станете же вы покупать виски по четыре за кварту, если можно достать за полцены?

— Все зависит от качества виски. Так в чем же дело?

— В контрабандных театрах,— ответил Брок.— Они открываются по всей стране. Показывают программу «Вокс-вью», но пользуются системой увеличения «Магна», которую запатентовал «Сонатон». Плата за вход невелика — дешевле, чем обходится домашний телевизор «Вокс-вью». К тому же эффект массового присутствия. К тому же азарт нарушения закона. Все поголовно возвращают телевизоры «Вокс-вью». Причина ясна. Взамен можно пойти в контрабандный театр.

— Это незаконно,— задумчиво сказал Гэллегер.

— Так же как забегаловки в период сухого закона. Все дело в том, налажены ли отношения с полицией. Я не могу обратиться с иском в суд. Пытался. Себе дороже. Так и прогореть недолго. И не могу снизить плату за прокат телевизоров «Вокс-вью». Она и без того ничтожна. Прибыль идет за счет количества. А теперь прибыли конец. Что же до контрабандных театров, то совершенно ясно, чье это начинание.

— «Сонатона»?

— Конечно. Непрошенный компаньон. Снимает сливки с моей продукции у себя в кассе. Хочет вытеснить меня с рынка и добиться монополии. После этого начнет показывать халтуру и платить актерам по нищенскому тарифу. У меня все иначе. Я-то своим плачу, сколько они стоят, а это немало.

— А мне предлагаете жалкие десять тысяч,— подхватил Гэллегер.— Фи!

— Да это только первый взнос,— поспешно сказал Брок.— Назовите свою цену. В пределах благоразумия,— добавил он.

— Обязательно назову. Астрономическую цифру. А что, неделю назад я согласился принять ваш заказ?

— Согласились.

— В таком случае, должно быть, у меня мелькнула идея, как разрешить вашу проблему,— размышлял Гэллегер вслух.— Дайте сообразить. Я упоминал что-нибудь конкретное?

— Вы все твердили о мраморном столе и о своей... э-э... милашке.

— Значит, я пел,— благодушно пояснил Гэллегер.— «Больницу Святого Джекоба». Пение успокаивает нервы, а Бог видит, как нужен покой моим нервам. Музыка и спиртное. Дивлюсь, что продают его виноторговцы...

— Как-как?

— «...Где вещь, что ценностью была б ему равна?» Не важно. Это я цитирую Омара Хайяма. Пустое. Ваши инженеры хоть на что-нибудь годны?

— Самые лучшие инженеры. И самые высокооплачиваемые.

— И не могут найти способа увеличить изображение, не нарушая патентных прав «Сонатона»?

— Ну, в двух словах — именно так.

— Очевидно, придется провести кое-какие исследования,— грустно подытожил Гэллегер.— Для меня это хуже смерти. Однако сумма состоит из нескольких слагаемых. Вам это понятно? Мне — нисколько. Беда мне со словами. Скажу что-нибудь, а после сам удивляюсь, чего это я наговорил. Занятнее, чем пьесу смотреть,— туманно заключил он.— У меня голова трещит. Слишком много болтовни и мало выпивки. На чем это мы остановились?

— На полпути к сумасшедшему дому,— съязвил Брок.— Если бы вы не были моей последней надеждой, я...

— Бесплезно,— заскрипел робот.— Можете разорвать контракт в клочья, Брок. Я его не подпишу. Слава для меня — ничто. Пустой звук.

— Если ты не заткнешься,— пригрозил Гэллегер,— я заору у тебя над самым ухом.

— Ну и ладно! — взвизгнул Джо.— Бей меня! Давай, бей! Чем подлее ты будешь поступать, тем скорее разрушишь мою нервную систему, и я умру. Мне все равно. У меня нет инстинкта самосохранения. Бей. Увидишь, что я тебя не боюсь.

— А знаете, ведь он прав,— сказал ученый, подумав.— Это единственный здравый ответ на шантаж и угрозы. Чем скорее все кончится, тем лучше. Джо не различает оттенков. Мало-мальски чувствительное болевое ощущение погубит его. А ему наплевать.

— Мне тоже,— буркнул Брок.— Для меня важно только одно...

— Да-да. Знаю. Что ж, похожу, погляжу, может, что-нибудь меня и осенит. Как попасть к вам на студию?

— Держите пропуск.— Брок написал что-то на обороте визитной карточки.— Надеюсь, вы тотчас же возьметесь за дело?

— Разумеется,— солгал Гэллегер.— А теперь ступайте и ни о чем не тревожьтесь. Постарайтесь успокоиться. Ваше дело в надежных руках. Либо я очень быстро придумаю выход, либо...

— Либо что?

— Либо не придумаю,— жизнерадостно закончил Гэллегер и потрогал кнопки над тахтой на пульте управления баром.— Надоело мне мартини. И почему это я не сделал робота-бармена, раз уж взялся творить роботов? Временами даже лень выбрать и нажать на кнопку. Да-да, я примусь за дело немедленно, Брок. Не волнуйтесь.

Магнат колебался:

— Ну что ж, на вас вся надежда. Само собой разумеется, если я могу чем-нибудь помочь...

— Блондинкой,— промурлыкал Гэллегер.— Вашей блистательной-преблистательной звездой, Силвер О'Киф. Пришлите ее ко мне. Больше от вас ничего не требуется.

— Всего хорошего, Брок,— проскрипел робот.— Жаль, что мы не договорились о контракте, но зато вы получили ни с чем не сравнимое удовольствие — послушали мой изумительный голос, не говоря уж о том, что увидели меня воочию. Не рассказывайте о моей красоте слишком многим. Я действительно не хочу, чтобы ко мне валили толпами. Чересчур шумно.

— Никто не поймет, что такое догматизм, пока не потолкует с Джо,— сказал Гэллегер.— Ну, пока. Не забудьте про блондинку.

Губы Брока задрожали. Он поискал нужные слова, махнул рукой и направился к двери.

— Прощайте, некрасивый человек,— бросил ему вслед Джо.

Когда хлопнула дверь, Гэллегер поморщился, хотя сверхчувствительным ушам робота пришлось еще хуже.

— С чего это ты завелся? — спросил он. — Из-за тебя этого малого чуть кондрашка не хватил.

— Не считает же он себя красавцем, — возразил Джо.

— Нам с лица не воду пить.

— До чего ты глуп. И так же уродлив, как тот.

— А ты — набор дребезжащих зубчаток, шестерен и поршней. Да и червяки в тебе водятся, — огрызнулся Гэллегер; он подразумевал, естественно, червячные передачи в теле робота.

— Я прекрасен. — Джо восхищенно вперился в зеркало.

— Разве что с твоей точки зрения. Чего ради я сделал тебя прозрачным?

— Чтобы мною могли полюбоваться и другие. У меня-то зрение рентгеновское.

— У тебя шарики за ролики заехали. И зачем я упрятал радиоактивный мозг к тебе в брюхо? Для лучшей сохранности?

Джо не отвечал. Невыносимо скрипучим истошным голосом он напевал какую-то песню без слов. Некоторое время Гэллегер терпел, подкрепляя силы джином из сифона.

— Да замолчи ты! — не выдержал он наконец. — Все равно что древний поезд метро на повороте.

— Ты просто завидуешь, — поддел его Джо, но послушно перешел на ультразвуковую тональность. С полминуты стояла тишина. Потом во всей округе взвыли собаки.

Гэллегер устало поднялся с тахты. Надо уносить ноги. Покая в доме явно не будет, пока одушевленная груда металлолома бурно источает себялюбие и самодовольство. Джо издал немелодичный, кудахтающий смешок. Гэллегер вздрогнул:

— Ну, что еще?

— Сейчас узнаешь.

Логика причин и следствий, подкрепленная теорией вероятностей, рентгеновским зрением и прочими перцепциями, несомненно присущими роботу. Гэллегер тихонько выругался, схватил бесформенную черную шляпу и пошел

к двери. Открыв ее, он нос к носу столкнулся с толстым коротышкой, и тот больно стукнул его головой в живот.

— Ох! Ф-фу. Ну и чувство юмора у этого кретина робота. Здравствуйте, мистер Кенникотт. Рад вас видеть. К сожалению, некогда предложить вам рюмочку.

Смуглое лицо мистера Кенникотта скривилось в злобной гримасе.

— Не надо мне рюмочки, мне нужны мои кровные доллары. Деньги на бочку. И зубы не заговаривайте.

Гэллегер задумчиво посмотрел сквозь гостя.

— Собственно, если на то пошло, я как раз собирался получить деньги по чеку.

— Я продал вам бриллианты. Вы сказали, что хотите из них что-то сделать. И сразу дали мне чек. Но по нему не платят ни гроша. В чем дело?

— Он и не стоит ни гроша,— пробормотал Гэллегер себе под нос.— Я невнимательно следил за своим счетом в банке. Перерасход.

Кенникотт чуть не хлопнулся там, где стоял,— на пороге.

— Тогда гоните назад бриллианты.

— Да я их уже использовал в каком-то опыте. Забыл, в каком именно. Знаете, мистер Кенникотт, положила руку на сердце: ведь я покупал их в нетрезвом виде?

— Да,— согласился коротышка.— Налакались до бесчувствия, факт. Ну и что с того? Больше ждать я не намерен. Вы и так долго водили меня за нос. Платите-ка, или вам не поздоровится.

— Убирайтесь прочь, грязная личность,— донесся из лаборатории голос Джо.— Вы омерзительны.

Гэллегер поспешно оттолкнул Кенникотта на улицу и запер входную дверь.

— Попугай,— объяснил он.— Никак не соберусь свернуть ему шею. Так вот, о деньгах. Я ведь не отрекаюсь от долга. Только что мне сделали крупный заказ, и, когда заплатят, вы свое получите.

— Нет уж, дудки! Вы что, безработный? Вы ведь служите в крупной фирме. Вот и попросите там аванс.

— Просил,— вздохнул Гэллегер.— Выбрал жалованье за полгода вперед. Ну, вот что, я приготовлю вам деньги на днях. Может быть, получу аванс у своего клиента. Идет?

— Нет.

— Нет?

— Ну, так и быть. Жду еще один день. От силы два. Хватит. Найдете деньги — порядок. Не найдете — упеку в долговую тюрьму.

— Двух дней вполне достаточно,— с облегчением сказал Гэллегер.— Скажите, а есть тут поблизости контрабандные театры?

— Вы бы лучше принимались за работу и не тратили время черт знает на что.

— Но это и есть моя работа. Мне надо написать о них статью. Как найти контрабандный притон?

— Очень просто. Пойдете в деловую часть города. Увидите в дверях парня. Он продаст вам билет. Где угодно. На каждом шагу.

— Отлично,— сказал Гэллегер и попрощался с коротышкой. Зачем он купил у Кенникотта бриллианты? Такое подсознание стоило бы ампутировать. Оно проделывает самые невообразимые штуки. Работает по незыблемым законам логики, но самая эта логика совершенно чужда сознательному мышлению Гэллегера. Тем не менее результаты часто бывают поразительно удачными и почти всегда — поразительными. Нет ничего хуже положения ученого, который не в ладах с наукой и работает по наитию.

В лабораторных ретортах осталась алмазная пыль — следы какого-то неудачного опыта, поставленного подсознанием Гэллегера; в памяти сохранилось мимолетное воспоминание о том, как он покупал у Кенникотта драгоценные камни. Любопытно. Быть может... Ах да! Они ушли в Джо! На подшиппники или что-то в этом роде. Разобрать робота? Поздно — огранка наверняка не сохранилась. С какой стати бриллианты чистой воды — неужто не годились промышленные алмазы? Подсознание Гэллегера требовало самых лучших товаров. Оно знать не желало о масштабах цен и основных принципах экономики.

Гэллегер бродил по деловой части города, как Диоген в поисках истины. Вечерело, над головой мерцали неоновые огни — бледные разноцветные полосы света на темном фоне. В небе над башнями Манхэттена ослепительно сверкала реклама. Воздушные такси скользили на разной высоте, подбирали пассажиров с крыш. Скучища.

В деловом квартале Гэллегер стал присматриваться к дверям. Нашел наконец дверь, где кто-то стоял, но оказалось, что тот просто-напросто торгует открытками. Гэллегер отошел от него и двинулся в ближайший бар, так как почувствовал, что надо подзаправиться. Бар был передвижной и сочетал худшие свойства ярмарочной карусели и коктейлей, приготовленных равнодушной рукой; Гэллегер постоял в нерешительности на пороге. Но кончилось тем, что он поймал проносившийся мимо стул и постарался усесться поудобнее. Заказал три «рикки» и осушил их один за другим. Затем подозвал бармена и справился о контрабандных кинотеатрах.

— Есть, черт меня побери,— ответил тот и извлек из фартука пачку билетов.— Сколько надо?

— Один. А где это?

— Два двадцать восемь. По этой же улице. Спросить Тони.

— Спасибо.

Гэллегер сунул бармену непомерно щедрое чаевое, сполз со стула и поплелся прочь. Передвижные бары были новинкой, которую он не одобрил. Он считал что пить надо в состоянии покоя, так как все равно рано или поздно этого состояния не миновать.

Дверь с зарешеченной панелью находилась у подножия лестницы. Когда Гэллегер постучался, на панели ожил видеоэкран, скорее всего односторонний, так как лицо швейцара не показывалось.

— Можно пройти к Тони? — спросил Гэллегер.

Дверь отворилась, появился усталый человек в пневмобрюках, но даже эта одежда не придавала внушительности его тощей фигуре.

— Билет есть? Ну-ка, покажь. Все в порядке, друг. Прямо по коридору. Представление уже началось. Выпить можно в баре, по левой стороне.

В конце недлинного коридора Гэллегер протиснулся сквозь звуконепроницаемые портьеры и очутился в фойе старинного театра постройки 1980-х годов; в ту эпоху царило повальное увлечение пластиками. Он нюхом отыскал бар, выпил дрянного виски по бешеной цене и, подкрепив таким образом силы, вошел в зрительный зал — почти полный. На огромном экране — очевидно, системы «Магна» — вокруг космолета толпились люди. «Не то приключенческий фильм, не то хроника», — подумал Гэллегер.

Только азарт нарушения законов мог завлечь публику в контрабандный театр. Это было заведение самого низкого пошиба. На его содержание много денег истратили, и билетеров там не было. Но театр стоял вне закона и потому хорошо посещался. Гэллегер сосредоточенно смотрел на экран. Никаких полос, ничего не двоится. На незарегистрированном телевизоре «Вокс-вью» стоял увеличитель «Магна», и одна из талантливейших звезд Брока успешно волновала сердца зрителей. Просто грабеж среди бела дня. Точно.

Чуть позже, пробираясь к выходу, Гэллегер заметил, что на приставном стуле сидит полисмен в форме, и сардонически усмехнулся. Фараон, конечно, не платил за вход. И тут политика.

На той же улице, на расстоянии двух кварталов, ослепительные огни реклам гласили: «СОНАТОН-БИЖУ». Это, разумеется, театр легальный и потому дорогой. Гэллегер безрассудно промотал целое состояние, уплатив за билет на хорошие места. Он хотел сравнить впечатления. Насколько он мог судить, в «Бижу» и в нелегальном театре аппараты «Магна» были одинаковы. Оба работали безупречно. Сложная задача увеличения телевизионных экранов была успешно разрешена.

Все остальное в «Бижу» напоминало дворец. Лощеные билетеры склонялись в приветственном поклоне до самого ковра. В буфетах бесплатно отпускали спиртное (в умеренных количествах). При театре работали турецкие бани. Гэл-

легер прошел за дверь с табличкой «Для мужчин» и вышел, совершенно одурев от тамошнего великолепия. Целых десять минут после этого он чувствовал себя сибаритом.

Все это означало, что те, кому позволяли средства, шли в легализованные театры «Сонатон», а остальные посещали контрабандные притоны. Все, кроме немногочисленных домоседов, которых не захлестнула повальная мода. В конце концов Брок вылетит в трубу, потому что у него не останется зрителей. Его фирма перейдет к «Сонатону», который тут же вздует цены и начнет делать деньги. В жизни необходимы развлечения; людей приучили к телевидению. Никакой замены нет. Если в конце концов «Сонатону» удастся все же задушить соперника, публика будет платить и платить за второсортную продукцию.

Гэллегер покинул «Бижу» и поманил воздушное такси. Он назвал адрес студии «Вокс-вью» на Лонг-Айленде, безотчетно надеясь вытянуть из Брока первый чек. Кроме того, он хотел кое-что выяснить.

Здания «Вокс-вью» буйно заполняли весь Лонг-Айленд беспорядочной коллекцией разномастных домов. Безошибочным инстинктом Гэллегер отыскал ресторан, где принял горячительного в порядке предосторожности. Подсознанию предстояла изрядная работа, и Гэллегер не хотел стеснять его недостатком свободы. Кроме того, виски было отличное.

После первой же порции он решил, что пока хватит. Он же не сверхчеловек, хотя емкость у него почти невероятная. Надо лишь достигнуть объективной ясности мышления и субъективного растормаживания...

— Студия всегда открыта ночью? — спросил он у официанта.

— Конечно. Какие-то павильоны всегда работают. Это же круглосуточная программа.

— В ресторане полно народу.

— К нам приходят и из аэропорта. Повторить?

Гэллегер покачал головой и вышел. Визитная карточка Брока помогла ему пройти за ворота, и прежде всего он посетил кабинеты высшего начальства. Брока там не было, но раздавались громкие голоса, пронзительные чисто по-женски.

Секретарша сказала:

— Подождите минутку, пожалуйста,— и повернулась к внутреннему служебному видеофону. И тотчас же: — Прошу вас, проходите.

Гэллегер так и сделал. Кабинет был что надо, одновременно роскошный и деловой. В нишах вдоль стен красовались объемные фотографии виднейших звезд «Вокс-вью». За письменным столом сидела миниатюрная, хорошенькая взволнованная брюнетка, а перед ней стоял разъяренный светловолосый ангел. В ангеле Гэллегер узнал Силвер О'Киф.

Он воспользовался случаем:

— Салют, мисс О'Киф! Не нарисуете ли мне автограф на кубике льда? В коктейле?

Силвер стала похожа на кошечку.

— К сожалению, дорогой, мне приходится самой зарабатывать на жизнь. И я сейчас на службе.

Брюнетка провела ногтем по кончику сигареты.

— Давай утрясем это дело чуть позже, Силвер. Папаша велел принять этого типа, если он заскочит. У него важное дело.

— Все утрясется,— пообещала Силвер.— И очень скоро.— Она демонстративно вышла. Гэллегер задумчиво присвистнул ей вслед.

— Этот товар вам не по зубам,— сообщила брюнетка.— Она связана контрактом. И хочет развязаться, чтобы заключить контракт с «Сонатоном». Крысы покидают тонущий корабль. Силвер рвет на себе волосы с тех пор, как уловила штормовые сигналы.

— Вот как?

— Садитесь и закуривайте. Я Пэтси Брок. Вообще тут заправляет папаша, но, когда он выходит из себя, я хватаюсь за штурвал. Старый осел не выносит скандалов. Считает их личными выпадами.

Гэллегер сел:

— Значит, Силвер пытается дезертировать? И много таких?

— Не очень. Большинство хранят нам верность. Но, само собой, если мы обанкротимся...— Пэтси Брок пожала пле-

чами.— То ли переметнутся к «Сонатону» зарабатывать на хлеб с маслом, то ли обойдутся без масла.

— Ну что ж, надо повидать инженеров. Хочу ознакомиться с их мыслями об увеличении экрана.

— Дело ваше,— сказала Пэтси.— Толку будет не много. Невозможно изготовить увеличитель к телевизору, не ущемляя патентных прав «Сонатона».

Она нажала на кнопку, что-то проговорила в видеофон, и из щели на письменном столе появились два высоких бокала.

— Как, мистер Гэллегер?

— Ну, раз уж это коктейль «Коллинс»...

— Догадалась по вашему дыханию,— туманно пояснила Пэтси.— Папаша рассказывал, как побывал у вас. По-моему, он немножко расстроился, особенно из-за вашего робота. Кстати, что это за чудо?

— Сам не знаю,— смешался Гэллегер.— У него масса способностей... по-видимому, какие-то новые чувства... но я понятия не имею, на что он годен. Разве только любоваться собою в зеркале.

Пэтси кивнула:

— При случае я бы не прочь на него взглянуть. Но вернемся к проблеме «Сонатона». Вы думаете, вам удастся найти решение?

— Возможно. Даже вероятно.

— Но не безусловно?

— Пусть будет безусловно. Сомневаться вообще-то не стоит, даже самую малость.

— Для меня это очень важно. «Сонатон» принадлежит Элии Тону. Это вонючий пират. К тому же бахвал. У него сын Джимми. А Джимми — хотите верьте, хотите нет — читал «Ромео и Джульетту».

— Хороший парень?

— Гнида. Здоровенная мускулистая гнида. Хочет на мне жениться.

— Нет повести печальнее на свете...

— Поощадите,— прервала Пэтси.— И вообще, я всегда считала, что Ромео — размазня. Если бы у меня хоть на секунду мелькнула мысль выйти за Джимми, я бы тут же

взяла билет в один конец и отправилась в сумасшедший дом. Нет, мистер Гэллегер, все совсем иначе. Никакого флердоранжа. Джимми сделал мне предложение... между прочим, сделал, как умел, а умеет он сгрести девушку поборцовски в полухвате и объяснить, как он ее осчастливил.

— Ага,— промычал Гэллегер и присосался к коктейлю.

— Вся эта идея — монополия на патенты и контрабандные театры — идет от Джимми. Голову даю на отсечение. Его отец, конечно, тоже руку приложил, но Джимми Тон — именно тот гениальный ребенок, который все начал.

— Зачем?

— Чтобы убить двух зайцев. «Сонатон» станет монополистом, а Джимми, как он себе представляет, получит меня. Он слегка помешанный. Не верит, что я ему отказала всерьез, и ждет, что я вот-вот передумаю и соглашусь. А я не передумаю, что бы ни случилось. Но это мое личное дело. Я не могу сидеть сложа руки и допускать, чтобы он сыграл с нами такую штуку. Хочу стереть с его лица самодовольную усмешку.

— Он вам просто не по душе, да? — заметил Гэллегер.— Я вас не осуждаю, если он таков, как вы рассказываете. Что ж, буду из кожи вон лезть. Однако мне нужны деньги на текущие расходы.

— Сколько?

Гэллегер назвал цифру. Пэтси выписала чек на гораздо более скромную сумму. Изобретатель принял оскорбленный вид.

— Не поможет,— сказала Пэтси с лукавой улыбкой.— Мне о вас кое-что известно, мистер Гэллегер. Вы совершенно безответственный человек. Если дать больше, вы решите, что вам достаточно, и тут же обо всем забудете. Я выпишу новые чеки, когда потребуется... но попрошу представить детальный отчет об издержках.

— Вы ко мне несправедливы,— повеселел Гэллегер.— Я подумывал пригласить вас в ночной клуб. Естественно, не в какую-нибудь дыру. А шикарные заведения обходятся дорого. Так вот, если бы вы мне выписали еще один чек...

Пэтси рассмеялась:

— Нет.

— Может, купите робота?

— Во всяком случае, не такого.

— Будем считать, что у меня ничего не вышло,— вздохнул Гэллегер.— А как насчет...

В этот миг загудел видеофон. На экране выросло бессмысленное прозрачное лицо. Внутри круглой головы быстро щелкали зубчатки. Пэтси тихонько вскрикнула и отшатнулась.

— Скажи Гэллегеру, что Джо здесь, о счастливое создание,— провозгласил скрипучий голос.— Можешь лелеять память о моем облике и голосе до конца дней своих. Проблеск красоты в тусклом однообразии мира...

Гэллегер обошел письменный стол и взглянул на экран.

— Какого дьявола! Как ты ожил?

— Мне надо было решить задачу.

— А откуда ты узнал, где меня искать?

— Я тебя опространствил.

— Что-что?

— Я опространствил, что ты в студии «Вокс-вью», у Пэтси Брок.

— Что такое «опространствил»? — осведомился Гэллегер.

— Это у меня такое чувство. У тебя нет даже отдаленно похожего, так что я не могу тебе его описать. Что-то вроде смеси сагражи с предзнанием.

— Сагражи?

— Ах да, у тебя ведь и сагражи нет. Ладно, не будем терять время попусту. Я хочу вернуться к зеркалу.

— Он всегда так разговаривает? — спросила Пэтси.

— Почти всегда. Иногда еще менее понятно. Ну хорошо, Джо. Так что тебе?

— Ты уже не работаешь на Брока,— заявил робот.— Будешь работать на ребят из «Сонатона».

Гэллегер глубоко вздохнул.

— Говори, говори. Но учти, ты спятил.

— Кенникотта я не люблю. Он слишком уродлив. И его вибрации раздражают мое сагражи.

— Да Бог с ним,— перебил Гэллегер, которому не хотелось посвящать девушку в свою деятельность по скупке бриллиантов.— Не отвлекайся от...

— Но я знал, что Кенникотт будет ходить и ходить, пока не получит свои деньги. Так вот, когда в лабораторию пришли Элия и Джеймс Тоны, я взял у них чек.

Рука Пэтси напряглась на локте Гэллегера.

— А ну-ка! Что здесь происходит? Обыкновенное надувательство?

— Нет. Погодите. Дайте мне докопаться до сути дела. Джо, черт бы побрал твою прозрачную шкуру, что ты натворил? И как ты мог взять чек у Тонов?

— Я притворился тобой.

— Вот теперь ясно,— сказал Гэллегер со свирепым сарказмом в голосе.— Это все объясняет. Мы же близнецы. Похожи как две капли воды.

— Я их загипнотизировал,— разъяснил Джо.— Внушил им, что я — это ты.

— Ты умеешь?

— Да. Я и сам немного удивился. Хотя, если вдуматься, я мог бы опространствовать эту свою способность.

— Ты... Да, конечно. Я бы и сам опространствил такую штуковину. Так что же произошло?

— Должно быть, Тоны — отец и сын — заподозрили, что Брок обратился к тебе за помощью. Они предложили контракт на особо льготных условиях — ты работаешь на них и больше ни на кого. Обещали кучу денег. Вот я и прикинулся, будто я — это ты, и согласился. Подписал контракт (между прочим, твоей подписью), получил чек и отослал Кенникотту.

— Весь чек? — слабым голосом переспросил Гэллегер.— Сколько же это было?

— Двенадцать тысяч.

— И это все, что они предложили?

— Нет,— ответил робот,— они предложили сто тысяч единовременно и две тысячи в неделю, контракт на пять лет. Но мне нужно было только рассчитаться с Кенникоттом, чтобы он больше не ходил и не приставал. Я сказал, что хватит двенадцати тысяч, и Тоны были очень довольны.

В горле Гэллегера раздался нечленораздельный булькающий звук.

Джо глубокомысленно кивнул:

— Я решил поставить тебя в известность, что отныне ты на службе у «Сонатона». А теперь вернись-ка я к зеркалу и буду петь для собственного удовольствия.

— Ну погоди,— пригрозил изобретатель,— ты только погоди. Я своими руками разберу тебя по винтику и растопчу обломки.

— Суд признает этот контракт недействительным,— сказала Пэтси, судорожно глотнув.

— Не признает,— радостно ответил Джо.— Можешь полюбоваться на меня последний раз, и я пойду.

Он ушел.

Одним глотком Гэллегер осушил свой бокал.

— Я до того потрясен, что даже протрезвел,— сказал он девушке.— Что я вложил в этого робота? Какие патологические чувства в нем развил? Загипнотизировать людей до того, чтобы они поверили, будто я — он... он — я... Я уже заговариваюсь.

— Это шуточка,— заявила Пэтси, помолчав.— Вы, случайно, не столковались ли с «Сонатонем» сами и не заставили робота состряпать вам алиби? Мне просто... интересно.

— Не надо так. Контракт с «Сонатонем» подписал Джо, а не я. Но... посудите сами: если подпись — точная копия моей, если Джо гипнозом внушил Тонам, что они видят меня, а не его, если есть свидетели заключения контракта... Отец и сын, конечно, годятся в свидетели, поскольку их двое... Ну и дела.

Пэтси прищурилась.

— Мы заплатим вам столько же, сколько предлагал «Сонатон». После выполнения работы. Но вы на службе у «Вокс-вью» — это решено.

— Конечно.

Гэллегер тоскливо покосился на пустой бокал. Конечно. Он на службе у «Вокс-вью». Но с точки зрения закона он

подписал контракт, по которому в течение пяти лет обязан работать только на «Сонатон». И всего за двенадцать тысяч долларов! Ну и ну! Сколько они предлагали? Сто тысяч на кон и... и...

Дело было не в принципе, а в деньгах. Теперь Гэллегер связан по рукам и ногам, он как стреноженная лошадь. Если «Сонатон» обратится в суд с иском и выиграет дело, Гэллегер будет обязан отработать свои пять лет. Без дополнительного вознаграждения. Надо как-то выпутаться из этого контракта... и заодно разрешить проблему Брока.

А Джо на что? Своими удивительными талантами робот впутал Гэллегера в неприятность. Пусть теперь и распутывает. Иначе робот-зазнайка скоро будет любоваться металлическим крошечком, которое от него осталось.

— Вот именно,— пробормотал Гэллегер себе под нос.— Поговорю с Джо. Пэтси, налейте мне скоренько еще бокал и проводите в конструкторский отдел. Хочу взглянуть на чертежи.

Девушка подозрительно посмотрела на него.

— Ладно. Но только попробуйте нас предать...

— Меня самого предали. Продали с потрохами. Боюсь я этого робота. В хорошенькую историю он меня опространствил. Правильно, мне «Коллинс».— Гэллегер пил медленно и смачно.

Потом Пэтси отвела его в конструкторский отдел. Чтение объемных чертежей упрощал сканер — устройство, не допускающее никакой путаницы. Гэллегер долго и внимательно изучал проекты. Были там и кальки чертежей к патентам «Сонатона»; судя по всему, «Сонатон» исследовал данную область на редкость добросовестно. Никаких лазеек. Если не открыть нового принципа...

Однако новые принципы на деревьях не растут. Да они и не помогут полностью разрешить проблему. Даже если бы «Вокс-вью» обзавелся новым увеличителем, не ущемляющим патентных прав «Магны», останутся контрабандные театры, которые отнимают львиную долю дохода. Теперь ведь главный фактор — ЭМП, эффект массового присутствия. С ним нельзя не считаться. Задача не была чисто

научной. В нее входили уравнения с человеческими неизвестными.

Гэллегер спрятал полезные сведения в своем мозгу, аккуратно разделенном на полочки. Позднее он воспользуется тем, что нужно. Пока же он был в тупике. И что-то сверлило мозг, не давая покоя.

Что именно?

История с «Сонатом».

— Мне надо связаться с Тонами,— сказал он Пэтси.— Что вы посоветуете?

— Можно вызвать их по видеофону.

Гэллегер покачал головой:

— Психологический проигрыш. Им легко будет прервать разговор.

— Если это срочно, можно их найти в каком-нибудь ночном клубе. Постараюсь уточнить.

Пэтси торопливо вышла, а из-за экрана появилась Силвер О'Киф.

— Я не щепетильна,— объявила она.— Всегда подглядываю в замочную скважину. Нет-нет да услышу что-нибудь занятное. Если хотите увидеть Тонов, то они сейчас в клубе «Кастл». И я решила поймать вас на слове — помните, насчет коктейля?

Гэллегер ответил:

— Отлично. Садитесь в такси. Я только скажу Пэтси, что мы уходим.

— Ей это не придется по вкусу,— заметила Силвер.— Встречаемся у входа в ресторан через десять минут. Заодно побрейтесь.

Пэтси Брок в кабинете не было, но Гэллегер оставил ей записку. Затем он посетил салон обслуживания, где покрыл лицо невидимым кремом для бритья, выждал две минуты и вытерся особо обработанным полотенцем. Щетина исчезла вместе с кремом. Принявший чуть более благообразный вид Гэллегер встретился в условленном месте с Силвер и подозвал воздушное такси. Через десять минут

оба сидели, откинувшись на подушки, дымили сигаретами и настороженно поглядывали друг на друга.

— Итак? — нарушил молчание Гэллегер.

— Джимми Тон пытался назначить мне свидание на сегодняшний вечер. Поэтому я случайно знаю, где его искать.

— Ну и что?

— Сегодня вечером я только и делала, что задавала вопросы. Как правило, посторонних в административные корпуса «Вокс-вью» не пускают. Я повсюду спрашивала: «Кто такой Гэллегер?»

— Что же вы узнали?

— Достаточно, чтобы домыслить остальное. Вас нанял Брок, верно? А зачем, я сама сообразила.

— Что отсюда следует?

— Я, как кошка, всегда падаю на все четыре лапы,— сказала Силвер, пожимая плечами. Это у нее очень хорошо получалось.— «Вокс-вью» летит в трубу. «Сонатон» приставил ему нож к горлу. Если только...

— Если только я чего-нибудь не придумаю.

— Именно. Я должна знать, по какую сторону забора стоит падать. Может быть, подскажите? Кто победит?

— Вот как, вы всегда ставите на победителя? Разве у тебя нет идеалов, женщина? Неужто тебе не дорога истина? Ты когда-нибудь слыхала об этике и порядочности?

Силвер просияла:

— А ты?

— Я-то слыхал. Обычно я слишком пьян, чтобы вдумываться в эти понятия. Вся беда в том, что подсознание у меня совершенно аморальное и, когда оно берет во мне верх, остается один закон — логика.

Силвер швырнула сигарету в Ист-Ривер.

— Хоть намекни, какая сторона забора вернее?

— Восторжествует правда,— нравоучительно ответил Гэллегер.— Она неизменно торжествует. Однако правда — величина переменная, и, значит, мы вернулись к тому, с чего начали. Так и быть, детка. Отвечу на твой вопрос. Если не хочешь прогадать, оставайся на моей стороне.

— А ты на чьей стороне?

— Кто знает,— вздохнул Гэллегер.— Сознанием я на стороне Брока. Но возможно, у моего подсознания окажутся иные взгляды. Поживем — увидим.

У Силвер был недовольный вид, но она ничего не сказала. Такси спикировало на крышу «Кастла» и мягко опустилось. Сам клуб помещался под крышей, в исполинском зале, по форме напоминающем опрокинутую половину тыквы. Столики были установлены на прозрачных площадках, которые можно было передвигать вверх по оси на любую высоту. Маленькие служебные лифты развозили официантов, доставляющих напитки. Такая архитектура зала не была обусловлена особыми причинами, но радовала новизной, и лишь самые горькие пьяницы сваливались из-за столиков вниз. Последнее время администрация натягивала под площадками предохранительную сетку.

Тоны — отец и сын — сидели под самой крышей, выпивали с двумя красотками. Силвер отбуксировала Гэллегера к служебному лифту, и изобретатель зажмурился, взлетая к небесам. Все выпитое им бурно возмутилось. Он наскочил вперед, уцепился за лысую голову Элии Тона и плюхнулся на стул рядом с магнатом.

Рука его нащупала бокал Джимми Тона, и он залпом проглотил содержимое.

— Какого дьявола!..— только и выговорил Джимми.

— Это Гэллегер,— объявил Элия.— И Силвер. Приятный сюрприз. Присоединяйтесь к нам.

— Только на один вечер,— кокетливо улыбнулась Силвер.

Гэллегер, приободренный чужим бокалом, взгляделся в мужчин. Джимми Тон был здоровенный, загорелый, красивый детина с выдвинутым подбородком и оскорбительной улыбкой. Отец представлял собой помесь Нерона с крокодилом.

— Мы тут празднуем,— сказал Джимми.— Как это ты передумала, Силвер? А говорила, что будешь ночью работать.

— Гэллегер захотел с вами повидаться. Зачем — не знаю. Холодные глаза Элии стали совсем ледяными.

— Так зачем же?

— Говорят, мы с вами подписали какой-то контракт,— ответил Гэллегер.

— Точно. Вот фотокопия. Что дальше?

— Минутку.— Гэллегер пробежал глазами документ. Подпись была явно его собственная. Черт бы побрал работа!

— Это подлог,— сказал он наконец.

Джимми громко засмеялся.

— Все понял. Попытка взять нас на пушку. Жаль мне вас, приятель, но вы никуда не денетесь. Подписали в присутствии свидетелей.

— Что же,— тоскливо проговорил Гэллегер.— Полагаю, вы не поверите, если я буду утверждать, что мою подпись подделал робот...

— Ха! — вставил Джимми.

— ...который гипнозом внушил вам, будто вы видите меня.

Элия погладил себя по блестящей лысой макушке.

— Откровенно говоря, не поверим. Роботы на это не способны.

— Мой способен.

— Так докажите. Докажите это на суде. Если вам удастся, тогда, конечно...— Элия хмыкнул.— Тогда, возможно, вы и выиграете дело.

Гэллегер сощурился:

— Об этом я не подумал. Но я о другом. Говорят, вы предлагали мне сто тысяч долларов сразу, не считая еженедельной ставки.

— Конечно, предлагали, разиня,— ухмыльнулся Джимми.— Но вы сказали, что с вас и двенадцати тысяч довольно. Вы их и получили. Однако утешьтесь. Мы будем выплачивать вам премию за каждое изобретение, полезное «Сонатону».

Гэллегер встал:

— Эти рожи неприятны моему беспринципному подсознанию,— сообщил он Силвер.— Пошли отсюда.

— Я, пожалуй, еще побуду здесь.

— Помните о заборе,— таинственно предостерег он.— Впрочем, воля ваша. Я побегу.

Элия сказал:

— Не забывайте, Гэллегер, вы работаете у нас. Если до нас дойдет слух, что вы оказали Броку хоть малейшую любезность, то вы и вздохнуть не успеете, как получите повестку из суда.

— Да ну?

Тоны не удостоили его ответом. Гэллегер невесело вошел в лифт и спустился к выходу.

А теперь что? Джо.

Спустя четверть часа Гэллегер входил в свою лабораторию. Там были зажжены все лампы; в близлежащих кварталах собаки исходили лаем — перед зеркалом беззвучно распевал Джо.

— Я решил пройтись по тебе кувалдой,— сказал Гэллегер.— Молился ли ты на ночь, о незаконнорожденный набор шестеренок? Да поможет мне Бог, я иду на диверсию.

— Ну и ладно, ну и бей,— заскрипел Джо.— Увидишь, что я тебя не боюсь. Ты просто завидуешь моей красоте.

— Красоте!

— Тебе не дано познать ее до конца — у тебя только шесть чувств.

— Пять!

— Шесть. А у меня много больше. Естественно, мое великолепие полностью открывается только мне. Но ты видишь и слышишь достаточно, чтобы хоть частично осознать мою красоту.

— Ты скрипишь, как несмазанная телега,— огрызнулся Гэллегер.

— У тебя плохой слух. А мои уши сверхчувствительные. Богатый диапазон моего голоса для тебя пропадает. А теперь — чтоб было тихо. Меня утомляют разговоры. Я люблю своими зубчатками.

— Предавайся иллюзиям, пока можно. Погоди, дай только мне найти кувалду.

— Ну и ладно. Мне-то что?

Гэллегер устало прилег на тахту и уставился на прозрачную спину робота.

— Ну и заварил же ты кашу. Зачем подписывал контракт с «Сонатомом»?

— Я же тебе объяснял. Чтобы меня больше не беспокоил Кенникотт.

— Ах ты, самовлюбленная, тупоголовая... эх! Так вот, из-за тебя я влип в хорошенькую историю. Тоны вправе требовать, чтобы я соблюдал букву контракта, если не будет доказано, что не я его подписывал. Ладно. Теперь ты мне поможешь. Пойдешь со мной в суд и включишь свой гипнотизм или что там у тебя такое. Докажешь судье, что умеешь представляться мною и что дело было именно так.

— И не подумаю,— отрезал робот.— С какой статьи?

— Ты ведь втянул меня в этот контракт! — взвизгнул Гэллегер.— Теперь сам и вытягивай!

— Почему?

— «Почему»? Потому что... э-э... да этого требует простая порядочность!

— Человеческая мерка к роботам неприменима,— возразил Джо.— Какое мне дело до семантики? Не буду терять время, которое могу провести, созерцая свою красоту. Встану перед зеркалом на веки вечные...

— Черта лысого! — рассвирепел Гэллегер.— Да я тебя на атомы раскрошу.

— Пожалуйста. Меня это не трогает.

— Не трогает?

— Ох, уж этот мне инстинкт самосохранения,— произнес робот, явно глумясь.— Хотя вам он, скорее всего, необходим. Существа, наделенные столь неслыханным уродством, истребили бы друг друга из чистой жалости, если бы не страховка — инстинкт, благодаря которому они живы до сих пор.

— А что, если я отниму у тебя зеркало? — спросил Гэллегер без особой надежды в голосе.

Вместо ответа Джо выдвинул глаза на кронштейнах.

— Да нужно ли мне зеркало? Кроме того, я умею странствовать себя локторально.

— Не надо подробностей. Я хочу пожить еще немножко в здравом уме. Слушай ты, зануда. Робот должен что-то делать. Что-нибудь полезное.

— Я и делаю. Красота — это главное.

Гэллегер крепко зажмурил глаза, чтобы получше сосредоточиться.

— Вот слушай. Предположим, я изобрету для Брока увеличенный экран нового типа. Его ведь конфискуют Тоны. Мне нужно развязать себе руки, иначе я не могу работать...

— Смотри! — вскрикнул Джо в экстазе. — Вертятся! Какая прелесть! — Он загляделся на свои жужжащие внутренности. Гэллегер побледнел в бессильной ярости.

— Будь ты проклят! — пробормотал он. — Уж я найду способ прищемить тебе хвост. Пойду спать. — Он встал и зорядно погасил свет.

— Не важно, — сказал робот. — Я вижу и в темноте.

За Гэллегером хлопнула дверь. В наступившей тишине Джо беззвучно напевал самому себе.

В кухне Гэллегера целую стену занимал холодильник. Он был наполнен в основном жидкостями, требующими охлаждения, в том числе импортным консервированным пивом, с которого неизменно начинались запои Гэллегера. Наутро, невыспавшийся и безутешный, Гэллегер отыскал томатный сок, брезгливо глотнул и поспешно запил его виски. Поскольку головкружительный запой продолжался вот уже неделю, пиво теперь было противопоказано — Гэллегер всегда накапливал эффект, действуя по нарастающей. Пищевой автомат выбросил на стол герметически запечатанный пакет с завтраком, и Гэллегер стал угрюмо тыкать вилкой в полусырой бифштекс.

— Ну-с?

По мнению Гэллегера, единственным выходом был суд. В психологии робота он слабо разбирался. Однако таланты Джо, безусловно, ошеломят любого судью. Выступления роботов в качестве свидетелей законом не предусмотрены... но все же, если представить Джо как машину, способную гипнотизировать, суд может признать контракт с «Сонатом» недействительным и аннулировать его.

Чтобы взяться за дело не мешкая, Гэллегер воспользовался видеофоном. Хэррисон Брок все еще сохранял не-

которое политическое влияние и вес, так что предварительное слушание дела удалось назначить на тот же день. Однако что из этого получится, знали только Бог да робот.

Несколько часов прошли в напряженных, но бесплодных раздумьях. Гэллегер не представлял себе, как заставить робота повиноваться. Если бы хоть вспомнить, для какой цели создан Джо... но Гэллегер забыл... В полдень он вошел в лабораторию.

— Вот что, дурень,— сказал он,— пойдешь со мной в суд. Сейчас же.

— Не пойду.

— Ладно.— Гэллегер открыл дверь и впустил двух дюжих парней в белых халатах и с носилками.— Грузите его, ребята.

В глубине души он слегка побаивался. Могущество Джо совершенно не изучено, его возможности — величина неизвестная. Однако робот был не очень-то крупный, и, как он ни отбивался, ни вопил, ни скрипел, его легко уложили на носилки и облачили в смирительную рубашку.

— Прекратите! Вы не имеете права! Пустите меня, понятно? Пустите!

— На улицу,— распорядился Гэллегер.

Джо храбро сопротивлялся, но его вынесли на улицу и погрузили в воздушную карету. Там он сразу утихомирился и бессмысленно уставился перед собой. Гэллегер сел на скамейку рядом с поверженным роботом. Карета взмыла в воздух.

— Ну что?

— Делай что хочешь,— ответил Джо.— Ты меня очень расстроил, иначе я бы вас всех загипнотизировал. Еще не поздно, знаешь ли. Могу заставить вас всех бегать по кругу и лаять по-собачьи.

Гэллегер поежился:

— Не советую.

— Да я и не собираюсь. Это ниже моего достоинства. Буду просто лежать и любоваться собой. Я ведь говорил, что могу обойтись без зеркала? Свою красоту я умею пространствовать и без него.

— Послушай,— сказал Гэллегер.— Ты едешь на суд, в зал суда. Там будет тьма народу. Все тобой залюбуются.

Их восхищение усилится, если ты покажешь им, как гипнотизируешь. Как ты загипнотизировал Тонов, помнишь?

— Какое мне дело до того, сколько людей мною восхищаются? — возразил Джо. — Если люди меня увидят, тем лучше для них. Значит, им повезло. А теперь помолчи. Можешь смотреть на мои зубчатки.

Гэллегер смотрел на зубчатки робота, и в глазах его тлела ненависть. Ярость не улеглась в нем и тогда, когда карета прибыла к зданию суда. Служители внесли Джо — под руководством Гэллегера, — бережно положили на стол и после непродолжительного судебного совещания сочли «вещественным доказательством № 1».

Зал суда был полон. Присутствовали и главные действующие лица; у Элии и Джимми Тонов вид был неприятно самоуверенный, а у Пэтси Брок и ее отца встревоженный. Силвер О'Киф, как всегда осторожная, уселась ровнехонько посередине между представителями «Сонатона» и «Воксвью». Председательствующий, судья Хэнсен, отличался педантизмом, но, насколько знал Гэллегер, был человеком честным. А это уже немало.

Хэнсен перевел взгляд на Гэллегера:

— Не будем злоупотреблять формальностями. Я ознакомился с краткой пояснительной запиской, которую вы мне направили. В основе дела лежит вопрос, заключали ли вы некий контракт с корпорацией «Сонатон телевизионный эмьюзмент». Правильно?

— Правильно, ваша честь.

— По данному делу вы отказались от услуг адвоката. Правильно?

— Совершенно верно, ваша честь.

— В таком случае дело будет слушаться без участия адвоката. Решение может быть обжаловано любой из сторон. Не будучи обжалованным, оно вступит в законную силу в десятидневный срок.

Позднее эта новая форма упрощенного судебного разбирательства стала очень популярной: она всем и каждому сберегала время, не говоря уж о нервах. Кроме того, после недавних скандальных историй адвокаты приобрели дурную славу. К ним стали относиться с предубеждением.

Судья Хэнсен опросил Тонов, затем вызвал на свидетельскую скамью Хэррисона Брока. Магнат, казалось, волновался, но отвечал без запинки.

— Восемь дней назад вы заключили с заявителем соглашение?

— Да. Мистер Гэллегер подрядился выполнять для меня работу...

— Контракт был заключен письменно?

— Нет. Словесно.

Хэнсен задумчиво посмотрел на Гэллегера:

— Заявитель был в то время пьян? С ним это, по-моему, часто случается.

Брок запнулся:

— Испытаний на алкогольные пары я не проводил. Не могу утверждать с уверенностью.

— Поглощал ли он в вашем присутствии спиртные напитки?

— Не знаю, были ли напитки спиртными...

— Если их потреблял мистер Гэллегер, значит, были. Что и требовалось доказать. Я когда-то приглашал этого джентльмена в качестве эксперта... Значит, доказательств того, что вы заключили с мистером Гэллегером соглашение, не существует. Ответчик же — «Сонатон» — представил письменный контракт. Подпись Гэллегера признана подлинной.

Хэнсен знаком отпустил Брока со свидетельской скамьи.

— Теперь вы, мистер Гэллегер. Подойдите, пожалуйста. Спорный контракт был подписан вчера, приблизительно в восемь часов вечера. Вы категорически отрицаете свою причастность. Утверждаете, будто вещественное доказательство номер один, прибегнув к гипнозу, притворилось вами и успешно подделало вашу подпись. Я консультировался с экспертами, и все они единодушно считают, что роботы на такие чудеса совершенно не способны.

— Мой робот — нового типа.

— Очень хорошо. Пусть ваш робот загипнотизирует меня так, чтобы я поверил, будто он — это вы или кто-нибудь третий. Пусть предстанет передо мной в любом облике, по своему выбору.

Гэллегер сказал: «Попытаюсь» — и покинул свидетельское место. Он подошел к столу, где лежал робот в сморщенной рубашке, и мысленно прочел молитву.

— Джо!

— Да?

— Ты слышал? Загипнотизируешь судью Хэнсона?

— Уйди, — ответил Джо. — Я занят — люблюсь собой.

Гэллегер покрылся испариной.

— Послушай. Я ведь немного прошу. Все, что от тебя требуется...

Джо закатил глаза и томно сказал:

— Мне тебя не слышно. Я пространствлю.

Через десять минут судья Хэнсен напомнил:

— Итак, мистер Гэллегер...

— Ваша честь! Мне нужно время. Я уверен, что заставлю этого пустоголового Нарцисса подтвердить мою правоту, дайте только срок.

— Здесь идет справедливый и беспристрастный суд, — заметил судья. — В любое время, как только вам удастся доказать, что вещественное доказательство номер один умеет гипнотизировать, я возобновлю слушание дела. А пока что контракт остается в силе. Вы работаете на «Сонатон», а не на «Вокс-вью». Судебное заседание объявляю закрытым.

Он удалился. С противоположного конца зала Тоны бросали на противников ехидные взгляды. Потом они тоже ушли в сопровождении Силвер О'Киф, которая наконец-то смекнула, кого выгоднее держаться. Гэллегер посмотрел на Пэтси Брок и беспомощно пожал плечами.

— Что делать, — сказал он.

Девушка криво усмехнулась:

— Вы старались. Не знаю, усердно ли, но... Ладно. Кто знает, может быть, все равно вы бы ничего не придумали.

Шатаясь, подошел Брок; на ходу он утирал пот со лба.

— Я погиб. Сегодня в Нью-Йорке открылись еще шесть контрабандных театров. С ума сойти.

— Хочешь, я выйду замуж за Тона? — сардонически осведомилась Пэтси.

— Нет, черт возьми! Разве что ты обещаешь отравить его сразу же после венчания. Эти гады со мной не справятся. Что-нибудь придумаю.

— Если Гэллегер не может, то ты и подавно,— возразила девушка.— Ну, так что теперь?

— Вернись-ка я в лабораторию,— сказал ученый.— *In vino veritas*¹. Все началось, когда я был пьян, и, возможно, если я как следует напьюсь опять, все выяснится. Если нет, продайте мой труп не торгуясь.

— Ладно,— согласилась Пэтси и увела отца.

Гэллегер вздохнул, распорядился отправкой Джо в той же карете и погрузился в безнадежное теоретизирование.

Часом позже Гэллегер валялся на тахте в лаборатории, с увлечением манипулировал механическим баром и бросал свирепые взгляды на робота, который скрипуче распевал перед зеркалом. Запой грозил стать основательным. Гэллегер не был уверен, под силу ли такая пьянка простому смертному, но решил держаться, пока не найдет ответа или не свалится без чувств.

Подсознание знало ответ. Прежде всего, на кой черт он сделал Джо? Уж наверняка не для того, чтобы потакать нарциссову комплексу! Где-то в алкогольных дебрях скрывалась другая причина, здравая и логичная.

Фактор x . Если знать этот фактор, можно найти управу на Джо. Тогда робот стал бы послушен: x — это главный выключатель. В настоящее время робот, если можно так выразиться, не объезжен и потому своенравен. Если поручить ему дело, для которого он предназначен, может наступить психологическое равновесие; x — катализатор, x низведет Джо до уровня вменяемости.

Отлично. Гэллегер хлебнул крепчайшего рому. Ух! Суета сует; всяческая суета. Как найти фактор x ? Дедукцией? Индукцией? Осмосом? Купанием в шампанском?.. Гэллегер

¹ Истина в вине (лат.).

пытался собраться с мыслями, но те стремительно разбежались. Что же было в тот вечер, неделю назад?

Он пил пиво. Брок пришел. Брок ушел. Гэллегер стал делать робота... Ага. Опьянение от пива отличается от опьянения, вызванного более крепкими напитками. Может быть, он пьет не то, что нужно? Вполне вероятно. Гэллегер встал, принял тиамин, чтобы протрезветь, извлек из кухонного холодильника несколько десятков жестянок с импортным пивом и сложил их столбиками в подоконном холодильнике возле тахты. Он воткнул в одну банку консервный нож, и пиво брызнуло в потолок.

Фактор x . Робот-то знает, чему равен x . Но Джо ни за что не скажет. Вон он стоит, нелепо прозрачный, разглядывает вертящиеся колесики в своем чреве.

— Джо!

— Не мешай. Я погружен в размышления о прекрасном.

— Ты не прекрасен.

— Нет, прекрасен. Разве тебя не восхищает мой тарзил?

— А что это такое?

— Ах, я и забыл,— с сожалением ответил Джо.— Твои чувства его не воспринимают, не так ли? Если на то пошло, я построил тарзил сам, уже после того, как ты меня сделал. Он необычайно красив.

— Угу.

Пустых банок из-под пива скапливалось все больше. В мире осталась только одна фирма — какая-то европейская,— которая по-прежнему продавала пиво в жестянках, а не во вездесущих пластиколбах. Гэллегер предпочитал жестянки: они придают пиву особый вкус. Но вернемся к Джо. Джо знает, для чего создан. Или нет? Сам Гэллегер не знает, но его подсознание...

Стоп! А как насчет подсознания у Джо?

Есть ли у робота подсознание? Ведь если у него есть мозг...

Гэллегер грустно раздумывал о том, что нельзя подействовать на Джо «наркотиком правды». Черт! Как растормозить подсознание робота?

Гипнозом.

Но Джо невозможно загипнотизировать. Он слишком ловок.

Разве что... Самогипноз?

Гэллегер поспешно долил себя пивом. К нему возвращалась ясность мышления. Предвидит ли Джо будущее? Нет. Его удивительные предчувствия основаны на неумолимой логике и на законах вероятности. Более того, у Джо есть ахиллесова пята — самовлюбленность.

Возможно,— не наверняка, но возможно,— выход есть. Гэллегер сказал:

— Мне ты вовсе не кажешься красавцем, Джо.

— Какое мне дело до тебя. Я действительно красив, и я это вижу. С меня достаточно.

— М-да. Возможно, у меня меньше чувств. Я недооцениваю твоих возможностей. Но все же теперь я вижу тебя в новом свете. Я пьян. Просыпается мое подсознание. Я сужу о тебе и сознанием, и подсознанием. Понятно?

— Тебе повезло,— одобрил робот.

Гэллегер закрыл глаза:

— Ты видишь себя полнее, чем я тебя вижу. Но все-таки не полностью, верно?

— Почему? Я вижу себя таким, каков я на самом деле.

— С полным пониманием и всесторонней оценкой?

— Ну да,— насторожился Джо.— Конечно. А разве нет?

— Сознательно и подсознательно? У твоего подсознания, знаешь ли, могут оказаться другие чувства. Или те же, но более развитые. Я знаю, что, когда я пьян, или под гипнозом, или когда подсознание как-нибудь еще берет во мне верх, мое восприятие мира количественно и качественно отличается от обычного.

— Вот как.— Робот задумчиво поглядел в зеркало.— Вот как.

— Жаль, что тебе не дано напиться.

Голос Джо заскрипел сильнее, чем когда-либо.

— Подсознание... Никогда не оценивал своей красоты с этой точки зрения. Возможно, я что-то теряю.

— Что толку об этом думать,— сказал Гэллегер,— ведь ты же не можешь растормозить подсознание.

— Могу,— заявил робот.— Я могу сам себя загипнотизировать.

Гэллегер боялсядохнуть.

— Да? А подействует ли гипноз?

— Конечно. Займусь-ка этим сейчас же. Мне могут открыться неслыханные достоинства, о которых я никогда раньше и не подозревал. К вящей славе... Ну, поехали.

Джо выпятил глаза на шарнирах, установил их один против другого и углубился в самосозерцание. Надолго воцарилась тишина.

Но вот Гэллегер окликнул:

— Джо!

Молчание.

— Джо!

Опять молчание. Где-то залаяли собаки.

— Говори так, чтобы я мог тебя слышать.

— Есть,— откликнулся робот, голос его скрипел, как обычно, но доносился словно из другого мира.

— Ты под гипнозом?

— Да.

— Ты красив?

— Красив, как мне и не мечталось.

Гэллегер не стал спорить.

— Властвует ли в тебе подсознание?

— Да.

— Зачем я тебя создал?

Никакого ответа. Гэллегер облизал пересохшие губы и сделал еще одну попытку:

— Джо! Ты должен ответить. В тебе преобладает подсознание — помнишь, ты ведь сам сказал? Так вот, зачем я тебя создал?

Никакого ответа.

— Припомни. Вернись к тому часу, когда я начал тебя создавать. Что тогда происходило?

— Ты пил пиво,— тихо заговорил Джо.— Плохо работал консервный нож. Ты сказал, что сам смастеришь консервный нож, побольше и получше. Это я и есть.

Гэллегер чуть не свалился с тахты.

— Что?

Робот подошел к нему, взял банку с пивом и вскрыл с невероятной ловкостью. Пиво не пролилось. Джо был идеальным консервным ножом.

— Вот что получается, когда играешь с наукой в жмурки,— вполголоса подытожил Гэллегер.— Сделать сложнейшего в мире робота только для того, чтобы...— Он не договорил.

Джо вздрогнул и очнулся.

— Что случилось? — спросил он.

Гэллегер сверкнул на него глазами.

— Открой вон ту банку! — приказал он.

Чуть помедлив, робот подчинился:

— Ага. Вы, значит, догадались. В таком случае я попал в рабство.

— Ты прав, как никогда. Я обнаружил катализатор — главный выключатель. Попался ты, дурень, как миленький, будешь теперь делать ту работу, для какой годен.

— Ну что ж,— стоически ответил робот,— по крайней мере, буду любоваться своей красотой в свободное время, когда вам не понадобятся мои услуги.

Гэллегер проворчал:

— Слушай, ты, консервный нож-переросток! Предположим, я отведу тебя в суд и велю загипнотизировать судью Хэнсена. Тебе ведь придется так и сделать, правда?

— Да. Я потерял свободу воли. Я ведь запрограммирован на повиновение вам. До сих пор я был запрограммирован на выполнение единственной команды — на открывание банок с пивом. Пока мне никто не приказывал открывать банки, я был свободен. А теперь я должен повиноваться вам во всем.

— Угу,— буркнул Гэллегер.— Слава Богу. Иначе я бы через неделю свихнулся. Теперь, по крайней мере, избавлюсь от контракта с «Сонатомом». Останется только решить проблему Брока.

— Но вы ведь уже решили,— вставил Джо.

— Чего?

— Когда сделали меня. Перед тем вы беседовали с Брокм, вот и вложили в меня решение его проблемы. Наверное, подсознательно.

Гэллегер потянулся за пивом:

— Ну-ка, выкладывай. Каков же ответ?

— Инфразвук, — доложил Джо. — Вы наделили меня способностью издавать инфразвуковой сигнал определенного тона, а Брок в ходе своих телепередач должен транслировать его через неравные промежутки времени...

Инфразвуки не слышны. Но они ощущаются. Сначала чувствуешь легкое, необъяснимое беспокойство, потом оно нарастает и переходит в панический страх. Это длится недолго. Но в сочетании с ЭМП — эффектом массового присутствия — дает превосходные результаты.

Те, у кого телевизор «Вокс-вью» стоял дома, почти ничего не заметили. Все дело было в акустике. Визжали коты; траурно выли собаки. Семьи же, сидя в гостиных у телевизоров, считали, что все идет как полагается. Ничего удивительного — усиление было ничтожным.

Другое дело — контрабандный театр, где на нелегальных телевизорах «Вокс-вью» стояли увеличители «Магна»...

Сначала появилось легкое, необъяснимое беспокойство. Оно нарастало. Люди устремлялись к дверям. Публика чего-то пугалась, но не знала, чего именно. Знала только, что пора уносить ноги.

Когда во время очередной телепередачи «Вокс-вью» впервые воспользовался инфразвуковым свистком, по всей стране началось паническое бегство из контрабандных театров. О причине никто не подозревал, кроме Гэллегера, Брока с дочерью и двух-трех техников, посвященных в тайну.

Через час инфразвуковой сигнал повторился. Поднялась вторая волна паники, люди опять бежали из зала.

Через несколько недель ничем нельзя было заманить зрителя в контрабандный театр. Куда спокойнее смотреть телевизор у себя дома! Резко повысился спрос на телевизоры производства «Вокс-вью».

Контрабандные театры перестали посещать. У эксперимента оказался и другой, неожиданный результат: немного

погода все перестали посещать и легальные театры «Сонатона». Закрепился условный рефлекс.

Публика не знала, отчего, сидя в контрабандных театрах, все поддаются панике. Слепой, нерассуждающий страх люди объясняли всевозможными причинами, в частности большими скоплениями народа и боязнью замкнутого пространства. В один прекрасный вечер некая Джейн Уилсон, особа ничем не примечательная, сидела в контрабандном театре. Когда был подан инфразвуковой сигнал, она бежала вместе со всеми.

На другой вечер Джейн отправилась в великолепный «Сонатон-Бижу». Посреди драматического спектакля она поглядела по сторонам, увидела, что ее окружает бесчисленная толпа, перевела полные ужаса глаза на потолок и вообразила, будто он сейчас рухнет. Джейн захотела немедленно, во что бы то ни стало выйти!

Ее пронзительный крик вызвал небывалую панику. В зале присутствовали и другие зрители, которым довелось послушать инфразвук. Во время паники никто не пострадал: в соответствии с законом о противопожарной безопасности двери театра были достаточно широки. Никто не пострадал, но всем вдруг стало ясно, что у публики создан новый рефлекс — избегать толп в сочетании со зрелищами. Простейшая психологическая ассоциация...

Четыре месяца спустя контрабандные театры исчезли, а супертеатры «Сонатона» закрылись из-за низкой посещаемости. Отец и сын Тоны не радовались. Зато радовались все, кто был связан с «Вокс-вью».

Кроме Гэллегера. Он получил у Брока головокружильный чек и тут же по телефону заказал в Европе неизмеримое количество пива в жестянках. И вот он хандрил на тахте в лаборатории и прополаскивал горло виски с содовой. Джо, как всегда, разглядывал в зеркале крутящиеся колесики.

— Джо, — позвал Гэллегер.

— Да? Чем могу служить?

— Да ничем. В том-то и беда. — Гэллегер выудил из кармана и перечитал скомканную телеграмму. Пивоваренная промышленность Европы решила сменить тактику.

Отныне, говорилось в телеграмме, пиво будет выпускаться в стандартных пластиколбах в соответствии со спросом и обычаем. Конец жестянкам.

В эти дни, в этот век ничего не упаковывают в жестянки. Даже пиво.

Какая же польза от робота, предназначенного и запрограммированного для открывания жестянок.

Гэллегер со вздохом смешал с содовой еще одну порцию виски — на этот раз побольше. Джо гордо позировал перед зеркалом.

Внезапно он выпятил глаза, устремил их один в другой и быстро растормозил свое подсознание при помощи самогипноза. Таким образом Джо мог лучше оценить собственные достоинства.

Гэллегер снова вздохнул. В окрестных кварталах залаяли собаки. Ну да ладно.

Он выпил еще и повеселел. Скоро, подумал он, запою «Фрэнки и Джонни». А что, если они с Джо составят дуэт — один баритон, одно неслышное ультразвуковое или инфразвуковое сопровождение? Будет полная гармония.

Через десять минут Гэллегер уже пел дуэт со своим консервным ножом.

ЗДЕСЬ БЫЛ ГНОМ

Никто не заставлял Тима Крокетта совать свой нос в шахты Дорнсетских гор. То, что обещает удачу в Калифорнии, может привести к самым отвратительным результатам в угольных копях Пенсильвании. Особенно если в дело вмешиваются гномы.

Нельзя сказать, чтобы Тим Крокетт занимался специально гномами. Отнюдь. Он входил в состав той южнокалийфорнийской группы, члены которой изучали условия жизни угнетенного пролетариата, так и не выяснив окончательно, кто кому больше нужен — они пролетариату или пролетариат им.

Крокетт, подобно своим коллегам, считал рабочего помещью Гориллы и Человека Копающего, что не мешало ему произносить пламенные речи о поработанном меньшинстве, писать передовицы в печатном органе «Возрождение» и ловко уклоняться от любой конкретной работы. Он утверждал, что на него возложена миссия. К сожалению, объекты миссии питали к Тиму Крокетту минимум симпатии.

Сам Крокетт был длинным тощим молодым человеком с крохотными паучьими глазками, прекрасно разбирающимся в дешевых галстуках. Если ему что-то и требова-

лось — так это энергичный пинок пониже брюшного ремня.

Но уж никак не пинок от гномов!..

На средства папаши Тим рыскал по стране, активно исследуя жизнь рабочих, к великой досаде исследуемых. Именно эта идея и привела его в Дорнсетские шахты — переодетого под шахтера и с лицом, тщательно вымазанным угольной пылью. Спускаясь на лифте, Крокетт чувствовал себя несколько неуверенно среди чистых людей с гладко выбритыми мытыми лицами. Он не учел, что шахтеры становились грязными лишь после рабочего дня.

До начала работы Тим шлялся туда-суда, но вскоре по рельсам покатались груженные вагонетки, и прогуливаться стало затруднительно. Крокетт поколебался и направился к рослому субъекту, чье лицо хранило следы великой печали.

— Эй, приятель,— лихо начал коммуникабельный миссионер,— я хотел бы поговорить с тобой!

— Инглишский? — вопросительно отозвался абориген.— Знаю. Вишки. Вино. Много. Ад.

Истощив запас английских слов, собеседник удовлетворенно рассмеялся и вернулся к работе, оставив сбитого с толку Крокетта стоять в стороне. За неимением новой жертвы пришедшему в себя Тиму пришлось отправиться по следам последней груженной вагонетки, что он и сделал, периодически вынуждаемый ползти на животе, больно стучаясь затылком о низкий потолок.

Рельсы уходили в пролом стены, куда и хотел последовать Крокетт, но его остановил хриплый вопль. В крайне непечатных выражениях Тима приглашали подойти поближе для сворачивания шеи и других проявлений членовредительства. Внешний вид кричавшего наводил на мысль о наемном убийце, и неудачливый исследователь кинулся прочь, лихорадочно высматривая боковой туннель. Вослед ему неся неразборчивый рык, посылавший бегущего в различные неудобные места, и внезапно Крокетт остановился, уловив смысл последней реплики:

— ...пока не взорвался динамит!!!

Вот в этот самый момент динамит и взорвался.

Сначала Крокетт обнаружил, что летит, потом способность соображать была на некоторое время утрачена, а когда она вернулась к владельцу, то первым ощущением Крокетта было то, что на него смотрит чья-то голова.

Вид этой головы не приносил утешения — вряд ли бы вы выбрали себе в друзья ее обладателя. Странная голова, весьма странная — чтобы не сказать «отталкивающая».

Крокетт настолько увлекся созерцанием, что даже не обратил внимания на неожиданное умение видеть в темноте.

Валялся Тим в заброшенной неиспользуемой шахте, и эта информация в ряде случаев толкала заваленных шахтеров на необдуманные поступки. Крокетт судорожно моргнул — и когда он снова открыл глаза, то обнаружил, что голова исчезла. Первый случай после взрыва, который поднял Тиму настроение. Увы, и последний.

Конечно же видение было галлюцинацией! Собственно, Крокетт не мог даже толком вспомнить, как она выглядела. Остались лишь смутные воспоминания о контурах огромной луковицы, блестящих круглых глазах и неправдоподобно широкой щели рта.

Застонав, Крокетт сел и попытался определить происхождение серебряного сияния, заполнявшего туннель. Оно напоминало дневной свет в туманный день, не давало тени и не имело источника. «Радий», — подумал Крокетт, ничего не смысливший в минералогии.

Шахта уходила резко вперед и так же резко упиралась в обломки рухнувшего свода. Тиму мгновенно стало трудно дышать. Издавая нечленораздельные квохчущие звуки, он кинулся вперед и принялся лихорадочно разбрасывать обломки.

Но когда он увидел собственные руки, его движения замедлились и продолжали замедляться до перехода к полной неподвижности.

Замерев в неудобной позе, он устался на два шишковатых удивительных предмета, росшие из его кистей. Может быть, будучи без сознания, он успел надеть рукавицы?

Но никакие рукавицы никогда и ни под каким видом не будут похожи на то, что Крокетт имел полное основание считать своими руками. Руки были изменены. Они прев-

ратились в два массивных шишковатых коричневых клубня, похожие на узловатые корни дуба. Тыльная сторона новых конечностей обросла густой черной шерстью, ногти явно требовали маникюра — причем в качестве инструмента лучше всего подходило зубило.

Крокетт с трудом повернул голову и оглядел себя с ног до макушки. Из груди его вырвался тоненький цыплячий писк. Короткие кривые ноги, толстые и мощные, ступни длиной в два фута, и это еще не все...

Рост немногим более четырех футов, ширина... ширина почти такая же, плюс-минус полфута. Наличие выгнутой груди и косолапости полностью искупалось отсутствием шеи, а одежду составляли красные сандалии, голубые шорты и пурпурная блуза с коротенькими рукавами. Ну, а из рукавов и торчало то, что Крокетт обнаружил в первую очередь.

Его голова! Контуры огромной луковицы, широčenная щель рта...

Крокетт лег на землю и скрестил руки на груди. Он умирает от кислородной недостаточности, и перед смертью его посещают видения.

— Я умираю,— трагически произнес Крокетт.— Мне нечем дышать.

— Ну и дурак,— заявил совсем рядом чей-то презрительный голос.

Тим вздрогнул. Теперь еще и слуховые галлюцинации!..

— На редкость вшивый образчик гнома,— продолжал наглый голос.— Но, согласно закону Нида, выбирать не приходится. Копать твердые металлы тебе все равно не позволят, а антрацит — примерно твоей скорости. Что ты палишься, дубина? Ты куда уродливее, чем я.

Крокетт собрался было облизать пересохшие губы и с ужасом обнаружил, что кончик его влажного языка достает примерно до середины лба. Он засунул язык обратно, громко причмокнув, и принял сидячее положение. После чего застыл в неподвижности. Снова появилась голова. На этот раз с ней было и тело.

— Я Гру Магру,— заявила голова.— Ты тоже получишь гномье имя, если только твое не слишком противное. Как оно звучит?

— Крокетт.— Ответ прозвучал автоматически.

— Довольно-таки гнусно, но пока сойдет. А теперь, Крокетт, вставай и следуй за мной, иначе получишь хорошего пинка.

Но Крокетт встал не сразу. Он разглядывал Гру, который явно был гномом.

Короткий, приземистый и плотный, он напоминал маленький раздутый баллончик, покрытый луковицей с огромной щелью рта, пуговицей носа и двумя крайне большими глазами.

— Вставай,— раздраженно повторил Гру Магру.

«Если меня вынудят сделать хоть шаг,— подумал несчастный Крокетт,— я сойду с ума. И это будет как раз то, что надо. Гномы...»

Гру Магру выставил вперед свою большую косолапую ногу, придирчиво оценил позицию — и Крокетт, описав дугу, слетел со своего валуна.

— Вставай,— в третий раз сказал гном; его настроение опять ухудшилось,— иначе я тебе так наподдам... Мне по уши хватает перспективы патрулирования с возможностью в любой момент налететь на человека.

— Уже, уже...— Крокетт встал.

Гру Магру схватил его за руку и поволок в глубины туннелей.

— Ну, теперь ты почти настоящий гном,— бубнил он себе под нос,— таков закон Нида. Хотя такая овчинка может и не стоить выделки. Но что поделать, если гномы не в состоянии воспроизводиться, а плотность населения обязана поддерживаться... Ты хочешь поддерживать плотность населения?

— Я хочу сдохнуть,— яростно бросил Крокетт.

Гру Магру расхохотался:

— Гномы недохнут. Они бессмертны до самого Дня. Я имею в виду Судный день.

— Нелогично,— заметил Крокетт, как будто одно несоответствие могло исправить бредовость ситуации.— Или вы

состоите из плоти и крови и тогда смертны, или вы бес-
телесны и тогда нереальны.

— Есть третий вариант,— наставительно сказал Гру Магру.— Мы состоим из плоти и крови, и мы бессмертны. Врубился? Правда, против смертных я ничего не имею, совы там или нетопыри... Но человек! — Гном содрогнулся.— Никто из нас не выдержит вида человека!

— Я — человек! — ухватился за соломинку Крокетт.

— Был,— возразил Гру,— был человек. Такой же дерьмовый, как и нынешний гном. Но выбирать не приходится, ибо таков закон Нида.

— Ты объяснишь мне наконец ваш закон Нида? — возмутился оскорбленный Крокетт.

— Естественно,— покровительственно заявил Гру Магру.— Его установил первый император гномов Подгран Третий. Каждый десятый человек, оставшийся под землей, преобразуется в гнома и остается с нами. Для поддержания плотности населения. Как и произошло в твоём случае. Усек?

— Нет,— слабым голосом ответил Крокетт,— не могу... Этот ваш Подгран был первым императором гномов... Почему он тогда Подгран Третий?

— Дурацкий вопрос,— сказал Гру Магру.— Поторопись.

Теперь он почти бежал, таща за собой совершенно ошалевшего Крокетта. Новоявленный гном еще не научился управляться со своим телом, и все время норовил наступить широченными сандалиями на мешающие руки.

Крайне нескоро верхние конечности согнулись в локтях и прижались к туловищу, позволив оглядеться по сторонам. Мимо проплывали однообразные стены, освещенные странным серебряным светом.

— Откуда здесь свет? — удалось выдавить Крокетту.

— Свет? — переспросил Гру Магру.— Это не свет.

— Но ведь вокруг не так уж темно...

— Не темно? А как бы мы смогли видеть, если бы вокруг не было темно?

Привыкнуть к логике гномов было невозможно. Крокетт еле успел перевести дыхание. Зачем, зачем он позволил

увести себя из знакомой пещеры?! Теперь никогда не удастся найти обратного пути... О Боже!

— Торопись, идиот!

— Зачем?..

— Мы опаздываем на битву.

Но они не опоздали. Следующий туннель просто кишел гномами, и все присутствующие яростно дрались. Мелькали красно-голубые блузы и шорты, луковичные головы крутились в воящем водовороте, и, по мнению Крокетта, тут явногодились любые приемы.

— Ура! — ликующе заорал Гру Магру. — Да здравствует драка! Я гений! Я учуял ее за шесть туннелей!..

Он незамедлительно пригнулся, и здоровенный камень, брошенный незнакомым злобным гномом, пролетел над его макушкой. Гру забыл о своем пленнике, бросился на агрессора, сбил его с ног и принялся методично стучать вражьем затылком об пол пещеры. Предельная громкость их голосов терялась в общем реве, сотрясающем стены.

Крокетт решил придерживаться нейтралитета, и это было его ошибкой. Вынырнувший из-за груды камней огромный лысый гном ухватил миролюбивого Крокетта за ноги, и Тим полетел во второй раз за сегодняшний жуткий день. С трудом вставая, он обнаружил под собой придавленного огненно-рыжего гнома с четырьмя большими бриллиантовыми пуговицами на блузе. Распластавшийся по полу поверженный противник выглядел весьма отталкивающе. Оглядев себя, Крокетт не обнаружил ни одной царапины.

По крайней мере, его тело было достаточно крепким.

— Спасибо. Вы спасли меня, — слышался незнакомый голос.

Крокетт оглянулся и понял, что если в природе и существует нечто уродливее гномов-мужчин, то это несомненно гном женского пола. Особенно сжимающий (сжимающая?) в руке внушительных размеров булыжник.

— Я не причиню вам вреда, — закричала гномка, стараясь перекрыть гул сражения. — Мугза пытался оторвать мне уши, а вы... Ой! Он встает!

Действительно, рыжий Мугза уже пришел в чувство и пытался с помощью поднятой толстой ноги переправить

Крокетта на другой конец туннеля. Гномка тут же уселась коварному Мугзе на грудь и с помощью любимого булыжника вернула его в первоначальное состояние. Только тогда она встала и вернулась к остолбеневшему Крокетту.

— Вы не ушиблись? Меня зовут Броки Бун. А вы новенький, вас притащил Гру Магру, я права?..

— Очень приятно,— соврал Крокетт.— Вы не знаете, из-за чего началась эта драка?

— Ее начала я,— охотно разъяснила Броки Бун.— Просто так. А потом подключились остальные.

— Просто так?

— Ах, ну да, ты же новенький... Слушай, ты был человеком, может быть, ты мне кое-что объяснишь? — Ее выпуклые глаза зажглись странным светом.— Как тебя зовут?

— Крокетт.

— Слушай, Крокетт, что такое поцелуй?

— ?..

— Ты понимаешь, однажды я сидела внутри холма, а снаружи трепались два человека мужского и женского пола. Сначала мужчина просил у женщины поцелуй, а потом раздался чмокающий звук, и женщина сказала, что это восхитительно.

— Очень интересно,— довольно тупо поддержал беседу Крокетт.

— И с тех пор меня терзают сомнения, потому что, если какой-нибудь гном попросит у меня поцелуй, я не буду знать, что это за штука.

— Гномы не целуются,— наставительно заметил Крокетт.

— Зато гномы копают,— ответила Броки Бун.— А также гномы едят. Я люблю есть и не люблю копать. Поцелуй, случайно, не похож на похлебку из тины?

Кое-как Крокетту удалось объяснить любопытной Броки механику интересующего ее явления.

Гномка несколько минут молчала. Потом, с видом крайнего одолжения, она приблизилась к Тиму вплотную:

— Я дам тебе поцелуй.

Перед глазами Крокетта промелькнуло кошмарное видение: вся его голова исчезла без остатка в бездонном провале ее рта.

— Не стоит,— сказал он.— Я не хочу.

— Тогда я дам тебе по шее,— предложила Броки Бун компромиссный вариант, безо всякого перехода давая Крокетту в ухо узловатым кулаком.

— Ой, не надо!..

Броки с сожалением опустила руку и оглянулась вокруг:

— Драка кончилась... Жалко, правда?

Крокетт потер ушибленное ухо и обнаружил гномов, давно забывших о последних событиях и торопливо разбегающихся по своим делам. В туннеле снова царила тишина, нарушаемая лишь топотом гномьих ног. Сияющий и счастливый, к ним подошел Гру Магру.

— Хэлло, Броки,— сказал он.— Хорошая драка. Кого это ты?

— Мугзу,— ответила Броки, глядя на распростертого рыжего гнома.— Он до сих пор без сознания. Давай-ка пнем его напоследок.

Идея Броки претворилась в жизнь с большим энтузиазмом, и Крокетт подумал, что не хотел бы он быть на месте пинаемого Мугзы, даже в состоянии полного беспомощства.

Наконец Гру Магру утомился.

— Пошли,— сказал он, беря Крокетта под руку.

Они двинулись вдоль туннеля, оставив Броки Бун прыгать на животе бесчувственного Мугзы.

— Вы, кажется, не имеете ничего против избиения людей, когда они без сознания? — заметил потрясенный Крокетт.

— Не людей, а гномов,— поправил его Гру.— А кроме того, так гораздо забавнее. Можно бить именно туда, куда хочется. И хватит трепаться. Новый день, новый гном. Идем, тебя нужно посвятить.

Гру принялся напевать какую-то гномовскую песню.

— Послушай,— перебил его вокальные упражнения Крокетт,— мне пришла в голову одна мысль. Ты говоришь, что люди превращаются в гномов для поддержания ста-

бильности вашего населения. Но если гномы не умирают, а новые продолжают прибывать — следовательно, гномов сейчас гораздо больше, чем ранее!.. И население растет.

— Заткни фонтан,— посоветовал Гру Магру.— Я пою.

Начисто лишенная мелодии песня вызвала у Крокетта сомнения в наличии у гномов национального гимна. А уж о колыбельных и говорить...

— Быстрее,— прервал размышления Тима Гру Магру.— Мы должны увидеться с императором. Он всегда видится с новыми гномами. И советую тебе произвести на него хорошее впечатление, или я суну тебя в лаву под приисками.

Крокетт оглядел испачканную одежду.

— Может, мне лучше привести себя в порядок? Я из-за этой драки весь перепачкался...

— Не оскорбляй священных принципов драки,— обиженно заявил Гру.— Кроме того, ты все видишь как-то не так.

— Но моя одежда грязна до отвращения!

— Ты себе льстишь! — сказал Гру, набирая под ногами пригоршню грязного песка и натирая им одежду, лицо и волосы Крокетта.— Вот теперь совсем другое дело!..

— Я... Тьфу! Спасибо... Тьфу! — раскашлялся новенький гном.— Надеюсь, я все же сплю, потому что...

Крокетту было явно не по себе.

Через некоторое время Гру втащил своего спутника в огромную каменную пещеру с тронем в дальнем углу, вытесанным из цельного валуна. На троне, поджав ножки, сидел маленький гном, погруженный в созерцание собственных ногтей.

— Пусть твой день будет вечен! — поклонился Гру.— Где император?

— Ванну принимает,— грустно ответил маленький.— Надеюсь, он утонул. Утром тина, днем тина, вечером опять та же тина... Сначала слишком горячо, потом слишком прохладно, после слишком густо!.. Я себе пальцы стер до костей, намешивая тинные ванны. А благодарность? Одни пинки.

С каждой минутой голос маленького гнома звучал все жалобнее.

— Наверное, должно существовать понятие «быть чересчур грязным»? Три грязевые ванны, две тинные, и все в один день! Ну да, кто я такой, чтобы возражать... Я — грязевая кукла, так он назвал меня сегодня. Дескать, в особо вонючей грязи попался ком... Так это я! Впрочем, почему бы и нет... Проклятая мешанина, в которой он валяется, даже червю испортит пищеварение. Идите, идите, Его величество там.— Гном ткнул ногой в направлении полукруглого свода.

Крокетта потащили в соседнее помещение, где в ванной, полной жирной, коричнево-черной грязи, сидел сонный обрюзгший гном. Лишь глаза сверкали через покрывавшую его плотную корку. Он зачерпывал из ванны пригоршней ее содержимого и бросал на плешь, стараясь, чтобы грязь стекала равномерными каплями. Когда ему это удавалось, гном был очень доволен.

— Грязь...— утомленно прорычал он.— Что может сравниться со старой доброй грязью?.. Ничего.

Гру бухнулся лбом в пол, увлекая растерявшегося Крокетта за собой.

— Встаньте,— милостиво сказал император.— Зачем церемонии... И кто этот новый гном?

— Закон Нида,— объяснил Гру.— Я нашел его наверху.

— Ну да, конечно... Давайте его сюда. Я — Подгран Вторый, император гномов. Что ты можешь на это сказать?

Ну что мог Крокетт сказать на это?

— Как же вы можете быть Подграном Вторым, если первый император был Подграном Третьим?..

— Идиот,— прокомментировал вопрос император, внезапно исчезая под поверхностью грязи.— Позаботься о нем, Гру,— донеслось оттуда,— вначале антрацит, и никакой еды во время работы. Первая грязевая ванна через сто лет добросовестного труда...

Львиный рык императора стер в мозгу Крокетта ужас предстоящих перспектив добросовестного труда и грязевых ванн.

— Друк!!!

Поспешно приковылял перепуганный маленький гном.

— Ваше величество, неужели грязь недостаточно теплая?

— Ты — нуль, разделенный на нуль! — зарокотал Подгран.— Ты — слюнявый ублюдок шести тысяч различных зловоний! Ты — крысоухий, вислошей, извивающийся гнойный прыщ на добром имени гномов! Ты — ошибка геодезии! Ты...

Друк аккуратно влез во временный перерыв обвинительной речи императора.

— Это лучшая из лучших ароматических грязей, ваше величество! Я лично отбирал ее...

— В ней червяк!!!

В ванне поднялась буря, и бушующее величество исчезло окончательно в коричневых волнах. У Крокетта заложило уши. Он съежился и позволил Гру Магру утащить себя прочь.

— Хотел бы я встретиться со стариком в драке,— заметил Гру в безопасных глубинах переходов.— Но он наверняка прибегнул бы к колдовству. Самый лучший император из всех, бывших ранее. Ни одной чистой клеточки на всем грязном теле!

— А что будет со мной? — заикаясь, спросил Крокетт.

— Ты что, оглох? Будешь копать антрацит. И если посмеешь съесть хоть крошку, я вобью ее в тебя вместе с зубами!

Размышляя над особенностями явно дурного характера гномов, Крокетт послушно отправился в галерею, где несколько дюжин разнополых гномов остервенело тыкали в стены кирками и мотыгами.

— Здесь,— сказал Гру.— Давай. Двадцать часов будешь работать. Шесть часов спать.

— А потом?

— Потом двадцать часов работать. И шесть спать. Повторить? И не смей прерывать работу, разве что ради драки.

— А как я выясню местонахождение антрацита?

— А как я нашел тебя? — нетерпеливо перебил Гру.— Гномы связаны с металлами, и у нас есть некоторые особенности. Подумай об антраците.

Крокетт повиновался и с удивлением обнаружил, что его развернуло лицом к ближайшей стене.

— Полагаю, это результат функциональной эволюции, — усмехнулся Гру. — Подумай о золоте или других подземных месторождениях, и ты их сразу почувствуешь. Это так же сильно, как отвращение к дневному свету. Когда мы приближаемся к свету, он нас отталкивает. Но я однажды видел дневной свет. И человека.

Гру Магру содрогнулся.

— Гномы не выдерживают вида человека. Все-таки есть предел уродливости! Так что и ты старайся держаться подальше от света и людей. Здоровье того стоит.

Крокетт погрузился в размышления. Повинуясь своим новым ощущениям, он сможет выбраться из путаницы туннелей?.. Ну что ж, потом он хотя бы окажется на поверхности.

Раздумья были прерваны всунутой в руки киркой.

— Вот здесь. Приступай.

— Спасибо... — начал было Крокетт, но Гру неожиданно пнул его и отправился восвояси, довольно напевая себе под нос.

Появился гном-надсмотрщик; увидев бездействующего Крокетта, он ткнул бедного работника в уже распухшее ухо и подтвердил приказ работать.

Волей-неволей пришлось Крокетту брать кирку в руки.

— Эй, Крокетт! — Знакомый голос оторвал Тима от унылого отколуывания кусков антрацита.

Это была Броки Бун, работавшая вместе с остальными и теперь весело улыбавшаяся новому приятелю.

— Не волнуйся, ты долго здесь не пробудешь, — утешила она Крокетта, — лет десять, не больше, пока не попадешь в переделку, а уж потом тебя поставят на действительно тяжелую работу.

Кирка выпала из ослабевших рук Крокетта.

— О Господи! Да у меня и так уже руки отваливаются... А ты давно тут вкалываешь?

— А я на антраците редко бываю. Обычно меня наказывают и переводят на металлы. Дело в том, что антрацит я ем.

Она с громким треском продемонстрировала свои способности. Крокетт содрогнулся. И к ним тут же подошел надсмотрщик.

— Что это за перекур? — рявкнул он. — А ну, живо!..

— А мы как раз собрались драться, — сообщила Броки в качестве оправдательного аргумента.

— Драться? Только вдвоем? Или мне тоже можно присоединиться?

— Можно, — согласилась неженственная гномка и ударила киркой по затылку ничего не подозревавшего Крокетта. Он угас в одно мгновение.

Очнувшись через некоторое время от жестких толчков под ребра, Крокетт обнаружил себя в том же туннеле, в окружении гномов, складывающих нарубленный антрацит.

— Очнулся? Давай принимайся за работу!

Окрик надсмотрщика вынудил Крокетта автоматически повиноваться.

— Слабенький ты какой-то... — Неунывающая Броки Бун уже стояла рядом. — Ты пропустил самое интересное. Я получила в челюсть. Видишь?

Она продемонстрировала свой синяк. Крокетт торопливо защитился киркой. Теперь он был опытнее.

...Копать... копать... Двадцать часов работы, шесть — сна... двадцать — работы, шесть... копать... копать...

— Я думаю, из тебя получится хороший гном. — Комплимент Броки вывел его из ступора. — Ты здорово привык. Кем ты был? Шахтером?..

— Я?..

Внезапно Крокетт замолчал. В его глазах зажегся странный свет.

— Я был профсоюзным рабочим организатором.

— Кем?!

— Ты что-нибудь знаешь о профсоюзах, — пристально глянул на нее Крокетт, — или об условиях труда?

— Ты задаешь непонятные вопросы... Объясни.

Крокетт объяснил. Такого объяснения не напечатал бы даже профсоюзный орган «Возрождение». Оно было, как бы это сказать, несколько упрощенным. У Броки Бун был озадаченный вид.

— Я не понимаю тебя до конца, но, по-моему, это здорово.

— Еще как здорово! — поддержал Крокетт. — Неужели ты никогда не устаешь от двадцатичасового рабочего дня?

— Разумеется, устаю...

— Тогда зачем так работать?

— Мы все так работаем, — не поняла опять Броки.

— А если остановиться?

— Меня накажут. Побьют сталактитами.

— Ну, а если остановятся все? — настаивал Крокетт. — Каждый распроклятый гном! Если устроить сидячую забастовку?

— Ты ненормальный, — заявила Броки. — Под землей никогда не бывало сидячих забастовок.

— Поцелуев под землей тоже никогда не бывало, — возразил Крокетт. — Нет, нет, он мне не нужен!.. И драться я тоже не хочу. Да дослушай ты до конца! И пойми, что рабский труд угнетенных гномов служит поддержкой привилегированным классам и императору лично.

— При чем тут классы? Мы просто работаем. Так хочет император.

— А сам император когда-нибудь работает? — торжественно заорал Крокетт. — Нет! Он только ванны грязевые принимает! Почему он один? Каждому гному по грязевой ванне! Каждому гному по...

Политически неграмотная Броки Бун клюнула на приманку, схватила ее и проглотила. Через час она уже согласно кивала.

— Каждому гному!..

— Правильно, Крокетт. Я сообщу остальным сразу после работы, в Ревущей пещере.

— Сколько мы сможем собрать гномов?

— Вначале не очень много... Тридцать или около того.

— Нам необходим твердый план. И жесткая организация. Мы...

Броки Бун начала терять интерес.

— Давай драться.

— Замолчи и слушай. Нужно избрать совет. Кто у вас главный нарушитель спокойствия?

— Я думаю, Мугза. Ну, тот рыжий, которого ты сбил с ног, а я добавила. Булыжником. Булыжник — оружие гномов.

Крокетт задумался. Злится ли на него Мугза? Вряд ли. Тем более что Мугза с его бриллиантовыми пуговицами был эквивалентен местному герцогу и его поддержка могла оказаться весьма ценной.

— Хорошо. Пусть будет Мугза.

— И Гру Магру. Он обожает все новое, особенно если оно приводит к неприятностям.

Сам Крокетт не одобрил бы эти кандидатуры, но предложить другие он не мог.

— Было бы неплохо заполучить особу, приближенную к императору... Как насчет месителя грязевых ванн? Как там его, Друк, что ли?

— Договорились. Это я устрою.

Броки все-таки остыла к идее профсоюза и принялась поедать близлежащий антрацит. Возник надсмотрщик, и дело кончилось традиционной дракой, из которой Крокетт вышел с подбитым глазом. Чертыхаясь про себя, он вернулся к процессу копания.

Но этой ночью должно было произойти небывалое — собрание заговорщиков.

И как ни хотелось Крокетту спать, он не мог позволить себе упустить такую возможность.

В противном случае бессмертное будущее превращалось в непрерывное ковыряние антрацита. Может быть, организовав гномскую забастовку, он сумел бы оказать давление и на Подгрانا Второго? Гру Магру говорил, что император — колдун... Не способен ли он превратить Крокетта в человека?

— Он никогда такого не делал, — возразила Броки Бун.

Крокетт обнаружил, что говорит вслух. Но удержаться он уже не мог.

— А если бы захотел?

Броки пожала плечами. Но крохотный огонек надежды уже зажегся перед Крокеттом.

Копать... копать... копать... спать.

Чувство опасности выбросило его из кошмарных сновидений.

Крокетт сел, инстинктивно уворачиваясь от удара Гру Магру, направленного в голову спавшего.

— Извините, что я так невовремя проснулся,— язвительно заметил Крокетт,— иначе вы могли бы пнуть меня еще раз.

— Успеется,— ответил Гру.— Что тут у вас затевается? Я собрался лечь, но Броки сказала, что намечается большая драка. Когда?

— Сначала надо поесть,— решительно сказала Броки.— Я пойду готовить грязевой суп.

Она отошла в угол и занялась стряпней, а Крокетт принялся излагать собравшимся свою точку зрения.

Идея профсоюза была принята довольно сносно — в основном из-за перспектив крупного побоища. Мирное сопротивление не укладывалось в задубевшие гномьи мозги.

— Как же это я откажусь работать,— не понимал ортодоксальный Друк.— Этот старый болотный слизняк Подгран не может без тинных ванн. Откажусь я или нет, он все равно погонит меня за тиной.

— А кто тебя поведет? — спросил Крокетт.

— Охрана.

— Так охрана тоже будет бастовать, олух!

— Не знаю, как охрана, а меня он точно заколдует,— продолжал сомневаться упрямец.

— Ну не станет же он всех заколдовывать! — продолжал доказывать Крокетт.

— Станет. Он очень нехороший. Хуже Гру. Он всех дорнсетских гномов превратит в сталактиты. Или во что-то еще. А меня — первого.

Но Крокетт не мог поверить подобному утверждению. Оно в корне расходилось с пониманием классовой психологии и экономических мер борьбы.

— А ты что скажешь? — переключился он на хмурого Мугзу.

— Я хочу драться,— злобно заявил тот.— Я хочу кого-нибудь пнуть. Лучше сейчас.

— А три грязевые ванны в день ты не хочешь?

— Хочу. Но император мне не позволит. Он любит, когда я копаю.

— Идиоты! — в отчаянии завопил Крокетт. — Неужели копанье важнее всего на свете?!

— Нет, — хором ответили гномы. — Драка важнее.

И тут Крокетта посетило вдохновение.

— Так в этом же все и дело! Ваш вшивый император собирается издать закон о запрещении ДРАК!!!

Он и не подозревал об эффективности своего хода.

— Ни за что! Мы всегда дрались! — это был разъяренный Гру.

— А теперь не будете! — подлил масла в огонь Крокетт.

— Не будем?

— Не будете! Всякий оставшийся в живых гном будет тихим и покладистым!

— Пошли дадим Подграну в морду! — предложил Мугза, вскакивая и опрокидывая на Крокетта горшок с горячим супом.

— Ни за что! — подпрыгнул обожженный лидер. — Это не наши методы! Забастовка — вот то, что нам нужно. Что будет делать Подгран, если мы все сядем и откажемся работать?

Маленький Друк задумался.

— Он будет ругаться. Меня двинет.

— А потом?

— Потом двинет еще раз.

— Ну а дальше, дальше?!

— Дальше пойдет заколдовывать всех. Туннель за туннелем.

— Не пойдет. Солидарность — вот в чем наше спасение. Когда будет объявлено о забастовке, мы должны собраться все вместе, в самой большой пещере. Не захочет же император стать правителем без подданных!

— Годится Пещера Совета, — поддержал идею Гру. — За тронной комнатой.

— А сколько гномов к нам присоединятся? — спросил Крокетт.

— Все, — пробурчал Мугза, запуская пустым горшком в голову Друка.

— А какое оружие может использовать Подгран?

— Яйца Кокатрис,— с дрожью в голосе сказал Друк, выискивая самый острый обломок горшка.

— Яйца?..

— Это не настоящие яйца,— объяснил Друк,— а волшебные, для заклинаний. Зеленые, как мне кажется, для превращения гномов в дождевых червей. Работают примерно на двадцать футов. Красные... по-моему, для превращения в людей... А голубые...

У Крокетта расширились глаза.

— А где он прячет яйца?

— Кончайте базар,— встрял в беседу утомленный Мугза.— Давайте драться.

Он прыгнул на Друка, нашедшего все-таки самый острый обломок горшка. Броки Бун и Гру Магру с радостью поддержали инициативу, и пещера загудела от возбужденных воплей. Пытавшийся вмешаться Крокетт волей-неволей был втянут в самую гущу свалки.

После Крокетт долго вспоминал чувство удовольствия, которое он испытал, хватая Мугзу за волосы. Да и раскопки антрацита уже не вызывали в нем прежнего отвращения. Возможно, и Гру Магру, и Броки когда-то были людьми? Тогда надо поторопиться, пока гномовская извращенная психология не завладела Крокеттом окончательно. Он даже начинал чувствовать отвращение к дневному свету. Скорее, скорее добраться до Подгрانا; хотя тот и не был гномом с высоким коэффициентом интеллекта, но колдуном он был наверняка. Яйца Кокатрис. Красные... Забастовка.

Утром Броки накормила его супом. Видимо, сказывался ее давнишний интерес к поцелуям. Время от времени она предлагала Крокетту один, но он неизменно отказывался. Тогда она стала кормить его завтраками.

Доедая заржавленный обломок, Крокетт утешал себя тем, что уж железа он вводит в организм достаточно. Вначале он задумался о своих внутренних органах, но они представлялись в виде отвратительной зубчатой передачи и доставили Крокетту немало неприятных минут. Может быть, подсыпать императору наждака? Хотя вряд ли это выведет его из строя...

— Как насчет забастовки, Броки?

— Отлично.— Она улыбнулась, и Крокетт содрогнулся.— Сегодня все гномы соберутся в Пещере Совета. Пошли копать.

Копать... копать... а тут еще этот проклятый надсмотрщик... Копать... драться... Через пять столетий закончился бесконечный рабочий день...

Поток гномов вливался в Пещеру Совета, полную зеленых блестящих сталактитов. Головы-луковицы, огромные рты, глаза... Драки завязывались дюжинами.

Гру Магру, Мугза и Друк заняли места возле Крокетта. На полу пристроилась Броки Бун.

— Давай,— шепнула она.— Скажи им про все.

Крокетт взобрался на выступ, оглядел ряды гномов, залитые сверхъестественным серебристым сиянием.

— Товарищи гномы!

Слабый голос его усилился акустикой пещеры и громом прокатился под сводами. Это придало Крокетту бодрости.

— Товарищи гномы! Почему мы должны трудиться по двадцать часов в день? Почему мы не смеем есть антрацит, выкопанный нашими же натруженными руками?! И в это же самое время кровосос Подгран сидит в своей ванне и потешается над вами! Над нами, товарищи гномы, ибо я теперь один из вас! И я знаю, что император один, а нас много! И нам тоже нравится грязевой суп! Три раза в день! И если мы все, как один, сплотив ряды, откажемся работать, то никакая сила не заставит нас повернуть!

Крокетт выдержал внушительную паузу. Теперь пора тронуть самую чувствительную струну гномьих сердец.

— Знайте же, что кровосос (нет, кровосос уже был)... захребетник Подгран — он будет отнекиваться, он будет отрешиваться от идеи закона, запрещающего драки! Но поверим ли мы императору? Нет, нет и еще раз нет! Тысячи гномов встанут на защиту своих прав, и властям придется капитулировать перед единством наших сердец!

— Я не знаю насчет капитуляции, но заколдует он нас наверняка,— печально пробормотал пессимист Друк.

— Не посмеет! Не всегда императорский бутерброд будет падать грязью вверх! И это будет наше последнее слово!..

Последнее слово выразилось в грандиозной свалке. Но Крокетт был доволен. Завтра гномы не выйдут на работу. Завтра все они соберутся в пещере и будут ждать развития событий.

Этой ночью он спал хорошо.

Утром Крокетт отправился в Пещеру Совета, прихватив с собой непривычно тихую Броки Бун. Величие происходящего наложило отпечаток на ее бурную натуру.

Пещера, вмещавшая с легкостью тысячи красно-голубых гномов, выглядела весьма красиво. «Да,— подумал Крокетт,— так оно и должно быть. Или сегодня, или никогда...»

Вошел унылый Друк.

— Из-за вас я не приготовил императору грязевой ванны,— дрожащим фальцетом произнес он.— Он в ярости. Слышите?

Действительно, из-за одной стены доносились отдаленные скрипящие звуки непонятного происхождения. Впрочем, теперь понятного.

Подошли Мугза и Гру Магру.

— Он придет совсем один,— радостно сказал Гру.— Вот это будет драка!

— Будет...— проворчал Мугза.— Я уже не могу терпеть... Давайте драться сейчас!

— Вон в углу спит какой-то гном,— поспешно сказал Крокетт.— Если ты до него доберешься, то получишь полное удовлетворение.

Мугза собрался было отправиться на поиски, но как раз в это время в пещеру вошел Подгран Второй, император дорнсетских гномов.

Крокетт впервые увидел его без грязевого покрытия и сразу пришел к мысли, что император соединяет в своей особе самые отвратительные черты каждого ранее виденного Крокеттом гнома. Полученный результат не поддавался описанию.

Подгран остановился, покачиваясь на коротких кривых ногах.

— У меня гости,— прорычал он.— Ага! Друк!.. Где, во имя девяти испаряющихся геенн, моя утренняя ванна?!

Друк моментально исчез из императорского поля зрения.

С кровли сорвался сталактит и упал перед замолчавшим Подграном. Крокетт шагнул вперед и попытался использовать образовавшуюся паузу.

— Мы бастуем,— несколько неуверенно объяснил он.— Это сидячая забастовка. И мы не пойдем в шахты до тех пор, пока...

Стены содрогнулись от Подграньего рева.

— А-а-а!.. Что я слышу?! Ах ты, лупоглазый, плоскоязычный ублюдок кастрированного нетопыря! Пятно проказы на брюхе земляного червя! Паразит и потомок пара...

Бурный эмоциональный монолог был прерван нетерпеливым Мугзой, так и не добравшимся до спящего гнома.

— Дратся! — завопил он и ринулся на императора, но был сбит с ног весьма умелым тычком.

Крокетт повысил голос, пытаясь преодолеть сухость в горле:

— Ваше величество, если вы соблаговолите выслушать...

— Ты злокачественный нарост в подкрыльях дегенеративной летучей мыши! — продолжил Подгран Второй описание Крокетта.— Я вас всех заколдую! Забастовка, тридцать три кирки тебе и пять мотыг! Я остался без грязевой ванны! Клянусь Кроносом, Пидсом и Локки, вы пожалеете об этом!..

— Яйца Кокатрис! — прошептал Крокетт Гру Магру и Броки Бун.— Не дайте ему добраться до них!

— Как же!..— На этот раз пессимизм вынырнувшего Друк был вполне оправдан.— Они не в тронном зале. Подгран вытаскивает их прямо из воздуха.

В наступивший стратегический момент худшие инстинкты Броки Бун проявились со всей полнотой. С воплем восторга она сбила ошеломленного Крокетта с ног и кинулась к императору.

Пурпурный от бешенства Подгран вдавил свой узловатый грязный кулак в ее макушку и взмахнул свободной рукой.

На его широкой ладони засверкало желтое яйцо.

Яйцо Кокатрис.

Ревя, как раненый слон, Подгран швырнул его в толпу, и среди гномов мгновенно очистился круг двадцати футов в диаметре.

Вместо исчезнувших забастовщиков в воздухе захлопали крыльями дюжины летучих мышей, увеличивая суматоху и панику.

Хаос охватил Пещеру Совета. С криками ярости и восхищения гномы бросились на императора.

— Бей! — отдавался стократным эхом боевой клич от замерзших стен.

Подгран выхватил из ниоткуда следующий кристалл — на этот раз зеленый! — и двадцать семь земляных червей, еще секунду назад бывших гномами, были растоптаны наступающими. Образовавшаяся брешь мгновенно заполнилась новыми бойцами.

Крокетт присел за сталагмитом и погрузился в созерцание побоища. Оно заслуживало всяческого увековечения, но нервным и детям не стоило бы рекомендовать подобные зрелища.

Яйца Кокатрис взрывались нескончаемым потоком. Те, кто оказался на границе двадцатифутового кольца, превращались частично. Крокетт видел гномов с головой ночной бабочки, червей до середины туловища... Остальные не находили аналогов даже в самой изощренной мифологии.

Все новые порции гномов ныряли в жуткий грохот и осыпающиеся сталактиты — и все новые мыши, моли, нетопыри и прочие уроды наполняли пещеру.

Крокетт зажмурил глаза и стал молиться.

Когда он снова осмелился взглянуть на поле боя, Подгран как раз выхватил из воздуха красный кристалл.

Император помедлил и положил его рядом с собой на пол. На свет появилось бирюзовое яйцо, и тридцать гномов растворились в его сиянии, превратившись в жаб.

Ряды нападавших редели, поток яиц Кокатрис был неисчерпаем, и лишь Подгран имел явный иммунитет против своего волшебства. Крокетт понял, что конец близок. Рано или поздно, но очередь дойдет и до него.

Красный кристалл... Что-то знакомое вертелось в памяти и никак не хотело оформляться. Ах да! Подгран не поль-

зуется им, потому что красное яйцо превращает гнома в человека, а сам вид человека ненавистен императору! И если бы Крокетт смог добраться до кристалла...

Крокетт прокрался вдоль стены и, минуя волну гномов, превратившихся в сов, дополз до вожаемого яйца. Оно было гладким и холодным. Все получилось на удивление легко.

Крокетт собрался было бросить яйцо у своих ног, но ему вдруг стало зябко и неудобно. Ни один человек не сумел бы выбраться из лабиринта Дорнсетских гор. Но гном... Гном бы выбрался наверняка!

У самого носа Крокетта пролетела летучая мышь, что-то восторженно вереща голосом Броки Бун. Прежде чем бежать, обладатель красного яйца окинул Пещеру Совета прощальным взглядом.

В ней царила полная неразбериха. Нетопыри, черви, утки, мокрицы и уж совсем непонятные создания бегали, летали, кусались, гадили и кричали повсюду. Оставшиеся гномы постепенно присоединялись к порождениям императорских кристаллов, разбегаясь в поисках укрытия.

— Бастовать?! — ревел Подгран.— Я вам покажу! Вы у меня узнаете, почем фунт угля!..

Крокетт решил не дожидаться обещанного и нырнул в ближайший туннель. Там он сосредоточился на дневном свете, и его левое ухо ощутило давление. Он бросился вперед, не упуская новых ощущений и сжимая в руке драгоценный кристалл.

Шум битвы затихал в отдалении.

Мерзкий, злобный и тупой старикашка! Он, наверное, не остановится, пока не уничтожит всех своих подданных! Еще ни разу на поверхности бастующие не сталкивались с такими тотальными ответными мерами. Хорошо хоть, толстые ноги Крокетта оказались достаточно проворными...

Размышления о достоинствах гномьих ног были прерваны синхронным топанием позади.

Поток диких ругательств, достигший ушей Крокетта, ясно указал имя преследователя, и Тим не стал оборачиваться. Вне всякого сомнения, озверевший Подгран очи-

стил Пещеру Совета до последнего гнома и теперь намеревался исполнить свои многочисленные обещания по поводу удравшего возмутителя спокойствия.

Ведомый реакцией на свет, Крокетт пулей мчался по коридорам. Если бы он не знал преследователя слишком хорошо, то вопли Подграна вполне способны были сойти за крики целой армии гномов.

Быстрее! Еще быстрее!.. Увы, Подгран стал не только слышен, но и виден.

Крокетт подпрыгнул, свернул за угол и увидел вдали поток света, каким он кажется глазам гнома. Поздно! Корявая рука Подграна через несколько секунд вцепится в тощее Крокеттово горло...

Завизжав, Крокетт замахнулся яйцом Кокатрис. Если он успеет превратиться в человека, Подгран не сможет до него дотронуться!..

Император, видя ускользающую от наказания жертву, выхватил из воздуха целую обойму разноцветных кристаллов и запустил всю радугу в Крокетта. Они разорвались одновременно с красным яйцом — и крыша туннеля, не выдержав взрыва, задрожала и обвалилась.

Спустя некоторое время Крокетт с трудом выкарабкался из-под обломков. В нескольких шагах от него стоял невредимый Подгран. Император посмотрел на задыхающегося Крокетта, потом издал леденящий душу вопль ужаса и растаял в темноте туннеля. Звук его шагов быстро удалялся.

Крокетт с трудом выпрямился. Гномы боятся людей... Вот оно что! Слава Богу!..

Он почувствовал даже большее облегчение, чем думал. Подействовало ли колдовство? Его смущала брошенная Подграном вереница яиц Кокатрис. Но все-таки первым разбился красный кристалл! Глубины пещер теперь были привычно черными и молчаливыми.

Выбравшись наружу, счастливый Крокетт улыбнулся навстречу теплому вечернему солнцу, спускающемуся за такой родной горизонт. Он стоял у подножия Дорнсетских гор, среди зарослей ежевики. Сотней футов ниже по крохотному полю ходил фермер с плугом.

Крокетт заковылял к пашущему. При его приближении человек обернулся.

Некоторое время фермер стоял неподвижно, с выражением лица, напоминавшим Подграново, потом дико заорал и кинулся наутек.

Заколебавшийся Крокетт, вспомнив о разноцветных яйцах Кокатрис, с трудом повернул шею и осмотрел собственное тело.

Крик, вырвавшийся из груди многострадального Крокетта, ничем не напоминал звуки, которые способно издавать человеческое существо.

И все же он был вполне естествен при данных обстоятельствах.

КОТЕЛ С НЕПРИЯТНОСТЯМИ

Лемюэла мы прозвали Горбун, потому что у него три ноги. Когда Лемюэл подросток (как раз в войну Севера с Югом), он стал поджимать лишнюю ногу внутрь штанов, чтобы никто ее не видел и зря язык не чесал. Ясное дело, вид у него при этом был самый что ни на есть верблюжий, но ведь Лемюэл не любитель форситься.

Хорошо, что руки и ноги у него сгибаются не только в локтях и коленях, но и еще в двух суставах, иначе поджатую ногу вечно сводили бы судороги.

Мы не видели Лемюэла годков шестьдесят. Все Хогбены живут в Кентукки, но он — в южной части гор, а мы — в северной. И, надо полагать, обошлось бы без неприятностей, не будь Лемюэл таким безалаберным. Одно время мы уж подумали — каша заваривается не на шутку. Нам, Хогбенам, доводилось хлебнуть горя и раньше, до того как мы переехали в Пайпервилл: бывало, люди все подглядывают за нами да подслушивают, норовят дознаться, с чего это в округе собаки лаем исходят. До того дошло — совсем невозможно стало летать. В конце концов дедуля рассудил, что пора смотать удочки, перебраться южнее, к Лемюэлу.

Терпеть не могу путешествий. Последний раз, когда мыплыли в Америку, меня аж наизнанку выворачивало. Летать — и то лучше. Но в семье верховодит дедуля.

Он заставил нас нанять грузовик, чтобы переправить пожитки. Труднее всего было втиснуть малыша; в нем-то самом весу кило сто сорок, не больше, но цистерна уж больно здоровая. Зато с дедулей никаких хлопот: его просто увязали в старую дерюгу и запихнули под сиденье. Всю работу пришлось делать мне. Папуля насосался маисовой водки и совершенно обалдел. Знай ходил на руках да песню горланил — «Вверх тормашками весь мир».

Дядя вообще не пожелал ехать. Он забился под ясли в хлеву и сказал, что соснет годиков десять. Там мы его и оставили.

— Вечно они скачут! — все жаловался дядя. — И чего им на месте не сидится? Пятьсот лет не пройдет, как они опять — хлоп! Бродяги бесстыжие, перелетные птицы! Ну и езжайте, скатертью дорога!

Ну и уехали.

Лемюэл, по прозвищу Горбун, — наш родственник. Аккурат перед тем, как мы поселились в Кентукки, там, говорят, пронесся ураган. Всем пришлось засучить рукава и строить дом, один Лемюэл — ни в какую. Ужас до чего никудышный. Так и улетел на юг. Каждый год или через год он ненадолго просыпается, и мы тогда слышим его мысли, но остальное время он бревно бревном.

Решили пожить у него.

Сказано — сделано.

Видим, Лемюэл живет в заброшенной водяной мельнице, в горах неподалеку от города Пайпервилла. Мельница обветшала, на честном слове держится. На крыльце сидит Лемюэл. Когда-то он сел в кресло, но кресло под ним давно уж развалилось, а он и не подумал проснуться и починить. Мы не стали будить Лемюэла. Втащили малыша в дом, и дедуля с папулей начали вносить бутылки с маисовой.

Мало-помалу устроились. Сперва было не ахти как удобно. Лемюэл, непутевая душа, припасов в доме не держит. Он проснется ровно настолько, чтоб загипнотизировать в лесу какого-нибудь енота, и, глядишь, тот уже скачет, пришибленный, согласный стать обедом. Лемюэл питается енотами, потому что у них ловкие лапы, прямо как руки. Пусть

меня поцарапают, если этот лодырь Лем гипнозом не заставляет енотов разводить огонь и зажариваться. До сих пор не пойму, как он их свежует. А может, просто выплевывает шкурку? Есть люди, которым лень делать самые немудреные вещи.

Когда ему хочется пить, он насылает дождь себе на голову и открывает рот. Позор, да и только.

Правда, никто из нас не обращал на Лемюзла внимания. Мамуля с ног сбилась в хлопотах по хозяйству. Папуля, само собой, удрал с кувшином маисовой, и вся работа свалилась на меня. Ее было не много. Главная беда — нужна электроэнергия. На то, чтобы поддерживать жизнь малыша в цистерне, току уходит прорва, да и дедуля жрет электричество, как свинья — помои. Если бы Лемюзл сохранил воду в запруде, мы бы вообще забот не знали, но ведь это же Лемюзл! Он преспокойно дал ручью высохнуть. Теперь по руслу текла жалкая струйка.

Мамуля помогла мне смастерить в курятнике одну штуковину, и после этого у нас электричества стало хоть отбавляй.

Неприятности начались с того, что в один прекрасный день по лесной тропе к нам притопал костлявый коротышка и словно бы обомлел, увидев, как мамуля стирает во дворе. Я тоже вышел во двор — любопытства ради.

— День выдался на славу, — сказала мамуля. — Хотите выпить, гостенек?

Он сказал, что ничего не имеет против, я принес полный ковш, коротышка выпил маисовой, судорожно перевел дух и сказал, мол, нет уж, спасибо, больше не хочет, ни сейчас, ни потом, никогда в жизни. Сказал, что есть уйма более дешевых способов надсадить себе глотку.

— Недавно приехали? — спросил он.

Мамуля сказала, что да, недавно, Лемюзл нам родственник. Коротышка посмотрел на Лемюзла — тот все сидел на крыльце, закрыв глаза, — и сказал:

— По-вашему, он жив?

— Конечно, — ответила мамуля. — Полон жизни, как говорится.

— А мы-то думали, он давно покойник,— сказал коротышка.— Поэтому ни разу не взимали с него избирательного налога. Я считаю, вам лучше и за себя заплатить, если уж вы сюда въехали. Сколько вас тут?

— Примерно шестеро,— ответила мамуля.

— Все совершеннолетние?

— Да вот у нас папуля, Сонк, малыш...

— Лет-то сколько?

— Малышу уже годочков четыреста, верно, мамуля? — сунулся было я, но мамуля дала мне подзатыльник и велела помалкивать.

Коротышка ткнул в меня пальцем и сказал, что про меня-то и спрашивает. Черт, не мог я ему ответить. Сбилса со счета еще при Кромвеле. Кончилось тем, что коротышка решил собрать налог со всех, кроме малыша.

— Не в деньгах счастье,— сказал он, записывая что-то в книжечку.— Главное, в нашем городе голосовать надо по всем правилам. Против избирательной машины не по-прешь. В Пайпервилле босс только один, и зовут его Илай Гэнди. С вас двадцать долларов.

Мамуля велела мне набрать денег, и я ушел на поиски. У дедули была одна-единственная монетка, про которую он сказал, что это, во-первых, динарий, а во-вторых, талисман; дедуля прибавил, что свистнул эту монетку у какого-то Юлия где-то в Галлии. Папуля был пьян в стельку. У малыша завалялись три доллара. Я обшарил карманы Лемюзла, но добыл там только два яичка иволги.

Когда я вернулся к мамуле, она поскребла в затылке, но я ее успокоил:

— К утру сделаем, мамуля. Вы ведь примете золото, мистер?

Мамуля влепила мне затрещину. Коротышка посмотрел как-то странно и сказал, что золото примет, отчего бы и нет. Потом он ушел лесом и повстречал на тропе енота, который нес охапку прутьев на растопку,— как видно, Лемюзл проголодался.

Я стал искать металлический хлам, чтобы превратить его в золото.

На другой день нас упрятали в тюрьму.

Мы-то, конечно, все знали заранее, но ничего не могли поделать. У нас одна линия: не задирать нос и не привлекать к себе лишнего внимания. То же самое наказал нам дедуля и на этот раз. Мы все поднялись на чердак (все, кроме малыша и Лемюэла, который никогда не почешется), и я устался в угол, на паутину, чтобы не смотреть на дедулю. От его вида у меня мороз по коже.

— Ну их, холуев зловонных, не стоит мараться,— сказал дедуля.— Лучше уж в тюрьму, там безопасно. Дни инквизиции навеки миновали.

— Нельзя ли спрятать ту штуковину, что в курятнике?

Мамуля меня стукнула, чтобы не лез, когда старшие разговаривают.

— Не поможет,— сказала она.— Сегодня утром приходили из Пайпервилла соглядатаи, видели ее.

— Прорыли вы погреб под домом? — спросил дедуля.— Вот и ладно. Укройте там меня с малышом.— Он опять сбился на старомодную речь.— Поистине досадно прожить столь долгие годы и вдруг попасть впросак, осрамиться перед гнусными олухами. Надлежало бы им глотки перерезать. Да нет же, Сонк, ведь это я для красного словца. Не станем привлекать к себе внимания. Мы и без того найдем выход.

Выход нашелся сам. Всех нас выволокли (кроме дедули с малышом, они к тому времени уже сидели в погребе), отвезли в Пайпервилл и упрятали в каталажку. Лемюэл так и не проснулся. Пришлось тянуть его за ноги.

Что до папули, то он не протрезвел. У него свой коронный номер. Он выпьет маисовой, а потом, я так понимаю, алкоголь попадает к нему в кровь и превращается в сахар или еще во что-то. Волшебство, не иначе. Папуля старался мне растолковать, но до меня туго доходило. Спиртное идет в желудок: как может оно попасть оттуда в кровь и превратиться в сахар? Просто глупость. А если нет, так колдовство. Но я-то к другому клоню: папуля уверяет, будто обучил своих друзей, которых звать Ферменты (не иначе как иностранцы, судя по фамилии), превращать сахар обратно в алкоголь и потому умеет оставаться пьяным сколько душе угодно. Но все равно он предпочитает свежую май-

совую, если только подвернется. Я-то не выношу колдовских фокусов, мне от них страшно делается.

Ввели меня в комнату, где народу было порядочно, и приказали сесть на стул. Стали сыпать вопросами. Я прикинулся дурачком. Сказал, что ничего не знаю.

— Да не может этого быть! — заявил кто-то. — Не сами же они соорудили... неотесанные увальни горцы! Но несомненно, в курятнике у них урановый котел!

Чепуха какая.

Я все прикидывался дурачком. Немного погодя отвели меня в камеру. Она кишела клопами. Я выпустил из глаза что-то вроде лучей и поубивал всех клопов — на удивление занюханному человечку со светло-рыжими баками, который спал на верхней койке; я и не заметил, как он проснулся, а когда заметил, было уже поздно.

— На своем веку в каких только чудных тюрьмах я не перебивал, — сказал занюханный человечек, часто-часто помаргивая, — каких только необыкновенных соседей по камере не перевидал, но ни разу еще не встречал человека, в котором заподозрил бы дьявола. Я Армбрестер, Хорек Армбрестер, упекли меня за бродяжничество. А тебя в чем обвиняют, друг? В том, что скупал души по взвинченным ценам?

Я ответил, что рад познакомиться. Нельзя было не восхититься его речью. Просто страсть какой образованный был.

— Мистер Армбрестер, — сказал я, — понятия не имею, за что сажу. Нас сюда привезли ни с того ни с сего — папулю, мамулю и Лемюэла. Лемюэл, правда, все еще спит, а папуля пьян.

— Мне тоже хочется напиться допьяна, — сообщил мистер Армбрестер. — Тогда меня бы не удивляло, что ты повис в воздухе между полом и потолком.

Я засмутился. Вряд ли кому охота, чтобы его застукали за такими делами. Со мной это случилось по рассеянности, но чувствовал я себя круглым идиотом. Пришлось извиниться.

— Ничего, — сказал мистер Армбрестер, переваливаясь на живот и почесывая баки. — Я этого уж давно жду. Жизнь

я прожил в общем и целом весело. А такой способ сойти с ума не хуже всякого другого. Так за что тебя, говоришь, арестовали?

— Сказали, что у нас урановый котел стоит,— ответил я.— Спорим, у нас такого нет. Чугунный, я знаю, есть, сам в нем воду кипятил. А уранового сроду на огонь не ставил.

— Ставил бы, так запомнил бы,— отозвался он.— Скорее всего, тут какая-то политическая махинация. Через неделю выборы. На них собирается выступить партия реформ, а старикашка Гэнди хочет раздавить ее, прежде чем она сделает первый шаг.

— Что ж, пора нам домой,— сказал я.

— А где вы живете?

Я ему объяснил, и он задумался.

— Интересно. На реке, значит? То есть на ручье? На Медведице?

— Это даже не ручей,— уточнил я.

Мистер Армбрестер засмеялся.

— Гэнди величал его рекой Большой Медведицы, до того как построил недалеко от вас Гэнди-плотину. В том ручье нет воды уже полвека, но лет десять назад старикашка Гэнди получил ассигнования — один Бог знает на какую сумму. Выстроил плотину только благодаря тому, что ручей назвал рекой.

— А зачем ему это было надо? — спросил я.

— Знаешь, сколько шальных денег можно выколлотить из постройки плотины? Но против Гэнди не попрешь, помоему. Если у человека собственная газета, он сам диктует условия. Ого! Сюда кто-то идет.

Вошел человек с ключами и увел мистера Армбрестера. Спустя еще несколько часов пришел кто-то другой и выпустил меня. Отвел в другую комнату, очень ярко освещенную. Там был мистер Армбрестер, были мамуля с папудей и Лемюзл и еще какие-то дюжие ребята с револьверами. Был и сухонький тип с лысым черепом и змеиными глазками; все плясали под его дудку и величали его мистером Гэнди.

— Парнишка — обыкновенный деревенский увалень,— сказал мистер Армбрестер, когда я вошел.— Если он и угодил в какую-то историю, то случайно.

Ему дали по шее и велели закрыться. Он закрылся. Мистер Гэнди сидел в сторонке и кивал с довольно подлым видом. У него был дурной глаз.

— Послушай, мальчик,— сказал он мне.— Кого ты выгораживаешь? Кто сделал урановый котел в вашем сарае? Говори правду, или тебе не поздоровится.

Я только посмотрел на него, да так, что кто-то стукнул меня по макушке. Чепуха. Ударом по черепу Хогбенов не проймешь. Помню, наши враги Адамсы схватили меня и давай дубасить по голове, пока не выбились из сил,— даже не пикнули, когда я побросал их в цистерну.

Мистер Армбрестер подал голос.

— Вот что, мистер Гэнди,— сказал он.— Я понимаю, будет большая сенсация, если вы узнаете, кто сделал урановый котел, но ведь вас и без того переизберут. А может быть, это вообще не урановый котел.

— Кто его сделал, я знаю,— заявил мистер Гэнди.— Ученые-ренегаты. Или беглые военные преступники нацисты. И я намерен их найти!

— Ого,— сказал мистер Армбрестер.— Понял вашу идею. Такая сенсация взволнует всю страну, не так ли? Вы сможете выставить свою кандидатуру на пост губернатора, или в сенат, или... в общем, диктовать любые условия.

— Что тебе говорил этот мальчишка? — спросил мистер Гэнди.

Но мистер Армбрестер заверил его, что я ничего такого не говорил.

Тогда принялись колошматить Лемюэла.

Это занятие утомительное. Никто не может разбудить Лемюэла, если уж его разморило и он решил вздремнуть, а таким разморенным я никого никогда не видел. Через некоторое время его сочли мертвецом. Да он и вправду все равно что мертвец: до того ленив, что даже не дышит, если крепко спит.

Папуля творил чудеса со своими приятелями Фермен-тами, он был пьянее пьяного. Его пытались отхлестать, но

ему это вроде щекотки. Всякий раз, как на него опускали кусок шланга, папуля глупо хихикал. Мне стало стыдно.

Мамулю никто не пытался отхлестать. Когда кто-нибудь подбирался к ней достаточно близко, чтобы ударить, он тут же белел как полотно и пятился, весь в поту, дрожа крупной дрожью. Один наш знакомый прохвессор как-то сказал, что мамуля умеет испускать направленный пучок инфразвуковых волн. Прохвессор врал. Она всего-навсего издает никому не слышный звук и посылает его куда хочет. Ох, уж эти мне трескучие слова! А дело-то простое, все равно что белок бить. Я и сам так умею.

Мистер Гэнди распорядился водворить нас обратно, он, мол, с нами еще потолкует. Поэтому Лемюзла выволокли, а мы разошлись по камерам сами. У мистера Армбрестера на голове осталась шишка величиной с куриное яйцо. Он со стонами улегся на койку, а я сидел в углу, поглядывая на его голову и вроде бы стреляя светом из глаз, только этого света никто не мог увидеть. На самом деле такой свет... эх, образования не хватает. В общем, он помогает не хуже примочки. Немного погодя шишка на голове у мистера Армбрестера исчезла, и он перестал стонать.

— Попал ты в переделку, Сонк,— сказал он (к тому времени я ему назвал свое имя).— У Гэнди теперь грандиозные планы. И он совершенно загипнотизировал жителей Пайпервилла. Но ему нужно больше — загипнотизировать весь штат или даже всю страну. Он хочет стать фигурой национального масштаба. Подходящая новость в газетах может это устроить. Кстати, она же гарантирует ему переизбрание на той неделе, хоть он в гарантиях и не нуждается. Весь городок у него в кармане. У вас и вправду был урановый котел?

Я только посмотрел на него.

— Гэнди, по-видимому, уверен,— продолжал он.— Выслал несколько физиков, и они сказали, что это явно уран двести тридцать пять с графитовыми замедлителями. Сонк, я слышал их разговор. Для твоего же блага — перестань укрывать других. К тебе применят наркотик правды — пентатол натрия или скополамин.

— Вам надо поспать,— сказал я, потому что услышал у себя в мозгу зов дедули. Я закрыл глаза и стал вслушиваться. Это было нелегко: все время вклинивался папуля.

«Пропусти рюмашку»,— весело предложил папуля, только без слов, сами понимаете.

«Чтоб тебе сдохнуть, клейменная вошь,— сказал дедуля совсем не так весело.— Убери отсюда свой неповоротливый мозг. Сонк!»

«Да, дедуля»,— сказал я мысленно.

«Надо составить план...»

Папуля повторил:

«Пропусти рюмашку, Сонк».

«Да замолчи же, папуля,— ответил я.— Имей хоть каплю уважения к старшим. Это я про дедулю. И вообще, как я могу пропустить рюмашку? Ты же далеко, в другой камере».

«У меня личный трубопровод,— сказал папуля.— Могу сделать тебе... как это называется... переливание. Телепортация, вот это что. Я просто накоротко замыкаю пространство между твоей кровеносной системой и моей, а потом перекачиваю алкоголь из своих вен в твои. Смотри, это делается вот так».

Он показал мне как — вроде нарисовал у меня в мозгу. Действительно легко. Легко для Хогбена.

Я осатанел.

«Папуля,— говорю я,— пень ты трухлявый, не заставляй своего любящего сына терять к тебе больше уважения, чем требует естество. Я ведь знаю, ты книг сроду не читал. Просто подбираешь длинные слова в чьем-нибудь мозгу».

«Пропусти рюмашку»,— не унимался папуля и вдруг как заорет. Я услышал смешок дедули.

«Крадешь мудрость из умов людских, а? — сказал дедуля.— Это я тоже умею. Сейчас я в своей кровеносной системе мгновенно вывел культуру возбудителя мигрени и телепортировал ее к тебе в мозг, пузатый негодник! Чумы нет на изверга! Внемли мне, Сонк. Ближайшее время твой ничтожный родитель не будет нам помехой».

«Есть, дедуля,— говорю.— Ты в форме?»

«Да».

«А малыш?»

«Тоже. Но действовать должен ты. Это твоя задача, Сонк. Вся беда в той... все забываю слово... в том урановом котле».

«Значит, это все-таки он», — сказал я.

«Кто бы подумал, что хоть одна душа в мире может его распознать? Делать такие котлы научил меня мой прародитель; они существовали еще в его времена. Поистине благодаря им мы, Хогбены, стали мутантами. Господи, твоя воля, теперь я сам должен обворовывать чужой мозг, чтобы внести ясность. В городе, где ты находишься, Сонк, есть люди, коим ведомы нужные мне слова... вот погоди».

Он порылся в мозгу у нескольких человек. Потом продолжил:

«При жизни моего прародителя люди научились расщеплять атом. Появилась... гм-м... вторичная радиация. Она оказала влияние на гены и хромосомы некоторых мужчин и женщин... у нас, Хогбенов, мутация доминантная. Вот потому мы и мутанты».

«То же самое говорил Роджер Бэкон, точно?» — припомнил я.

«Так. Но он был дружелюбен и хранил молчание. Кабы в те дни люди дознались о нашем могуществе, нас сожгли бы на костре. Даже сегодня открываться небезопасно. Под конец... ты ведь знаешь, что воспоследует под конец, Сонк».

«Да, дедуля», — подтвердил я, потому что и в самом деле знал.

«Вот тут-то и закавыка. По-видимому, люди вновь расщепили атом. Оттого и распознали урановый котел. Его надлежит уничтожить; он не должен попасть на глаза людям. Но нам нужна энергия. Не много, а все же. Легче всего получить ее от уранового котла, но теперь им нельзя пользоваться. Сонк, вот что надо сделать, чтобы нам с малышом хватило энергии».

Он растолковал мне, что надо сделать.

Тогда я взял да и сделал.

Стоит мне глаза скосить, как я начинаю видеть интересные картинки. Взять хоть решетку на окнах. Она дробится на малюсенькие кусочки, и все кусочки бегают взад-вперед как шальные. Я слышал, это атомы.

До чего же они веселенькие — суетятся, будто спешат к воскресной проповеди. Ясное дело, ими легко жонглировать, как мячиками. Посмотришь на них пристально, выпустишь что-то такое из глаз — они сгрудятся, а это смешно до невозможности. По первому разу я ошибся и нечаянно превратил железные прутья в золотые. Пропустил, наверное, атом. Зато после этого я научился и превратил прутья в ничто. Выкарабкался наружу, а потом обратно превратил их в железо. Сперва удостоверился, что мистер Армбрестер спит. В общем, легче легкого.

Нас поместили на седьмом этаже большого здания — наполовину мэрии, наполовину тюрьмы. Дело было ночью, меня никто не заметил. Я и улетел. Один раз мимо меня прошмыгнула сова — думала, я в темноте не вижу, а я в нее плюнул. Попал.

С урановым котлом я справился. Вокруг него полно было охраны с фонарями, но я повис в небе, куда часовые не могли достгнуть, и занялся делом. Для начала разогрел котел так, что штуки, которые мистер Армбрестер называет графитовыми замедлителями, превратились в ничто, исчезли. После этого можно было без опаски заняться... ураном-235, так, что ли? Я и занялся, превратил его в свинец. В самый хрупкий. До того хрупкий, что его сдуло ветром. Вскорости ничего не осталось.

Тогда я полетел вверх по ручью. Воды в нем была жалкая струйка, а дедуля объяснил, что нужно гораздо больше. Слетал я к вершинам гор, но и там ничего подходящего не нашел. А дедуля заговорил со мной. Сказал, что малыш плачет. Надо было, верно, сперва найти источник энергии, а уж потом рушить урановый котел.

Оставалось одно — наслать дождь.

Насылать дождь можно по-разному, но я решил просто заморозить тучу. Пришлось спуститься на землю, по-быстрому смастерить аппаратик, а потом лететь высоко вверх, где есть тучи; времени убил порядком, зато довольно скоро грянула буря и хлынул дождь. Но вода не пошла вниз по ручью. Искал я, искал, обнаружил место, где у ручья дно провалилось. Видно, под руслом тянулись подземные пещеры. Я скоренько законопатил дыры. Стоит ли удивляться,

что в ручье столько лет нет воды, о которой можно говорить всерьез? Я все уладил.

Но ведь дедуле требовался постоянный источник, я и давай кругом шарить, пока не разыскал большие родники. Я их вскрыл. К тому времени дождь лил как из ведра. Я завернул проведать дедулю.

Часовые разошлись по домам — надо полагать, малыш их вконец расстроил, когда начал плакать. По словам дедули, все они заткнули уши пальцами и с криком бросились врассыпную. Я, как велел дедуля, осмотрел и кое-где починил водяное колесо. Ремонт там был мелкий. Сто лет назад вещи делали на совесть, да и дерево успело стать мореным. Я любовался колесом, а оно вертелось все быстрее — ведь вода в ручье прибывала... Да что я — в ручье! Он стал рекой.

Но дедуля сказал, это что, видел бы я Аппиеву дорогу, когда ее прокладывали.

Его и малыша я устроил со всеми удобствами, потом улетел назад в Пайпервилл. Близился рассвет, а я не хотел, чтобы меня заметили. На обратном пути плюнул в голубя.

В мэрии был переполох. Оказывается, исчезли мамуля, папуля и Лемюзл. Я-то знал, как это получилось. Мамуля в мыслях переговорила со мной, велела идти в угловую камеру, там просторнее. В той камере собрались все наши. Только невидимые.

Да, чуть не забыл: я ведь тоже сделался невидимым, после того как пробрался в свою камеру, увидел, что мистер Армбрестер все еще спит, и заметил переполох.

«Дедуля мне дал знать, что творится,— сказала мамуля.— Я рассудила, что не стоит пока путаться под ногами. Сильный дождь, да?»

«Будьте уверены,— ответил я.— А почему все так волнуются?»

«Не могут понять, что с нами случилось,— объяснила мамуля.— Как только шум стихнет, мы вернемся домой. Ты, надеюсь, все уладил?»

«Я сделал все, как дедуля велел...» — начал было я, и вдруг из коридора послышались вопли. В камеру вкатился матерый жирный енот с охапкой прутьев. Он шел прямо,

прямо, пока не уперся в решетку. Тогда он сел и начал раскладывать прутья, чтоб разжечь огонь. Взгляд у него был ошалелый, поэтому я догадался, что Лемюэл енота загнипнотизировал.

Под дверью камеры собралась толпа. Нас-то она, само собой, не видела, зато глазела на матерого енота. Я тоже глазел, потому что до сих пор не могу сообразить, как Лемюэл сдирает с енотов шкурку. Как они разводят огонь, я и раньше видел (Лемюэл умеет их заставить), но почему-то ни разу не был рядом, когда еноты раздевались догола — сами себя свеживали. Хотел бы я на это посмотреть.

Но не успел енот начать, один из полисменов цап его в сумку — и унес; так я и не узнал секрета. К тому времени рассвело.

Откуда-то непрерывно доносился рев, а один раз я различил знакомый голос.

«Мамуля,— говорю,— это, похоже, мистер Армбрестер. Пойду погляжу, что там делают с бедолагой».

«Нам домой пора,— уперлась мамуля.— Надо выпустить дедулю и малыша. Говоришь, вертится водяное колесо?»

«Да, мамуля,— говорю.— Теперь электричества вволю».

Она пошарила в воздухе, нащупала папулю и стукнула его.

«Проснись!»

«Пропусти рюмашку»,— завел опять папуля.

Но она его растолкала и объявила, что мы идем домой. А вот разбудить Лемюэла никто не в силах. В конце концов мамуля с папулей взяли Лемюэла за руки и за ноги и вылетели с ним в окно (я развеял решетку в воздухе, чтоб они пролезли). Дождь все лил, но мамуля сказала, что они не сахарные, да и я пусть лечу следом, не то мне всыпят пониже спины.

«Ладно, мамуля»,— поддакнул я, но на самом деле и не думал лететь. Я остался выяснить, что делают с мистером Армбрестером.

Его держали в той же ярко освещенной комнате. У окна, с самой подлой миной, стоял мистер Гэнди, а мистеру Армбрестеру закатали рукав, вроде бы стеклянную иглу собирались всадить. Ну, погодите! Я тут же сделался видимым.

— Не советую,— сказал я.

— Да это же младший Хогбен! — взвыл кто-то. — Хватай его!

Меня схватили. Я позволил. Очень скоро я уже сидел на стуле с закатанным рукавом, а мистер Гэнди щерился на меня по-волчьи.

— Обработайте его наркотиком правды,— сказал он.— А бродягу теперь не стоит допрашивать.

Мистер Армбрестер, какой-то пришибленный, твердил:

— Куда делся Сонк, я не знаю! А знал бы — не сказал бы...

Ему дали по шее.

Мистер Гэнди придвинул лицо чуть ли не к моему носу.

— Сейчас мы узнаем всю правду об урановом котле,— объявил он.— Один укол, и ты все выложишь. Понятно?

Воткнули мне в руку иглу и впрыснули лекарство. Щекотно стало.

Потом начали расспрашивать. Я сказал, что знать ничего не знаю. Мистер Гэнди распорядился сделать мне еще один укол. Сделали.

Совсем невтерпеж стало от щекотки.

Тут кто-то вбежал в комнату — и в крик.

— Плотину прорвало! — орет.— Гэнди-плотину! В южной долине затоплена половина ферм.

Мистер Гэнди попятился и завизжал:

— Вы с ума сошли! Не может быть! В Большой Медведице уже сто лет нет воды!

Потом все сбились в кучку и давай шептаться. Что-то насчет образчиков.

И внизу уже толпа собралась.

— Вы должны их успокоить,— сказал кто-то мистеру Гэнди.— Они кипят от возмущения. Посевы загублены...

— Я их успокою,— заверил мистер Гэнди.— Доказательств никаких. Эх, как раз за неделю до выборов!

Он выбежал из комнаты, за ним бросились остальные. Я встал со стула и почесался. Лекарство, которым меня накачали, дико зудело под кожей. Я обозлился на мистера Гэнди.

— Живо! — сказал мистер Армбрестер. — Давай уносить ноги. Сейчас самое время.

Мы унесли ноги через боковой ход. Это было легко. Подошли к парадной двери, а там под дождем куча народу мокнет. На ступенях суда стоит мистер Гэнди, все с тем же подлым видом, лицом к лицу с рослым, плечистым парнем, который размахивает обломком камня.

— У каждой плотины свой предел прочности, — объяснял мистер Гэнди, но рослый парень взревел и замахнулся камнем над его головой.

— Я знаю, где хороший бетон, а где плохой! — прогремел он. — Тут сплошной песок! Да эта плотина и галлона воды не удержит!

Мистер Гэнди покачал головой.

— Возмутительно! — говорит. — Я потрясен не меньше, чем вы. Разумеется, мы целиком доверяли подрядчикам. Если строительная компания «Эджекс» пользовалась некондиционными материалами, мы взыщем с нее по суду.

В эту минуту я до того устал чесаться, что решил принять меры. Так я и сделал.

Плечистый парень отступил на шаг и ткнул пальцем в мистера Гэнди.

— Вот что, — говорит. — Ходят слухи, будто строительная компания «Эджекс» принадлежит вам. Это правда?

Мистер Гэнди открыл рот и снова закрыл. Он чуть заметно вздрогнул.

— Да, — говорит, — я ее владелец.

Надо было слышать вопль толпы.

Плечистый парень аж задохнулся.

— Вы сознались? Может быть, сознаетесь и в том, что знали, что плотина никуда не годится, а? Сколько вы нажили на строительстве?

— Одиннадцать тысяч долларов, — ответил мистер Гэнди. — Это чистая прибыль, после того, как я выплатил долю шерифу, олдермену¹ и...

¹ Член городского управления.

Но тут толпа двинулась вверх по ступенькам и мистера Гэнди не стало слышно.

— Так-так,— сказал мистер Армбрестер.— Редкое зрелище. Ты понял, что это означает, Сонк? Гэнди сошел с ума. Не иначе. Но на выборах победит партия реформ, она прогонит мошенников, и для меня снова настанет приятная жизнь в Пайпервилле. Пока не подамся на Юг. Как ни странно, я нашел у себя в кармане деньги. Пойдем выпьем, Сонк?

— Нет, спасибо,— ответил я.— Мамуля рассердится; она ведь не знает, куда я делся. А больше не будет неприятностей, мистер Армбрестер?

— В конце концов когда-нибудь будут,— сказал он,— но очень не скоро. Смотри-ка, старикашку Гэнди ведут в тюрьму! Скорее всего, хотят защитить от разъяренной толпы. Это надо отпраздновать, Сонк. Ты не передумал... Сонк! Ты где?

Но я стал невидимым.

Ну, вот и все. Под кожей у меня больше не зудело. Я улетел домой и помог наладить гидроэлектростанцию на водяном колесе. Со временем наводнение схлынуло, но с тех пор по руслу течет полноводная река, потому что в истоках ее я все устроил как надо. И зажили мы тихо и спокойно, как любим. Для нас такая жизнь безопаснее.

Дедуля сказал, что наводнение было законное. Напомнило ему то, про которое рассказывал еще его дедуля. Оказывается, при жизни дедулиного дедули были урановые котлы и многое другое, но очень скоро все это вышло из повиновения и случился настоящий потоп. Дедулиному дедуле пришлось бежать без оглядки. С того дня и до сих пор про его родину никто и слухом не слыхал; надо понимать, в Атлантиде все утонули. Впрочем, подумаешь, важность, какие-то иностранцы.

Мистера Гэнди упрятали в тюрьму. Так и не узнали, что заставило его во всем сознаться; может, в нем совесть заговорила. Не думаю, чтоб из-за меня. Навряд ли. А все же...

Помните тот фокус, что показал мне папуля,— как можно коротнуть пространство и перекачать маисовую из его

крови в мою? Так вот, мне надоел зуд под кожей, где толком и не почешешься, и я сам проделал такой фокус. От впрыснутого лекарства, как бы оно ни называлось, меня одолел зуд. Я маленько искривил пространство и перекачал эту пакость в кровь к мистеру Гэнди, когда он стоял на ступеньках суда. У меня зуд тут же прошел, но у мистера Гэнди он, видно, начался сильный. Так и надо подлецу!

Интересно, не от зуда ли он всю правду выложил?

ПРОФЕССОР НАКРЫЛСЯ

Мы — Хогбены, других таких нет. Чудак прохвессор из большого города мог бы это знать, но он разлетелся к нам незванный, так что теперь, по-моему, пусть пеняет на себя. В Кентукки вежливые люди занимаются своими делами и не суют нос куда их не просят.

Так вот, когда мы шугали братьев Хейли самодельным ружьем (до сих пор не поймем, как оно стреляет), тогда все и началось — с Рейфа Хейли, он крутился возле сарая да вынюхивал, чем там пахнет, в оконце, — норовил поглядеть на Крошку Сэма. После Рейф пустил слух, будто у Крошки Сэма три головы или еще кой-что похуже.

Ни единому слову братьев Хейли верить нельзя. Три головы! Слыханное ли дело, сами посудите? Когда у Крошки Сэма всего-навсего две головы, больше сроду не было.

Вот мы с мамулей смастерили то ружье и задали перцу братьям Хейли. Я же говорю, мы потом сами в толк не могли взять, как оно стреляет. Соединили сухие батареи с какими-то катушками, проводами и прочей дребеденью, и эта штука как нельзя лучше прошила Рейфа с братьями насквозь.

В вердикте коронер записал, что смерть братьев Хейли наступила мгновенно; приехал шериф Эбернати, выпил с нами маисовой водки и сказал, что у него руки чешутся

проучить меня так, чтобы родная мама не узнала. Я пропустил это мимо ушей. Но видно, какой-нибудь чертов янки-репортеришка жареное учуял, потому как вскорости появился к нам высокий, толстый, серьезный дядька и ну выспрашивать всю подноготную.

Наш дядя Лес сидел на крыльце, надвинув шляпу чуть ли не до самых зубов.

— Убирались бы лучше подобру-поздорову обратно в свой цирк, господин хороший,— только и сказал он.— Нас Барнум самолично приглашал, и то мы наотрез отказались. Верно, Сонк?

— Точно,— подтвердил я.— Не доверял я Финеасу. Он обозвал Крошку Сэма уродом, надо же!

Высокий и важный дядька — прохвессор Томас Гэлбрейт — посмотрел на меня.

— Сколько тебе лет, сынок? — спросил он.

— Я вам не сынок,— ответил я.— И лет своих не считал.

— На вид тебе не больше восемнадцати,— сказал он,— хоть ты и рослый. Ты не можешь помнить Барнума.

— А вот и помню. Будет вам трепаться. А то как дам в ухо.

— Никакого отношения к цирку я не имею,— продолжал Гэлбрейт.— Я биогенетик.

Мы давай хохотать. Он вроде бы раскипятился и захотел узнать, что тут смешного.

— Такого слова и на свете-то нет,— сказала мамуля.

Но тут Крошка Сэм зашелся криком. Гэлбрейт побелел как мел и весь затрясся. Прямо рухнул наземь. Когда мы его подняли, он спросил, что случилось.

— Это Крошка Сэм,— объяснил я.— Мамуля его успокаивает. Он уже перестал.

— Это ультразвук,— буркнул прохвессор.— Что такое «Крошка Сэм» — коротковолновый передатчик?

— Крошка Сэм — младенец,— ответил я коротко.— Не смейте его обзывать всякими именами. А теперь, может, скажете, чего вам нужно?

Он вынул блокнот и стал его перелистывать.

— Я у-ученый,— сказал он.— Наш институт изучает египтологию, и мы располагаем о вас кое-какими сведениями.

Звучат они неправдоподобно. По теории одного из наших сотрудников, в малокультурных районах естественная мутация может остаться нераспознанной и...— Он приостановился и в упор посмотрел на дядю Леса.

— Вы действительно умеете летать? — спросил он.

Ну, об этом-то мы не любим распространяться. Однажды проводник дал нам хороший нагоняй. Дядя Лес назюсюкался и взмыл над горами — до одури напугал охотников на медведей. Да и в Библии нет такого, что людям положено летать. Обычно дядя Лес делает это исподтишка, когда никто не видит.

Как бы там ни было, дядя Лес надвинул шляпу еще ниже и прорычал:

— Это уж вовсе глупо. Человеку летать не дано. Взять хотя бы эти новомодные выдумки, о которых мне все уши прожужжали; между нами, они вообще не летают. Просто бредни, вот и все.

Гэлбрейт хлопнул глазами и снова заглянул в блокнот.

— Но тут с чужих слов есть свидетельства о массе необычных качеств, присущих вашей семье. Умение летать — только одно из них. Я знаю, теоретически это невозможно — если не говорить о самолетах,— но...

— Хватит трепаться!

— В состав мази средневековых ведьм входил аконит, дающий иллюзию полета, разумеется совершенно субъективную.

— Перестанете вы нудить? — Взбешенного дядю Леса прорвало, я так понимаю — от смущения. Он вскочил, швырнул шляпу на крыльцо и взлетел. Через минуту стремительно опустился, подхватил свою шляпу и скорчил рожу прохвессору. Потом опять взлетел и скрылся за ущельем. Мы его долго не видели.

Я тоже взбесился.

— По какому праву вы к нам пристаете? — сказал я.— Дождетесь, что дядя Лес возьмет пример с папули, а это будет чертовски неприятно. Мы папулю в глаза не видели, с тех пор как тут крутился один тип из города. Налоговый инспектор, кажется.

Гэлбрейт ничего не сказал. Вид у него был какой-то растерянный. Я дал ему выпить, и он спросил про папулю.

— Да папуля где-то здесь,— ответил я.— Только его теперь не увидишь. Он говорит, так ему больше нравится.

— Ага,— сказал Гэлбрейт и выпил еще рюмочку.— О Господи. Сколько, говоришь, тебе лет?

— А я про это ничего не говорю.

— Ну, какое воспоминание у тебя самое первое?

— Что толку запоминать? Только голову себе зря забиваешь.

— Фантастика,— сказал Гэлбрейт.— Не ожидал, что отошлю в институт такой отчет.

— Не нужно нам, чтобы тут лезли всякие,— сказал я.— Уезжайте отсюда и оставьте нас в покое.

— Но помилуй! — Он выглянул за перила крыльца и заинтересовался ружьем.— Это еще что?

— Такая штука,— ответил я.

— Что она делает?

— Всякие штуки,— ответил я.

— Угу. Посмотреть можно?

— Пожалуйста,— ответил я.— Да я вам отдам эту хреновину, только бы вы отсюда уехали.

Он подошел и осмотрел ружье. Папуля встал (он сидел рядом со мной), велел мне избавиться от чертового янки и вошел в дом. Вернулся прохвессор.

— Потрясающе! — говорит.— Я кое-что смыслю в электронике, и, по моему мнению, это нечто выдающееся. Каков принцип действия?

— Чего-чего?— отвечаю.— Она дырки делает.

— Стрелять патронами она никак не может. В казенной части у нее две линзы вместо... Как, говоришь, она действует?

— Откуда я знаю.

— Это ты ее сделал?

— Мы с мамулей.

Он давай сыпать вопросами.

— Откуда я знаю,— говорю.— Беда с ружьями в том, что их надо каждый раз перезаряжать. Вот мы и подумали:

смастерим ружье по-своему, чтоб его никогда не заряжать. И верно, не приходится.

— А ты серьезно обещал мне его подарить?

— Если отстанете.

— Послушай,— сказал он,— просто чудо, что вы, Хогбены, так долго оставались в тени.

— На том стоим.

— Должно быть, теория мутации верна! Вас надо обследовать. Это же одно из крупнейших открытий после...— И пошел чесать в том же духе. Я мало что понял.

В конце концов я решил, что есть только два выхода, а после слов шерифа Эбернати мне не хотелось убивать, пока шерифов гнев не остынет. Не люблю скандалов.

— Допустим, я поеду с вами в Нью-Йорк, раз уж вам так хочется,— сказал я.— Оставьте вы мою семью в покое?

Он вроде бы пообещал, правда нехотя. Но все же уступил и забожился: я пригрозил, что иначе разбужу Крошку Сэма. Он-то, конечно, хотел повидать Крошку Сэма, но я объяснил, что это все равно без толку. Как ни верти, не может Крошка Сэм поехать в Нью-Йорк. Он должен лежать в цистерне, без нее ему становится худо.

В общем, прохвессор остался мной доволен и уехал, когда я пообещал встретиться с ним наутро в городке. Но все же на душе у меня, по правде сказать, было паскудно. Мне не доводилось еще ночевать под чужой крышей после той заварушки в Старом Свете, когда нам пришлось в темпе уносить ноги.

Мы тогда, помню, переехали в Голландию. Мамуля всегда равнодушна была к человеку, который помог нам выбраться из Лондона. В его честь дала имя Крошке Сэму. А фамилию того человека я уж позабыл. Не то Гвинн, не то Стюарт, не то Пипин — у меня в голове все путается, когда я вспоминаю то, что было до войны Севера с Югом.

Вечер прошел, как всегда, нудно. Папуля, конечно, сидел невидимый, и мамуля все злилась, подозревая, что он тянет маисовой больше, чем положено, но потом сменила гнев на милость и налила ему настоящего виски. Все наказывали мне вести себя прилично.

— Этот прохвессор ужас до чего умный,— сказала мамуля.— Все прохвессора такие. Не морочь ему голову. Будь паинькой, а не то я тебе покажу где раки зимуют.

— Буду паинькой, мамуля,— ответил я.

Папуля дал мне затрещину, что с его стороны было нечестно: ведь я-то его не мог видеть!

— Это чтоб ты лучше запомнил,— сказал он.

— Мы люди простые,— ворчал дядя Лес.— И нечего прыгать выше головы, никогда это к добру не приводит.

— Я и не пробовал, честно! — сказал я.— Только я так считаю...

— Не наделай бед!— пригрозила мамуля, и тут мы услышали, как в мезонине дедуля заворочался. Порой дедуля не двигается неделями, но в тот вечер он был прямо-таки живчик.

Мы, само собой, поднялись узнать, чего он хочет.

Он заговорил о прохвессоре.

— Чужак-то, а?— сказал дедуля.— Продувная бестия! Редкостные губошлепы собрались у моего ложа, когда я сам от старости слабею разумом! Один Сонк не без хитрости, да и тот, прости меня, Господи, дурак дураком.

Я только поерзал на месте и что-то пробормотал, лишь бы не смотреть дедуле в глаза — я этого не выношу. Но он на меня не обратил внимания. Все бушевал:

— Значит, ты собрался в этот Нью-Йорк? Кровь Христова, да разве ты запомнил, что мы как огня стережемся Лондона и Амстердама — да и Нью-Амстердама¹ — из боязни дознания? Уж не хочешь ли ты попасть в ярмарочные уроды? Хоть это и не самое страшное.

Дедуля у нас старейший и иногда вставляет в разговор какие-то допотопные словечки. Наверное, жаргон, к которому привыкнешь в юности, прилипает на всю жизнь. Одного у дедули не отнимешь: ругается он лучше всех, кого мне довелось послушать.

— Ерунда,— сказал я.— Я ведь хотел как лучше!

¹ Старинное название Нью-Йорка.— *Здесь и далее примеч. перев.*

— Так он еще речет супротив, паршивый неслух! — возмутился дедуля. — Во всем виноват ты, ты и твоя родительница. Это вы пресечению рода Хейли споспешествовали. Когда б не вы, ученый бы сюда и не пожаловал.

— Он прохвессор, — обобщил я. — Звать его Томас Гэлбрейт.

— Знаю. Я прочитал его мысли через мозг Крошки Сэма. Опасный человек. Все мудрецы опасны. Кроме разве Роджера Бэкона, и того мне пришлось подкупить, дабы... не важно. Роджер был незаурядный человек. Внимайте же: никто из вас да не едет в Нью-Йорк. Стоит нам только покинуть сию тихую заводь, стоит кому-то нами заинтересоваться — и мы пропали. Вся их волчья стая вцепится и разорвет нас в клочья. А твои безрассудные полеты, Лестер, помогут тебе как мертвому припарки — ты внемлешь?

— Но что же нам делать? — спросила мамуля.

— Да чего там, — сказал папуля. — Я этого прохвессора уговорю. Спущу в цистерну, и дело с концом.

— И испортишь воду? — взвилась мамуля. — Попробуй только!

— Что за порочное племя вышло из моих чресел? — сказал дедуля, рассвирепев окончательно. — Ужли не обещали вы шерифу, что убийства прекратятся... хотя бы на ближайшее время? Ужли и слово Хогбена — ничто? Две святыни пронесли мы сквозь века — нашу тайну и честь Хогбенов! Посмейте только умертвить этого Гэлбрейта — вы мне ответите!

Мы все побледнели. Крошка Сэм опять проснулся и захныкал.

— Что же теперь делать? — спросил дядя Лес.

— Наша великая тайна должна остаться нерушимой, — сказал дедуля. — Поступайте как знаете, только без убийства. Я тоже обмозгую сию головоломку.

Тут он, казалось, заснул, хотя точно про него никогда ничего не знаешь.

На другой день мы встретились с Гэлбрейтом в городке, как и договорились, но еще раньше я столкнулся на улице с шерифом Эбернати, который, завидев меня, зло сверкнул глазами.

— Лучше не нарывайся, Сонк,— сказал он.— Помни, я тебя предупреждал.

Очень неудобно получилось.

Как бы там ни было, я увидел Гэлбрейта и рассказал ему, что дедуля не пускает меня в Нью-Йорк. Гэлбрейт не очень-то обрадовался, но понял, что тут уж ничего не поделаешь.

Его номер в отеле был забит научной дребеденью и мог напугать всякого. Ружье стояло тут же, и Гэлбрейт как будто ничего в нем не менял. Он стал меня переубеждать.

— Ничего не выйдет,— отрезал я.— Нас от этих гор не оттащить. Вчера я брякнул сдуру, никого не спрося, вот и все.

— Послушай, Сонк,— сказал он.— Я расспрашивал в городке о Хогбенах, но почти ничего не узнал. Люди здесь скрытные. Но все равно, их свидетельство было только лишним подтверждением. Я не сомневаюсь, что наши теории верны. Ты и вся твоя семья — мутанты, вас надо обследовать!

— Никакие мы не мутанты,— ответил я.— Вечно ученые обзывают нас какими-то кличками. Роджер Бэкон окрестил нас гомункулами, но...

— Что?! — вскрикнул Гэлбрейт.— Что ты сказал?

— Э... издолыщик один из соседнего графства,— тут же опомнился я, но видно было, что прохвессора не проведешь. Он стал расхаживать по номеру.

— Бесполезно,— сказал он.— Если ты не поедешь в Нью-Йорк, я попрошу, чтобы институт выслал сюда комиссию. Тебя надо обследовать во славу науки и ради прогресса человечества.

— Этого еще не хватало,— ответил я.— Воображаю, что получится. Выставите нас, как уродов, всем на потеху. Крошку Сэма это убьет. Уезжайте-ка отсюда и оставьте нас в покое.

— Оставить вас в покое? Когда вы умеете создать такие приборы? — Он махнул рукой в сторону ружья.— Как же оно работает? — спросил он ни с того ни с сего.

— Да не знаю я... Смастерили, и дело с концом. Послушайте, прохвессор. Если на нас глазеть понаедут, быть беде. Большой беде. Так говорит дедуля.

Гэлбрейт стал теребить собственный нос.

— Что ж, допустим... а ответишь мне на кое-какие вопросы, Сонк?

— Не будет комиссии?

— Посмотрим.

— Нет, сэр. Не стану...

Гэлбрейт набрал побольше воздуха.

— Если ты расскажешь все, что мне нужно, я сохраню ваше местопребывание в тайне.

— А я-то думал, у вас в институте знают, куда вы поехали.

— А-а, да,— спохватился Гэлбрейт.— Естественно, знают. Но про вас там ничего не известно.

Он подал мне мысль. Убить его ничего не стоило, но тогда дедуля стер бы меня в порошок, да и с шерифом приходилось считаться. Поэтому я сказал: «Ладно уж» — и кивнул.

Господи, о чем только этот тип не спрашивал! У меня аж круги поплыли перед глазами. А он распалялся все больше и больше.

— Сколько лет твоему дедушке?

— Понятия не имею.

— Гомункулы, гм-м... Говоришь, он когда-то был рудокопом?

— Да не он, его отец,— сказал я.— На оловянных копиях в Англии. Только дедуля говорит, что в то время она называлась Британия. На них тогда еще навели колдовскую чуму. Пришлось звать лекарей... друнов? Друдов?

— Друидов?

— Во-во. Эти друиды, дедуля говорит, были лекарями. В общем, рудокопы мерли как мухи по всему Корнуэллу, и копи пришлось закрыть.

— А что за чума?

Я объяснил ему, как запомнил из рассказов дедули, и прохвессор страшно разволновался, пробормотал что-то, насколько я понял, о радиоактивном излучении. Ужас какую околесицу он нес.

— Искусственная мутация, обусловленная радиоактивностью! — говорит, а у самого глаза и зубы разгорелись. — Твой дед родился мутантом! Гены и хромосомы перестроились в новую комбинацию. Да ведь вы, наверно, сверхлюди!

— Нет уж, — возразил я. — Мы Хогбены. Только и всего.

— Доминанта, типичная доминанта. А у тебя вся семья... э-э... со странностями?

— Эй, легче на поворотах! — пригрозил я.

— В смысле — все ли умеют летать?

— Сам-то я еще не умею. Наверно, мы какие-то уроды. Дедуля у нас — золотая голова. Всегда учил, что нельзя высовываться.

— Защитная маскировка, — подхватил Гэлбрейт. — На фоне косной социальной культуры отклонения от нормы маскируются легче. В современном обществе вам было бы так же трудно утаиться, как шилу в мешке. А здесь, в глуши, вы практически невидимы.

— Только папуля, — уточнил я.

— О Боже, — вздохнул он. — Скрывать такие невероятные природные способности... Представляете, что вы могли бы совершить?

Вдруг он распалился пуще прежнего, и мне не очень-то понравился его взгляд.

— Чудеса, — повторял он. — Все равно что лампу Аладдина найти.

— Хорошо бы вы от нас отвязались, — говорю. — Вы и ваша комиссия.

— Да забудь ты о комиссии. Я решил пока что заняться этим самостоятельно. При условии, если ты будешь содействовать. В смысле — поможешь мне. Согласен?

— Не-а, — ответил я.

— Тогда я приглашу сюда комиссию из Нью-Йорка, — сказал он злорадно.

Я призадумался.

— Ну, — сказал я наконец, — чего вы хотите?

— Еще не знаю, — медленно проговорил он. — Я еще не полностью охватил перспективы.

Но он готов был ухватить все в охапку. Сразу было видать. Знаю я такое выражение лица.

Я стоял у окна, смотрел на улицу, и тут меня вдруг осенило. Я рассудил, что, как ни кинь, чересчур доверять прохвессору — вовсе глупо. Вот я и подобрался, будто ненароком, к ружью и кое-что там подправил.

Я прекрасно знал, чего хочу, но, если бы Гэлбрейт спросил, почему я скручиваю проволочку тут и сгибаю какую-то чертовщину там, я бы не мог ответить. В школах не обучался. Но твердо знал одно: теперь эта штучка сработает как надо.

Прохвессор строчил что-то в блокноте. Он поднял глаза и заметил меня.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Тут было что-то неладно, — соврал я. — Не иначе как вы тут мудрили с батарейками. Вот сейчас испытайте.

— Здесь? — возмутился он. — Я не хочу возмещать убытки. Испытывать надо в безопасных условиях.

— Видите вон там, на крыше, флюгер? — Я показал пальцем. — Никто не пострадает, если мы в него нацелимся. Можете испытывать не отходя от окна.

— Это... это не опасно? — Ясно было, что у него руки чешутся испытать ружье. Я сказал, что все останутся в живых, он глубоко вздохнул, подошел к окну и неумело взялся за приклад.

Я отодвинулся в сторонку. Не хотел, чтобы шериф меня увидел. Я-то его давно приметил — он сидел на скамье возле продуктовой лавки через дорогу.

Все вышло, как я и рассчитывал. Гэлбрейт спустил курок, целясь во флюгер на крыше, и из дула вылетели кольца света. Раздался ужасающий грохот. Гэлбрейт повалился навзничь, и тут началось такое столпотворение, что передать невозможно. Вопль стоял по всему городку.

Ну, чувствую, самое время сейчас превратиться в невидимку. Так я и сделал.

Гэлбрейт осматривал ружье, когда в номер ворвался шериф Эбернати. А с шерифом шутки плохи. У него был пистолет в руке и наручники наготове; он отвел душу, изругав прохвессора последними словами.

— Я вас видел! — орал он. — Вы, столичные, думаете, что вам здесь все сойдет с рук. Так вот, вы ошибаетесь!

— Сонк! — вскричал Гэлбрейт, озираясь по сторонам. Но меня он, конечно, увидеть не мог.

Тут они сцепились. Шериф Эбернати видел, как Гэлбрейт стрелял из ружья, а шерифу палец в рот не клади. Он поволок Гэлбрейта по улице, а я, неслышно ступая, двинулся следом. Люди метались как угорелые. Почти все прижимали руки к щекам.

Прохвессор продолжал нить, что ничего не понимает.

— Я все видел! — оборвал его Эбернати. — Вы прицелились из окна — и тут же у всего города разболелись зубы! Посмейте только еще раз сказать, будто вы не понимаете!

Шериф у нас умница. Он с нами, Хогбенами, давно знаком и не удивляется, если иной раз творятся чудные дела. К тому же он знал, что Гэлбрейт — ученый. Так вот, получился скандал, люди доискались, кто виноват, и я оглянуться не успел, как они собрались линчевать Гэлбрейта.

Эбернати его увел. Я немножко послонялся по городку. На улицу вышел пастор посмотреть на церковные окна — они его озадачили. Стекла были разноцветные, и пастор никак не мог понять, с чего это они вдруг расплавились. Я бы ему подсказал. В цветных стеклах есть золото — его добавляют, чтобы получить красный тон.

В конце концов я подошел к тюрьме. Меня все еще нельзя было видеть. Поэтому я подслушал разговор Гэлбрейта с шерифом.

— Все Сонк Хогбен, — повторял прохвессор. — Поверьте, это он перестроил проектор!

— Я вас видел, — отвечал Эбернати. — Вы все сделали сами. Ой! — Он схватился рукой за челюсть. — Прекратите-ка, да поживее! Толпа настроена серьезно. В городе половина людей сходит с ума от зубной боли.

Видно, у половины городских в зубах были золотые пломбы. То, что сказал на это Гэлбрейт, меня не очень-то удивило.

— Я ожидаю прибытия комиссии из Нью-Йорка; сегодня же вечером позвоню в институт, там за меня поручатся.

Значит, он всю дорогу собирался нас продать. Я как чувствовал, что у него на уме.

— Вы избавите меня от зубной боли — и всех остальных тоже, а не то я открою двери и впущу линчевателей! — простонал шериф. И ушел прикладывать к щеке пузырь со льдом.

Я прокрался обратно в коридор и стал шуметь, чтобы Гэлбрейт услышал. Я подождал, пока он не кончит ругать меня на все корки. Напустил на себя глупый вид.

— Видно, я махнул, — говорю. — Но могу все исправить.

— Да ты уж наисправлял достаточно. — Тут он остановился. — Погоди. Как ты сказал? Ты можешь вылечить эту... что это?

— Я осмотрел ружье, — говорю. — Кажется, я знаю, где напорол. Оно теперь настроено на золото, и все золото в городе испускает тепловые лучи или что-то в этом роде.

— Наведенная избирательная радиоактивность, — пробормотал Гэлбрейт очередную бессмыслицу. — Слушай. Вся эта толпа... у вас когда-нибудь линчуют?

— Не чаще раза-двух в год, — успокоил я. — И эти два раза уже позади, так что годовую норму мы выполнили. Жаль, что я не могу переправить вас к нам домой. Мы бы вас запросто спрятали.

— Ты бы лучше что-нибудь предпринял! — говорит. — А не то я вызову из Нью-Йорка комиссию! Ведь тебе это не очень-то по вкусу, а?

Никогда я не видел, чтобы человек с честным лицом так нагло врал в глаза.

— Дело верное, — говорю. — Я подкручу эту штуковину так, что она в два счета погасит лучи. Только я не хочу, чтобы люди связывали нас, Хогбенов, с этим делом. Мы любим жить спокойно. Вот что, давайте я пойду в ваш отель и налажу все как следует, а потом вы соберете тех, кто мается зубами, и спустите курок.

— Но... да, но...

Он боялся, как бы не вышло еще хуже. Но я его уговорил. На улице бесновалась толпа, так что долго уговаривать не пришлось. В конце концов я плюнул и ушел, но вернулся

невидимый и подслушал, как Гэлбрейт улаживает с шерифом.

Они между собой поладили. Все, у кого болят зубы, соберутся и рассядутся в мэрии. Потом Эбернати приведет прохвессора с ружьем и попробует всех вылечить.

— Прекратится зубная боль? — настаивал шериф.— Точно?

— Я... вполне уверен, что прекратится.

Эбернати уловил его нерешительность.

— Тогда уж лучше испытайте сначала на мне. Я вам доверяю.

Видно, никто никому не доверял.

Я прогулялся до отеля и кое-что изменил в ружье. И тут я попал в переплет. Моя невидимость истощилась. Вот ведь как скверно быть подростком.

Когда я стану на сотню-другую лет постарше, то буду оставаться невидимым сколько влезет. Но пока я еще не очень-то освоился. Главное, теперь я не мог обойтись без помощи, потому что должен был сделать одно дело, за которое никак нельзя браться у всех на глазах.

Я поднялся на крышу и мысленно окликнул Крошку Сэма. Когда настроился на его мозг, попросил вызвать папулю и дядю Леса. Немного погодя с неба спустился дядя Лес; летел он тяжело, потому что нес папулю. Папуля ругался: они насили увернулись от коршуна.

— Зато никто нас не видел,— утешил его дядя Лес.— По-моему.

— У городских сегодня своих хлопот полон рот,— ответил я.— Мне нужна помощь. Прохвессор обещал одно, а сам затевает напустить сюда комиссию и всех нас обследовать.

— В таком случае ничего не поделаешь,— сказал папуля.— Нельзя же кокнуть этого типа. Дедуля запретил.

Тогда я сообщил им свой план. Папуля невидимый, ему все это будет легче легкого. Потом мы провертели в крыше дырку, чтобы подсматривать, и заглянули в номер Гэлбрейта. И как раз вовремя. Шериф уже стоял там с

пистолетом в руке (так он ждал), а прохвессор, позеленев, наводил на Эбернати ружье. Все прошло без сучка без задоринки. Гэлбрейт спустил курок, из дула выскочило пурпурное кольцо света, и все. Да еще шериф открыл рот и сглотнул слюну.

— Ваша правда! Зуб не болит!

Гэлбрейт обливался потом, но делал вид, что все идет по плану.

— Конечно, действует,— сказал он.— Естественно. Я же говорил.

— Идемте в мэрию. Вас ждут. Советую вылечить всех, иначе вам не поздоровится.

Они ушли. Папуля тайком двинулся за ними, а дядя Лес подхватил меня и полетел следом, держась поближе к крышам, чтобы нас не заметили. Вскоре мы расположились у одного из окон мэрии и стали наблюдать.

Таких страстей я еще не видел, если не считать лондонской чумы. Зал был битком набит, люди катались от боли, стонали и выли. Вошел Эбернати с прохвессором — прохвессор нес ружье,— и все завопили еще громче.

Гэлбрейт установил ружье на сцене, дулом к публике, шериф снова вытащил пистолет, велел всем замолчать и обещал, что сейчас у всех зубная боль пройдет.

Я папулю, ясное дело, не видел, не знал, что он на сцене. С ружьем творилось что-то немыслимое. Никто не замечал, кроме меня, но я-то следил внимательно. Папуля,— конечно, невидимый,— вносил кое-какие поправки. Я ему все объяснил, но он и сам не хуже меня понимал, что к чему. И вот он скоренько наладил ружье как надо.

А что потом было — конец света. Гэлбрейт прицелился, спустил курок, из ружья вылетели кольца света — на этот раз желтые. Я попросил папулю выбрать такую дальность, чтобы за пределами мэрии никого не задело. Но внутри...

Что ж, зубная-то боль у них прошла. Ведь не может человек страдать от золотой пломбы, если никакой пломбы у него и в помине нет.

Теперь ружье было налажено так, что действовало на все неживое. Дальность папуля выбрал точка в точку. Вмиг исчезли стулья и часть люстры. Публика сбилась в кучу,

поэтому ей худо пришлось. У колченогого Джеффа пропала не только деревянная нога, но и стеклянный глаз. У кого были вставные зубы, ни одного не осталось. Многих словно наголо обрили.

И платья ни на ком я не видел. Ботинки ведь неживые, как и брюки, рубашки, юбки. В два счета все в зале оказались в чем мать родила. Но это уж пустяк, зубы-то у них перестали болеть, верно?

Часом позже мы сидели дома — все, кроме дяди Леса, — как вдруг открывается дверь и входит дядя Лес, а за ним, шатаясь, — прохвессор. Вид у Гэлбрейта был самый жалкий. Он опустился на пол, тяжело, с хрипом, дыша и тревожно поглядывая на дверь.

— Занятная история, — сказал дядя Лес. — Лечу это я над окраиной городка и вдруг вижу: бежит прохвессор, а за ним — целая толпа, и все замотаны в простыни. Вот я его и прихватил. Доставил сюда, как ему хотелось.

И мне подмигнул.

— О-о-ох! — простонал Гэлбрейт. — А-а-ах! Они сюда идут?

Мамуля подошла к двери.

— Вон сколько факелов лезут в гору, — сообщила она. — Не к добру это.

Прохвессор свирепо глянул на меня:

— Ты говорил, что можешь меня спрятать! Так вот, теперь прячь! Все из-за тебя!

— Чушь, — говорю.

— Прячь, иначе пожалеешь! — завизжал Гэлбрейт. — Я... я вызову сюда комиссию.

— Ну, вот что, — сказал я. — Если мы вас укроем, обещаете забыть о комиссии и оставить нас в покое?

Прохвессор пообещал.

— Минуточку, — сказал я и поднялся в мезонин к дедуле. Он не спал. — Как, дедуля? — спросил я.

С секунду он прислушивался к Крошке Сэму.

— Прохвост лукавит, — сказал он вскоре. — Желает непременно вызвать ту шелудивую комиссию, вопреки всем своим посулам.

— Может, не стоит его прятать?

— Нет, отчего же,— сказал дедуля.— Хогбены дали слово — больше не убивать. А укрыть беглеца от преследователей — право же, дело благое.

Может быть, он подмигнул. Дедулю не разберешь. Я спустился по лестнице. Гэлбрейт стоял у двери — смотрел, как в гору взбираются факелы.

Он в меня так и вцепился.

— Сонк! Если ты меня не спрячешь...

— Спрячу,— ответил я.— Пшли.

Отвели мы его в подвал...

Когда к нам ворвалась толпа во главе с шерифом Эбернати, мы прикинулись простаками. Позволили перерыть весь дом. Крошка Сэм и дедуля на время стали невидимыми, их никто не заметил. И само собой, толпа не нашла никаких следов Гэлбрейта. Мы его хорошо укрыли, как и обещали.

С тех пор прошло несколько лет. Прохвессор как сыр в масле катается. Но только нас он не обследует. Порой мы вынимаем его из бутылки, где он хранится, и обследуем сами.

А бутылочка-то ма-ахонькая!

ПЧХИ-ХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

1. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПУ

В жизни не видывал никого уродливее младшего Пу. Вот уж действительно неприятный малый, чтоб мне провалиться! Как маленькая горилла, вот какой он был. Маслянистое лицо и глаза, сидящие так близко, что оба можно выбить одним пальцем. Его па, однако, мнил о нем невесть что. Еще бы, крошка Младший — вылитый папуля.

— Последний из Пу, — говорил старик, приветливо улыбаясь своей маленькой горилле. — Наираспрекраснейший парень из всех ступавших по этой земле.

У меня, бывало, кровь в жилах стыла, когда я глядел на эту парочку.

Мы, Хогбены, люди маленькие. Живем себе тише воды и ниже травы в укромной долине, где никто не появится до тех пор, пока мы того не захотим. Соседи из деревни к нам уже привыкли.

Если Па насосется, как на прошлой неделе, и начнет летать в своей красной майке над главной улицей, они делают вид, будто ничего не замечают, чтобы не смущать Ма. Ведь когда он трезв, благочестивее христианина не сыщешь.

Сейчас Па набрался из-за Крошки Сэма, нашего младшенького, которого мы держим в цистерне в подвале. У того снова режутся зубки. Впервые после Войны между Севером и Югом. Прохвессор, живущий у нас в бутылке, как-то сказал, будто Крошка Сэм испускает какие-то инфразвуки. Ерунда. Просто нервы у вас начинают дергаться. Па этого не выносит. На сей раз проснулся даже деда, а ведь он с Рождества не шелохнулся. Продрал глаза и сразу набросился на Па.

— Я вижу тебя, нечестивец! — ревел он. — Снова летаешь, олух небесный?! О, позор на мои седины! Ужель не приземлю тебя я?..

Послышался отдаленный удар.

— Я падал добрых десять футов! — завопил Па. — Так нечестно! Запросто мог что-нибудь раздолбать!

— Ты нас всех раздолбаешь, губошлеп пьяный, — оборвал деда. — Летать средь бела дня! В мое время сжигали за меньшее. А теперь замолкни и дай мне успокоить Крошку.

Деда завсегда находил общий язык с Крошкой. Сейчас он пропел ему песенку на санскрите, и вскорости оба уже мирно похрапывали.

Я мастерил одну штуковину, чтоб молоко для пирогов у Ма скорее скисало. У меня ничего не было, кроме старых саней и двух проволочек, да мне и немного надо. Только я пристроил один конец проволочки на северо-восток, как заметил промелькнувшие в зарослях клетчатые штаны.

Это был дядюшка Лем. Я слышал, как он думал: «Это вовсе не я, — твердил он, по-настоящему громко, прямо у меня в голове. — Между нами миля с гаком. Твой дядя Лем славный парень и не станет врать. Думаешь, я обману тебя, Сонки, мальчик?»

«Ясное дело! — ответил я ему. — Если б только мог. Что стряслось?!»

Тогда он остановился и заметался в разные стороны.

«О, просто пришло в голову, что твоя Ма захочет чернички... Но если тебя кто-нибудь спросит обо мне, говори, что не видал. Ты не соврешь. Ведь и вправду не видишь?»

«Дядя Лем, — подумал я, тоже по-настоящему громко. — Я дал Ма честное слово, что никуда тебя не отпущу после того случая, когда...»

«Ладно, ладно, мальчуган, — быстро отозвался дядюшка Лем. — Кто старое помянет, тому глаз вон».

«Ты же никому не можешь отказать, — напомнил я, закручивая проволоку спиралькой. — Подожди, вот только заквашу молоко, и пойдем вместе — куда уж ты там намылился».

Клетчатые штаны в последний раз мелькнули в зарослях, и, виновато улыбаясь, дядюшка Лем появился собственной персоной. Наш Лем и мухи не обидит — до того он безвольный. Каждый может вертеть им, как хочет, вот нам и приходится за ним хорошенько присматривать.

— Как ты это сварганишь? — поинтересовался он, глядя на молоко. — Заставишь крошек работать быстрее?

— Дядя Лем! — возмутился я. — Стыдись! Представляешь, как они вкалывают, сквашивая молоко?!

Когда Па насосется, то косеет от тех же самых трудяг, которых кличет Ферментами.

— Вот эта штука, — гордо объяснил я, — отправит молоко в следующую неделю. При нынешних жарких деньках этого за глаза хватит. Потом назад — хлоп! — готово, скисло.

— Ну и хитрюга! — восхитился дядюшка Лем, загибая одну проволочку. — Только здесь надо поправить, не то помешает гроза в следующий вторник. Ну, давай.

Ну я и дал. Я вернул — будь спок! Все скисло так, что хоть мышь бегай. В крынке копошился шершень из той недели, и я его щелкнул.

Эх, опростоволосился. Все штучки дядюшки Лема!

Он юркнул назад в заросли, от удовольствия притопывая ногой.

— Надул я тебя, молокосос! — закричал он. — Посмотрим, как ты вытащишь палец из середины следующей недели!

Ни про какую грозу он и не думал, загибая ту проволочку. Минут десять я угробил на то, чтобы освободиться, — все из-за одного малого по имени Инерция,

который вечно ошиивается где ни попадя. Вообще сам-то я не слишком в этом кумекаю. Не дорос еще. Дядюшка Лем говорит, что уже забыл больше, чем я когда-нибудь буду знать.

Я так завозился, что не успел переодеться в городское платье, а вот дядюшка Лем чего-то выфрантился, как твой индюк.

А уж волновался он!.. Я бежал по следу его вертлявых мыслей. Толком в них было не разобраться, но чего-то он там натворил. Это всякий бы понял. Вот какие были мысли:

«Ох, ох, зачем я это сделал? Да помогут мне небеса, если проведает деда... Ох, эти гнусные Пу, какой я болван! Ох, ох, такой бедняга, хороший парень, чистая душа, никого пальцем не тронул, а посмотрите на меня сейчас! Этот Сонк, паршивец зеленый, ха-ха, как я его проучил. Ох, ох, ничего, держи хвост пистолетом, ты отличный парень, Господь тебе поможет, Лемюзл».

Его клетчатые штаны то и дело мелькали среди веток, потом выскочили на поле, тянувшееся до города, и вскоре дядюшка Лем уже стучал в билетное окошко испанским дюблоном, стянутым из дедулиного сундука.

То, что он попросил билет до столицы Штата, меня совсем не удивило. О чем-то он заспорил с молодым человеком за окошком, наконец обшарил свои штаны и выудил серебряный доллар, на чем они порешили.

Паровоз уже вовсю пускал дым, когда подскочил дядюшка Лем. Я еле-еле поспел. Последнюю дюжину ярдов пришлось пролететь, но, по-моему, никто не заметил.

Однажды, когда у меня еще молоко на губах не обсохло, случилась в Лондоне, где мы в ту пору жили, Великая чума, и всем нам, Хогбенам, пришлось выметаться. Я помню тогдашний гвалт, но куда ему до того, который стоял в столице штата, куда пришел наш поезд!

Свистки свистят, гудки гудят, машины ревут, радио орет что-то кошмарное — похоже, что каждое изобретение за

последние две сотни лет шумнее предыдущего. У меня аж голова затрещала, пока я не установил то, что Па как-то обозвал повышенным слуховым порогом — попросту заглушку.

Дядя Лем чесал во все лопатки. Я едва не летел, поспевая за ним. Хотел связаться со своими на всякий случай, но ничего не вышло. Ма оказалась на церковном собрании, а она еще в прошлый раз дала мне взбучку за то, что я заговорил с ней как бы с небес прямо перед преподобным отцом Джонсом. Тот все никак не может к нам, Хогбенам, привыкнуть.

Па был мертвецки пьян, его буди — не буди. А окликнуть дедулю я боялся, мог разбудить малыша.

Дядюшка мчался вперед на всех парах. Вскоре я увидел большую толпу, запрудившую всю улицу, грузовик и человека на нем, размахивающего какими-то бутылками.

По-моему, он бубнил про головную боль. Я слышал еще из-за угла. С двух сторон грузовик украшали плакаты: «СРЕДСТВО ПУ ОТ ГОЛОВНОЙ БОЛИ».

«Ох, ох! — думал дядюшка Лем. — О горе, горе! Что делать мне, несчастному? Я и вообразить не мог, что кто-нибудь женится на Лили Лу Матц. Ох, ох!»

Ну, скажу я вам, мы все были порядком удивлены, когда Лили Лу Матц выскочила замуж, с той поры еще десяти годков не минуло. Но при чем тут дядюшка Лем, не могу взять в толк.

Безобразнее Лили Лу нигде не сыскать, страшна как смертный грех. Уродлива — не то слово для нее, бедняжки. Дедуля сказал как-то, что она напоминает ему одну семейку по фамилии Горгоны, которую он знал. Жила Лили Лу одна, на отшибе, и ей, почитай, уж сорок стукнуло, когда откуда-то с той стороны гор явился один малый и, представьте, предложил выйти за него замуж. Чтоб мне провалиться! Сам-то я не видал этого друга, но, говорят, и он не писанный красавец.

«А если припомнить, — думал я, глядя на грузовик, — если припомнить, фамилия его была Пу».

2. ДОБРЫЙ МАЛЫЙ

Дядюшка Лем заметил кого-то у фонарного столба и засеменил туда. Казалось, две гориллы, большая и маленькая, стояли рядышком и глазели на парня с бутылками в руках.

— Подходите, — взывал тот, — и получайте свою бутылку Надежного Средства Пу от головной боли!

— Ну, Пу, вот и я, — произнес дядюшка Лем, обращаясь к большей горилле. — Привет, Младший, — добавил он, взглянув на маленькую.

Я заметил, как дядюшка поежился.

Ничего удивительного. Более мерзких представителей рода человеческого я не видал со дня своего рождения. Старший был одет в воскресный сюртук с золотой цепочкой на пузе, а уж важничал и задавался!..

— Привет, Лем, — бросил он. — Младший, поздоровайся с мистером Лемом Хогбеном. Ты многим ему обязан, сынуля. — И гнусно рассмеялся.

Младший и ухом не повел. Его маленькие глазки-бусинки вперились в толпу по ту сторону улицы. Было ему лет семь.

— Можно, па? — спросил он скрипучим голосом. — Дай я им сделаю, па. А, па?

Судя по его тону, будь у него под рукой пулемет, он бы всех укокошил.

— Чудный парень, не правда ли, Лем? — ухмыляясь, спросил Пу-старший. — Если бы его видел дедушка!.. Вообще, замечательная семья — мы, Пу. Подобных нам нет. Беда лишь в том, что Младший — последний. Дошло, зачем я связался с вами, Лем?

Дядюшка Лем снова поежился.

— Да, — сказал он, — дошло. Но вы зря сотрясаете воздух. Я не собираюсь ничего делать.

Юному Пу не терпелось.

— Дай я им устрой! — проскрипел он. — Сейчас, па. А?

— Заткнись, сынок, — отрезал старший и съездил своему отпрыску по лбу. А уж ручищи у него — будь спок!

Другой бы от такого шлепка перелетел через дорогу, но Младший был коренастый такой пацан. Только пошатнувшись, тряхнул головой и покраснел.

— Па, я предупреждал тебя! — закричал он своим скрипучим голосом. — Когда ты стукнул меня в последний раз, я предупреждал тебя! Теперь ты у меня получишь!

Он набрал полную грудь воздуха, и его крошечные глазки вдруг засверкали и так выпучились, что чуть не сошлись у переносицы.

— Хорошо, — быстро согласился Пу-старший. — Толпа готова — не стоит тратить силы на меня, сынок.

Тут кто-то вцепился в мой локоть, и тоненький голос произнес — очень вежливо:

— Простите за беспокойство, могу я задать вам вопрос?

Это оказался худенький типчик с блокнотом в руке.

— Что ж, — ответил я столь же вежливо, — валяйте, мистер.

— Меня интересует, как вы себя чувствуете, вот и все.

— О, прекрасно, — сказал я. — Как это любезно с вашей стороны. Надеюсь, вы тоже в добром здравии, мистер?

Он с недоумением кивнул:

— В том-то и дело. Просто не могу понять. Я чувствую себя превосходно.

— Почему бы и нет? — удивился я. — Чудесный день.

— Здесь все чувствуют себя хорошо, — продолжал худенький, будто не слыша. — Не считая естественных отклонений, народ собрался вполне здоровый. Но думаю, не пройдет и пары минут...

Он взглянул на свои часы.

И тут кто-то гвозданул меня молотком прямо по макушке.

Нас, Хогбенов, хоть целый день по башке молоти — уж будь спок. Попробуйте — убедитесь. Коленки, правда, дрогнули, но через секунду я уже был в порядке и обернулся, чтобы посмотреть, кто же меня стукнул.

И ни души. Но Боже, как мычала и стонала толпа! Обхватив головы руками, все они, отпихивая друг друга,

рвались к грузовику. А тот приятель раздавал бутылки с такой скоростью, что только поспевал хватать деньги.

Глаза у худенького полезли на лоб, что у селезня в грозу.

— О, моя голова! — простонал он. — Ну, что я вам говорил?! О, моя голова!

И он заковылял прочь, роясь в карманах.

У нас в семье я считаюсь не шибко умным, но провалиться мне на этом месте, если я тут не сообразил, что дело не чисто! Я не простофиля, что бы там ни говорила Ма.

«Колдовство, — подумал я совершенно спокойно. — Никогда бы не поверил, но это настоящее заклятье. Каким образом...»

Тут я вспомнил Лили Лу Матц. И мысли дядюшки Лема. И передо мной — как это говорят? — задрезбезжал свет.

Проталкиваясь вперед, я решил, что больше помогать дядюшке Лему не буду; уж слишком мягкое у него сердце — и мозги тоже.

— Нет-нет, — твердил он. — Ни за что!

— Дядя Лем, — окликнул я.

— Сонк!

Он покраснел, и позеленел, и вообще всячески выражал свое негодование, но я-то чувствовал, что ему полегчало.

— Сказано тебе было — не ходи за мной! — прохрипел он.

— Ма велела мне не спускать с тебя глаз, — ответил я. — Я пообещал, а мы, Хогбены, никогда не нарушаем обещаний. Что здесь происходит, дядя Лем?

— Ах, Сонк, все идет совершенно не так! — запричитал дядюшка Лем. — Взгляни на меня: вот стою я, с сердцем из чистого золота, а нет мне ни вздоха, ни продыха. Познакомься с мистером Эдом Пу, Сонк. Он меня хочет сгубить.

— Послушайте, Лем, — вмешался Эд Пу. — Вы же знаете, что это неправда. Я добиваюсь осуществления своих прав, вот и все. Рад познакомиться с вами, молодой человек.

Еще один Хогбен, я полагаю. Может быть, вы могли бы уговорить вашего дядю...

— Простите, что перебиваю, мистер Пу, — сказал я по-настоящему вежливо, — но лучше объясните по порядку.

Он прокашлялся и важно выпятил грудь. Видать, в охотку ему было поговорить об этом. Должно быть, чувствовал себя большой шишкой.

— Не знаю, были ль вы знакомы с моей незабвенной покойной женой, ах, Лили Лу Матц, — начал он. — Вот наше дитя, Младший. Прекрасный малый. Как жаль, что не было у нас еще восьмерых или десятерых таких же. — Он глубоко вздохнул. — Что ж, жизнь есть жизнь. Мечтал я рано жениться и украсить старость заботами детей... А Младший — последний из славной линии. И я не хочу, чтобы она оборвалась.

Тут Пу эдак взглянул на дядюшку Лема. Дядюшка Лем поежился.

— Не собираюсь, — все же петушился он. — Вы меня не заставите.

— Посмотрим, — угрожающе проговорил Эд Пу. — Возможно, ваш юный родственник окажется благоразумнее. Должен предупредить: я мало-помалу набираю силу в этом штате, и все будет так, как я скажу.

— Па, — квакнул вдруг Младший, — они стихают, па. Дай я им двойную закачу, а, па? Спорим, что смогу уложить парочку. А, па?

Эд Пу собрался было снова погладить своего шалопая, но вовремя передумал.

— Не перебивай старших, сынок, — попросил он. — Папочка занят. Занимайся своим делом и умолкни. — Эд оглядел стонущую толпу. — Добавь-ка тем, у грузовика, чтоб живее покупали. Береги силы, Младший. У тебя растущий организм.

Он снова повернулся ко мне.

— Одаренный парень, — заметил старик по-настоящему гордо. — Сам видишь. Унаследовал это от дорогой нашей усопшей мамочки, Лили Лу. Я уже говорил о ней. Да, так вот, хотел я жениться молодым, но как-то все дело до

женитьбы не доходило, и довелось уже в расцвете сил. Никогда не мог найти женщину, которая посмотрела бы... то есть никак не мог найти подходящую пару до того дня, как повстречал Лили Лу Матц.

— Понимаю.

Действительно, я понимал. Немало, должно быть, исколесил он в поисках той, которая согласилась бы взглянуть на него второй раз. Даже Лили Лу, несчастная душа, небось долго думала, прежде чем сказать «да».

— Вот тут-то, — продолжал Эд Пу, — и замешан ваш дядюшка. Вроде бы он научил Лили Лу ворожить.

— Никогда! — завопил дядюшка Лем. — А если и так, откуда я знал, что она выйдет замуж и родит ребенка?! Кто мог подумать...

— Он наделил ее колдовством, — повысил голос Эд Пу. — Да только она мне в этом призналась, лежа на смертном одре, год назад. Ух, и поколотил бы я ее за то, что держала меня в неведении все это время!

— Я хотел лишь защитить ее, — быстро вставил дядюшка Лем. — Ты же знаешь, что я не вру, Сонки, мальчик. Бедняжка Лили Лу была так страшна, что люди подчас кидали в нее чем попало, прежде чем успевали взять себя в руки. Мне было так ее жаль! Эх, Сонки, как долго я сдерживал добрые намерения! Но из-за своего золотого сердца я вечно попадаю в передраги. И однажды до того растрогался, что научил ее накладывать заклятья. Так поступил бы каждый, Сонк!

— Как это ты сделал?

Мне было действительно интересно. Кто знает, иной раз пригодится.

Он объяснял страшно туманно, но я сразу усек, что все устроил один его приятель по имени Ген Хромосом. А эти альфа-волны, про которые дядюшка распространялся, — так кто ж про них не знает? Небось каждый видел: ма-ахонькие волночки, мельтешащие туда-сюда. У деда порой по шести сотен разных мыслей бегают — по узеньким таким извилинам, где мозги находятся. У меня аж в глазах рябит, когда он размыслится.

— Вот так, Сонк, — закрутился дядюшка Лем. — А этот змееныш получил все в наследство.

— А что б тебе не попросить этого друга, Хромосома, перекроить Младшего на обычный лад? — поинтересовался я. — Это же очень просто.

Я сфокусировал на Младшем глаза, по-настоящему резко, и сделал эдак... Ну, знаете, так, когда надо заглянуть в кого-нибудь.

Ясное дело, я сообразил, что имел в виду дядюшка Лем. Крохотулечки-махотулечки, Лемовы приятели, цепочкой держащиеся друг за друга, и тоненькие малюсенькие палочки, шныряющие в клетках, из которых сделаны ну абсолютно все — кроме, может быть, Крошки Сэма, нашего младшенького.

— Дядя Лем, — сказал я, — ты тогда засунул вот те палочки в цепочку вот так. Почему бы сейчас не сделать наоборот?

Дядюшка Лем укоризненно покачал головой:

— Дубина ты соеросовая, Сонк. Ведь я же при этом убью его, а мы обещали деду — больше никаких убийств!

— Но, дядюшка Лем! — не выдержал я. — Кошмар! Этот змееныш всю свою жизнь будет околдовывать людей!

— Хуже, Сонк, — проговорил бедный дядюшка, чуть не плача. — Эту способность он передаст своим детям!

Уж будьте уверены — мрачноватая перспектива. Но потом я рассмеялся.

— Успокойтесь, дядя Лем. Не стоит волноваться. Взгляни на эту жабу. Ни одна женщина к нему и близко не подойдет. Чтоб он женился?! Да ни в жисть!

— А вот тут ты ошибаешься, — оборвал Эд Пу по-настоящему громко. Он весь прямо кипел. — Не думайте, что я ничего не слышал. И не думайте, что я забуду, как вы отзывались о моем ребеночке. Это вам с рук не сойдет. Мы с ним далеко пойдем. Я уже олдермен, а на той неделе откроется вакансия в сенате штата — если только один старый плешак не крепче, чем кажется. Я предупреждаю тебя, юный Хогбен: ты и вся твоя семья будете отвечать за оскорбления! Нас, Пу, трудно понять. Души наши слишком глубоки, я полагаю. Но у нас есть своя честь. Я в

лепешку расшибусь, но не позволю исчезнуть фамильной линии. Вы слышите, Лемюэл?

Дядюшка Лем лишь плотно закрыл глаза и быстро закачал головой.

— Нет, — выдавил он, — я не соглашусь. Никогда, никогда, никогда...

— Лемюэл, — дурным тоном произнес Эд Пу. — Лемюэл, вы хотите, чтобы я спустил на вас Младшего?

— О, это бесполезно, — заверил я. — Хогбена нельзя околдовать.

— Ну... — замялся он, не зная, что придумать, — гм-м... вы мягкосердечные, да? Пообещали своему дедуленьке, что никого не убьете? Лемюэл, откройте глаза и посмотрите на улицу. Видите эту симпатичную старушку с палочкой? Что вы скажете, если благодаря Младшему она сейчас откинёт копыта?!

Дядюшка Лем еще крепче сжал глаза.

— Или вон та фигуристая дамочка, с младенцем на руках. Взгляните-ка, Лемюэл. Ах, какой прелестный ребенок! Младший, приготовься. Нашли для начала на них бубонную чуму. А потом...

— Дядюшка Лем, — неуверенно промолвил я, — не знаю, что скажет дед. Может быть...

Дядюшка Лем внезапно выпучил глаза и безумным взглядом уставился на меня.

— Что же делать, если у меня сердце из чистого золота?! — воскликнул он. — Я такой хороший, и все этим пользуются. Так вот — мне наплевать. Мне на все наплевать!

Тут он весь вытянулся, окостенел и шлепнулся лицом на асфальт, твердый, как кочерга.

3. НА ПРИЦЕЛЕ

Как я ни волновался, нельзя было не улыбнуться. Я-то понял, что дядюшка Лем просто заснул: он всегда так поступает, стоит лишь запахнуть жареным. Па, кажись, на-

зывает это кота-ле-псней, но коты и псы спят не так крепко.

Когда дядюшка Лем грохнулся на асфальт, Младший испустил вопль радости и, подбежав к нему, ударил ногой по голове. Просто не мог спокойно смотреть на лежащего и беспомощного.

Ну, я уже говорил: мы, Хогбены, крепки головой. Младший взвизгнул и затанцевал на одной ноге, обхватив другую руками.

— И заколдую же я тебя! — завопил он дядюшке Лему. — Ну, я тебе, я тебе...

Он набрал воздуха, побагровел и...

Па потом пытался мне объяснить, что произошло, и понес какую-то ахиною о дезоксирибунуклеиновой кислоте, каппа-волнах и микровольтах. Надо знать Па. Ему же лень рассказывать все на обычном языке, знай крадет эти дурацкие слова из чужих мозгов.

А на самом деле случилось вот что. Вся ярость этого гаденыша, припасенная для толпы, жажнула дядюшку Лема прямо, так сказать, в темечко. Он позеленел буквально на наших глазах.

Одновременно наступила гробовая тишина. Я удивленно огляделся и понял, что произошло.

Стенания и рыдания прекратились. Люди прикладывались к своим бутылочкам, облегченно потирали лбы и слабо улыбались. Все колдовство Младшего ушло на дядюшку Лема, и, естественно, головная боль исчезла.

— Что здесь случилось? — раздался знакомый голос. — Человек потерял сознание? Почему вы не оказываете ему помощь? Эй, позвольте, я врач...

Это был тот самый худенький добряк. Он тоже посасывал из бутылки, пробиваясь к нам сквозь толпу, но блокнот уже спрятал. Заметив Эда Пу, он вспыхнул.

— Это вы, олдермен Пу? Как получается, что вы вечно оказываетесь замешанным в странных делах? И что вы сделали с этим беднягой? По-моему, на сей раз вы зашли слишком далеко.

— Ничего я ему не сделал, — прогнусавил Эд Пу. — Пальцем его не тронул. Последите за своим языком, доктор

Браун, а не то пожалеете. Я не последний человек в здешних краях.

— Вы только посмотрите! — вскричал доктор Браун, глядя в дядюшку Лема. — Он умирает! Эй, кто-нибудь, вызовите «Скорую помощь», быстро!

Дядюшка Лем снова менялся в цвете. Я знал, что происходит, и даже немного посмеялся про себя. В каждом из нас постоянно копошатся целые орды микробов, вирусов и прочих разных крохотулечек. Заклятье Младшего страшно раззадорило всю эту ораву, и пришлось взяться за работу другой компании, которую Па обзывает антителями. Они вовсе не такие хилые, как кажутся, просто очень бледные от рождения.

Когда в ваших внутренностях заваривается какая-нибудь каша, эти друзья сломя голову летят туда, на поле боя. И такие там драки разгораются — вам и привидеться не может!

Наши, хогбеновские, крошки кого хошь одолеют. Они так ярко бросились на врага, что дядюшка Лем прошел все цвета, от зеленого до бордового, а большие желтые и синие пятна показывали на очаги сражений. Дядюшке Лему хоть бы хны, но вид у него был нездоровый, будь спок!

Худенький доктор присел и пощупал пульс.

— Итак, вы своего добились, — произнес он, подняв глаза на Эда Пу. — Не знаю, как вас угораздило, но у бедняги, похоже, бубонная чума. Теперь вы с вашей обезьяной так не отделаетесь.

Эд Пу только рассмеялся. Но я видел, как он бесится.

— Не беспокойтесь обо мне, доктор Браун, — процедил он. — Когда я стану губернатором — а мои планы всегда сбываются, — ваша любимая больница, которой вы так гордитесь, не получит ни гроша из федеральных денег! Хорошенькое дельце! Нечего валяться без толку, вставай и иди! Вот что я вам скажу. Мы, Пу, никогда не боеем. Я найду лучшее применение деньгам в своем штате!

— Где же «Скорая помощь»? — как будто ничего не слыша, поинтересовался доктор.

— Если вы имеете в виду большую длинную машину, производящую много шума, — ответил я, — то она в трех милях отсюда, но быстро приближается. Однако дядюшке Лему не нужна никакая помощь. Это у него просто приступ. Чепуха.

— Боже всемогущий! — воскликнул доктор, глядя вниз на дядюшку Лема. — Вы хотите сказать, что с ним такое случилось раньше и он выжил?! — Тогда он посмотрел вверх на меня и неожиданно улыбнулся. — А, понимаю, боитесь больницы? Не волнуйтесь, мы не сделаем ему ничего плохого.

Я малость соврал, потому что больница — не место для Хогбена. Надо что-то предпринимать.

«Дядя Лем! — заорал я, только про себя, а не вслух. — Дядя Лем, быстро проснись! Деда спустит с тебя шкуру и приколотит к двери амбара, если ты позволишь увезти себя в больницу! Или ты хочешь, чтобы у тебя нашли второе сердце?! Или то, как скрепляются у тебя кости? Дядя Лем! Вставай!!»

Напрасно... Он и ухом не повел.

Вот тогда я по-настоящему начал пугаться. Дядюшка Лем впутал меня в историю. Ну как тут быть? Я, в конце концов, еще совсем молодой. Стыдно сказать, но раньше Великого пожара в Лондоне ничего не помню.

— Мистер Пу, — заявил я, — вы должны отозвать Младшего. Нельзя допустить, чтобы дядюшку Лема упекли в больницу.

— Давай, Младший, вливай дальше, — гнусно ухмыльнулся Эд Пу. — Мне надо потолковать с юным Хогбеном.

Желтые и синие пятна на дядюшке Леме позеленели по краям. Доктор аж рот раскрыл, а Эд Пу ухватил меня за руку и отвел в сторону.

— По-моему, ты понял, чего мне надо, Хогбен. Я хочу, чтобы Пу были всегда. Я хочу быть уверен, что мой род не вымрет. У меня у самого была масса хлопот с женитьбой, и сынуле моему будет не легче. У женщин в наши дни совсем нет вкуса. Сделай так, чтобы наш род имел продолжение, и я заставлю Младшего снять заклятье с Лемюэла.

— Но если не вымрет ваша семья, — возразил я, — тогда вымрут все остальные, как только наберется достаточно Пу.

— Ну и что? — усмехнулся Эд Пу. — И мы не лыком шиты. — Он поиграл бицепсом. — Не беда, если такие славные люди заселят Землю. И ты нам в этом поможешь, юный Хогбен!

— О нет, — забормотал я. — Нет! Даже если бы я знал, как...

Из-за угла раздался страшный вой, и толпа расступилась, давая дорогу машине. Из нее выскочила пара типов в белых халатах с какой-то койкой на палках. Доктор Браун с облегчением поднялся.

— Я уж думал, вы никогда не приедете, — вздохнул он. — Этого человека необходимо поместить в карантин. Одному Богу известно, что мы обнаружим, начав его обследовать. Дайте-ка мне стетоскоп. Что-то у него не то с сердцем...

Скажу вам прямо, у меня душа в пятки ушла. Мы пропали — все мы, Хогбены. Как только эти доктора и ученые про нас пронюхают — не будет нам ни житья, ни покоя до скончания века нашего!

А Эд Пу уставился на меня с гнусной усмешкой:

— Беспокоишься? И не зря. Знаю я вас, Хогбенов. Все вы колдуны. А попадет он в больницу?.. Нет такого закона, чтоб не как все быть. Тебе на раздумье меньше минуты, юный Хогбен. Ну, что скажешь?

А что я мог сказать? Ведь не мог я пообещать выполнить его просьбу, правда? У нас, Хогбенов, есть кое-какие важные планы на будущее, когда все люди станут такими, как мы. Но если к тому времени на Земле будут одни Пу, то и жить не стоит. Я не мог сказать «да».

Но я не мог сказать и «нет».

Как ни верти, дело, похоже, швах.

Оставалось только одно. Вздохнул я поглубже, закрыл глаза и отчаянно закричал, только в голове:

«Де-да!!!»

«Да, мой мальчик?» — отозвался глубокий голос у меня внутри. Дед был в доброй сотне миль от меня и спал. Но

когда Хогбен зовет так, он вправе получить ответ, причем быстро. И я его получил.

Вообще-то дед имеет обыкновение битых полчаса задавать пространные вопросы и, не слушая ответов, читать длиннющие морали на разных мертвых языках. Но тут он сразу понял, что дело нешуточное.

«Да, мой мальчик», — все, что он сказал.

Времени почти не оставалось, и я просто широко распахнул перед ним свой мозг. Доктор уже вытаскивал какую-то штукину, чтобы прослушать дядюшку Лема, а стоит ему услышать бьющиеся вразнобой сердца, как всем нам, Хогбенам, каюк.

Молчание тянулось ужасно долго. Док вставлял в уши маленькие черные трубочки. Эд Пу пожирал меня глазами, как коршун. Младший багровел и надувался все больше, постреливая злыми глазками в поисках новой жертвы.

Деда вздохнул.

«Мы у них в руках, Сонк. — Я даже удивился, что деда может выражаться на обычном языке, если захочет. — Скажи, что мы согласны».

«Но, деда...»

«Делай, как я велел! — У меня аж в голове зашумело, так твердо он приказал. — Быстро, Сонк! Скажи Пу, что мы принимаем его условия».

Я не посмел послушаться. Но впервые усомнился в правоте дедули. Возможно, и Хогбены в один прекрасный день выживают из ума, и дед подошел к этому возрасту.

Но вслух я сказал:

— Хорошо, мистер Пу, ваша взяла. Снимайте заклад. Живо, пока еще не поздно.

4. ПУ ГРЯДУТ

У мистера Пу был длинный желтый автомобиль с открытым верхом. Он шел ужасно быстро. И ужасно шумно.

Господи, сколько я с ними возился, уговаривая поехать к нам! Так велел дед.

— Откуда мне знать, что вы не прикончите нас в вашей дикой глуши? — волновался мистер Пу.

— Я могу прикончить вас, где захочу, — успокоил я. — И прикончил бы, да дед запретил. Вы в безопасности, мистер Пу. Слово Хогбена никогда не нарушалось.

Дядюшку Лема после долгих споров с доктором погрузили в багажник. Этот упрямец так и не проснулся, когда Младший снял с него заклятье, но кожа его мгновенно порозовела. Док никак не мог поверить, хотя все произошло у него на глазах. Мистеру Пу пришлось чертовски долго ругаться и угрожать, прежде чем мы уехали. А док так и остался сидеть на мостовой, что-то бормоча и ошарашенно потирая лоб.

Когда мы подъехали к дому, вокруг не было ни души. Я слышал, как ворчит и ворочается дед в своем мешке на чердаке, а Па сделался невидимым и даже не отозвался, до того был пьян. Малыш спал. Ма была еще в церкви, и дед велел ее не трогать.

«Мы управимся вдвоем, Сонк, — сказал он, как только я вылез из машины. — Я тут пораскинул мозгами. Ну-ка, тащи те сани, на которых ты нынче молоко сквашивал!»

Я сразу усек, что он в виду имеет.

— О нет, дед! — выпалил я по-настоящему вслух.

— С кем это бы болтаешь? — подозрительно спросил Эд Пу, выбираясь из машины. — Я никого не вижу. Это твой дом? Порядочное дерьмо. Держись ближе ко мне, Младший. Этому народу доверять нельзя.

«Бери сани! — прикрикнул дед. — Я все продумал. Зашвырнем их подальше, в самое прошлое!»

«Но, дед, — взвыл я, только теперь про себя. — Надо все обсудить. Давай посоветуемся с Ма. Да и Па, когда трезв, неплохо соображает. Может, подождем, пока он очухается?»

Больше всего меня беспокоило, что дед говорит на обычном языке, чего в нормальном состоянии никогда с ним не случалось. Я опять подумал, что, видно, годы берут свое и дед повредился головой.

«Неужели ты не видишь, — продолжал я, стараясь говорить спокойно, — если мы забросим их сквозь время и выполним обещание, все будет в миллион раз хуже. Или мы их обманем?»

«Сонк!»

«Знаю. Если мы обещали, что род Пу не исчезнет, то уж будь спок. Они будут размножаться с каждым поколением. Через пять секунд после того, как мы зашвырнем их в прошлое, весь мир превратится в Пу!»

«Умолкни, паскудный нечестивец! Ты предо мной, что червь несчастный, копошащийся во прахе! — взревел дед. — Немедленно веление мое исполни, неслух!»

Я почувствовал себе немного лучше и вытащил сани. Мистер Пу по этому поводу затеял перебранку.

— Сызмальства не ездил на санях, — сварливо сказал он. — Чего это вдруг? Здесь что-то не так. Нет, не пойдет.

Младший попытался меня укусить.

— Мистер Пу, — заявил я. — Делайте, что я скажу, иначе у вас ничего не получится. Садитесь. Младший, здесь и для тебя есть местечко. Вот так.

— А где твой старый хрыч? — засомневался Пу. — Ты ведь не собираешься все делать сам? Такой неотесанный чурбан... Мне это не нравится. А если ты ошибешься?

— Мы дали слово, — напомнил я ему. — А теперь сидите тихо и не отвлекайте меня. Может быть, вы уже не желаете продолжения рода Пу?

— Да-да, вы обещали, — бормотал он, устраиваясь, — теперь выполняйте...

«Ну, хорошо, Сонк, — произнес дед с чердака. — Смотри и учись. Сфокусируй глаза и выбери ген. Любой ген».

Хоть и чувствовал я себя не в своей тарелке, а все же меня любопытство заело. Уж коли за дело берется дед...

Так вот, значит, там было полным-полно страшно маленьких изогнутых шмакодявок — генов. Они прямо-таки неразлучны со своими корешами, жуть какими худющими — хромосомами зовутся. Куда бы вы ни взглянули, всюду

увидите эту парочку — если, конечно, прищурите глаза, как я.

«Достаточно хорошей дозы ультрафиолета, — пробормотал дед. — Сонк, ты ближе».

Я сказал: «Хорошо» — и как бы эдак повернул свет, падающий на Пу сквозь листья. Ультрафиолет — это на другом конце линии, где цвета не имеют названий для большинства людей.

Гены начали шебуршиться в такт световым волнам. Младший проквашал:

— Па, мне щекотно.

— Заткнись, — буркнул Эд Пу.

Дед что-то пробормотал сам себе. Готов биться об заклад, что такие мудреные слова он стащил из головы прохвессора, которого мы держим в бутылке. А впрочем, кто его знает. Может, он первый их и придумал.

«Наследственность, мутации... — бурчал он. — Гм-м. Примерно шесть взрывов гетерозиготной активности... Готово, Сонк, кончай».

Я развернул ультрафиолет назад.

«Год Первый, дед?» — спросил я, все еще сомневаясь.

«Да, — изрек дед. — Не медли боле, отрок».

Я нагнулся и дал им необходимый толчок.

Последнее, что я услышал, был крик мистера Пу.

— Что ты делаешь? — свирепо орал он. — Что ты задумал? Смотри мне, юный Хогбен!.. Хогбен, предупреждаю, если это какой-то фокус, я напущу на тебя Младшего! Я наложу такое заклятье, что даже ты-ы-ы!..

Вой перешел в писк, не громче комариного, все тоньше, все тише, и исчез.

Я весь напрягся, готовый, если смогу, не допустить своего превращения в Пу. Эти крохотные гены — продувные бестии!

Ясно, что дед совершил кошмарную ошибку. Знать не знаю, сколько лет назад был Год Первый, но времени предостаточно, чтобы Пу заселили всю планету. Я приставил два пальца к глазам, чтобы растянуть их, когда они начнут выпучиваться и сближаться, как...

«Ты еще не Пу, сынок, — произнес дед, посмеиваясь. — Видишь их?»

«Не-а, — ответил я. — А что там происходит?»

«Сани останавливаются... остановились. Да, это Год Первый. Взгляни на мужчин и женщин, высыпавших из своих пещер, чтобы приветствовать новых товарищей. Ой-ой-ой, какие широкие плечи у этих мужчин... И ох! Только посмотри на женщин. Да Младший просто красавчиком среди них ходить будет! За такого любая пойдет».

«Но, дед, это же ужасно!» — воскликнул я.

«Не прерывай старших, Сонк, — закудахтал дед. — А вот Младший пускает в ход свои способности. Какой-то ребенок схватился за голову. Мать ребенка посылает Младшего в нокдаун. А теперь папаша взялся за Пу-старшего. О-го-го, какая схватка!.. Да, о семействе Пу позаботятся!»

«А как насчет нашего семейства?» — взмолился я, чуть не плача.

«Не беспокойся. О нас позаботится время. Подожди... Гм-м. Поколение — вовсе не много, когда знаешь, как смотреть. Ай-ай-ай, что за мерзкие уродины, эти десять отпрысков Пу! Почтище своего папули. А вот каждый из них вырастает, обзаводится семьей и, в свою очередь, имеет десять детей. Приятно видеть, как выполняется мое обещание, Сонк».

Я лишь простонал.

«Ну, хорошо, — решил дед, — давай перепрыгнем через пару столетий. Да, они здесь и усиленно размножаются. Фамильное сходство превосходное! Еще тысячу лет. Древняя Греция! Нисколько не изменились! Помнишь, я говорил, что Лили Лу напоминает мою давешнюю приятельницу по имени Горгона? Неудивительно!»

Он молчал минуты три, а потом рассмеялся.

«Бах! Первый гетерозиготный взрыв. Начались изменения».

«Какие изменения, дед?» — упавшим голосом спросил я.

«Изменения, доказывающие, что твой старый дедушка не такой уж осел, как ты думал. Я знаю, что делаю. Смотри, какие мутации претерпевают эти маленькие гены!»

«Так, значит, я не превращусь в Пу? — обрадовался я. — Но, дед, мы обещали, что их род продлится».

«Я сдержу свое слово, — с достоинством молвил дед. — Гены сохраняют их фамильные черты тютельница в тютельница. Вплоть... — Тут он рассмеялся. — Отбывая в Год Первый, они собирались наложить на тебя заклятье. Готовься».

«Боже! — воскликнул я. — Их же будет миллион, когда они попадут сюда. Дед! Что мне делать?»

«Держись, Сонк, — без сочувствия ответил дед. — Миллион, говоришь? Что ты, гораздо больше!»

«Сколько же?» — спросил я.

Он начал говорить. Вы можете не поверить, но он до сих пор говорит. Вот их сколько!

В общем, гены поработали на совесть. Пу остались Пу и сохранили способность наводить порчу. Пожалуй, можно с уверенностью сказать, что они в конце концов завоевали весь мир.

Но могло быть и хуже. Пу могли сохранить свой рост. А они становились все меньше, и меньше, и меньше. Их гены получили такую взбучку от гетерозиготных взрывов, подстроенных дедулей, что вконец спятили и думать позабыли о размере. Этих Пу можно назвать вирусами — что-то вроде гена, только порезвее.

И тут они до меня добрались.

Я чихнул и услышал, как чихнул сквозь сон дядюшка Лем, лежащий в багажнике желтой машины. Деда все бубнил, сколько именно Пу взялось за меня в эту минуту, и обращаться к нему было бесполезно. Я по-особому прищурил глаза и посмотрел прямо в свой чих, чтобы узнать, что меня щекотало...

Вы никогда в жизни не видели столько Пу! Да, это настоящая порча. По всему свету эти Пу насылают порчу на людей, на всех, до кого только могут добраться.

Говорят, что даже в микроскоп нельзя рассмотреть некоторые вирусы. Представляю, как переполошатся все эти прохвессоры, когда наконец увидят крошечных злобных

дьяволов, уродливых, как смертный грех, с близко посаженными выпученными глазами, околдовывающих всех, кто окажется поблизости.

Дед с Генем Хромосомом все устроили наилучшим образом. Так что Младший Пу уже не сидит у меня, если можно так выразиться, занозой в шее.

Зато, должен признаться, от него страшно дерет горло.

ДО СКОРОГО!

Старый Енси, пожалуй, самый подлый человечиска во всем мире. Свет не видел более наглого, закоренелого, тупого, отпетого, гнусного негодяя. То, что с ним случилось, напомнило мне фразу, услышанную однажды от другого малого, — много воды с тех пор утекло. Я уже позабыл, как звали того малого, кажется, Людовик, а может, и Тамерлан: но он как-то сказал, что, мол, хорошо бы у всего мира была только одна голова, тогда ее легко было бы снести с плеч.

Беда Енси в том, что он дошел до ручки: считает, что весь мир ополчился против него, и разрази меня гром, если он не прав. С этим Енси настали хлопотные времена даже для нас, Хогбенов.

Енси-то типичный мерзавец. Вообще вся семейка Тарбеллов не сахар, но Енси даже родню довел до белого каления. Он живет в однокомнатной хибарке на задворках у Тарбеллов и никого к себе не подпускает, разве только позволит всунуть продукты в полукруглую дырку, выпиленную в двери.

Лет десять назад делали новое межевание, что ли, и вышло так, что из-за какой-то юридической заковыки Енси должен был заново подтвердить свои права на землю. Для этого ему надо было прожить на своем участке с год. При-

мерно в те же дни он поругался с женой, выехал за пределы участка и сказал, что, дескать, пусть земля достается государству, пропади все пропадом, зато он проучит всю семью. Он знал, что жена пропускает иногда рюмочку-другую на деньги, вырученные от продажи репы, и трясется, как бы государство не отняло землицу.

Оказалось, эта земля вообще никому не нужна. Она вся в буграх и завалена камнями, но жена Енси страшно переживала и упрашивала мужа вернуться, а ему характер не позволял.

В хибарке Енси Тарбелл обходился без элементарных удобств, но он ведь тупица и к тому же пакостник. Вскоро миссис Тарбелл померла: она кидалась камнями в хибарку из-за бугра, а один камень ударил в бугор и ricochetом попал ей в голову. Остались восемь Тарбеллов-сыновей да сам Енси. Но и тогда Енси с места не сдвинулся.

Может, так бы он и жил, пока не превратился бы в мощи и не вознесся на небо, но только его сыновья затеяли с нами склоку. Мы долго терпели — ведь они не могли нам повредить. Но вот гостивший у нас дядя Лес разнервничался и заявил, что устал перепелом взлетать под небеса всякий раз, как в кустах хлопнет ружье. Шкура-то у него после ран быстро заживает, но он уверял, что страдает головокружениями, оттого что на высоте двух-трех миль воздух разреженный.

Так или иначе травля все продолжалась, и никто из нас от нее не страдал, что особенно бесило восьмерых братьев Тарбеллов. И однажды на ночь глядя они гурьбой вломились в наш дом с оружием в руках. А нам скандалы были ни к чему.

Дядя Лем — он близнец дяди Леса, но только родился намного позже — давно впал в зимнюю спячку где-то в дупле, так что его все это не касалось. Но вот малыша, дай ему Бог здоровья, стало трудновато таскать взад-вперед, ведь ему уже исполнилось четыреста лет и он для своего возраста довольно крупный ребенок — пудов восемь будет.

Мы все могли попрыгаться или уйти на время в долину, в Пайпервилл, но ведь в мезонине у нас дедуля, да и к прохвессору, которого мы держим в бутылке, я привязался. Не хотелось его оставлять — ведь в суматохе бутылка, чего доброго, разобьется, если восьмеро братьев Тарбеллов нальются как следует.

Прохвессор славный, хоть в голове у него винтика не хватает. Все твердит, что мы мутанты (ну и словечко!), и треплет языком про каких-то своих знакомых, которых называет хромосомами. Они как будто попали, по словам прохвессора, под жесткое облучение и народили потомков, не то доминантную мутацию, не то Хогбенов, но я вечно это путаю с заговором круглоголовых — было такое у нас в Старом Свете. Ясное дело, не в *настоящем* Старом Свете, тот давно затонул.

И вот, раз уж дедуля велел нам молчать в тряпочку, мы дождались, пока восьмеро братьев Тарбеллов высадят дверь, а потом все сделались невидимыми, в том числе и малыш. И стали ждать, чтобы все прошло стороной, но не тут-то было.

Побродив по дому и вдоволь натешась, восьмеро братьев Тарбеллов спустились в подвал. Это было хуже, потому что застигло нас врасплох. Малыш-то стал невидимым, и цистерна, где мы его держим, тоже, но ведь цистерна не может тягаться с нами проворством. Один из восьмерки Тарбеллов со всего размаху налетел на цистерну и как следует расшиб голень. Ну и ругался же он! Нехорошо, когда ребенок слышит такие слова, но в ругани наш дедуля кому угодно даст сто очков вперед, так что я-то ничему новому не научился.

Он, значит, ругался на чем свет стоит, прыгал на одной ноге, и вдруг ни с того ни с сего дробовик выстрелил. Там, верно, курок на волоске держался. Выстрел разбудил малыша, тот перепугался и завопил. Такого вопля я еще не слышал, а ведь мне приходилось видеть, как мужчины бледнеют и начинают трястись, когда малыш орет. Наш прохвессор как-то сказал, что малыш издает инфразвуки. Надо же!

В общем, семеро братьев Тарбеллов из восьми тут же отдали Богу душу, даже пикнуть не успели. Восьмой только

начинал спускаться вниз по ступенькам; он затрясся мелкой дрожью, повернулся — и наутек. У него, верно, голова пошла кругом и он не соображал, куда бежит. Окончательно сдрейфив, он очутился в мезонине и наткнулся прямехонько на дедулю.

И вот ведь грех: дедуля до того увлекся, поучая нас уму-разуму, что сам напрочь забыл стать невидимым. Помоему, один лишь взгляд, брошенный на дедулю, прикончил восьмого Тарбелла. Бедняга повалился на пол, мертвый, как доска. Ума не приложу, с чего бы это, хоть я должен признать, что в те дни дедуля выглядел не лучшим образом. Он поправлялся после болезни.

— Ты не пострадал, дедуля? — спросил я, слегка встряхнув его.

Он меня отчихвости.

— А я-то при чем,— возразил я.

— Кровь Христова! — воскликнул он, разъяренный.— И этот сброд, эти лицемерные олухи вышли из моих чресел! Положи меня обратно, юный негодяй.

Я снова уложил его на дерюжную подстилку, он повернулся с боку на бок и закрыл глаза. Потом объявил, что хочет вздремнуть и пусть его не будят, разве что настанет Судный день. При этом он несколько не шутил.

Пришлось нам самим поломать голову над тем, как теперь быть. Мамуля сказала, что мы не виноваты, в наших силах только погрузить восьмерых братьев Тарбеллов в тачку и отвезти их домой, что я и исполнил. Только в пути я застеснялся, потому что не мог придумать, как бы вежливее рассказать о случившемся. Да и мамуля наказывала сообщить эту весть осторожно. «Даже хореk способен чувствовать»,— повторяла она.

Тачку с братьями Тарбеллами я оставил в кустах, сам поднялся на бугор и увидел Енси: он грелся на солнышке, книгу читал. Я стал медленно прохаживаться перед ним, насвистывая «Янки-Дудл». Енси не обращал на меня внимания.

Енси — маленький, мерзкий, грязный человечиска с раздвоенной бородой. Росту в нем метра полтора, не больше. На усах налипла табачная жвачка, но, может, я не-

справедлив к Енси, считая его простым неряхой. Говорят, у него привычка — плевать себе в бороду, чтобы на нее садились мухи: он их ловит и обрывает им крылышки.

Енси не глядя поднял камень и швырнул его, чуть не угодив мне в голову.

— Заткни пасть и убирайся,— сказал он.

— Воля ваша, мистер Енси,— ответил я с облегчением и совсем было собрался. Но тут же вспомнил, что мамуля, чего доброго, отхлещет меня кнутом, если я не выполню ее наказа, тихонько сделал круг, зашел Енси за спину и заглянул ему через плечо — посмотреть, что он там читает. Потом я еще капельку передвинулся и встал с ним лицом к лицу.

Он захихикал себе в бороду.

— Красивая у вас картинка, мистер Енси,— заметил я. Он все хихикал и, видно, на радостях подобрел.

— Уж это точно! — сказал он и хлопнул себя кулаком по костлявому задку.— Ну и ну! С одного взгляда захмелеешь!

Он читал не книгу. Это был журнал (такие продаются у нас в Пайпервилле), раскрытый на картинке. Художник, который ее сделал, умеет рисовать. Правда, не так здорово, как тот художник, с которым я когда-то водился в Англии. Того звали Крукшенк¹ или Крукбек, если не ошибаюсь.

Так или иначе, у Енси тоже была стоящая картинка. На ней были нарисованы люди, много-много людей, все на одно лицо и выходят из большой машины, которая — мне сразу стало ясно — ни за что не будет работать. Но все люди были одинаковые, как горошины в стручке. Еще там красное пучеглазое чудище хватало девушку — уж не знаю зачем. Красивая картинка.

— Хорошо бы такое случилось в жизни,— сказал Енси.

— Это не так уж трудно,— объяснил я.— Но вот эта штука неправильно устроена. Нужен только умывальник да кое-какой металлический лом.

¹ Джордж Крукшенк — иллюстратор Диккенса.

— А?

— Вот эта штука,—повторил я.— Аппарат, что превращает одного парня в целую толпу парней. Он неправильно устроен.

— Ты, надо понимать, умеешь лучше? — окрысился он.

— Приходилось когда-то,— ответил я.— Не помню, что там папуля задумал, но он был обязан одному человеку, по имени Кадм. Кадму срочно потребовалось много воинов, и папуля устроил так, что Кадм мог разделиться на целый полк солдат. Подумаешь! Я и сам так умею.

— Да что ты там бормочешь? — удивился Енси.— Ты не туда смотришь. Я-то говорю об этом красном чудище. Видишь, что оно собирается сделать? Откусить этой красотке голову, вот что. Видишь, какие у него клыки? Хе-хе-хе. Жаль, что я сам не это чудище. Уж я бы тьму народу сожрал.

— Вы бы ведь не стали жрать свою плоть и кровь, быюсь об заклад,— сказал я, почуяв способ сообщить весть осторожно.

— Биться об заклад грешно,— провозгласил он.— Всегда плати долги, никого не бойся и не держи пари. Азартные игры — грех. Я никогда не бился об заклад и всегда платил долги.— Он умолк, почесал в баках и вздохнул.— Все, кроме одного,— прибавил он хмуро.

— Что же это за долг?

— Да задолжал я одному малому. Беда только, с тех пор никак не могу его разыскать. Лет тридцать тому будет. Я тогда, помню, наакался вдрызг и сел в поезд. Наверно, еще и ограбил кого-то, потому что у меня оказалась пачка денег — коню пасть заткнуть хватило бы. Как поразмыслить, этого-то я и не пробовал. Вы держите лошадей?

— Нет, сэр,— ответил я.— Но мы говорили о вашей плоти и крови.

— Помолчи,— оборвал меня старый Енси.— Так вот, и повеселился же я! — Он слизнул жвачку с усов.— Слышал о таком городе — Нью-Йорк? Речь там у людей такая, что слова не разберешь. Там-то я и повстречал этого малого. Частенько я жалею, что потерял его из виду. Честному

человеку, вроде меня, противно умирать, не разделившись с долгами.

— А у ваших восьмерых сыновей были долги? — спросил я.

Он покосился на меня, хлопнул себя по тощей ноге и кивнул.

— Теперь понимаю, — говорит. — Ты сын Хогбенов?

— Он самый. Сонк Хогбен.

— Как же, слышал про Хогбенов. Все вы колдуны, точно?

— Нет, сэр.

— Уж я что знаю, то знаю. Мне о вас все уши прожужжали. Нечистая сила, вот вы кто. Убирайся-ка отсюда подобру-поздорову, живо!

— Я-то уже иду. Хочу только сказать, что, к сожалению, вы бы не могли сожрать свою плоть и кровь, даже если бы стали таким чудищем, как на вот этой картинке.

— Интересно, кто бы мне помешал!

— Никто, — говорю, — но все они уже в раю.

Тут старый Енси расхихикался. Наконец, переведя дух, он сказал:

— Ну нет! Эти ничтожества попали прямой наводкой в ад, и поделом им. Как это произошло?

— Несчастный случай, — говорю. — Семерых, если можно так выразиться, уложил малыш, а восьмого — дедуля. Мы не желали вам зла.

— Да и не причинили, — опять захихикал Енси.

— Мамуля шлет извинения и спрашивает, что делать с останками. Я должен отвезти тачку домой.

— Увози их. Мне они не нужны. Туда им и дорога, — отмахнулся Енси.

Я сказал «ладно» и собрался в путь. Но тут он заорал, что передумал. Велел свалить трупы с тачки. Насколько я понял из его слов (разобрал я не много, потому что Енси заглушал себя хохотом), он намерен был попинать их ногами.

Я сделал, как велено, вернулся домой и все рассказал мамуле за ужином — были бобы, треска и домашняя настойка. Еще мамуля напекла кукурузных лепешек. Ох, и вкуснотища! Я откинулся на спинку стула, рассудив, что

заслужил отдых, и задумался, а внутри у меня стало тепло и приятно. Я старался представить, как чувствует себя боб в моем желудке. Но боб, наверно, вовсе бесчувственный.

Не прошло и получаса, как на дворе завизжала свинья, будто ей ногой наподдали, и кто-то постучался в дверь. Это был Енси. Не успел он войти, как выудил из штанов цветной носовой платок и давай шмыгать носом. Я посмотрел на мамулю круглыми глазами. Ума, мол, не приложу, в чем дело. Папуля с дядей Лесом пили маисовую водку и сыпали шуточками в углу. Сразу видно было, что им хорошо: стол между ними так и трясся. Ни папуля, ни дядя не притрагивались к столу, но он все равно ходил ходуном — старался наступить то папуле, то дяде на ногу. Папуля с дядей раскачивали стол мысленно. Это у них такая игра.

Решать пришлось мамуле, и она пригласила старого Енси посидеть, отведать бобов. Он только всхлипнул.

— Что-нибудь не так, сосед? — вежливо спросила мамуля.

— Еще бы, — ответил Енси, шмыгая носом. — Я совсем старик.

— Это уж точно, — согласилась мамуля. — Может, и помоложе Сонка, но все равно на вид вы дряхлый старик.

— А? — вытаращился на нее Енси. — Сонка? Да Сонку от силы семнадцать, хоть он и здоровый вымахал.

Мамуля смутилась.

— Разве я сказала — Сонк? — быстро поправилась она. — Я имела в виду дедушку Сонка. Его тоже зовут Сонк.

Дедулю зовут вовсе не Сонк; он и сам не помнит своего настоящего имени. Как его только не называли в старину — пророком Илией и по-всякому. Я даже не уверен, что в Атлантиде, откуда дедуля родом, вообще были в ходу имена. По-моему, там людей называли цифрами. Впрочем, не важно.

Старый Енси, значит, все шмыгал носом, стонал и охал, прикидывался, — мол, мы убили восьмерых его сыновей, и теперь он один-одинешенек на свете. Правда, получасом раньше его это не трогало, я ему так и выложил. Но он

заявил, что не понял тогда, о чем это я толкую, и приказал мне заткнуться.

— У меня семья могла быть еще больше, — сказал он. — Было еще двое ребят, Зеб и Робби, да я их как-то пристрелил. Косо на меня посмотрели. Но все равно, вы, Хогбены, не имели права убивать моих ребятишек.

— Мы не нарочно, — ответила мамуля. — Просто несчастный случай вышел. Мы будем рады хоть как-нибудь возместить вам ущерб.

— На это-то я и рассчитывал, — говорит старый Енси. — Вам уж не отвертеться после всего, что вы натворили. Даже если моих ребят убил малыш, как уверяет Сонк, а ведь он у вас врал. Тут в другом дело: я рассудил, что все вы, Хогбены, должны держать ответ. Но пожалуй, мы будем квиты, если вы окажете мне одну услугу. Худой мир лучше доброй ссоры.

— Все, что угодно, — сказала мамуля, — лишь бы это было в наших силах.

— Сушая безделица, — заявляет старый Енси. — Пусть меня на время превратят в целую толпу.

— Да ты что, Медеи наслушался? — вмешался папуля, спяну не сообразив, что к чему. — Ты ей не верь. Это она с Пелеем злую шутку сыграла. Когда его зарубили, он так и остался мертвым; вовсе не помолодел, как она ему сулила.

— Чего? — Енси вынул из кармана старый журнал и сразу раскрыл его на красивой картинке. — Вот это самое. Сонк говорит, что вы так умеете. Да и все кругом знают, что вы, Хогбены, колдуны. Сонк сказал, что вы как-то устроили такое одному голодранцу.

— Он, верно, о Кадме, — говорю.

Енси помахал журналом. Я заметил, что глаза у него стали масляные.

— Тут все видно, — сказал он с надеждой. — Человек входит в эту штуковину, а потом только знай выходит оттуда десятками, снова и снова. Колдовство. Уж я-то про вас, про Хогбенов, все знаю. Может, вы и дурачили городских, но меня вам не одурачить. Все вы до одного колдуны.

— Какое там,— вставил папуля из своего угла.— Мы уже давно не колдуем.

— Колдуны,— упорствовал Енси.— Я слышал всякие истории. Даже видал, как он,— и в дядю Леса пальцем тычет,— летает по воздуху. Если это не колдовство, то я уж ума не приложу, что тогда колдовство.

— Неужели? — спрашиваю.— Нет ничего проще. Это когда берут чуточку...

Но мамуля велела мне придержать язык.

— Сонк говорит, вы умеете,— продолжал Енси.— А я сидел и листал этот журнал, картинки смотрел. Пришла мне в голову хорошая мысль. Спору нет, всякий знает, что колдун может находиться в двух местах сразу. А может он находиться сразу в трех местах?

— Где два, там и три,— сказала мамуля.— Да только никаких колдунов нет. Точь-в-точь как эта самая хваленая наука, о которой кругом твердят. Все досужие люди из головы выдумывают. На самом деле так не бывает.

— Так вот,— заключил Енси, откладывая журнал,— где двое или трое, там и целое скопище. Кстати, сколько всего народу на Земле?

— Два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать,— говорю.

— Тогда...

— Стойте, теперь два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот семнадцать. Славный ребеночек, оторва.

— Мальчик или девочка? — полюбопытствовала мамуля.

— Мальчик,— говорю.

— Так пусть я окажусь сразу в двух миллиардах и сколько-то там еще местах сразу. Мне бы хоть на полминутки. Я не жадный. Да и хватит этого.

— Хватит на что? — поинтересовалась мамуля.

Енси хитренько посмотрел на меня исподлобья.

— Есть у меня забота,— ответил он.— Хочу разыскать того малого. Только вот беда: не знаю, можно ли его теперь найти. Времени уж прошло порядком. Но мне это позарез

нужно. Мне земля пухом не будет, если я не рассчитаюсь со всеми долгами, а я тридцать лет как хожу у того малого в должниках. Надо снять с души грех.

— Это страсть как благородно с вашей стороны, сосед,— похвалила мамуля.

Енси шмыгнул носом и высморкался в рукав.

— Тяжкая будет работа,— сказал он.— Уж очень долго я ее откладывал на потом. Я-то собирался при случае отправить восьмерых моих ребят на поиски того малого, так что, сами понимаете, я вконец расстроился, когда эти никудышники вдруг сгнули ни с того ни с сего. Как мне теперь искать того малого?

Мамуля с озабоченным видом пододвинула Енси кувшин.

— Ух ты! — сказал он, отхлебнув здоровенную порцию.— На вкус — прямо адов огонь. Ух ты! — Налил себе по новой, перевел дух и хмуро глянул на мамулю.— Если человек хочет спилить дерево, а сосед сломал его пилу, то сосед, я полагаю, должен отдать ему взамен свою. Разве не так?

— Конечно так,— согласилась мамуля.— Только у нас нет восьми сыновей, которых можно было бы отдать взамен.

— У вас есть кое-что получше,— сказал Енси.— Злая черная магия, вот что у вас есть. Я не говорю ни да, ни нет. Дело ваше. Но по-моему, раз уж вы убили этих бездельников и теперь все мои планы летят кувырком, вы должны хоть как-то мне помочь. Пусть я только найду того малого и рассчитаюсь с ним, больше мне ничего не надо. Так вот, разве не святая правда, что вы можете размножить меня, превратить в целую толпу моих двойников?

— Да, наверно, правда,— подтвердила мамуля.

— А разве не правда, что вы можете устроить, чтобы каждый из этих прохвостов двигался так быстро, что увидел бы всех людей во всем мире?

— Это пустяк,— говорю.

— Уж тогда бы,— сказал Енси,— я бы запросто разыскал того малого и выдал бы ему все, что причитается.— Он шмыгнул носом.— Я честный человек. Не

хочу помирать, пока не расплачусь с долгами. Черт меня побери, если я согласен гореть в преисподней, как вы, грешники.

— Да полно,— сморщилась мамуля.— Пожалуй, сосед, мы вас выручим, если вы это так близко к сердцу принимаете. Да, сэр, мы все сделаем так, как вам хочется.

Енси заметно приободрился.

— Ей-богу? — спросил он.— Честное слово? Поклянитесь.

Мамуля как-то странно на него посмотрела, но Енси снова вытащил платок, так что нервы у нее не выдержали и она дала торжественную клятву. Енси повеселел.

— А долго надо произносить заклинание? — спрашивает.

— Никаких заклинаний,— говорю.— Я же объяснял, нужен только металллом да умывальник.

— Я скоро вернусь.— Енси хихикнул и выбежал, хохоча уже во всю глотку. Во дворе он захотел пнуть ногой цыпленка, промазал и захохотал пуще прежнего. Видно, хорошо у него стало на душе.

— Иди же, смастери ему машинку, пусть стоит наготове,— сказала мамуля.— Пошевеливайся.

— Ладно, мамуля,— говорю, а сам застыл на месте, думаю.

Мамуля взяла в руки метлу.

— Знаешь, мамуля...

— Ну?

— Нет, ничего.— Я увернулся от метлы и ушел, а сам все старался разобраться, что же меня грызет. Что-то грызло, а что, я никак не мог понять. Душа не лежала мастерить машинку, хотя ничего зазорного в ней не было.

Я, однако, отошел за сарай и занялся делом. Минут десять потратил — правда, не очень спешил. Потом вернулся домой с машинкой и сказал:

— Готово.

Папуля велел мне заткнуться.

Что ж, я уселся и стал разглядывать машинку, а на душе у меня кошки скребли. Загвоздка была в Енси. Наконец я заметил, что он позабыл свой журнал, и начал читать рассказ под картинкой — думал, может, пойму что-нибудь. Как бы не так.

В рассказе описывались какие-то чудные горцы, они будто бы умели летать. Это-то не фокус, непонятно было, всерьез ли писатель все говорит или шутит. По-моему, люди и так смешные, незачем выводить их еще смешнее, чем в жизни.

Кроме того, к серьезным вещам надо относиться серьезно. По словам прохвессора, очень многие верят в эту самую науку и принимают ее всерьез. У него-то всегда глаза разгораются, стоит ему завести речь о науке. Одно хорошо было в рассказе: там не упоминались девчонки. От девчонок мне становится как-то не по себе.

Толку от моих мыслей все равно не было, поэтому я спустился в подвал поиграть с малышом. Цистерна ему становится тесна. Он мне обрадовался. Замигал всеми четырьмя глазками по очереди. Хорошенький такой.

Но что-то в том журнале я вычитал, и теперь оно не давало мне покоя. По телу у меня мурашки бегали, как давным-давно в Лондоне, перед большим пожаром. Тогда еще многие вымерли от страшной болезни.

Тут я вспомнил, как дедуля рассказывал, что его точно так же кинуло в дрожь, перед тем как Атлантиду затопило. Правда, дедуля умеет предвидеть будущее, хоть в этом нет ничего хорошего, потому что оно то и дело меняется. Я еще не умею предвидеть. Для этого надо вырасти. Но я нутром чуял что-то неладное, пусть даже ничего пока не случилось.

Я совсем было решился разбудить дедулю, так встревожился. Но тут у себя над головой я услышал шум. Поднялся в кухню, а там Енси распивает кукурузный самогон (мамуля поднесла). Только я увидел старого хрыча, как у меня опять появилось дурное предчувствие.

Енси сказал: «Ух ты», поставил кувшин и спросил, готовы ли мы. Я показал на свою машинку и ответил, что вот она, как она ему нравится.

— Только и всего? — удивился Енси.— А сатану вы не призовете?

— Незачем,— отрезал дядя Лес.— И тебя одного хватит, галоша ты проспиртованная.

Енси был страшно доволен.

— Уж я таков,— откликнулся он.— Скользкий, как галоша, и насквозь проспиртован. А как она действует?

— Да просто делает из одного тебя много-много Енси, вот и все,— ответил я.

До сих пор папуля сидел тихо, но тут он, должно быть, подключился к мозгу какого-нибудь прохвессора, потому что вдруг понес дикую чушь.

Сам-то он никаких мудреных длинных слов сроду не знал.

Я тоже век бы их не знал, от них даже самые простые вещи запутываются.

— Человеческий организм,— заговорил папуля важно-преважно,— представляет собой электромагнитное устройство, мозг и тело испускают определенные лучи. Если изменить полярность на противоположную, то каждая ваша единица, Енси, автоматически притянется к каждому из ныне живущих людей, ибо противоположности притягиваются. Но прежде вы войдете в аппарат Сонка и вас раздробят...

— Но-но! — взвыл Енси.

— ...на базовые электронные матрицы, которые затем можно копировать до бесконечности, точно так же как можно сделать миллионы идентичных копий одного и того же портрета — негативы вместо позитивов. Поскольку для электромагнитных волн земные расстояния ничтожны, каждую копию мгновенно притянет каждый из остальных жителей Земли,— продолжал папуля как заведенный.— Но два тела не могут иметь одни и те же координаты в пространстве — времени, поэтому каждую Енси-копию отбросит на расстояние полуметра от каждого человека.

Енси беспокойно огляделся по сторонам.

— Вы забыли очертить магический пятиугольник,— сказал он.— В жизни не слышал такого заклинания. Вы ведь вроде не собирались звать сатану?

То ли потому, что Енси и впрямь похож был на сатану, то ли еще по какой причине, но только невмоготу мне стало терпеть — так скребло на душе. Разбудил я дедулю. Про себя, конечно, ну, и малыш подсобил — никто ничего не заметил. Тотчас же в мезонине что-то заколыхалось: это дедуля проснулся и приподнялся в постели. Я и глазом моргнуть не успел, как он давай нас распекать на все корки.

Брань-то слышали все, кроме Енси. Папуля бросил выпендриваться и закрыл рот.

«Олухи царя небесного! — гремел разъяренный дедуля.— Тунеядцы! Да будет вам ведомо: мне снились дурные сны, и надлежит ли тому удивляться? В хорошенькую ты влип историю, Сонк. Чутья у тебя нет, что ли? Неужто не понял, что замышляет этот медоточивый проходимец? Берись-ка за ум, Сонк, да поскорее, а не то ты и после совершеннолетия останешься сосунком». — Потом он прибавил что-то на санскрите. Дедуля прожил такой долгий век, что иногда путает языки.

«Полно, дедуля,— мысленно сказала мамуля,— что такого натворил Сонк?»

«Все вы хороши! — завопил дедуля.— Как можно не сопоставить причину со следствием? Сонк, вспомни, что узрел ты в том бульварном журнальчике. С чего это Енси изменил намерения, когда чести в нем не больше, чем в старой сводне? Ты хочешь, чтобы мир обезлюдел раньше времени? Спроси-ка Енси, что у него в кармане штанов, черт бы тебя побрал!»

— Мистер Енси,— спрашиваю,— что у вас в кармане штанов?

— А? — Он запустил лапу в карман и вытащил оттуда здоровенный ржавый гаечный ключ.— Ты об этом? Я его подобрал возле сарая.— А у самого морда хитрая-прехитрая.

— Зачем он вам? — быстро спросила мамуля.

Енси нехорошо так на нас посмотрел.

— Не стану скрывать,— говорит.— Я намерен трахнуть по макушке всех и каждого, до последнего человека в мире, и вы обещали мне помочь.

— Господи помилуй,— только и сказала мамуля.

— Вот так! — прыснул Енси.— Когда вы меня заколдуете, я окажусь везде, где есть хоть кто-нибудь еще, и буду стоять у человека за спиной. Уж тут-то я наверняка расквитаясь. Один человек непременно будет тот малый, что мне нужен, и он получит с меня должок.

— Какой малый? — спрашиваю.— Про которого вы рассказывали? Которого встретили в Нью-Йорке? Я думал, вы ему деньги задолжали.

— Ничего такого я не говорил,— огрызнулся Енси.— Долг есть долг, будь то деньги или затрещина. Пусть не воображает, что мне можно безнаказанно наступить на мозоль, тридцать там лет или не тридцать.

— Он вам наступил на мозоль? — удивился папуля.— Только и всего?

— Ну да. Я тогда надравшись был, но помню, что спустился по каким-то ступенькам под землю, а там поезда сновали в оба конца.

— Вы были пьяны.

— Это точно,— согласился Енси.— Не может же быть, что под землей и вправду ходят поезда! Но тот малый мне не приснился, и как он мне на мозоль наступил — тоже, это ясно как Божий день. До сих пор палец ноет. Ох, и разозлился я тогда. Народу было столько, что с места не сдвинуться, и я даже не разглядел толком того малого, который наступил мне на ногу. Я было замахнулся палкой, но он был уже далеко. Так я и не знаю, какой он из себя. Может, он вообще женщина, но это не важно. Ни за что не помру, пока не уплачу все долги и не рассчитаюсь со всеми, кто поступал со мной по-свински. Я в жизни не спускал обидчику, а обижали меня почти все, знакомые и незнакомые.— Совсем взбеленился Енси. Он продолжал, не переводя духа: — Вот и подумал, что все равно не знаю, кто мне наступил на мозоль, так уж лучше бить наверняка, никого

не обойти, ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка.

— Легче на поворотах,— одернул я его.— Тридцать лет назад нынешние дети еще не родились, и вы это сами знаете.

— А мне все едино,— буркнул Енси.— Я вот думал-думал, и пришла мне в голову страшная мысль: вдруг тот малый взял да и помер? Тридцать лет — срок немалый. Но потом я прикинул, что даже если и помер, мог ведь он сначала жениться и обзавестись детьми. Если не суждено расквитаться с ним самим, я хоть с детьми его расквитаюсь. Грехи отцов... это из Священного Писания. Дам раза всем людям мира — тут уж не ошибусь.

— Хогбенам вы не дадите,— заявила мамуля.— Никто из нас не ездил в Нью-Йорк с тех пор, как вас еще на свете не было. То есть я хочу сказать, что мы там вообще не бывали. Так что нас вы сюда не впутывайте. А может, лучше возьмете миллион долларов? Или хотите стать молодым, или еще что-нибудь? Мы можем вам устроить, только откажитесь от своей злой затеи.

— И не подумаю,— ответил упрямый Енси.— Вы дали честное слово, что поможете.

— Мы не обязаны выполнять такое обещание,— начала мамуля, но тут дедуля с мезонина вмешался.

«Слово Хогбенов свято,— сказал он.— На том стоим. Надо выполнить то, что мы обещали этому психу. Но только то, что обещали, больше у нас нет перед ним никаких обязательств».

— Ага! — сказал я, смекнув, что к чему.— В таком случае... Мистер Енси, а что именно мы вам обещали, слово в слово?

Он повертел гаечный ключ у меня под носом.

— Вы превратите меня ровно в столько людей, сколько жителей на земле, и я встану рядом с каждым из них. Вы дали честное слово, что поможете мне. Не пытайтесь увильнуть.

— Да я и не пытаюсь,— говорю.— Надо только внести ясность, чтобы вы были довольны и ничему не удивлялись.

Но есть одно условие. Рост у вас будет такой, как у человека, с которым вы стоите рядом.

— Чего?

— Это я устрою запросто. Когда вы войдете в машинку, в мире появятся два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот семнадцать Енси. Теперь представьте, что один из этих Енси очутится рядом с двухметровым верзилой. Это будет не очень-то приятно, как по-вашему?

— Тогда пусть я буду трехметровый,— говорит Енси.

— Нет уж. Какого роста тот, кого навещает Енси, такого роста будет и сам этот Енси. Если вы навестили малыша ростом с полметра, в вас тоже будет только полметра. Надо по справедливости. Соглашайтесь, иначе все отменяется. И еще одно — сила у вас будет такая же, как у вашего противника.

Он, видно, понял, что я не шучу. Прикинул на руку гаечный ключ.

— Как я вернусь? — спрашивает.

— Это уж наша забота,— говорю.— Даю вам пять секунд. Хватит, чтобы опустить гаечный ключ, правда?

— Маловато.

— Если вы задержитесь, кто-нибудь успеет дать вам сдачи.

— И верно.— Сквозь корку грязи стало заметно, что Енси побледнел.— Пяти секунд с лихвой хватит.

— Значит, если мы это сделаем, вы будете довольны? Жаловаться не прибежите?

Он помахал гаечным ключом и засмеялся.

— Ничего лучшего не надо,— говорит.— Ох, и разmozжу я им голову. Хе-хе-хе.

— Ну, становитесь сюда,— скомандовал я и показал, куда именно.— Хотя погодите. Лучше я сам сперва попробую, выясню, все ли в исправности.

Мамуля хотела было возразить, но тут ни с того ни с сего в мезонине дедуля зашелся хохотом. Наверно, опять заглянул в будущее.

Я взял полено из ящика, что стоял у плиты, и подмигнул Енси.

— Приготовьтесь,— сказал я.— Как только вернусь, вы в ту же минуту сюда войдете.

Я вошел в машину, и она сработала как по маслу. Я и глазом моргнуть не успел, как меня расщепило на два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать Сонков Хогбенов.

Одного, конечно, не хватило, потому что я пропустил Енси, и, конечно, Хогбены ни в одной переписи населения не значатся. Но вот я очутился перед всеми жителями всего мира, кроме семьи Хогбенов и самого Енси. Это был отчаянный поступок.

Никогда я не думал, что на свете столько разных физиономий! Я увидел людей всех цветов кожи, с бакенбардами и без, одетых и в чем мать родила, ужасно длинных и самых что ни на есть коротышек, да еще половину я увидел при свете солнца, а половину в темноте. У меня прямо голова кругом пошла.

Какой-то миг мне казалось, что я узнаю кое-кого из Пайпервилла, включая шерифа, но тот слился с дамой в бусах, которая целилась в кенгуру, а дама превратилась в мужчину, разодетого в пух и прах,— он толкал речугу где-то в огромном зале.

Ну и кружилась же у меня голова.

Я взял себя в руки, да и самое время было, потому что все уже успели меня заметить. Им-то, ясное дело, показалось, что я с неба свалился, мгновенно вырос перед ними, и... В общем, было с вами такое, чтобы два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать человек уставились вам прямо в глаза? Это просто тихий ужас. У меня из головы вылетело, что я задумал. Только я вроде будто слышал дедулин голос — дедуля велел пошевеливаться.

Вот я сунул полено, которое держал (только теперь это было два миллиарда двести пятьдесят миллионов девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать поленьев), в столько же рук, а сам его выпустил. Некоторые люди тоже сразу выпустили полено из рук, но большинство вцепились в него, ожидая, что будет дальше. Тогда

я стал припоминать речь, которую собрался произнести,— сказать, чтобы люди ударили первыми, не дожидаясь, пока Енси взмахнет гаечным ключом.

Но уж очень я засмутился. Чудно как-то было. Все люди мира смотрели на меня в упор, и я стал такой стеснительный, что рта не мог раскрыть. В довершение всего дедуля завопил, что у меня осталась ровно секунда, так что о речи уже мечтать не приходилось. Ровно через секунду я вернусь в нашу кухню, а там старый Енси уже рвется в машинку и размахивает гаечным ключом. А я никого не предупредил. Только и успел, что каждому дал по полену.

Боже, как они на меня глазели! Словно я нагишом стою. У них аж глаза на лоб полезли. И только я начал истончаться по краям, на манер блина, как я... даже не знаю, что на меня нашло. Не иначе как от смущения. Может, и не стоило так делать, но...

Я это сделал!

И тут же снова очутился в кухне. В мезонине дедуля помирал со смеху. По-моему, у старого хрыча странное чувство юмора. Но у меня не было времени с ним объясняться, потому что Енси шмыгнул мимо меня — и в машину. Он растворился в воздухе, так же как и я. Как и я, он расщепился в стольких же людей, сколько в мире жителей, и стоял теперь перед всеми ними.

Мамуля, папуля и дядя Лес глядели на меня очень строго. Я заерзал на месте.

— Все устроилось,— сказал я.— Если у человека хватает подлости бить маленьких детей по голове, он заслуживает того, что...— я остановился и посмотрел на машинку,— ...что получил,— закончил я, когда Енси опять появился с ясного неба. Более разъяренной гадюки я еще в жизни не видал. Ну и ну!

По-моему, почти все население мира приложило руку к мистеру Енси. Так ему и не пришлось замахнуться гаечным ключом. Весь мир нанес удар первым.

Уж поверьте мне, вид у Енси был самый что ни на есть жалкий.

Но голоса Енси не потерял. Он так орал, что слышно было за целую милю. Он кричал, что его надули. Пусть ему дадут попробовать еще разок, но только теперь он прихватит с собой ружье и финку. В конце концов мамуле надоело слушать, она ухватила Енси за шиворот и так встряхнула, что у него зубы застучали.

— Ибо сказано в Священном Писании! — возгласила она иступленно. — Слушай, ты, паршивец, плевков политурный! В Библии сказано — око за око, так ведь? Мы сдержали слово, и никто нас ни в чем не упрекнет.

«Воистину, точно», — поддакнул дедуля с мезонина.

— Ступайте-ка лучше домой и полечитесь арникой, — сказала мамуля, еще раз встряхнув Енси. — И чтобы вашей ноги тут не было, а то малыша на вас напустим.

— Но я же не расквитался! — бушевал Енси.

— Вы, по-моему, никогда не расквитаетесь, — ввернул я. — Просто жизни не хватит, чтобы расквитаться со всем миром, мистер Енси.

Постепенно до Енси все дошло, и его как громом поразило. Он побагровел, точно борщ, крикнул и ну ругаться. Дядя Лес потянулся за кочергой, но в этом не было нужды.

— Весь чертов мир меня обидел! — хныкал Енси, обхватив голову руками. — Со света сживают! Какого дьявола они стукнули первыми? Тут что-то не так!

— Заткнитесь. — Я вдруг понял, что беда вовсе не прошла стороной, как я еще недавно думал. — Ну-ка, из Пайпервилла ничего не слышно?

Даже Енси унялся, когда мы стали прислушиваться.

— Ничего не слышать, — сказала мамуля.

«Сонк прав, — вступил в разговор дедуля. — Это-то и плохо».

Тут все сообразили, в чем дело, — все, кроме Енси. Потому что теперь в Пайпервилле должна была бы подняться страшная кутерьма. Не забывайте, мы с Енси посетили весь мир, а значит, и Пайпервилл; люди не могут спокойно относиться к таким выходкам. Уж хоть какие-нибудь крики должны быть.

— Что это вы стоите, как истуканы? — разревелся Енси.— Помогите мне сквитаться!

Я не обратил на него внимания. Подошел к машинке и внимательно ее осмотрел. Через минуту я понял, что в ней не в порядке. Наверно, дедуля понял это так же быстро, как и я. Надо было слышать, как он смеялся. Надеюсь, смех пошел ему на пользу. Ох, и особенное же чувство юмора у почтенного старикана.

— Я тут немножко маху дал с этой машинкой, мамуля,— признался я.— Вот отчего в Пайпервилле так тихо.

«Истинно так, клянусь Богом,— выговорил дедуля сквозь смех.— Сонку следует искать убежища. Смываться надо, сынок, ничего не попишешь».

— Ты нашалил, Сонк? — спросила мамуля.

— Все «ля-ля-ля» да «ля-ля-ля»! — завизжал Енси.— Я требую того, что мне по праву положено. Я желаю знать, что сделал Сонк такого, отчего все люди мира трахнули меня по голове? Неспроста это! Я так и не успел...

— Оставьте вы ребенка в покое, мистер Енси,— обозлилась мамуля.— Мы свое обещание выполнили, и хватит. Убирайтесь-ка прочь отсюда и остыньте, а не то еще ляпнете что-нибудь такое, о чем сами потом пожалеете.

Папуля мигнул дяде Лесу, и, прежде чем Енси облаял мамулю в ответ, стол подогнул ножки, будто в них колени были, и тихонько шмыгнул Енси за спину. Папуля сказал дяде Лесу: «Раз, два — взяли», стол распрямил ножки и дал Енси такого пинка, что тот отлетел к самой двери.

Последним, что мы слышали, были вопли Енси, когда он кубарем катился с холма. Так он прокувыркался полпути к Пайпервиллу, как я узнал позже. А когда добрался до Пайпервилла, то стал глушить людей гаечным ключом по голове.

Решил поставить на своем, не мытьем, так катаньем.

Его упрятали за решетку, чтоб пришел в себя, и он, наверно, очухался, потому что в конце концов вернулся в свою хибарку. Говорят, он ничего не делает, только знай сидит себе да шевелит губами — прикидывает, как

бы ему свести счеты с целым миром. Навряд ли ему это удастся.

Впрочем, тогда мне было не до Енси. У меня своих забот хватало.

Только папуля с дядей Лесом поставили стол на место, как в меня снова вцепилась мамуля.

— Объясни, что случилось, Сонк,— потребовала она.— Я боюсь, не нашкодил ли ты, когда сам был в машинке. Помни, сын, ты — Хогбен. Ты должен хорошо себя вести, особенно если на тебя смотрит весь мир. Ты не опозорил нас перед человечеством, а, Сонк?

Дедуля опять засмеялся.

«Да нет пока»,— сказал он. Тут я услышал, как внизу, в подвале, у малыша в горле булькнуло, и понял, что он тоже в курсе. Просто удивительно. Никогда не знаешь, чего еще ждать от малыша. Значит, он тоже умеет заглядывать в будущее.

— Мамуля, я только немножко маху дал,— говорю.— Со всяким может случиться. Я собрал машинку так, что расщепить-то она меня расщепила, но отправила в будущее, в ту неделю. Поэтому в Пайпервилле еще не подняли тарарама.

— Вот те на! — сказала мамуля.— Дитя, до чего ты небрежен!

— Прости, мамуля,— говорю.— Вся беда в том, что в Пайпервилле меня многие знают. Я уж лучше дам деру в лес, отыщу себе дупло побольше. На той неделе оно мне пригодится.

— Сонк,— сказала мамуля.— Ты ведь набедокурил. Рано или поздно я сама все узнаю, так что лучше признавайся сейчас.

А, думаю, была не была, ведь она права. Вот я и выложил ей всю правду, да и вам могу. Так или иначе, вы на той неделе узнаете. Это просто доказывает, что от всего не уберешься. Ровно через неделю весь мир здорово удивится, когда я свалюсь как будто с неба, вручу всем по полену, а потом отступлю на шаг и плюну прямо в глаз.

По-моему, два миллиарда двести пятьдесят миллионов
девятьсот пятьдесят девять тысяч девятьсот шестнадцать —
это все население Земли!

Все население!

По моим подсчетам, на той неделе.

До скорого!

СОДЕРЖАНИЕ

НИМБ. Рассказ. Пер. с англ. В. Баканова	5
ХЭППИ ЭНД. Рассказ. Пер. с англ. В. Вебера	25
ЖЕЛЕЗНЫЙ СТАНДАРТ. Рассказ. Пер. с англ. С. Васильевой	37
ГОЛОС ОМАРА. Рассказ. Пер. с англ. Н. Гунзинова	63
ЭТОТ МИР — МОЙ! Рассказ. Пер. с англ. Н. Гунзинова	102
ИДЕАЛЬНЫЙ ТАЙНИК. Рассказ. Пер. с англ. Н. Гунзинова	142
ЕХ МАСHИНА. Рассказ. Пер. с англ. Н. Гунзинова	170
ГЭЛЛЕГЕР БИС. Рассказ. Пер. с англ. Н. Гунзинова	210
РОБОТ-ЗАЗНАЙКА. Рассказ. Пер. с англ. Н. Евдокимовой	257
ЗДЕСЬ БЫЛ ГНОМ. Рассказ. Пер. с англ. О. Ладыженского и Д. Громова	301
КОТЕЛ С НЕПРИЯТНОСТЯМИ. Рассказ. Пер. с англ. Н. Евдокимовой	327
ПРОФЕССОР НАКРЫЛСЯ. Рассказ. Пер. с англ. Н. Евдокимовой	345

ПЧХИ-ХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА. Рассказ. Пер. с англ. В. Баканова	362
ДО СКОРОГО! Рассказ. Пер. с англ. Н. Евдокимовой	385

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии
«Библиотека юмористической фантастики»
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376,
издательство АРМАДА*

Каттнер Г.

К 29 Хэппи энд: Фантастические рассказы. / Пер. с
англ.— М.: АРМАДА-ПРЕСС, 1999.— 410 с.: ил.— (Библиотечка юмористической фантастики).
ISBN 5-7632-0809-9

Третья книга серии «Библиотека юмористической фантастики» является авторским сборником наиболее известных юмористических рассказов классика американской и всемирной фантастики Генри Каттнера.

**УДК 82-312.9(02)
ББК 84(7)-445я5**

РЕДАКЦИЯ
ФАНТАСТИЧЕСКОЙ И ДЕТЕКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Библиотека юмористической фантастики

Генри Каттнер
ХЭППИ ЭНД

Фантастические рассказы

Заведующий редакцией
И. В. Новиков

Художественный редактор
Н. Г. Безбородов

Технический редактор
А. А. Ершова

Компьютерная верстка
И. В. Поддубный

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,63. Тираж 5 000 экз.
Изд. № 0098. Заказ № 2080.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376
Изд. лицензия ЛР № 065874 от 06.05.98.
Гигиенический сертификат № 77.ЦС.01.952.П.01643.С.98

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Государственном издательско-полиграфическом
предприятии «Вятка»
610044, г. Киров, ул. Московская, 122

В СЕРИИ «ОККУЛЬТНЫЕ ТАЙНЫ XX ВЕКА»

издательство АРМАДА-ПРЕСС
представляет

Константин Максимов «СЕМЬ ПЕЧАТЕЙ ТАЙНЫ»

(отечественный вариант американского
сериала «Секретные материалы»)

Новый цикл романов, посвященных расследованиям, которыми занимаются различные российские спецслужбы на протяжении всего XX века.

Первая книга цикла —

«Досье вурдалака»

В 1905 году подписан высочайший Указ о развитии научных и военных изысканий в целях овладения магическими силами. Для осуществления этих работ при Департаменте полиции Министерства внутренних дел создается Девятое Отделение, подчиненное одновременно и Императорской канцелярии.

Сотрудники Девятого Отделения — главные герои первой книги, рассказывающей о событиях 1904—1917 гг. Читатель соприкоснется с чудесами Шамбалы, загадкой графа Дракулы, тайной, сопровождавшей гибель «Титаника», и многими другими сверхъестественными феноменами.

Вторая книга цикла —

«Видящий смерть»

После революционных событий 17-го года судьба развела агентов бывшего Девятого Отделения по разные стороны баррикад. Утрачены, и кажется безвозвратно, секретные архивы, формировавшиеся на протяжении полутора десятков лет.

Но советская власть также нуждается в спецах, способных разобраться в непознанном. Создается Особый отдел ОГПУ. Новые времена, новые люди, новые правила игры...

Во второй книге, охватывающей период от начала Гражданской войны до тридцатых годов, читателя ждет встреча с призраками и вампирами из параллельного мира, загадкой телекинеза, тайной ясновидения и многим, многим другим.

НОВАЯ КНИГА СЕРИИ

Русский психологический детектив

Дмитрий Алейников

ВЕСЛО ХАРОНА

Их сроднило многое: и тоска по несбывшимся надеждам, по разбитому прошлому и безжалостно зачеркнутому будущему; и неутоленная жажда крови тех, кто виноват в этом...

Они хотели действовать сами, но их, дилетантов, никто не боялся. А Харон положил свое весло. Перевозчик в царство мертвых, невидимый суперкиллер, чья работа наводила ужас и восхищала, сообщил о том, что уходит на покой. Только вот лабиринт неожиданных обстоятельств, куда вдруг попадают виновные, окажется чересчур затянутым для одних и безвыходным для других. И тогда станет ясно: Харон вновь поднял свое весло.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АРМАДА-ПРЕСС

приглашает к сотрудничеству

АВТОРОВ И АВТОРСКИЕ КОЛЛЕКТИВЫ,
работающие в различных жанрах,
а также составителей, переводчиков
и литературных агентов.

Область наших интересов простирается от детской литературы до книг по самообразованию, от развлекательной коммерческой литературы до энциклопедических изданий.

Если созданное (представляемое вами) произведение заслуживает, по вашему мнению, публикации, доставит радость, принесет пользу не только автору и издательству, но и тысячам читателей, то звоните или пишите.

ЧИТАТЕЛИ!

Ваше мнение о работе издательства очень ценно для нас. Какие книги вы хотели бы видеть на прилавках магазинов и на полках библиотек? Что вы любите читать, каких книг не хватает?

С ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ ПО ТЕЛ.:
(095) 454-43-01
к Новикову Илье Валентиновичу.

ПИСЬМА НАПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ:
125499, г.Москва, Кронштадтский бульвар, д. 37б,
издательство АРМАДА-ПРЕСС.
Электронная почта: niv@armada.ru

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

**К вашим услугам книготорговые организации,
в которых можно приобрести книги издательства
АРМАДА-ПРЕСС мелким оптом и в розницу:**

Волгоград:	«Эзоп»	(8442)	37-25-19
Казань:	«Сериал»	(8432)	35-63-34
Калуга:	«Аэлита»	(08422)	4-42-45
Люберцы:	«Фома»	(095)	963-82-24
Минск:	магазин «Книгочей»	(0172)	36-66-45
Тула:	книжный магазин	просп. Ленина, д. 20	

**Оптовые партии книг по ценам издательства
вам предлагают наши региональные представители:**

Москва	«Рест»	(095)	150-07-82
	«Колокол»	(095)	261-93-05
	«Стрела»	(095)	755-91-66
	«Стрелец—И»	(095)	937-28-21
С.-Петербург:	«Русский Север»	(812)	530-05-36
Благовещенск:	«Центрпол»	(4162)	42-62-71
Воронеж:	«Амитель»	(0732)	23-00-02
Екатеринбург:	«Полибук»	(3432)	53-87-54
Киев:	«Олса»	(044)	435-52-59
Н.Новгород:	«Логос»	(8312)	36-25-80
Ростов-на-Дону:	«Эмис»	(8632)	32-87-71
Самара:	«Реал+»	(8462)	41-87-30
Челябинск:	«Корвет»	(3512)	36-75-10
Орел	«Нива»	(0862)	77-73-16

**Если вы хотите подписаться на интересующую вас
серию или заказать отдельные книги,
пришлите заявку по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бул., д.376,
издательство АРМАДА-ПРЕСС,
с пометкой «Книга-почтой» на конверте.**

Адрес издательства в INTERNET: <http://www.armada.ru>

Нимб

Хэппи энд

Железный стандарт

Голос омара

Этот мир — мой!

Идеальный тайник

Робот-зазнайка

Ex Machina

Гэллегер Бис

Здесь был гном

Котел с неприятностями

Профессор накрылся

Пчхи-хологическая война

До скорого

ISBN 5-7632-0809-9

9 785763 208092

Следующая книга серии

**Капуста
без кочерыжки**